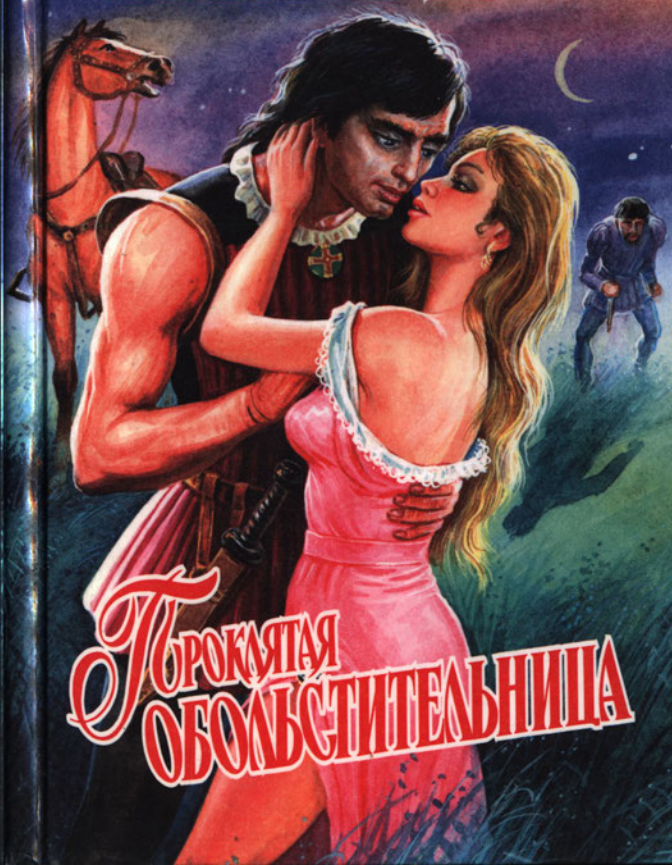


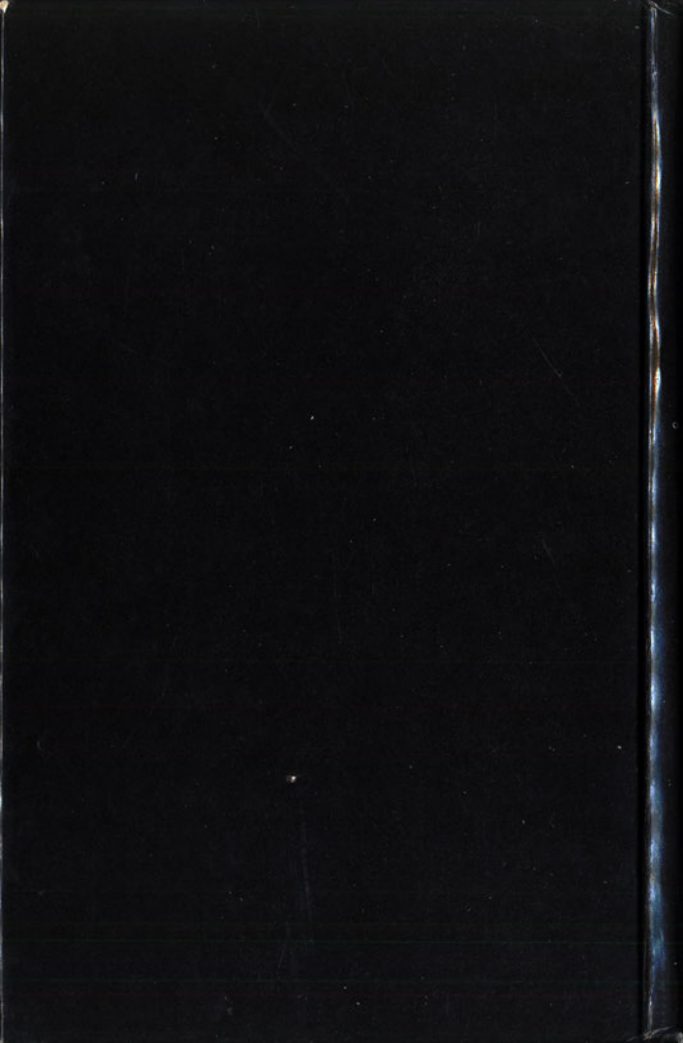
Романство и Любовь
ВИКТОРИЯ ХОЛТ



Романство и Любовь
ВИКТОРИЯ ХОЛТ

ВИКТОРИЯ ХОЛТ

Романство и Любовь
ОБОБЩИТЕЛЬНИЦА



Коварство и Любовь

ВИКТОРИЯ ХОЛТ

**ПРОКЛЯТАЯ
ОБОЛЬСТИТЕЛЬНИЦА**

Художник *И. Цыганков*

«МИР ИСКАТЕЛЯ»

Виктория Холт

ПРОКЛЯТАЯ
ОБОЛЬСТИТЕЛЬНИЦА

Юная флорентийка Екатерина Медичи, выданная насильно замуж за французского принца, который предпочитает ей стареющую любовницу, не находит поддержки и у простых французов. И вот с помощью дворцовых интриг и ядов она начинает прокладывать себе путь к власти.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Маленькая девочка опиралась на спинку кресла и тоскливо смотрела в окно. В соседстве с залитыми солнцем дорожками сада покои замка казались ей еще более мрачными, чем обычно. Она ненавидела Плесси-ле-Тур.

— Если это не тюрьма, то что? — вслух пожаловалась она.

Немолодая дама, которая была занята вышиванием, а потому стояла спиной к окну и к девочке, в ответ только пожала плечами. Ей не хотелось вступать в дискуссию и растолковывать Жанне, как она заблуждается. Несмотря на ее двенадцать лет, у девочки был острый язычок, и гувернантка мадам де Силли старалась воздерживаться от словесных поединков с ней.

— По ночам я иногда слышу, как ветер завывает среди деревьев, — добавила Жанна, — и тогда мне кажется, что это плачут души тех, кто умер от пыток и перед смертью не успел помириться с Богом. Как ты думаешь, Эме, это их голоса доносятся до нас?

— Глупости! — не выдержала Эме де Силли. — Вы сами сказали, что это ветер!

— Эме, я чувствую себя как в темнице. Как ты не понимаешь? Эти стены видели столько страданий, что здесь нельзя быть счастливой. Я все время думаю об узниках моих предков и о тех железных клетках, в которые их сажали, — эти клетки были такими тесными, что человек не мог даже пошевелиться, а его там держали много-много лет. Я думаю обо всех, кого здесь насмерть замучили. Посмотри на эту чудесную реку, Эме. Сколько людей утопили в ней? А этот парк? Когда по вечерам я выхожу из замка, то мне кажется, что на всех деревьях висят люди, как висели там много лет назад.

— Вы слишком много думаете, — сказала Эме.

— Разве можно думать слишком много? — нетерпеливо возразила Жанна. — Я решила, что не останусь здесь. Завтра же убегу к родителям! Почему меня не пускают к ним?

— Такова воля короля Франции. Как вы полагаете, что случится, если вы сбежите? Что произойдет, если вам удастся — допустим даже такую невероятную мысль —

пробраться в Наварру и очутиться при дворе вашего отца? Не знаете? Так я вам скажу! Вас тотчас вернут в Плесси-ле-Тур.

— Может, не вернут, — сказала Жанна. — Если там будет мой отец, он спрячет меня. Я знаю, он желает, чтобы я была с ним.

— А вот ваш дядя желает, чтобы вы оставались здесь. Может быть, вы забыли, что ваш дядя — король Франции?

— Этого дядя Франциск никому не позволит забыть.

Жанна улыбнулась: она, хоть и обижалась на своего дядю, все-таки любила его. Он был красив и обаятелен, и он всегда радовался ей. Когда она просилась к родителям, то больше забавляла его, чем сердила — даже если должна была оставаться там, где ее поселили.

— Когда я вижу крестьянских детей вместе с их матерями, то завидую им, — пожаловалась она.

— Фу, какой вздор! — воскликнула Эме. — Это вам только кажется, что завидуете им. А ну-ка, представьте, какие испытаете чувства, если завтра вам скажут, что вы лишены титула! Вам это понравится?

— Конечно, нет. Но я все равно хочу повидать свою маму. Эме, расскажи мне о ней.

— Она прекрасная женщина. Ее почитает и любит супруг, король Наварры...

— И обожает брат, король Франции, — перебила Жанна. — Помнишь, когда я была маленькой, то часто просила тебя рассказать о том, как дядя Франциск попал в испанский плен, а моя мама поехала к нему в Мадрид и выхаживала, пока не подняла на ноги.

— Еще бы не помнить! — улыбнулась Эме.

— Но как ты думаешь, — продолжила Жанна, — должна ли женщина любить своего брата больше, чем мужа и ребенка?

Эме вспыхнула и поджала губы, как это делала, когда ей задавали вопрос, на который она не хотела отвечать.

— Во всем мире не найдется лучшей королевы, чем ваша мать, — проговорила она. — Даже во Франции с ней никто не сравнится в уме, в благородстве...

— Знаю, знаю, милая Эме, — снова перебила ее Жанна. — Но ведь я говорю о другом. Я спросила, следует ли женщине любить брата больше, чем супруга и детей. Ты не

ответила, потому что если бы моя мать захотела, то смогла бы взять меня к себе. Ведь дядя Франциск не отказывает ей ни в чем. Но она любит его больше всех на свете, и если он говорит: «Я хочу, чтобы ваша дочь жила в самом мрачном и угрюмом из всех моих замков...», то она отвечает: «Хорошо, пусть будет по-вашему». Ее воля принадлежит ему. Вот что тебе следовало сказать.

— Не было бы ничего противоестественного, если бы все подданные повиновались своему королю, как повинутся ему королева Наваррская.

Жанна вспыхнула и прыжком соскочила с кресла. Эме, которая вечно увиливала от сложных вопросов, иной раз была способна привести ее в ярость. Правда, гнев Жанны никогда не бывал слишком долгим: вспыхивая по натуре, она накалялась так же быстро, как и остывала. Но до чего же это было глупо — пытаться выставить вещи в неверном свете.

— Как я ненавижу притворство! — выпалила она.

— А как мне противно, когда маленькие девочки начинают думать за взрослых! — насупилась гувернантка. — Мадемуазель, вы хотите знать гораздо больше, чем пойдет вам на пользу.

— Разве можно не хотеть знать как можно больше? Эме, ты меня сердишь, когда бываешь такой неискренней. Я знаю, мои мать и отец любят меня, а мой дядя не желает мне ничего кроме добра. И все-таки меня уже несколько лет держат далеко от моих родителей, а мне их так не хватает! Ты еще скажешь, что мой дядя и мой отец — самые большие друзья на свете! Но послушай, зачем кривить душой? Они ненавидят друг друга. Король Франции подозревает моего отца в желании выдать меня за Филиппа Испанского. А поскольку дядя Франциск хочет быть уверенным в том, что я не достанусь его врагу, то и держит меня здесь. — Она улыбнулась, увидев отчаянье в глазах гувернантки. — Эх, Эме, это не твоя вина. Ты делала все возможное, чтобы скрыть от меня правду. Но ты же знаешь, как я ненавижу притворство!

Эме пожала плечами и вновь занялась вышиванием.

— Жанна, — проговорила она, — почему бы вам не забыть обо всем этом? Вы еще слишком молоды. Здесь у вас прекрасное положение. Вам не о чем беспокоиться. По-

верьте, когда-нибудь и вы будете жить со своими родителями.

— Что это? — внезапно воскликнула Жанна. — Помому, я слышу звук трубы.

Эме повернулась к окну. Сердце ее учащенно забилося. Она знала, что когда король Франции останавливался в Амбуа, то почти всегда заезжал и в Плесси-ле-Тур. Иногда он навещался сюда с небольшой свитой — чтобы повидать племянницу и сразу уехать обратно. В таких случаях Эме впадала в ужас; она опасалась за Жанну, которая никак не могла запомнить, что ее дядя был не только обязательным и великодушным мужчиной, но еще и королем Франции. Девочка вела себя дерзко, неуважительно, а порой и вызывающе. Если король бывал в хорошем настроении, то это его забавляло — но кто знает, что случится, когда у него иссякнет терпение?

— Двор сейчас в Амбуа? — спросила Жанна.

— Не знаю.

Некоторое время они вглядывались в деревья парка. Затем, когда на дальней дорожке показалась группа всадников, Жанна повернулась к гувернантке.

— Королевский двор сейчас в Амбуа, и король приехал навестить меня.

Эме дрожащей рукой прикоснулась к плечу воспитанницы.

— Постарайтесь вести себя сдержанно...

Жанна вспыхнула:

— Если это значит, что я должна вести себя так, будто мне очень нравится по нескольку лет не видеть своих родителей, то я не собираюсь сдерживаться. У меня нет никакого желания лгать ему.

Король принял племянницу в величественном холле замка. Это просторное и богато украшенное помещение навело Франциску множество драгоценных воспоминаний: здесь его, герцога Валуа, обручили с принцессой Франции Клод; тогда у него не было уверенности в том, что он когда-нибудь взойдет на французский трон. В те дни его поддерживала и ободряла Маргарита, его сестра и лучшая из всех известных ему женщин. Как сложилась бы его жизнь, если бы не она? Об этом он часто думал, видя

перед собой дочь Маргариты, — думал и чувствовал, что должен быть милостив к Жанне. Она и сама, при всех ее грубых манерах, не могла не очаровывать его: при дворе он слишком уставал от угодничества и лести. Правда, он бы желал, чтобы девочка унаследовала немного больше от красоты ее матери. И не желал бы видеть в ней еще одно напоминание о том старом негодяе, что был королем Наварры и отцом Жанны.

Она опустила на колени и поцеловала его руку. Внезапно у него вздрогнули губы: он вспомнил рассказ Маргариты о том, как однажды этот невинный ребенок, расшалившись, вырезал из гобелена своей матери головы святых и заменил их лисьими головами. То был проступок, позабавивший и Франциска, и его сестру.

— Встаньте, дитя, — сказал он. — У вас чудесный вид. Воздух Плесси явно идет вам на пользу.

Он полюбовался ее вспыхнувшими щеками. Ему нравилось немного поддразнивать ее.

— Сир, для меня он скорее вреден, чем полезен!

Он знал, что мадам де Силли, стоявшая за его спиной, сейчас не спускала глаз со своей воспитанницы.

— Вы удивляете меня, моя дорогая племянница. Я только что собирался поздравить госпожу де Силли с тем, как вы прекрасно выглядите.

— Сир, воздух Наварры был бы гораздо благотворнее для меня.

— Когда вы узнаете новость, которую я привез вам, вы — уверен — сразу перестанете вздыхать о вашей родине. Ведь я примчался из Амбуа только для того, чтобы сообщить вам это известие. Как бы вы отнеслись к моим словам, если бы я сказал, что нашел вам супруга?

От ужаса у Жанны перехватило дыхание.

— Супруга... для меня, сир?

— Вижу, как вы взволнованы, и понимаю ваши чувства. Вы растете, моя дорогая, а это значит, что мы должны позаботиться о вашем избраннике. Ну, говорите — как бы вы посмотрели на него?

— Признаться, без особой радости, сир. Если только он не оказался бы каким-нибудь очень могущественным королем.

Он нахмурился, а Эме задрожала. Им обоим показ-

лось, что Жанна осмелилась намекнуть на брак, желанный для ее отца, — на брак с человеком, который однажды должен был стать королем Испании.

— Вы себя высоко цените, — холодно произнес Франциск.

— Я не хочу думать о замужестве, которое не будет большой честью для меня, — сказала Жанна. — Слишком много мужей уделяют внимание не тем женщинам, что стали их законными женами, а потому девушкам лучше вступать в брак, который окружит их почетом, достаточным для того, чтобы никогда не почувствовать себя униженной.

Король всегда был снисходителен к тем, кому удавалось позабавить его; а кроме того, эта не по годам развитая девочка сейчас чем-то напоминала его сестру. Франциск сразу остыл и громко рассмеялся.

— Моя драгоценная племянница, у меня нет ни малейших опасений в том, что вы не сможете удержать такого человека, как герцог де Клеве.

— Герцог де Клеве! — пораженно воскликнула она. — Что вы хотите этим сказать, сир?

— То, что он будет вашим супругом.

Внезапно Жанна забыла о том, как полагается разговаривать с королем.

— Вы хотите, чтобы я вышла за человека, не имеющего почти никаких владений?

— Дитя мое, герцог де Клеве вовсе не так плох, как вам кажется. Я полагаю, находясь в Плесси, вы не знаете всего, что творится за его стенами. А теперь — на колени и благодарите меня за то, что я, заботясь о вашем будущем, нашел вам подходящую партию.

— Боюсь, сир, — недопустимым тоном сказала она, — что я не смогу поблагодарить вас за такую заботу обо мне.

Госпожа де Силли произвольно подалась вперед; придворные из королевской свиты испуганно посмотрели на Франциска, ожидая его гнева. Однако ничего страшного не произошло; вместо этого король с улыбкой обернулся к ним.

— Оставьте меня наедине с моей племянницей, — сказал он. — Нам нужно поговорить с глазу на глаз.

Все они и слуги Жанны поклонились, а затем поочередно покинули холл.

Униженная предложением дяди, а еще больше перепуганная им — хотя не призналась бы в этом даже самой себе, — Жанна высоко подняла голову; она хотела показать, насколько ей были безразличны любые последствия ее слов.

Когда они остались вдвоем, король произнес:

— Сядьте у моих ног. Вот так. Положите голову мне на колени.

Он погладил ее пышные волосы. Почувствовав смешанный запах мускуса и русской дубленой кожи, исходивший от его одежды, она подумала, что всю жизнь будет ненавидеть этот запах.

— Милая Жанна, мне грустно, что я должен стать причиной вашего несчастья, — проговорил он. — Как вы знаете, ваша мать мне дороже всех на свете; а раз вы ее дочь, то я и вас люблю. Но, дитя мое, особы королевской крови не вольны в своих брачных союзах. Вы умная девочка и должны понимать это. Нет ничего плохого в том, что вы имеете собственное мнение и не боитесь высказывать его. Такой я вас больше люблю. Но вы знаете и то, что обязаны повиноваться вашему королю. Вам нечего опасаться, уверяю вас. Герцог отнюдь не дурен собой, и он будет очарован вами.

— Сир, разве я не слишком молода для замужества?

— Нет. Вам уже двенадцать лет... Вполне зрелый возраст для невесты, если она — принцесса.

— Но почему не подождать, пока я сама не встречу кого-нибудь?

— Дорогая моя, ни у кого из нас нет такой привилегии, и вы можете утешать себя только тем, что почти все мужья похожи друг на друга. Если вы хотите начать супружескую жизнь со страсти, то очень скоро утратите свое чувство. И при этом, дорогая Жанна, в самом браке нет никакого препятствия для любви и страсти. Больше того, счастье, если не всегда, то по крайней мере зачастую, оказывается вне брака, а не в нем. Вы развиты не по годам, и я вижу, что могу говорить с вами, как говорил бы с вашей матерью.

— Но... герцог де Клеве! Вы обещали мне, что я выйду за вашего сына Генриха!

— Ах, да. Но у Генриха уже есть супруга. Одна не очень знатная итальянка... и потом, Генрих не пришелся бы вам по вкусу.

— Почему? Он мне нравился.

— Как кузен. Но не супруг. Он слишком неуклюж, из него двух слов не вытянешь. И он неверен супруге. Бедная Екатерина! Он почти все время проводит с Дианой де Пуатье. Нет, моя дорогая, брак с Генрихом тебя не устроил бы.

— Возможно, он уделял бы больше времени своей супруге, если бы она была французской принцессой, а не какой-то итальянкой.

— Стало быть, дворцовые сплетни проникли даже в Плесси?

— Ну, смею вас уверить, это не так. Несколько лет назад Генрих связал себя обещанием с госпожой Дианой. Связал — и до сих пор хранит дурацкую верность своему слову. Прошу вас, не жалейте о нем. А я вознагражу вас за храбрость и расскажу, почему так необходим ваш брак. Милая Жанна, мы все попали в одну неприятную историю. Мой коннетабль проводит политику, которая мне не по вкусу. Мне грустно думать, что он угождает интересам дофина Генриха, а не короля Франции. Вот видите, у меня тоже есть причины для огорчений. Император Карл отдал свою племянницу из Милана за своего сына Филиппа, и я не могу не гневаться, потому что она должна была быть моей. Вы еще слишком малы для всех этих политических тонкостей, но все-таки постарайтесь кое-что понять. Мне необходимо показать свое недовольство Испанией, и я хочу, чтобы вы мне помогли в этом, выйдя за отпрыска рода Клеве, который восстал против императора и которому я таким образом окажу немалую благосклонность. В общем, мы должны соблюдать равновесие сил, а тут нельзя обойтись без поддержки юных членов нашей семьи. Вот почему вам следует проявить благоразумие и согласиться на брак, который нужен вашему королю.

— Сир, я умоляю вас, не используйте меня подобным образом. Вы всемогущи. Вы можете без моей помощи победить всех ваших врагов.

— Увы, я не всемогущ. И у меня слишком много врагов. Самый могущественный из них находится в Испании, с ним нужно быть особенно бдительным. Затем — та лукавая особа, которая правит в Англии. У меня очень опасное положение, дитя мое. Вот почему вы, моя верная подданная, должны сделать все, что в ваших силах, и помочь мне. И послушайте, Жанна, брак сам по себе не так важен. У меня было два брака, и я все равно находил способы наслаждаться жизнью. Они оба были всего лишь официальными браками — каким, надо думать, будет и ваш. Сожалел ли я о них? Ничуть. Я уважал свой долг и не протестовал против того, что было суждено свыше. Сначала я женился на моей маленькой несчастной Клод, которая помогла мне выполнить свой долг перед страной и родила множество детей. Потом она умерла, и в интересах государства мне пришлось взять вторую супругу. Она весьма милая женщина и не причиняет мне никаких хлопот. Поверьте, можно жить себе в удовольствие и в то же время состоять в браке.

— Сир, это не та жизнь, о которой я мечтаю. Если я когда-нибудь вступлю в брак, то хочу, чтобы он был не из таких. Я хочу любить своего супруга и служить ему. И я хочу, чтобы он был верен мне.

Король взял ее за руку и посадил к себе на колени.

— Хорошо, что у вас такие мысли. Ради них я постараюсь сделать для вас все, что в моих силах. А теперь собирайтесь в дорогу. Я хочу, чтобы вы немедленно поехали в Алансон, где встретитесь с вашей матерью. Это вас обрадует, не так ли?

— Разумеется, сир, но... я не хочу такого замужества.

В ответ он лишь грустно улыбнулся.

По пути в Алансон предстояло сделать остановку в Париже. Обычно Жанна с нетерпением ожидала каждой новой поездки в этот город. Ей нравилось ехать с процессией слуг и мулов, навьюченных разнообразной кладью. Пышный двор короля Франции никогда не переставал восхищать Жанну; ее всегда поражало великолепие балов и маскарадов. И какой разительный контраст представляли собой эти роскошные церемонии, когда она сравнивала их с унылой жизнью в Плесси-ле-Тур!

Однако в этот раз настроение Жанны было омрачено зловещей причиной ее путешествия.

Ничто на свете, даже посещение Фонтенбло, не могло заставить ее позабыть о своих страхах. А ведь Фонтенбло всегда казался ей самым чудесным местом на земле. Здесь и только здесь можно было найти такие очаровательные сады с их изящным сочетанием естественного и рукотворного ландшафта. Здесь был прекрасный дворец, его величественные покои и галереи, заполненные сокровищами всей Европы, которые с таким наслаждением коллекционировал ее дядя. Впрочем, искусство не особенно привлекало Жанну; скорее ее притягивала сюда экстравагантность дворцовой обстановки. И здесь всегда можно было получить удовольствие от возобновления старых знакомств.

Правда, ей досаждал кузен Карл, который вечно разыгрывал какие-нибудь малоприятные шутки. Ложась спать, ей теперь приходилось соблюдать все мыслимые меры предосторожности, потому что даже в постели могло оказаться какое-нибудь омерзительное создание вроде дохлой летучей мыши или жабы. Туповатый Карл не вызывал у нее ничего кроме презрения, и она не скрывала этого, а он не мог смириться с тем, что его проделки оставались неоцененными, и с каждым разом пускался на все более изощренные злодейства. Однако Жанна отказывалась смеяться, когда ей было не смешно, — она скорее предпочитала все последствия своего упрямства, чем притворяться и угождать людям или обстоятельствам.

Ее кузен Генрих был и более воспитанным, и смысленней, но едва ли испытывал желание разговаривать с ней; он вообще был неразговорчив со всеми, кроме дамы своего сердца. Его положение было гораздо значительнее, чем во время их последней встречи, — тогда он был просто герцогом Орлеанским, а теперь стал дофином Франции. Ей хотелось поговорить с ним о своем браке, ведь он вступил в пору супружеской жизни, когда был почти в таком же возрасте, как она сейчас; но, разумеется, такой разговор был невозможен.

Была еще Екатерина, дофина Екатерина. С ней Жанна тоже не могла обсуждать свое предстоящее замужество. Что-то в ней было такое, что отталкивало Жанну, и она

никак не могла понять, что именно в этой итальянке вызывало у нее неприятие. Тем не менее Екатерина была супругой, и что немаловажно — отвергнутой супругой. При дворе о ней ходило множество сплетен, потому что она была замужем уже шесть лет, а у нее еще не было детей. Втихомолку в этом винили Екатерину, поскольку во время пьемонтской кампании дофин подарил ребенка одной девушке, свиданиями с которой заполнял досуг, образовавшийся из-за вынужденной разлуки с любовницей. Бедная Екатерина! Жанна хотела бы подружиться с ней. Правда, ей шел только тринадцатый год, а Екатерина была на восемь лет старше; и тем не менее она чувствовала, что они были одинаково несчастны. Но разве можно было стать подругами с такой женщиной, как Екатерина? Жанна не раз наблюдала за тем, как она принимала Диану, как улыбалась и беззаботно болтала с ней; на ее бледном лице не было ни малейшего признака страданий от причиняемого ей унижения. Тогда Жанна думала, что никогда не будет походить на нее. Она говорила себе, что, если этот противный Гильом будет обращаться с ней, как Генрих с Екатериной, то она покинет его, даже если из-за этого начнется война, будь то с Испанией или с Англией, или с ними обеими.

Однако когда до нее дошли кое-какие слухи о нравах Екатерины, то она подумала, что отчасти понимает Генриха, избегавшего супруги и предпочитавшего проводить время в компании любовницы.

Одна ее служанка, помогая ей вечером раздеваться, сказала:

— Ох, не люблю я этих итальянок, госпожа принцесса. Они так умело пользуются ядами, что никогда не узнать, была ли их жертва отравлена или умерла естественной смертью. У нас говорят, что госпожа дофина желает быть королевой и поэтому устроила так, что один из верных ей итальянцев сначала стал виночерпием дофина Франциска, а потом подмешал зелье в его кубок.

— Не смей так говорить! — воскликнула тогда Жанна. — Если кто-нибудь услышит и донесет королю, у тебя будут большие неприятности.

— Я только повторяю то, что слышала от других, госпо-

жа. Виночерпий дофина — итальянец. Вот и все, что я хотела сказать.

Жанна вздрогнула. Ей никогда не нравилась ее кузина Екатерина. До чего же смехотворно было воображать, будто она сможет довериться ей!

Вскоре после того случая она повстречалась с Екатериной, одиноко прогуливавшейся в парке Фонтенбло.

— Доброго дня, кузина, — сказала Екатерина.

— Доброго дня, кузина, — отозвалась Жанна.

— Вы готовитесь вступить в брак?

Жанна не удержалась от того, чтобы не поджать губы; она не умела скрывать своих чувств. Это было особенно досадно, когда она оказывалась лицом к лицу с такой женщиной, как Екатерина, которая ни малейшим движением бровей или губ не выдавала того, что творилось в ее голове.

— Кажется, вы не очень-то радуетесь своему браку, кузина.

— Я бы желала избежать его, — ответила маленькая девочка.

— Почему же?

— Я не хочу уезжать в чужую страну. И не хочу выходить замуж, — сказала Жанна, никогда не следовавшая наставлениям госпожи де Силли и не любившая останавливаться на полуслове. — Должно быть, вы понимаете меня. Брак никогда не может не вызывать отвращения. Особенно, когда жен предпочитают другим женщинам.

Последовало довольно продолжительное молчание. Лицо Екатерины ничего не выражало, но глаза в упор смотрели на Жанну, и та, как ни старалась, не могла избежать этого пронизательного взгляда.

Затем Жанна быстро проговорила:

— Ах, Екатерина! Мне невыносимо видеть, как Генрих обходится с вами. Все только и говорят, что о нем и мадам Пуатье. Генрих просто не спускает с нее глаз! Должно быть, вы очень несчастны.

— Кто несчастна? Я? Вы забываете, что я — дофина.

— Да, я знаю. Но терпеть такое унижение! Конечно, король тоже находится во власти мадам д'Этамп, но ведь королева это все-таки королева. Я бы никогда не подумала, что Генрих может быть таким жестоким. Одно время меня

хотели выдать за него, и я рада, что этого не случилось. Иначе бы я потеряла покой, пытаюсь что-нибудь сделать. Я бы не позволила ему...

Внезапно Екатерина расхохоталась.

— Очень мило с вашей стороны, если вы так заботитесь о моих делах. Но мне это кажется весьма странным. Я-то все время жалела вас! Как-никак я вышла за наследника французского трона, а вы — принцесса — вступаете в брак с каким-то несчастным герцогом. Это вы, дорогая принцесса, должны чувствовать себя оскорбленной. Я буду королевой — так стоит ли мне беспокоиться, пусть даже у моего супруга будет целая сотня любовниц? У вас положение гораздо хуже. Вы будете всего лишь герцогиней... герцогиней де Клеве, не так ли?

Жанна побледнела. До сих пор она не осознавала всей глубины того унижения — равного отвращению, — которое означал ее брак.

Екатерина повернулась и пошла дальше, оставив ее намного более разгневанной и несчастной, чем была она тогда, когда король сказал ей о подобной для нее партии.

Вскоре Жанна впала в высочайшую немилость. Это произошло после того, как она повстречалась со своим будущим супругом, который был в два раза старше ее и которого многие сочли бы весьма привлекательным молодым человеком; однако Жанна ненавидела его с тех пор, как услышала его имя, и ничего не могла поделать с этим нелепым чувством. Король намекал на то, что ему было стыдно за ее невоспитанность; в ответ она решила, что ни-почем не станет изображать радость, которую ее брак не вызывал в ней. Что касается герцога де Клеве, то он был возмущен поведением своей будущей невесты. Ярость короля Франциска была тем опасней, чем больше ему казалось, что отец Жанны тайно поддерживал дочь в ее решимости всеми силами сопротивляться браку; слишком уж непреклонным было ее упрямство; оно походило на нечто большее, чем на понятное отвращение маленькой девочки перед интимной близостью с мужчиной; это походило на восстание подданной против короля.

Франциск написал своей сестре, и по прибытии в Алансон Жанна получила строгий нагоняй от матери; это ста-

ло для нее еще одним горьким испытанием. Свою мать она обожала: ей так много рассказывали о ее уме и красоте; они так давно не видели друг друга; и вот, наконец-то встретившись с ней, она наткнулась на стену непонимания.

Маргарита, которая жила в своем обособленном мире, населенном выдающимися мыслителями ее времени — Ронсаром, Маро, другими писателями, художниками и архитекторами эпохи Ренессанса, — не испытывала большой склонности отвлекаться от своих обычных занятий и вникать в земные проблемы непослушной дочери. Однако она не могла не поддержать брата: ей просто не приходило в голову, что его воля может не совпадать с ее собственными желаниями.

У них состоялся долгий разговор, в течение которого грустная и подавленная Жанна тщетно пыталась объяснить матери свое положение.

— Королю нужно повиноваться, — говорила Маргарита. — Все его желания мы должны исполнять с такой же радостью, как если бы они были нашими собственными.

— Он может ошибаться, — упорствовала Жанна.

— Может. Но только не наш король, дитя мое.

— Я так не думаю. Порой он допускал просто непростительные ошибки. Неужели вы забыли, как он ошибся в Павии?

Прелестные глаза королевы Маргариты внезапно расширились от ужаса.

— Павия! Это была его беда, а не вина. Мир еще не видел такого выдающегося военачальника.

— Выдающиеся военачальники не терпят поражений в войне с гораздо более слабым врагом.

— Есть вещи, которых вы просто не знаете, и одна из них заключается в том, что юная девушка не должна все решать сама.

— Тогда как же она узнает, что правильно, а что нет?

— Ее родители и король укажут ей верный путь.

— Но предположим, один из ее родителей не согласен с королем.

— Не глупите. Мы обсуждаем ваш брак с герцогом де Клеве. Это хорошая партия.

— Да чего же в ней хорошего? Мне, принцессе, кото-

рая могла стать супругой дофина Генриха, выйти за какого-то герцога! На мне мог жениться сын короля Испании...

— Этот брак хорош уже тем, что его желает король, — резко перебила ее Маргарита. — А вы, дочь моя, должны любить и почитать своего дядю, как я люблю его и выполняю все требования.

— Если так, то я не понимаю, зачем меня обучали логике.

Маргарита немного помолчала, а затем печально произнесла:

— Жанна, девочка моя, не настраивайтесь на бунт. Король желает вашей свадьбы, следовательно, она состоится. Если вы не согласитесь, то у меня не будет выхода. Вас будут бить каждый день, пока вы не захотите выйти замуж за герцога. Эти истязания будут самыми жестокими из всех, что когда-либо приходилось вам испытывать. Сама ваша жизнь будет подвергнута опасности.

— Вот как? — презрительно бросила Жанна. — Я думала, ваш брат желает моей свадьбы, а не похорон.

Маргарита грустно посмотрела на свою дочь. Она гордилась ее бойким остроумием — но гораздо больше переживала за ее упрямство.

Она не желала сдаваться и была готова бросить вызов всему миру. Она постоянно думала о герцоге де Клеве и, думая о нем, все время вспоминала оскорбительный смех дофины Екатерины. Она знала, что наговорила дофине множество непозволительных вещей, но не придавала никакого значения своей бестактности. Екатерина не могла быть искренней; она так притворялась, будто не чувствовала униженности своего положения, как будто испытывала благодарность к мадам де Пуатье, любовнице ее супруга. Жанна не терпела неискренности: в ее глазах та была сродни лицемерию. Сама она в подобных обстоятельствах не постеснялась бы надавать пощечин мадам де Пуатье. И все же... Все же она не могла не чувствовать какой-то нарочитой грубости в усмешке Екатерины, и порой ей казалось, что дофина хотела лишь утвердить ее в решимости сопротивляться браку.

Свою ненависть к нему она задумала засвидетельство-

вать письменно, чтобы об этом узнал весь мир, если ее воля будет каким-нибудь образом сломлена.

Однажды, закрывшись в своей комнате, она довольно долго размышляла и наконец написала следующее:

«Я, Жанна Наваррская, настоящим документом утверждаю, что брак, устраиваемый между мною и герцогом де Клеве, может быть заключен только против моей воли; что я никогда не соглашалась и не соглашусь на него; что любое свидетельство моего согласия может быть получено только благодаря моему страху перед королем, как и принуждению со стороны моей матери, королевы Наваррской, или моего отца, короля Наваррского, которые с самого начала угрожали мне тем, что моя гувернантка будет сечь меня. По указанию королевы, моей матери, моя так называемая гувернантка несколько раз заявляла, что если я не сделаю всего необходимого для брака, желанного королем Франции, то понесу такое серьезное наказание, что оно сможет стать причиной моей смерти. Поскольку я продолжала протестовать против насилия над моей волей, то сегодня она впервые привела свою угрозу в исполнение, в завершение чего пообещала истязать меня до тех пор, пока я не дам согласие на брак. Ее действия и слова повергли меня в такое отчаянье за себя и судьбу моих родителей — которые могут пострадать из-за меня, — что отныне мне остается уповать только на милость Божию; я не могу надеяться даже на своих родных отца и мать, потому что они оба покинули меня в беде; они знают, что я не люблю герцога де Клеве и не хочу быть его супругой. Посему я заранее объявляю, что моя помолвка, а тем более свадьба с герцогом де Клеве не могут быть достигнуты по моему добровольному согласию; что я никогда и ни при каких обстоятельствах не буду считать его своим супругом и что все договоренности о браке должны быть расторгнуты. В свидетели своей искренности я призываю Бога и всех, кто знает мою решимость отстаивать свое будущее и избежать этого так называемого брака».

Дописав последнее слово, Жанна позвала четверых своих слуг; ее красноречие было так неотразимо, а их восхищение ее стойкостью так велико, что все четверо презрели наказания, которые могли навлечь на себя, и подписали этот документ.

Оправившись от истязаний, она воспользовалась первым же удобным случаем и отнесла подписанную таким образом бумагу в кафедральный собор, где попросила прелатов прочитать ее; она сказала им, что они знают, как нужно поступать в подобных обстоятельствах.

Самым нужным для прелатов было послушание королю, и поэтому ничто не останавливало приготовлений к свадьбе Жанны д'Альбер и герцога де Клеве.

Наконец короля перестало развлекать то, что прежде он называл забавными детскими шалостями. Франциск уже не видел ничего смешного в этих шутках. Его племянница оказалась глупой, дерзкой и упрямой девчонкой.

Истязания Жанны прекратились, потому что смерть от побоев не устраивала взрослых. Свадебный наряд был уже готов. Шитый золотом, он был так густо усеян драгоценными камнями, что она не могла ходить в нем слишком долго. Она ненавидела и драгоценности, и длинный горностаевый шлейф.

Как она завидовала всем остальным женщинам, когда наступил день свадьбы! У ее зависти не было исключений. Работницы, пропалывавшие сад, и те были счастливей, чем маленькая печальная принцесса. Жанна завидовала посудомойкам, служанкам низшего сорта; завидовала отвергнутой Екатерине; завидовала даже дофине Франциске, которая уже давно лежала в могиле.

Согнувшаяся под тяжестью своего платья, бледная и осунувшаяся, она шла во главе свадебной процессии. Рядом с собой она видела знаменитого коннетабля Анна Монморанси и сочувствовала ему, потому что слышала, что он сейчас находится в опале; в некоторой мере ее трагедия была и его бедой. Ему ставили в вину обострение отношений с Испанией, которые стали причиной ее брака с герцогом де Клеве. Монморанси не глядел в ее сторону: он угрюмо переживал собственное несчастье.

К алтарю ее должен был вести король Франциск. Облаченный в богато украшенный рубинами и изумрудами наряд из белого атласа, который подчеркивал смуглость его сардонического лица, он сегодня не проявлял ни малейшего признака благосклонности к юной невесте. Его очень расстроил тот документ, что она отнесла в кафедральный

собор. Он не беспокоился из-за содержания ее письма. В другое время его бы даже позабавила оригинальность этого манускрипта и та отвага, которую она нашла в себе, решившись написать его. Но он уже устал от ее протестов.

Ее пальцы лежали в ладони Франциска; она чувствовала его отчуждение. Однако какая-то внутренняя сила все еще не позволяла ей сдаваться. У нее еще оставалось несколько минут. Она должна была найти какой-нибудь выход. Она не могла признать своего поражения. Полным отчаяния взглядом она обвела людей, стоявших вокруг, и слабым голосом проговорила:

— Мне дурно. Я сейчас упаду в обморок. Это платье слишком жмет мне.

Король, прищурившись, посмотрел на нее. Затем небрежно подал знак герцогу Монморанси.

— Отнесите принцессу к алтарю, — сказал он.

На мгновение Жанна забыла о собственном горе. Она испугалась за Монморанси, который вздрогнул и побледнел, услышав такой беспрецедентный приказ. Несколько мгновений казалось, что коннетабль был готов ответить на распоряжение короля таким же небрежным и изящным отказом. Она понимала, что невозможно было оскорбить великого военачальника больше, чем предложив ему отнести к алтарю маленькую девочку. Ей не хотелось быть причиной и средством его унижения. Однако она уже не могла ничего исправить. После недолгого колебания знаменитый герцог взял ее на руки и пошел вперед. Ослушавшись короля, он был бы мгновенно брошен в тюрьму. Ему приходилось принимать все последствия своей опалы, так же как и она должна была смириться с замужеством за человеком, которого не знала и возненавидела с первого дня знакомства с ним.

И вот она стала супругой... Супругой этого странного человека, вызывавшего отвращение даже своей неприятной, гортанной речью. Он сидел рядом с ней во время свадебного пира, танцевал с ней в огромном зале. Он старался быть учтивым, но она не могла заставить себя даже улыбнуться в ответ на его любезности. В ее глазах еще сверкали слезы, а губы были плотно сжаты. Король разговаривал с ней мягким благосклонным тоном и не упрекал,

если ее ответы были чересчур холодными; иногда ей казалось, что в его глазах светилась жалость к ней.

Музыканты играли самую веселую музыку; за пиром последовал бал, а потом снова пир. Жанна ничего не замечала; больше всего на свете она боялась приближения ночи и той церемонии, когда ее должны были положить в постель с супругом.

Король понимал ее страхи; пригласив на танец, он попытался успокоить свою племянницу. Теперь, когда ее непокорность была сломлена, он уже не сердился на нее; она снова стала очаровательной маленькой дочерью его любимой сестры.

Танцуя с ней, он нежно пожал ее руку.

— Ну, улыбнитесь же, дорогая. Право, невесте улыбка всегда к лицу. У мсье де Клеве немало достоинств. Во всяком случае он не сможет быть худшим супругом, чем дофин, брак с которым вам прочили в свое время. Улыбайтесь, моя маленькая Жанна. Вы выполнили свой долг. Теперь можете наслаждаться жизнью.

Однако она не только не улыбалась, но и не желала разговаривать со своим дядей. И он не упрекал ее за это.

Она не помнила, как сумела пережить все ужасы тех отвратительных церемоний, что предшествовали ее укладыванию в постель. Женщины изо всех сил подбадривали ее; раздевая свою воспитанницу, гувернантка поцеловала ее, и Жанне стало любопытно, высекут ли ее, если она откажется лечь в постель с супругом. Кто сделает это? Она? Может быть, он?

Даже сейчас она пыталась найти какой-нибудь выход, и в ее голове с лихорадочной быстротой сменяли друг друга сотни безумных мыслей. Могла ли она выбраться из дворца? Могла ли обрезать волосы и выдать себя за дочь какого-нибудь странствующего менестреля или за маленькую нищенку? Как она завидовала всем тем девочкам, что бродяжничали по белому свету; они могли быть оборванными и голодными, но зато ни одной из них не грозило супружество герцога де Клеве!

До чего же глупыми были все эти мысли о бегстве! У нее не было выхода. Она слышала, как где-то вдалеке играла музыка.

Одна из женщин шепнула ей, что король ожидал в брачных покоях, желая увидеть ее в постели.

Когда ее привели в эти покои и она увидела своего супруга, окруженного слугами и знатью, ей пришлось отвернуться от него, чтобы не упасть в обморок. У нее задрожали губы. Охваченная отчаянием, она умоляюще взглянула на короля Франциска, и тот, понимая страдания своей маленькой племянницы, подошел к ней, взял на руки, а потом нежно поцеловал.

— Ну разве не повезло вашему жениху, Жанна? — мягко улыбнувшись, проговорил он. — Я бы благодарил Бога, если бы оказался на его месте.

Он положил ее на постель, и ей показалось, что его темные глаза заговорщически блеснули. Не придавая этому никакого значения, она молча лежала с супругом и смотрела, как ее служанки и его слуги плотно задергивали полог вокруг брачного ложа.

Затем послышался голос короля.

— Благородные дамы и господа! — сказал он. — Таинство бракосочетания совершено, и нам пора вспомнить, что невеста еще слишком молода для продолжения свадебного обряда. Она и ее супруг были уложены в постель. Прошу вас запомнить это. Брачный союз заключен, а остальное произойдет тогда, когда невеста достигнет более зрелого возраста. Служанки, отведите принцессу в ее покои. А вы, мой великодушный герцог, возвращайтесь в свои апартаменты. Да здравствуют герцог и герцогиня де Клеве!

В то же мгновение Жанна соскочила с брачного ложа и, бросившись на колени, принялась целовать подставленную ей руку и пальцы, униженные перстнями. Она еще не пришла в себя, когда эта рука осторожно высвободилась и легла ей на голову. Она забыла, что перед ней стоял король Франции; сейчас он был ее спасителем, благородным рыцарем, который избавил ее от того, чего она боялась больше всего на свете.

Изящные, благоухающие духами пальцы нежно погладили ее волосы. Он ласково называл ее то своей дорогой, то любимой, так что казалось, будто это он был женихом, а не подавленный и униженный герцог де Клеве. И все-таки его поступок был вполне характерен для ее дяди Фран-

циска. Король Франции всегда и во всем должен был оставаться героем ситуации. Даже ее жених мог существовать только в его тени; одному лишь королю могли предназначаться поклонение и любовь его невесты.

Год, когда Жанне исполнилось пятнадцать лет, был самым счастливым из всех, что проходили до тех пор, и именно тогда случились два события, которые впоследствии она считала самыми важными в своей жизни.

После бракосочетания она жила со своими родителями — временами в их дворце, а временами в По; один или два года они вместе посещали двор короля Франции. Жанна наконец насладились обществом своей матери, о котором так долго мечтала, и все эти три года не переставала заниматься под руководством великих мыслителей, Фареля и Рассела. Жанна была остроумна и сообразительна, хотя недостатком артистического вкуса приводила свою мать в отчаяние; от Маргариты она не унаследовала симпатий к протестантской вере и продолжала ходить, как ее отец, в католическую церковь. Обожая мать, она порой проявляла нетерпимость к ее, как казалось Жанне, слишком литературной образованности, слишком умозрительной отвлеченности ее суждений; уклончивость Маргариты не всегда уживалась с ее прямолинейностью, и вот, по-прежнему идеализируя мать, Жанна стала все чаще испытывать симпатию к грубоватой простоте своего отца. Генрих Наваррский не отличался такими изящными манерами, каким Маргарита обучалась при дворе своего брата, когда правила им и была королевой во всем, что не касалось имени. Генрих был так же бесхитростен и прямодушен, как и Жанна — неудивительно, что она искренне уважала его.

Жанна на всю жизнь запомнила тот случай, когда он зашел в покои ее матери и застал их обеих за молитвой. Рассел и Фарель тоже находились в комнате, но у них не было препятствий для бегства, чем они и воспользовались. Лицо Генриха Наваррского побагровело, на лбу выступили узловатые вены — ах так, его дочь осмелилась примкнуть к протестантам! Он ударил королеву Маргариту по щеке, за что позже получил суровый выговор от короля Франции, а потом повернулся к Жанне. Тут ему можно было не беспокоиться за последствия своих действий. Он приказал принести розги и, пока их несли, сказал, что сей-

час закатит ей такую взбучку, какой она еще не знала в своей жизни, и что она у него быстро отвыкнет забивать свою пустую голову различными религиозными доктринами. По его словам, ей полагалось молиться Богу так, как всегда молился он, а перед ним — его отец.

Вслед за тем он швырнул ее поперек кушетки и принялся усердно обрабатывать спину. Она до боли закусила нижнюю губу, чтобы не закричать и не расплакаться; то и другое лишь усугубило бы тяжесть наказания, потому что он не выносил, как сам выражался, сопливых девчонок. Вдоволь натрудившись над ней, он отбросил розги и предупредил, что если еще раз застигнет ее за подобными проделками, то, пусть даже она к тому времени будет взрослой женщиной, забьет ее до смерти.

Она склонила голову и еле слышно прошептала: «Я буду помнить, отец».

После того случая ее мать уже никогда не пыталась пробудить у нее интерес к пореформенным взглядам на религию, хотя сама продолжала изучать их.

Если не считать того случая, то на протяжении всех трех лет жизнь Жанны была веселой и беззаботной — настолько беззаботной, что она почти не вспоминала о своем брачном союзе с герцогом де Клеве; она давно мечтала жить с родителями в своем родном Берне, и на три года ей было дано такое счастье.

А затем настал тот чудесный четвертый год.

Он был замечателен и для дофины Екатерины, потому что в один из его пасмурных февральских дней она родила своего первого ребенка.

Какой праздник был тогда при дворе, и как радовался король Франции своему внуку, которому дали его имя! День и ночь служились молитвы за новорожденного принца Франциска. Его мать не снимала с шеи талисмана, хранившего ее сына; то и дело она принимала у себя самых знаменитых астрологов и чародеев. Екатерине де Медичи было необходимо, чтобы ее ребенок выжил и чтобы она родила еще двух или трех детей.

В день его крещения пятнадцатилетняя принцесса Наваррская ликовала, как и все, кто окружал ее. Она была в Париже, и она любила Париж. Да и разве можно было в ее возрасте и с ее ненасытной жадой веселья, что сопут-

ствуется всем маскарадам, балам и пышным праздникам, не любить этот восхитительный город? Она и любила его, и восхищалась им, и жила только им одним. Она не хотела думать о том, что война, разлучившая ее с супругом, должна была когда-нибудь кончиться и тогда ему ничто не помешало бы вернуться к ней; тогда уже нельзя будет откладывать то, чему ее дядя не дал завершиться, хотя она уже ощущала жаркое тело супруга, лежавшего рядом с ней на брачном ложе. Теперь ей было пятнадцать лет, и другие в ее возрасте уже знали все тайны супружеской жизни. Одной из этих других была Екатерина. Еще одним — Генрих. И вот... вот у них родился первенец.

Впрочем, пока ей можно было и не думать о возвращении Гильома де ла Мерка, герцога де Клеве. Война, как она слышала, не сулила счастливых дней для французской армии; а разве это не означало продолжения разлуки с ее супругом, который теперь был союзником короля Франции и врагом императора? И разве последнее обстоятельство не было тем, ради чего ее вынудили вступить в брак?

Он сражался на войне, а в чудесном Фонтенбло собиралось все пышное великолепие и ослепительный блеск королевского двора; там отмечали крестины младенца, который в один из далеких будущих дней мог взойти на трон Франции.

Фонтенбло был прекрасен даже в феврале. Деревья были окутаны легкой сизовой дымкой; настроения Жанны не мог испортить даже сырой и холодный воздух. Одевая ее на дворцовую церемонию, служанки тихо перешептывались с ней и между собой. Горели свечи, и их мягкий свет преображал черты ее лица, отражавшегося в зеркале, — делал их более взрослыми и утонченными, более изысканными и загадочными.

Позже ей казалось, будто она заранее знала, что в тот вечер должно было случиться что-то необыкновенное и радостное.

Ее платье выглядело богатым даже среди сказочно роскошных туалетов других знатных дам. Да и как же иначе? Она, принцесса королевской крови, должна была предводительствовать на балу вместе с другими принцессами, которые в то время могли оказаться при дворе.

Она смутно различала голоса служанок, перешептывавшихся в дальнем углу комнаты.

— Вот уж повезло ей, так повезло. Поверьте мне, если бы не новорожденный принц, скоро здесь простыл бы и след мадам Екатерины.

— Благослови Господь принца. Я рада его появлению, но разве не лучше было бы увидеть, как упаковывают вещи этой итальянки?

— Тихо вы! Недаром говорят, что даже у стен есть уши. Или вы не знаете, что может случиться с вами? Хотите выпить чашу воды и попрощаться с жизнью?

— Тсс!.. Принцесса слышит...

— Ну и хорошо, что слышит. Пусть она будет начеку. Всем нужно быть настороже с этой итальянкой.

Жанна улыбнулась. Быть настороже! Она боялась только одного — что ее супруг мог вернуться с войны.

Мысль об этом страшном и возможном событии не покидала ее даже тогда, когда она шла по озаренной сотнями факелов дороге, ведущей из дворца в недавно выстроенный собор.

Собор был убран великолепными гобеленами и украшениями, поражающими воображение даже людей привычных к пышным церемониям при дворе короля Франциска. Посреди всего этого фантастического обилия красок на круглом помосте стоял кардинал Бурбон, облаченный в серебряные ризы и ожидавший появления процессии с младенцем.

Встав рядом с королевой Франции и дочерью короля, госпожой Маргаритой, Жанна не без любопытства огляделась вокруг. Ее отец разговаривал с молодым Карлом, который теперь был герцогом Орлеанским. А затем настал тот восхитительный момент, когда она встретила взглядом с принцем, смотревшим на нее. Юноша улыбнулся, и Жанне показалось, что она еще никогда не видела такой обаятельной улыбки, как у Антуана де Бурбона, герцога Вандомского. Она удивилась тому, что, часто встречая его при дворе, до сих пор не замечала, насколько он был красив и привлекателен.

Принц Бурбон стоял рядом с Генрихом Наваррским, но Жанна не обращала внимания на своего отца. Ей не было дела до того, что отцовские глаза внимательно следили за

ней. Сейчас для нее имело значение только то, что Антуан де Бурбон не сводил с нее взгляда и, казалось, интересовался принцессой Наваррской куда больше, чем новорожденным принцем Франции.

Оставшуюся часть церемонии Жанна уже не видела и не слышала. Возвращение во дворец, освещенная сотнями факелов дорога и длинная процессия знатных дам и кавалеров — все это прошло, как во сне; и вот, очутившись в праздничном зале, где был приготовлен великолепный пир, она все еще глядела на Антуана де Бурбона.

Она знала о его высоком положении при дворе и о том, что он был старшим из принцев Бурбонов — таким же родовитым, как любой принц династии Валуа, и следующим за ними в праве наследования. Антуан и младший из двух его братьев, принц Конде, считались самыми привлекательными молодыми людьми в окружении короля; их всюду сопровождало внимание женщин, и о них обоих говорили, что они никогда не упускали случая воспользоваться своей внешностью. Однако Жанна не верила тому, что слышала об Антуане; ни один мужчина, если бы он был так же красив, как этот принц, не мог бы не вызвать подобных сплетен.

Во время пира ей советовали не оглядываться так часто по сторонам; говорили, что она не отведала ни одного из деликатесных блюд, расставленных на столе. Но, когда пир закончился, она увидела Антуана. Тот подошел к ней.

— Я смотрела на вас в соборе, — проговорила Жанна, не владевшая искусством кокетства. Она сказала то, что было у нее на уме, и ожидала, что ей ответят тем же.

Склонный упиваться каждой новой победой, Антуан не мог не отметить очаровательной простоты ее манер, так разительно отличавшихся от женского кокетства, к которому он был привычен.

— Что ж, я польщен. Неужели я представляю для вас больший интерес, чем даже младенец, которому сегодня оказывают такое почтение?

— Да, — ответила Жанна, — хотя я и люблю детей.

— В таком случае я бы хотел еще больше понравиться вам.

Он наклонился и поцеловал ей руку. Его глаза говори-

ли о том, что он оценил изящную фигурку и изысканное платье.

Потом они танцевали. Он говорил о самых непозволительных вещах, и хотя любому другому мужчине Жанна немедленно запретила бы подобные разговоры, в Антуане она не находила ничего такого, что не было бы выше всякой критики.

Когда танец уже заканчивался, она сказала со свойственным ей простодушием:

— После рождения этого ребенка ваше положение значительно изменилось.

Он согласился с ней.

— Так же, как и положение госпожи дофины, — добавил он.

И лукаво улыбнулся, потому что знал все дворцовые сплетни и сейчас хотел произвести впечатление на эту девочку — хоть и принцессу, хоть и племянницу самого короля, но все-таки наивную маленькую провинциалку, невинность и чистота которой были так редки при дворе. Она казалась ему не похожей на других и не лишенной своеобразного очарования. Она нетерпеливо ожидала, что он скажет.

— Как бы вам понравилось оказаться на месте мадам Екатерины, моя маленькая принцесса? Ее супруг не испытывает никаких чувств к ней. Его любовница вынуждена силой заталкивать его на супружеское ложе. Ну как, понравилось бы вам быть на месте Екатерины?

Глаза Жанны вспыхнули.

— Я бы не вынесла этого.

— Что ж, у вас есть характер. Но если бы у вас не было иного выхода, кроме только того, что смиренно выносить все это?

— Тогда я постаралась бы освободиться от такого брака.

— Как! Покинуть Францию? Поменять общество королей и принцев на компанию нищих флорентийских купцов?

— Едва ли Екатерина испытывала нужду во Флоренции. Ее семья очень богата — богаче, чем французский королевский двор. И мне больше нравятся те, кто предпочита-

ет оставить всю эту роскошь, но не жить в ней, терпя бесконечные унижения.

— Принцесса, пожалейте эту итальянку. Посмотрите на нее. Вам не кажется, что она не нуждается в вашем сочувствии?

Жанна пригляделась к дофине. Внешне та казалась совершенно счастливой, однако Антуан не понимал значения холодного блеска в ее глазах, который был так хорошо знаком Жанне. При дворе никто не понимал того, что творилось в голове этой женщины, а потому все хотели думать, что там и нечего было понимать.

— Фортуна вовремя улыбнулась ей, — продолжил Антуан. — Вы ведь знаете, у нас уже начали поговаривать о разводе. Только король еще спасал ее от него.

— Король добр, — сказала Жанна. — Он был великодушен со мной, когда это было мне необходимо.

Антуан подступил ближе.

— Любой мужчина будет великодушен, находясь рядом с вами. О, как желал бы я обладать возможностями короля!

Разумеется, это была лесть, обычное придворное кокетство, заурядный флирт. Жанне исполнилось тогда пятнадцать лет, но она прекрасно сознавала это. И все-таки Жанне было приятно слышать эти волшебные слова, которые с такой чудесной улыбкой произнес Антуан де Бурбон и которые в любых других устах показались бы ей неискренними. Ей нравилось во время танца касаться его руки; она наслаждалась, чувствуя на себе его взгляд; и ей было больно видеть, как позже он танцевал с другими, бросал на них нежные взгляды и, конечно же, говорил им такие же комплименты, какими только что очаровал юную Жанну Наваррскую.

Таким было первое из двух важных событий того года. Жанна влюбилась в Антуана де Бурбона, хотя была замужем за герцогом де Клеве, которого ее счастливая фортуна и неудачная французская политика все еще держали в сражениях той затянувшейся войны.

Никогда еще собственный брак не казался Жанне столь отвратительным, как в тот переполненный событиями год. При мысли о Гильоме де ля Мерке ее охватывал ужас; она преувеличивала его недостатки, и в ее представлении он

постепенно превратился в некое чудовище, угрожавшее ее возможному счастью.

Они вернулись ко двору ее отца, и теперь ей нравилось предаваться мечтам. Она часто бродила по окрестностям замка и мечтала об Антуане де Бурбоне. Обладавшая практическим складом ума, она не столько воображала его своим любовником, сколько видела своим супругом и фантазировала о том, как бы они вместе правили ее родной Наваррой. Больше всего на свете она сейчас боялась высочайшего повеления, которое могло заставить ее в любую минуту и которому она должно была подчиниться, — повеления принять своего законного мужа и уехать с ним в чужую страну. Протестовать было бы бесполезно; она уже имела возможность убедиться в этом. Приходя во все большее отчаяние, она вновь и вновь переживала ту мрачную свадебную церемонию, когда ее укладывали в постель с женихом; содрогаясь от ужаса, она пыталась представить себе, что бы случилось с ней, если бы не вмешался ее дядя. Должно быть, сама фортуна протянула ей руку помощи! Ведь обычно ее дядя бывал добрым только тогда, когда это не вредило его политике!

Вот почему все месяцы, следовавшие за крещением маленького Франциска, Жанна не переставала прислушиваться к новостям, приходившим с полей сражений Италии и Нидерландов. Сначала до нее доходили ликующие сообщения о том, что ее супруг разбил войска императора под Ситтардом, а король и дофин триумфально шествовали по Самбрии. Победа казалась близкой, и Жанна разрывалась между преданностью своему дяде и боязнью скорого возвращения супруга. Затем император Карл, разгневанный неудачным для него развитием военных действий, поручил управление Испанией своему сыну Филиппу, а сам со свежими силами направился в Геную. Его гнев большей частью был вызван поведением супруга Жанны, взбунтовавшегося герцога де Клеве, которого он считал своим вассалом и который должен был понести наказание за восстание против всесильного императора. Жанна знала, что герцог посылал ее дяде отчаянные призывы о помощи, однако тот, не оценив заранее своих сил, успел понести огромные потери и теперь воздерживался от новых маневров и сражений.

Так решилась судьба Гильома де Клеве. Покинутому королем Франции, ему оставалось только одно: пасть на колени перед императором и молить о пощаде.

Франциск послал за Жанной и сам сообщил ей эту новость. Однако, пересказывая ее, он предпочел не признаваться в том, что из-за собственной бездарности потерял почти всю армию, а потому всю вину возложил на своего бывшего союзника.

— Жанна, дитя мое, — сурово нахмутив брови, сказал он. — Я принес вам плохую новость. Оказывается, мы выдали вас за вероломнейшего из предателей.

У Жанны гулко застучало сердце, затряслись руки; она боялась, что король увидит радостный блеск в ее глазах.

— Он изменил вам, Жанна. Он перешел на сторону наших врагов. Вы не должны любить такого человека и не можете быть спутницей его позорной жизни.

Жанна не знала, что такое искусство дипломатии. Она воскликнула:

— Я никогда не желала делить его судьбу! Будь он даже вашим другом, сир, я бы все равно не хотела жить с ним!

Король поднял руку.

— Ваш язык, моя дорогая, когда-нибудь погубит вас. Советую вам лучше следить за ним. Дитя мое, вам выпало тяжелое испытание. Вас выдали замуж в очень раннем возрасте, потому что этого требовали интересы государства, однако ваш супруг оказался изменником, и я не могу позволить вам оставаться замужем за таким человеком.

Жанна вспыхнула и почти выкрикнула:

— Да, сир! Я не могу оставаться замужем за таким человеком!

Франциск положил руку на ее плечо. И сказал:

— Как ни прискорбно, но я вынужден просить Папу о расторжении брака.

Она схватила его руку и пылко поцеловала; затем упала на колени возле его ног и принялась покрывать их такими же горячими поцелуями. Она снова чувствовала запах русской кожи, который всегда ассоциировался у нее с его одеждой и который теперь был самым лучшим ароматом в мире. Она была уверена, что уже никогда не сможет вдыхать его, не переживая при этом такого же восторга, какой испытывала сейчас.

— Увы! Увы! В трудную минуту этот изменник бросил своего повелителя и супругу. Я потерял человека, которого считал своим другом, а вы, дитя мое, потеряли мужа. — Он улыбнулся, глядя на нее. — Но, Жанна, вы меня поражаете. По-моему, вас не огорчает то, что огорчило бы любую другую женщину.

— О, сир! Я так долго молилась об этом!

— Как! Вы молились за то, чтобы короля покидали его друзья?

— Нет... не за то. Я никогда не любила его, сир.

Король поцеловал ее.

— Дитя мое, вы не перестаете восхищать меня. Я бы скорее согласился видеть победу императора, чем хотя бы минутное омрачение вашего счастья.

Конечно же, это было не так. Питая слабость к красивой фразе, король Франциск иногда мог сказать явную нелепость. Однако в таких случаях сам он не сомневался в верности своих слов, а потому и другие верили в их искренность.

Так счастливая фортуна Жанны Наваррской позаботилась о том, чтобы в год, когда Жанна влюбилась в Антуана де Бурбона, был расторгнут ее брак с герцогом де Клеве. И хотя ее брак никогда не был браком в полном смысле этого слова, для его благополучного завершения понадобилась добрая воля короля Франции и любезность Папы Римского.

После развода Жанна вернулась к относительно спокойной жизни в Плесси-ле-Тур. Там она не переставала думать об Антуане де Бурбоне и жадно ждала известий о его успехах на военном поприще. В ее глазах он был героем, и она идеализировала его, как прежде идеализировала свою мать.

Она выросла, но никто не говорил о ее новом браке. Она все реже и реже видела короля Франции, здоровье которого постепенно ухудшалось; в один из февральских дней, когда ей было девятнадцать лет, пришло известие о его кончине. Жанна заранее настраивалась на смерть дяди и тяжело переживала это событие.

Вскоре отец вызвал ее домой — так смерть короля Франциска вернула Жанну к родителям. Свою мать она

застала разительно изменившейся женщиной. Потеряв человека, которым она дорожила больше всего на свете, Маргарита почти все время проводила в монастыре и не переставала повторять, что теперь ждет только того счастливого дня, когда сможет присоединиться к брату; она говорила, что желает последовать за ним на Небо, как некогда последовала за своим королем в Мадрид.

В Париже был новый король — кузен Жанны, которого десять лет назад прочили ей в супруги, — король Генрих Второй; была и новая королева — итальянка Екатерина де Медичи. Прошло совсем немного времени, и кузен Жанны прислал ей распоряжение, предписывавшее принцессе Наваррской явиться к королевскому двору.

Очутившись там, Жанна не могла не заметить, насколько тот не походил на двор Франциска. Генрих не унаследовал от отца ни склонности к излишествам, ни умения наслаждаться жизнью. У него находилось время только для одной женщины — Дианы де Пуатье, которую он произвел в герцогиню де Валентинуа.

Жанна понимала, что была вызвана не без какой-то цели, и Генрих — прямоотой характера походивший на кузину — не замедлил сообщить о ней Жанне.

С почтительной церемонностью она преклонила перед ним колени и поцеловала его руку. Новый король не пытался приласкать ее, как это делал ее дядя; их встреча была выдержана в довольно официальном тоне. Однако Генрих хорошо помнил свою кузину и привязанность к ней сохранил даже после того, как стал королем.

С первых же слов он приступил к делу.

— Кузина, — сказал он, — вы вступили в возраст, когда пора позаботиться о вашем замужестве, вот почему я и пожелал, чтобы вы прибыли ко двору.

Жанна настороженно выжидала: у нее уже был один несчастный брак; теперь она задавалась вопросом, выдержит ли второе подобное испытание. У нее было такое чувство, что, несмотря на внешнее спокойствие, Генрих мог оказаться не менее упрямым, чем его отец, человеком.

Наконец она проговорила:

— Сир, я уже была замужем, и мой опыт велит мне проявить некоторую предусмотрительность. Учитывая то, что мой первый брак был вызван государственными интереса-

ми, я бы хотела впредь пользоваться большей свободой выбора в этом вопросе.

Генрих не обладал чувством юмора; он смерил ее подозрительным взглядом.

— При дворе есть два человека, которые желали бы сделать вам предложение. Это люди высочайшего положения, и мне кажется, что любой из них мог бы составить вам блестящую партию. Я говорю о Франциске, герцоге де Гизе, и об Антуане де Бурбоне, герцоге Вандомском.

— Антуан де Бурбон! — на мгновение забыв о формальностях придворного этикета, воскликнула Жанна. — Я... Я хорошо помню его. Он был на крещении новорожденного дофина.

— Я бы на вашем месте предпочел мсье де Гиза, — сказал Генрих. — Он принц, кузина, и доблестный воин.

— Но... герцог Вандомский тоже принц и тоже доблестный воин. Разве не так, сир?

Такой довод не понравился Генриху. Дело в том, что его фаворитка Диана предлагала герцога де Гиза, с которым состояла в родстве; кроме того, если бы принцесса Наваррская вышла замуж за Франциска Гизского, дом Валуа соединился бы с домом Гизов и, следовательно, получил бы власть над Лотарингией. Услышав об этом, Жанна окаменела от ужаса: она понимала, что если подобный брак был угоден любовнице короля, то Генрих тоже желал его; и, будучи рассудительной двадцатилетней женщиной, а не пылкой двенадцатилетней девочкой, она уже не верила в то, что на свете существуют какие-либо несчастья, способные тронуть сердца королей.

Она сказала, что хотела бы обдумать свое положение, и попросила разрешения покинуть королевский дворец.

Франциск де Гиз, величайший воин и самый честлюбивый человек Франции! Не много было женщин, которых не волновала бы перспектива брака с ним! И еще меньше было таких, которые не сказали бы, что возле него Антуан, с его пышными нарядами и изящными манерами, выглядел изнеженным юношей. Генрих наверняка полагал, что Жанна выберет силу, а не галантность. Вот почему, желая показать себя самым великодушным и терпеливым из монархов, Генрих дал ей несколько недель на размышление: он не сомневался, что предпочтение будет

отдано герцогу де Гизу. Жанна знала, что только этого и добивалась его обожаемая Диана, поскольку Диана была врагом Бурбонов, которых подозревала в благосклонности к протестантам; во Франции сейчас приобретали болезненную значимость все вопросы, имевшие маломальское отношение к религии. Гиз был добрым католиком; кроме того, он являлся другом Дианы и ее родственником по мужу. Король же мог выдать свою кузину за любого, кого бы ни предложила его любовница.

Последовавшие несколько недель были самыми волнующими днями в ее жизни. Франциск де Гиз не сомневался в своем успехе у принцессы Наваррской; он еще не знал о тайном блаженстве, которое та испытывала в обществе Антуана де Бурбона. Антуан объявил ей, что если король будет настаивать на ее браке с герцогом Гизским, то он, Антуан, и она, Жанна, вместе покинут Францию; Жанна не верила в то, что он мог оказаться настолько смелым и решительным человеком, однако еще больше полюбила его за это обещание.

Постепенно Жанна стала замечать, что королева — невозмутимая и холодная, преспокойно улыбавшаяся Диане — пристально следила за каждым ее шагом. Порой Жанна ловила ее бесстрастный взгляд, и тогда ей трудно было поверить в то, что с такой же точно бесстрастностью Екатерина могла относиться к своему положению самой отвергнутой и униженной из всех королев Франции.

Однажды Екатерина попросила Жанну навестить ее; когда Жанна вошла в ее покои, королева отпустила всех своих служанок и камеристок.

Екатерина обошлась без церемоний и сразу предложила сесть. Съжившись под ее холодным, почти змеиным взглядом, Жанна повиновалась.

— Если вы не позаботитесь о себе, — сказала Екатерина, — то вас выдадут замуж за Франциска де Гиза. Мне помнится ваш брак с Гильомом де ля Мерком, герцогом де Клеве. И я не забыла тот документ, что вы тогда написали. В те дни вы были отважны и решительны, кузина.

— Это не помогло мне, госпожа. Я все равно вышла замуж, и лишь фортуна да война смогли избавить меня от того брака — но не от того, что вы называли моей решительностью и отвагой.

— Скажите, вы верите в чудеса? — едва заметно улыбнулась королева. — О, я не имею в виду те чудеса, которые творили наш спаситель Иисус, наша Богоматерь и святые. Я говорю о чудесах, которые под силу таким людям, как вы.

— Я никогда не слышала о подобных чудесах, госпожа.

— И все-таки вы не сможете обойтись без них. Только чудо избавит вас от брака, которого вы не желаете. А избавившись от него, вы сможете выбрать желанного вам человека.

— Я не совсем понимаю.

— Почему Франциск де Гиз хочет жениться на вас? Потому, что он честолюбив. Ему нужно связать себя с кузиной короля. Он хочет подобраться поближе к трону.

— Да, я знаю, но...

— Вы можете указать королю на это обстоятельство. Скажите ему, что, позволив соединить Лотарингию с Наваррой, он увеличит власть человека, который, если не судить по хвалебным отзывам мадам де Пуатье, может стать его самым большим врагом. Напомните слова, которые перед смертью сказал ему отец: «Опасайтесь дома Гизов. Дом Гизский и Лотарингский угрожают благополучию дома Валуа». Спросите, не забыл ли он этих слов.

— Вы правы, госпожа. Но король должен и сам знать обо всем этом.

— Вы окажете услугу самой себе, если напомните ему о том, о чем его заставляют забыть. Я желаю вам добра. Поверьте, мне приятно было бы видеть вас супругой вашего избранника. Чему вы улыбаетесь, кузина?

Жанна без утайки ответила:

— Я подумала о том, как ваши желания совпадают с моими. Я не хочу, чтобы Франциск де Гиз стал моим супругом. А вы не хотите моего брака с ним, потому что этого желает мадам де Пуатье.

Екатерина холодно посмотрела на нее.

— Мадам де Пуатье меня не интересует. Я забочусь о вас.

— Я искренне благодарна вам, госпожа. Мне просто хотелось сказать, что на вашем месте я сделала бы то же самое. Я бы сделала все, чтобы унижить ее.

Казалось, Екатерина внезапно вспомнила о том, что была королевой Франции. Она подняла руку.

— Вы можете идти, — сказала она.

Жанна слишком поздно сообразила, насколько глубоко оскорбила королеву. Она повела себя глупо и бестактно; но как же трудно было притворяться, что не знаешь очевидных фактов! Ведь она хотела лишь сказать, что понимает Екатерину и одобряет ее желание проучить Диану!..

Жанна не преминула воспользоваться советом Екатерины.

Появившись в следующий раз во дворце, она была полна решимости напомнить королю о том, о чем, по словам Екатерины, его заставляли забыть.

— Ах, какой выдающийся человек, этот герцог Гизский! — благосклонно приняв ее, сказал король. — Пожалуй, во всей Франции нет подобного ему. Вы должны гордиться тем, что можете выйти за него замуж.

Жанна высоко подняла голову.

— Как, монсеньер! — воскликнула она. — Неужели вы допустите, чтобы эта герцогиня д'Амаль, которая сейчас чувствует себя польщенной, если ей позволяют нести шлейф моего платья, стала моей сводной сестрой?

Король покраснел от гнева — госпожой д'Амаль была не кто иная, как дочь его обожаемой Дианы.

Ничуть не смутившись, Жанна возмущенно выпалила:

— Неужели мой брак нужен только для того, чтобы дочь госпожи де Валентинуа могла идти рядом со мной и нести мой шлейф?

От ее дерзости Генрих опешил и, как часто бывало с ним в подобных случаях, даже лишился дара речи. Ему не часто приходилось сталкиваться с откровенными нападками на свою любовницу.

Жанна немедленно ухватила за возможность выговориться до конца.

— Сир, Франциск де Гиз заинтересован не столько во мне самой, сколько в моей короне. Еще бы! Когда его племянница Мария Шотландская выйдет замуж за дофина, а сам он, благодаря браку со мной, станет королем Наварры, то вполне возможно, что во Франции будет два короля, а не один.

Генрих недоверчиво покосился на кузину. Он мысленно представил себе этого лихого вояку, услышал крики парижан: «Гиза на трон! Гиза на трон!» В Париже Франциск Гизский уже сейчас почивал на лаврах. А кроме того, Генрих уважал меткие суждения своей кузины. Сам он не отличался особой проницательностью, но это не означало, что он не мог оценить ее в других. Он помнил, что мать Жанны была одной из самых блестящих женщин своего времени.

Жанна продолжила:

— Неужели вы могли позабыть слова вашего отца, которые он произнес, лежа на смертном одре? «Остерегайтесь дома Гизов...» О, сир, ваш прославленный родитель насквозь видел помыслы этой честолюбивой семьи.

Генрих подумал, что в словах кузины была заключена немалая доля правды; если Диана так настаивала на этом браке, то ей следовало напомнить о последней воле отца, предостерегавшего наделять Гизов слишком большой властью.

Он благосклонным жестом отпустил Жанну, а через некоторое время объявил о том, что полностью одобряет брачный союз своей кузины Жанны Наваррской д'Альбер и Антуана де Бурбона, герцога Вандомского.

Он нашел выход, устраивавший также и Диану. Франциску де Гизу должна была достаться невеста, которая в его глазах не уступала Жанне. Король собственноручно подписал брачный контракт между Франциском и Анной д'Эст, дочерью герцога Феррарского и внучкой Луи Двенадцатого. Этот брак был и королевским, и в то же время не настолько опасным, как союз с Наваррой.

Франциск Гизский принял это известие со всей благодарностью, на какую был способен; Диана на сей раз не могла не склониться перед волей своего любовника; и вот, Жанна Наваррская была помолвлена с человеком, которого выбрала себе в супруги.

Жанна чувствовала себя счастливейшей из счастливых. Ее служанки говорили, что на свете еще не было женщины, которая бы так много смеялась. Она объясняла: «Ну, конечно! Ведь я принцесса, и я выхожу замуж по любви!»

Целых пять лет прошло со дня крещения маленького

Франциска, когда она впервые увидела и полюбила Антуана, — но что теперь значили эти пять лет ожидания?

Одевая ее по утрам, служанки не могли надивиться ее веселому настроению; она смеялась, шутила, болтала без умолку и не переставала рассказывать о своем возлюбленном. Ну когда еще, все спрашивала она, принцессам королевской крови случалось выходить замуж по любви? Ее судьба была счастливей, чем у любой другой принцессы. Ей не хотелось вспоминать о своем прошлом замужестве — которое вообще не было замужеством; она хотела бы стереть из памяти те кошмарные минуты ее жизни, когда лежала на брачном ложе с Гильомом де Клеве. О, какой это был ужас! И какое чудесное избавление! Неудивительно, что она считала себя самой счастливой принцессой в мире.

Ее мать улыбалась, видя Жанну такой счастливой, однако не одобряла предстоящего замужества. На свою дочь она возлагала больше надежд. Вероятно, она была бы настроена более решительно, если бы не чувствовала такой апатии ко всем событиям окружающего мира. Отец Жанны тоже был против ее брака, но король Франции задобрил короля Наварры прибавкой к пенсии и обещанием отвоевать земли Верхней Наварры, которые в свое время были захвачены испанцами.

Жанна удивлялась молчанию отца, этого сурового католика, который избил ее, когда застал молящейся вместе со своей матерью, но не обмолвился ни единым словом, когда приближалась ее свадьба с протестантом Бурбоном; однако она знала, что его самой заветной мечтой было восстановление своих утраченных владений в Верхней Наварре.

Но разве было ей дело до того, какие бури могли разразиться из-за этого замужества? Пусть ее мать не одобряла такой партии. Пусть молчание ее отца было куплено деньгами и посулами воссоединения земель Наварры. Все это ничего не значило. Главное заключалось в том, что Антуан говорил о своей страстной любви к ней и Антуан должен был стать ее супругом.

Если не считать одного или двух мелких недостатков, то предстоявший брак немало радовал Антуана. Род Бурбонов уже давно не был в фаворе; когда король Франции на-

чал проявлять благосклонность к графу д'Энгийе, то казалось, что фортуна наконец-то улыбнулась их роду; однако со смертью графа Бурбоны не унаследовали его привилегий, а Гизы оказались в фаворе благодаря Диане.

И вот принц Антуан, глава дома, должен жениться на кухне короля Генриха. Антуану было приятно думать об этом; кроме того, мужчина пылкий и чувственный, он не мог не отдавать должного своей молодой невесте. Правда, с его точки зрения, ее двадцатилетний возраст был скорее почтительным, чем уж очень юным. Но в том-то и заключалась другая приятная сторона предстоявшего брака: не было никаких сомнений в том, что Генрих Наваррский уже не оставит после себя наследника, а значит, после его смерти Жанна станет королевой этой провинции. При французском дворе Жанну не считали красавицей. Точнее сказать, чертам ее лица просто не хватало известной изысканности, однако ее искренность не имела ничего общего с манерами других дам, а Антуан любил новизну; когда же ее вдохновлял какой-нибудь разговор или собственные мысли, то она становилась почти привлекательной. Наконец, она обладала умом и характером. Антуана, человека со слабовольным характером, притягивало к сильным натурам.

Итак, соединялись дома Валуа и Бурбонов. Он, Антуан де Бурбон, мог стать отцом будущего короля Франции! Разве это было невозможно? Молодой Франциск — теперь уже дофин — был весьма болезненным мальчиком. Недавно у Екатерины родился другой сын, Луи, но казалось, что тому вообще не было суждено долго жить на свете. Очевидно, король Генрих и королева Екатерина не могли иметь здоровых детей. Может быть, они страдали из-за грехов своих дедов — как по отцовской линии, с ее печально знаменитым Франциском Первым, так и по материнской, где дедом был безродный купец Лоренцо, присвоивший себе титул герцога Урбино и умерший от болезни, которая во Франции называлась английским, а в Англии — французским недугом. Генрих и Екатерина выглядели вполне здоровой парой, но их дети, казалось, не могли унаследовать здоровья родителей; а если так, то... словом, если дом Валуа не мог дать Франции нового короля, то корона должна была перейти к Бурбонам. За

нее, правда, попытались бы ухватиться и Гизы; однако французский народ едва ли позволил бы им это сделать. Бурбоны — в своих правах следующие за Валуа — имели бы в таком случае законные притязания на верховную власть во Франции, а кузина правящего короля открывала бы им прямую дорогу к трону. Да, брак с ней был и в самом деле неплох.

Маленькая Жанна обожала его. Не было ничего странного в том, что у него тоже пропал интерес к другим женщинам.

Антуан забеспокоился тогда, когда вспомнил о прошлом замужестве Жанны. Конечно, ее бракосочетание с герцогом де Клеве не было завершено, но ведь их обоих положили на брачное ложе; и король Франциск тогда сказал, что их союз должен считаться состоявшимся и полноценным.

Король Генрих сначала был настроен против брака Антуана и Жанны, а потом внезапно переменял решение. Почему? Мадам Диана была связана с Гизами; связана как родственными узами, так и общностью веры. Не она ли внушила своему любовнику этот дьявольский замысел — женить Антуана де Бурбона на принцессе Наваррской, а когда у них родятся сыновья, объявить тех незаконными?

Антуан мерил шагами просторные покои дворца Бурбонов. Он любил свою маленькую Жанну, он обожал свою маленькую Жанну; но не настолько, чтобы подвергать опасности будущее своего дома.

За день до свадьбы Антуан попросил короля об аудиенции и, получив ее, выразил сомнение в том, что его брак с Жанной, которая уже была замужем за герцогом де Клеве, когда-либо может состояться.

Жанна так и не узнала, какая опасность ей грозила.

Ко дню, на который была назначена свадебная церемония, королю и его приближенным удалось-таки рассеять страхи Антуана; после чего Антуан нашел в себе силы предаться любви. Имея завидные навыки в ее искусстве, тут он преуспел — к великому удовольствию Жанны.

«Да будет вечным мое счастье», — молилась она, хотя едва ли подразумевала, что этого может не произойти. Она была бесконечно счастлива; она не переставала напоми-

нать себе, что избежала того мужчины, которого ненавидела, и очутилась в объятиях того, которого любила. После такого чуда она не могла сомневаться в том, что теперь ее жизнь будет прекрасна и совершенна.

Во время свадебного пира отец отвел ее в сторону. От него пахло чесноком, а одежда была запачкана винными пятнами. Его манеры показались ей более грубыми, чем до ее знакомства с Бурбонами. Тем не менее он был ее отцом, и Жанна унаследовала от него больше черт, чем от матери. Он был храбрым воином, этот король Наварры. Пусть даже не таким изящным, как приближенные короля Франции; пусть даже способным поколотить ее — все равно она глубоко почитала своего отца.

Он сказал:

— Девочка, мне нужен внук. И я не хочу дожидаться его слишком долго. Вам в мужья достался придворный — изящный, привлекательный, тут я не спорю. Но смотрите, чтобы он делал детей вам, а не растрачивал их на других женщин. Я хочу сказать, что он из тех мужчин, которые не могут обойтись без прекрасного пола, пусть даже до сих пор он превосходно обходился без жены.

Жанна густо покраснела.

— Он вел светскую жизнь, я знаю. Но теперь он мой супруг. Поймите, отец, — мой. Он обещал начать со мной новую жизнь.

Ее слова заставили ее отца хохотнуть и даже икнуть, прикрывшись кубком.

— Не просите о верности, девочка. Просите сыновей. И не заставляйте меня слишком долго ждать, а то, хоть вы и супруга Бурбона, я возьмусь за розги.

Она улыбнулась. Ее отец слыл храбрым воином, и у него было множество кратких любовных связей с другими женщинами, но он был всего лишь мужчиной, и ее мать никогда его по-настоящему не любила. Жанна говорила себе, что далеко не всем супругам дано любить друг друга, как она и Антуан, — быть настолько преданными и верными своей любви. А может быть, до них вообще не было идеальной супружеской пары.

Антуан согласился с ней.

— Я и в мечтах не представлял себе, — сказал он, — что однажды испытаю такое счастье, какое выпало мне сего-

дня. Ах, моя несравненная супруга, как я жалею, что не знал столь же чистой и непорочной жизни, какая была у вас.

Жанна нежно поцеловала его.

— С прошлым покончено, Антуан. А будущее принадлежит нам.

Антуан вдохновенно продолжил:

— В моих глазах все женщины теперь выглядят уродливыми. Почему так, моя маленькая Жанна? Ни в одной из них не осталось и следа от бывлой красоты. Она целиком перешла к вам. Да, вся красота мира воплотилась в вашем чудесном облике. Чего бы не отдал я за один ваш поцелуй!

Жанна верила ему. Да и сам Антуан уже не помнил, что еще вчера собирался отказаться от брака с ней.

Два года она была счастлива. Они с супругом горячо любили друг друга; Антуану как будто передавались ее искренние чувства и уверенность в том, что счастье никогда не покинет их.

В течение этих двух лет Антуан нередко отлучался из дома; иногда ей случалось сопровождать его в поездках, а когда это было невозможно, она терпеливо дожидалась его возвращения, и после каждого его приезда снова начинались их счастливые, блаженные дни.

Было и горе. В конце года умерла мать Жанны. Она и не желала жить после смерти короля Франциска.

Второе горе последовало вскоре за первым.

В сентябре Жанна, к великой своей радости и удовольствию своего супруга, родила сына. Затем она пожелала сопровождать Антуана в поездке на места военных действий и, вспомнив о своей старой гувернантке Эме де Силли, поручила сына ее заботам. Трудлюбивая и расторопная женщина, мадам де Силли была полна решимости быть достойной оказанной ей чести. Однако в последние годы у нее начали побаливать суставы, которые к тому времени были так чувствительны, что даже малейший сквозняк неизменно сказывался на ее болях; вот почему она запечатала все окна, завесила стены плотными арабскими коврами и днем и ночью во всех комнатах поддерживала огонь; тепло, объявила она, полезно для здоровья, и что хорошо для нее, то благотворно и для молодого

принца Наваррского. В результате младенец ни разу не глотнул свежего воздуха и все время лежал туго завернутым в пеленки, которые почти никогда не менялись. Неудивительно, что при таком уходе мальчик увядал прямо на глазах; наконец его состояние стало настолько угрожающим, что об этом сообщили Жанне. Немедленно примчавшись к сыну, она была поражена тем жалким видом, в котором застала его; бросив гувернантке немало горьких упреков, она тут же отобрала у нее ребенка. Увы, было слишком поздно. Маленький принц умер, не прожив на свете и года.

Горе было безутешным, но она уже носила в себе нового ребенка, и на этот раз Жанна поклялась, что будет сама выхаживать его. К ее великой радости, новорожденный оказался чудесным, здоровым мальчиком. Под ее присмотром — так не похожим на заботы мадам де Силли — он стал быстро расти и крепнуть.

Затем военные действия временно прекратились, было заключено перемирие, и она вместе с Антуаном, сыном и слугами отправилась навестить замок отца, где собиралась в семейном кругу провести Рождество.

Антуан тоже был счастлив. Он постоянно думал о супруге и находил, что еще не знал женщины, подобной ей. Со своей прямоотой и почти наивной искренностью, она была просто очаровательна; а главное, она хранила ему беззаветную преданность. Антуан немного гордился своим мужским обаянием; он имел у женщин такой же успех, как и его брат, принц Конде, и прекрасно знал об этом. Их высокое положение, приятная внешность и та романтическая жизнь, которую они вели в прежние дни, оставались предметами постоянного соблазна придворных красавиц. Находясь в разлуке с Жанной, он писал ей: «Я никогда не думал, что смогу принимать ухаживания дам с таким пренебрежением, как делаю это сейчас. Не знаю, виной ли тому ветры, что дуют со стороны Беарна, или мои глаза каким-то образом изменились, но я вижу всех женщин не такими, какими они были раньше».

Ах, милый, тщеславный Антуан, подумала тогда Жанна. Значит, он все-таки принимал ухаживания других дам! Ну ничего, с распутным прошлым было покончено раз и навсегда.

Итак, Жанна продолжала наслаждаться браком; ей все больше нравилась семья супруга — особенно ее сводная сестра, принцесса Элеонора, жена принца Конде. Через Элеонору она сошлась с родственниками принцессы, со знаменитыми Колиньи — Гаспаром, Одетом и Андело. У Жанны и Элеоноры было много общего; они обе любили своих мужей, и их мужья были братьями. Порой Элеонора казалась Жанне святой женщиной; о себе она так не думала, поскольку мало изменилась с того времени, когда вырезала головы святых, вытканых на гобелене ее матери, и заменила их лисьими головами; она была такой же вспыльчивой и темпераментной, как и прежде.

В первые годы замужества она зажглась религиозным пылом своих новых друзей. Ее самыми счастливыми днями — когда она не могла наслаждаться обществом супруга — были те, что она проводила во дворце принца Конде. Туда приходили все, кому была близка новая вера; там бывали и богатые, и бедные; одни приносили письма, другие устно передавали сообщения и новости, слишком важные, чтобы их можно было доверять бумаге. Там она виделась с дядями Элеоноры — Гаспаром, Одетом и Андело; в этой семье не было человека — исключая Антуана, — который восхищал бы ее больше, чем Гаспар де Колиньи. Он был из тех великих людей, которые не задумываясь пошли бы на смерть за то, что считали правильным и верным. Жанне иногда хотелось ближе сойтись с Бурбонами и вступить в их религиозную общину. Однако она понимала, что это было невозможно, пока жив ее отец. Она помнила, как тот избил ее, когда застал молившейся вместе с матерью. Разумеется, не наказания были ей так страшны: в любом случае, отец уже не смог бы избить ее; однако в Писании сказано, что дети должны почитать родителей, — как же она могла ослушаться воли своего отца? Нет! Ей не следовало забывать своего долга перед ним; она должна была ограничиться одними дискуссиями о новой вере, которую желала постигнуть; она не могла принять ее... точнее, пока не могла.

Отец Жанны встретил их с редким для него радушием. Он никак не мог наглядеться на внука, хотя и упрекнул дочь за смерть ее первенца. Впрочем, второй малыш на-

столько пришелся ему по душе, что он готов был простить Жанне ее прошлую вину.

В честь их приезда и чтобы развлечь дочь и зятя, он устроил для них большую охоту и был разговорчив как никогда. Изящные манеры и изысканные наряды Антуана не совсем понравились ему. «Беарн это не Париж, — ненадолго помрачнев, напомнил он. — Ну ничего, здесь мы любим все вещи такими, какие уж они есть».

Жанна улыбнулась, заметив, что манеры ее отца были гораздо менее грубыми, чем обычно, и решила не делать уступок чересчур требовательным Бурбонам.

Охота прошла великолепно. Жанна наслаждалась тем, что скакала на лошади позади отца и впереди мужа.

Когда охота закончилась и они вернулись в замок, то первым звуком, который она услышала, был крик маленького принца, ее сына. Она тотчас послала за кормилицей и спросила, что беспокоит его.

— Он немного капризничает, — дрогнувшим голосом ответила кормилица. — Не волнуйтесь, госпожа, это скоро пройдет.

Однако мальчик кричал всю ночь напролет.

В Фонтенбло, отдыхая в своей спальне, Екатерина де Медичи думала о Жанне и не могла понять, почему ее мысли все время возвращались к этой женщине. Еще давно, в первый раз увидев при дворе Жанну д'Альбер, она почувствовала антипатию к ней: то чувство было странным, не поддающимся никакой логике, и оно велело остерегаться молодой принцессы. Остерегаться? Почему? Жанна казалась просто глупой девчонкой, не разбирающейся в людях и не имеющей никакого понятия о дипломатии. Правда, она продемонстрировала силу характера, когда ее попытались выдать за герцога де Клеве. Однако в документе, что она тогда написала, сказала не только ее решимость бороться до конца, но и очевидная несдержанность. Жанна слишком ненавидела тот брак, еще бы! Племяннице короля Франциска, кузине короля Генриха, всучить какого-то чужеродного замухрышку-герцога. Екатерине было приятно сравнивать то замужество со своим собственным, которое осчастливило бы ее, если бы Генрих

хотя бы делал вид, что любит ее, как Антуан де Бурбон любит свою супругу.

Но до чего же недалеко была Жанна, если не понимала, как быстро испаряется ее сегодняшнее счастье! Неужели она так слепа? Неужели не видит наследственных слабостей Антуана? Сейчас он верен ей. Но только сейчас! Екатерина закатилась тем громким смехом, который позволяла себе, когда оставалась одна. Долго ли, по мнению этой дуручки, Антуан де Бурбон будет хранить верность супруге? Просто чудо, что он хранил ее до сих пор. А когда супруг Жанны начнет изменять ей, то она не сможет скрыть своего горя, потому что она не воспитывалась в суровой школе Медичи. Интересно, как повела бы себя Жанна д'Альбер, если бы в течение двадцати лет наблюдала, как ее муж изменяет ей с любовницей? Смогла бы она улыбаться и спокойно ожидать своего часа?

Нет! Она бы рассвирепела и с каждым днем становилась бы все свирепей! Едва ли такая женщина испугалась бы препятствий, которые стояли бы на пути к ее счастью. Подумав об этом, Екатерина нахмурилась; она еще раз вспомнила лицо Жанны: его неправильные, почти непривлекательные черты были исполнены такой силы, какой еще никто и никогда не видел в лице женщины. Что ж! Она, Екатерина де Медичи, будет внимательно следить за каждым шагом Жанны д'Альбер; ни один ее поступок не останется незамеченным; тогда она поймет, почему так боялась ее.

Эта неосознанная боязнь могла объясняться тем, что одно время Жанну хотели выдать за Генриха. Насколько бы Генриху понравилась его кузина? Смогла бы она развеять непобедимые чары Дианы де Пуатье? А если да, то не это ли было причиной ее странного чувства? Может быть, сейчас в ее страхе сказывалось нечто вроде ревности к той, которая могла бы оказаться более счастливой в браке с Генрихом?

Внезапно ей захотелось посмотреть на своего последнего ребенка; при мысли о нем ее лицо смягчилось. Сейчас его принесут, ее маленького драгоценного Генриха, которому она была обязана тем, что он хотя бы ненадолго разлучил ее супруга с Дианой.

Стоило ли так опасаться Жанны д'Альбер, когда у нее

было трое сыновей, защищавших ее корону от детей принцессы Наваррской? Может быть, сын Жанны и был главной причиной всех ее страхов?

Теперь она уже ни минуты не могла оставаться без своего ребенка. Ей хотелось держать его в руках, любоваться его красотой и удивляться самой себе — женщине, уставшей от бесчисленных унижений, ставшей циничной от безысходности и отчаяния, но все-таки способной любить это маленькое, хрупкое существо.

Она позвала Магдалену, свою служанку.

— Принеси ребенка. Моего маленького Генриха.

— Хорошо, госпожа.

Магдалена замешкалась. У нее были новости, и они могли заинтересовать ее хозяйку.

— В чем дело? — спросила Екатерина. — Хочешь что-то сказать?

— Да, госпожа. Есть новость из Беарна.

— Из Беарна?

Екатерина встала; ее глаза заблестели. Какое-то известие от Жанны д'Альбер. Неудивительно, что эта женщина сегодня не выходила у нее из головы.

— Подойди ко мне, Магдалена, — внезапно повысив голос, приказала она. — Какие новости?

— Плохие, госпожа. Ужасное известие. Молодой принц умер.

Екатерина едва сдержала торжествующую улыбку; та уже была готова появиться на ее губах, когда королева вспомнила, что ее служанке не полагалось знать слишком много.

— Умер!

Екатерина испустила какой-то хриплый звук, который мог быть и смехом, и стоном.

— Эта женщина не может иметь детей! Два ребенка — и оба мертвы!

— Ах, госпожа, это была ужасная случайность. Все произошло по вине кормилицы. Она стояла у окна и разговаривала с одним придворным, а потом, разыгравшись с ним, кинула ему малыша. Случилось так, госпожа, что тот не поймал ребенка.

— Вот как? — проговорила Екатерина. — Стало быть, мадам д'Альбер разрешает слугам не только играть в мяч,

но иногда и заменять его ребенком госпожи? Неудивительно, что она не может выходить своих детей!

— У мальчика оказались сломаны ребра, но кормилица испугалась гнева госпожи и не говорила об этом до тех пор, пока молодой принц не умер. А когда его распеленали...

Охваченная внезапной тревогой Екатерина воскликнула:

— Ступай и принеси мне моего маленького Генриха! Живей! Не теряй времени!

Магдалена выбежала из спальни и вскоре вернулась с ребенком, которого передала в материнские руки. Екатерина прижала его к своей груди. Он был с ней, ее дорогой мальчик, и он мог вознаградить за все страдания, причиненные его отцом.

Теперь, когда ее любимец был в безопасности, она позволила себе рассмеяться над горем женщины, которую по-прежнему считала своим врагом.

Жанна снова была беременна.

День и ночь она молилась о том, чтобы ей было дано счастье благополучно родить и вырастить ребенка. Она вела спокойный, размеренный образ жизни. Ее навещали родственники супруга. Антуан пользовался каждой возможностью, чтобы покинуть военный лагерь и приехать домой. Он любил ее так же, как и прежде. Его постоянство многих удивляло, но Жанне оно казалось естественным условием ее супружества. Разумеется, у них бывали и ссоры, и вспышки ревности, но, как говорила Жанна, все это только показывало, насколько они дорожили друг другом. Трагический случай с их ребенком — тот ужасный случай, когда бедное дитя несколько часов лежало с переломанными костями и умирало от боли — мог бы навсегда разрушить счастье Жанны, если бы рядом не было Антуана, ставшегося утешить ее.

— Переложите на меня ваше горе, — сказал он тогда. — Умоляю вас, не терзайте себя, не вспоминайте больше об этом. — И, помолчав, философски добавил: — Господь воздаст сторицей за все, что забирает у нас.

Ее отец был вне себя от ярости; она думала, что он избьет ее, как однажды избил до потери сознания. У него

всегда был вспыльчивый, крутой нрав. Он называл ее бесчеловечной и жестокой; он сказал, что едва ли она воспитает ему наследника и что ему самому придется жемиться. Он угрожал тем, что женится на одной из своих любовниц, которая хоть и не была королевской крови, но зато имела от него сына и знала, как вырастить мальчика здоровым и крепким. Тогда бы он добился, чтобы того признали законным наследником короля Наварры. И он хотел бы посмотреть на Жанну, когда та не унаследует трона, потому что она недостойна его; более того, она жестока и бесчеловечна...

Они разругались, и Жанну довела до слез мысль о том, что ее будущим детям, если они и вправду были обречены на такую недолгую жизнь, было бы не очень важно, лишат их наследства или нет.

Впрочем, перед тем как расстаться, ее отец смиловился и взял с нее обещание, что если она когда-нибудь забеременеет еще раз, то переедет к нему в замок По, где он сможет присмотреть за ней и ее ребенком.

Такое обещание было дано, и они расстались.

И вот она узнала, что вновь забеременела. Антуан был в отъезде, и она, не теряя времени, собралась в путь; когда она приехала в По, отец тепло встретил ее.

Он приготовил для нее покои ее матери, самые роскошные во всем замке. На стенах висели изысканные живописные полотна, а великолепная малиновая драпировка была вышита самой Маргаритой, которая изобразила на ней сцены из своей жизни.

Отец присматривал за ней, но не позволял слишком часто отдыхать. Он не считал полезным тот праздный образ жизни, который был принят при дворе короля Франции.

Когда до родов оставалось несколько недель, у него с Жанной состоялся серьезный разговор. Если она не подарит ему внука, заверил он ее, то все наследство достанется его внебрачному сыну, который очень скоро будет признан законным.

— Я бы не желал такого исхода, — сказал он, — но если вы не можете как следует заботиться о детях, то этим придется заняться мне.

Затем он показал ей золотую цепь, длина которой была вполне достаточной для того, чтобы двадцать пять раз

обернуть шею Жанны, и к концу которой была прикреплена маленькая золотая шкатулка.

— А теперь послушайте, девочка, — сказал он. — В этой шкатулке лежит мое завешание, где я все оставлю вам. Но там есть одно условие: вы получите все, что я имею, но только сначала дадите мне кое-что взамен. Мне нужен внук. Мне очень нужен внук, и я очень боюсь, что у меня его не будет. Не перебивайте, когда разговариваете с отцом! Так вот. Этот мальчик должен появиться на свет не для того, чтобы сразу услышать женские стоны и крики. Я хочу, чтобы о его рождении возвестили как о великом событии, каким оно и станет на самом деле. Разве он не будет моим внуком? Так пусть же первыми звуками, которые он услышит, будет пение его матери, и пусть она поет одну из беарнских или гасконских песен. Повторяю, не те слащавые куплеты, что сочиняются для французского королевского двора, а какую-нибудь песню ее родины. Вы меня поняли, моя девочка? Дайте мне услышать песню, которая возвестит о рождении моего внука, и в обмен у вас будет все, чем я владею. Да, дочь моя, как только я умру, все это станет вашим в обмен на внука! Согласны ли вы выполнить мою волю?

Жанна звонко рассмеялась.

— Да, отец. Все будет так, как вы хотите. Когда мой сын появится на свет, я буду петь, а вы будете стоять рядом со своей шкатулкой.

— Слово беарнца! — торжественно сказал он и поцеловал ее в обе щеки.

— Я пришлю служанку, — добавил он, — мою верную Котен. Она будет спать в передней. В какой бы час дня или ночи ни начались роды, она позовет меня, и я приду послушать, как вы исполните свою часть нашего уговора.

Недели ожидания показались Жанне такими же счастливыми, будто рядом с ней был ее Антуан. Она часто и подолгу прогуливалась с отцом, который велел ей делать больше физических упражнений и меньше разлеживаться. Он жил в постоянном страхе, что ее ребенок будет таким же, как дети короля Франции — «эти немощные выродки», называл он их. Весь мир должен был увидеть, каким родится его внук — настоящий беарнец, где появление на свет подобает приветствовать песнями и подарками.

И вот наконец настало то пасмурное утро, когда Жанна почувствовала приближение родов и попросила Котен быть наготове. Вскоре начались первые схватки. Они сразу напомнили о тех страшных муках, которые ей пришлось вынести в прошлые два раза. Жанна уже не представляла, что сможет петь в то время, как ее тело будет разрываться от нечеловеческой боли. Но она должна была пересилить себя и свои страдания; от этого зависело наследство ее отца.

— Котен, — позвала она. — Котен... быстрее... беги за отцом. Ребенок вот-вот родится.

По ее лицу струился пот, тело корчилося от невыносимой боли; однако она смогла расслышать шаги своего отца, поднимавшегося по лестнице, и запела — это была одна из здешних песенок, и она называлась «Пресвятая наша Дева»:

Пресвятая наша Дева,
Помоги мне в этот час.
Передай мою молитву
Богу нашему Христу.
Пусть Он мне подарит сына,
Пусть мой сын родится сильным.
Знаю, в радости и в боли
Ты поддерживаешь нас.
Снизойди к моим страданиям,
Разреши меня от бремени,
Пресвятая наша Дева,
Помоги мне в этот час.

Генрих смотрел на нее торжествуя; и, как только боли отпускали ее, она вновь и вновь пела, обращаясь к Пресвятой Деве. Генрих был доволен. Только так и следовало рождаться его внуку.

И наконец... послышался плач ребенка.

Генрих растолкал стоявших у постели; протянул вперед дрожащие руки.

Мальчик! Генрих был счастлив.

— Вот он, истинный беарнец! — воскликнул он. — Какое еще дитя могло появиться на свет под пение своей матери? Вот он, мой дорогой мальчик. Что вы с ним делаете? Он мой! Я называю его Генрихом и говорю вам, что

ему предстоит великая жизнь. Дайте его мне! Дайте его мне! Ах, нет... подождите немного.

Он снял с шеи золотую цепочку и повесил в изголовье дочери; затем, лукаво улыбнувшись, вложил в ее руки золотую шкатулку.

Готово... Теперь — внук! Он взял ребенка у слуг и завернул в полы своего длинного халата. Затем пошел к выходу, не переставая повторять:

— Вот он, истинный бearнец. О, мой благословенный внук! Тебя ожидает славная жизнь, Генрих Наваррский.

Оправившись от перенесенных мук, Жанна обнаружила в своих руках золотую шкатулку и попробовала открыть ее. Однако шкатулка оказалась запертой. Ключа не было: ее отец ничего не говорил о ключе.

Итак, он не хотел, чтобы она узнала, какой документ хранился в шкатулке. Пока он жил, она не могла узнать, что именно было завещано ей и ее сыну; увы, ей приходилось довольствоваться одной лишь надеждой на наследство.

Она разозлилась: отец разыграл ее! Однако через некоторое время ярость прошла. Такой поступок был в характере ее отца. Он заманил ее в ловушку и заставил выполнить свою часть уговора. Теперь ей оставалось только смириться и терпеливо ожидать того времени, когда она сможет узнать свою участь.

А между тем Генрих Наваррский пожирал глазами своего внука. Он потерял его губы долькой чеснока — по гасконским поверьям, так можно было уберечь ребенка от отравления ядом. Затем позвал слуг и нетерпеливо бросил им:

— Принесите вина.

Когда вино принесли, он налил его в чашу и дал попробовать новорожденному. Ребенок сделал глоток; тогда его дед торжествующе обвел взглядом прислугу и засмеялся от удовольствия.

— Вот он, истинный бearнец! — снова воскликнул он.

Интерес Генриха Наваррского к внуку не пропал и после того, как тот родился. По его мнению, ребенок не должен был страдать от излишней избалованности, и поэтому

он решил поручить младенца заботам жены одного из своих работников.

Безжалостно поправ права материнства, Генрих освободил эту женщину от всех остальных обязанностей и под страхом суровой кары велел беречь здоровье своего наследника; он сказал ей, что ребенок не должен знать никаких нежностей и сюсюканий и что он и мать новорожденного будут навещать его. Маленького Генриха не заворачивали в пеленки; вообще, если не считать обильного питания, с ним обращались как с сыном простого батрака. Немало напуганная возложенной на нее ответственностью, бедная Жанна Форшар гораздо больше гордилась честью, которую оказали ей, — а кроме того, была довольна достатком, который, благодаря маленькому принцу, появился у нее и ее мужа. Имя младенца, росшего в их доме, ни для кого не было тайной, поскольку перед дверями всегда дежурили двое вооруженных стражников из охраны короля Наварры.

Так рос и с каждым днем креп маленький Генрих; однако его деду недолго было суждено любоваться внуком. Менее чем через год после его рождения король Генрих умер; он стал жертвой эпидемии, свирепствовавшей тогда по всей стране.

Жанна стала королевой Наварры и, не теряя времени, провозгласила Антуана ее королем.

Именно тогда она впервые засомневалась в своем супруге — не в его супружеской верности, а в его пригодности к государственной деятельности. Что касается остального, то в ее глазах он был самым совершенством.

После того как Наваррой стала править женщина, король Франции задумался, зачем ему нужно было какое-то незначительное королевство, расположенное слишком далеко от Парижа и слишком близко к испанской границе; Генрих решил сменить его месторасположение. С этой целью он вызвал Антуана в Париж, и после недолгого разговора с монархом тот согласился на обмен.

Когда он вернулся к Жанне и рассказал ей о предложении короля, она ужаснулась; они в первый раз по-настоящему поссорились, и она, не сдержавшись, сказала, что только круглый дурак мог позволить так обвести себя вокруг пальца.

В их отношениях появилась отчужденность, которую особенно болезненно переносила Жанна; Антуан умел быстро оправляться от любых потрясений. Тогда-то она и открыла в себе незаурядные дипломатические способности. Она поехала в Сен-Жермен, где встретила с королем, хотя Антуан и отговаривал ее от этого: если обмен уже согласован, то Генриху легче упрятать ее за решетку, чем отказать от выгодной сделки. Однако Жанна, зная о том, что ее подданные никогда не покорятся королю Франции, проявила немало упорства и изобретательности и в конце концов добила своего: ей удалось убедить Генриха в том, что сама она готова согласиться с обменом, если с ним будут согласны ее подданные; при этом она не преминула заметить, что если они не согласятся с таким предложением, то поменять территорию королевства будет невозможно. Генрих счел такие доводы вполне разумными и отослал Жанну обратно, чтобы проверить лояльность своего народа. Она оказалась права: на такую лояльность можно было положиться. Как она гордилась собой, когда прискакала в По и засвидетельствовала общую волю своих подданных, не пожелавших подчиняться никому, кроме самой Жанны!

Ей было и радостно, и грустно: она никак не могла избавиться от чувства, что Антуан, так легкомысленно отказавшийся от королевства, которое она любила, в каком-то смысле предал ее.

Вскоре их вызвали в Париж, где должна была состояться свадьба дофина и шотландской королевы Марии; вот когда Жанне было суждено еще раз призадуматься об умственных способностях того, кого она выбрала себе в мужа.

В Париже они первым делом встретили одного старого приятеля Антуана, с которым тот давно не виделся и слуга которого только что попал в тюрьму. Этот человек попросил Антуана посодействовать ему в освобождении своего слуги, и Антуан, польщенный высоким мнением о его влиятельности, обещал выполнить эту просьбу. Его брат, кардинал Бурбон, как раз был комендантом Парижа, и поэтому он без труда сделал приятное одолжение своему старому другу.

Узнав о случившемся, король пришел в ярость от столь

возмутительного вмешательства в государственные дела, и, когда Жанна и Антуан нанесли ему визит вежливости, Генрих встретил их холодной улыбкой.

После первых приветствий он повернулся к Антуану и произнес:

— Монсеньер! Разве я не говорил вам, что во Франции есть и будет только один король?

Антуан склонился перед ним.

— Сир, в лучах Вашего Величества мое солнце меркнет, и в этом королевстве я не более чем ваш подданный и слуга.

— Так как же вы осмелились, не спросившись, открыть мои тюрьмы?

Антуан бросился объяснять свой поступок, а лицо короля помрачнело от ярости. Однако тут, проявив недопустимую, но спасительную бесцеремонность, в комнату ворвался маленький мальчик — молодой Генрих Наваррский, сын Жанны и Антуана. Ясноглазый и розовощекий, он быстро оглядел их, а затем без колебаний подбежал прямо к королю и обнял его колени. Он не знал, чьих ног он посмел коснуться; он знал только то, что этот человек почему-то понравился ему.

Король Генрих всегда был равнодушен к детям — как и они никогда не могли устоять перед ним. На один миг — но только на один миг — он замешкался, а потом опустил глаза на восхищенное и доверчивое лицо этого малыша.

— Ты кто? — спросил король.

— Я — Генрих Наваррский, — быстро ответил мальчик. — А вы кто?

— Генрих Французский.

Король взял мальчика на руки и улыбнулся; детские ручонки тотчас обвили его шею.

— Ну и ну! — проговорил король. — По-моему, вы были бы не прочь стать моим сыном.

— Я бы с удовольствием, — ответил мальчик, — но у меня уже есть папа. Вот он!

Король развеселился. Он поцеловал мальчика в розовую щечку и сказал:

— Что ж, тогда придется сделать вас моим приемным сыном.

После такого разговора с маленьким Генрихом Наваррским королю было уже трудно сердиться на его отца. Вопрос был решен.

— И все-таки в будущем не забывайте о том положении, которое занимаете во Франции, — махнув рукой, сказал он.

Наблюдая за этой сценой, Жанна гордилась сыном и стыдилась за супруга. Ее поразила мысль о том, что она должна была по-прежнему любить человека, к которому так безнадежно утратила былое уважение.

О, как отличался маленький Генрих от детей королевской семьи! У него был гораздо более цветущий вид, и порой он вел себя как простой деревенский мальчик. Он не осознавал своего положения при дворе; когда Марго, которая была на год старше его, решила посмеяться над ним, то очень скоро очутилась лежащей на полу. «Он же еще маленький, — объясняла потом Жанна, потому что Марго расплакалась в три ручья и пожаловалась гувернантке. — И, увы, еще не научился хорошим манерам».

Екатерина услышала об этом инциденте и хрипловато рассмеялась.

— Это, верно, старый беарнский обычай, избивать маленьких девочек? — спросила она, и Жанну охватил такой приступ ярости, какого еще никому не удавалось вызвать в ней и какой, конечно, не соответствовал породившей его причине, если причиной считать случай с ее ребенком.

Впрочем, Генрих быстро учился; вскоре он начал перенимать манеры детей Екатерины и молодой принцессы Гизской, которая немало времени проводила в королевской семье.

Однако Жанна с тех пор стала ощущать все большую подавленность: она не могла быть уверенной ни в одном из обитателей королевского двора; все они были неискренни; все они могли улыбаться, говорить комплименты и в то же время ненавидеть собеседника. Королевские дети вызывали у нее самые зловещие предчувствия.

Бедный Франциск, новоиспеченный жених, был безумно влюблен в свою невесту. Он непрерывно говорил Марии о своей любви, отводил ее в угол комнаты или зала и о чем-то подолгу шептал ей на ухо. Вся его жизнь была в ней, и он пробовал свою силу и выносливость, пыта-

ясь превзойти других в обычных мужских утехах; бывало, он скакал на коне до тех пор, пока не падал от изнеможения, — и все только для того, чтобы показать молодой шотландской королеве, насколько мало он отличался от остальных мужчин. Его мать наблюдала за ним, но не проявляла ни малейшей озабоченности его чахнувшим здоровьем; Жанна никак не могла понять такой странной беспечности Екатерины.

Вот и Мария — само очарование и кокетство, прелестнейшая девушка из всех, кого до сих пор Жанне доводилось видеть; и все-таки чуть позже Жанна начала думать, что она была бы более привлекательна, если бы меньше сознавала силу своих чар. Слишком уж надменно принимала она все почести, которыми осыпали ее; казалось, ее мысли были заняты только ее очарованием и красотой. Она даже пробовала вскружить голову маленькому Генриху Наваррскому, и тот — смелый, восприимчивый мальчуган! — поддался было на ее кокетство. Неужели он, думалось Жанне, будет таким же, как его великий дядя, король Франциск Первый?

А Карл? Маленькому Карлу исполнилось только восемь лет, а в нем уже было что-то такое, что не могло не настораживать. Может быть, тому причиной был этот диковатый блеск в его глазах? Или эти неожиданные приступы истерического смеха, сменявшиеся такой же беспричинной подавленностью? Было довольно жутко видеть те длинные взгляды, которые он бросал на королеву шотландцев, зная о его зависти к старшему брату. Иногда он бывал вполне заурядным, забавным ребенком, но Жанне все равно не нравился блеск в его глазах. Они и тогда казались безумными.

Генрих, любимец Екатерины, родился на год позже Карла. У него тоже хватало странностей. Вне всяких сомнений, он был умен. Рядом с ним маленький Генрих Наваррский выглядел еще более невоспитанным мальчиком, чем обычно; однако едва ли Жанне хотелось бы иметь такого сына. Он постоянно жеманничал и без усталости прихорашивался; он наряжался в самые изысканные костюмчики, он плакал, когда не мог получить какого-нибудь экстравагантного украшения, и не переставал разговаривать о покрое своих нарядов; чем-нибудь обеспокоившись, он тут

же бежал под защиту матери; выпросив у нее какое-нибудь украшение, он немедленно напяливал его на себя. А как менялась Екатерина, когда он был с ней! Она ласкала и баловала его без меры; хотя при крещении ему дали имя Эдвард Александр, она всегда называла его Генрихом — в честь его отца, которого, несмотря ни на что, любила. Жанна никак не могла понять Екатерину. Этот ребенок один из всех ее детей не боялся матери; даже обычно самоуверенная Марго съеживалась от страха, когда Екатерина всего лишь опускала глаза на нее; Жанне, видевшей это, часто становилось не по себе.

А сама Марго? Если бы Марго была моей дочерью, думала Жанна, то я бы не жалела розог на нее. Жанна чувствовала: в Марго созревало нечто такое, что требовало пристального присмотра за ней. Марго недавно исполнилось пять лет, и она казалась бы очаровательнейшим ребенком, если бы не несколько тяжеловатый нос — фамильная черта Валуа, которую она унаследовала от деда. Марго была смышленной, живой и очень рано развитой девочкой. В таком возрасте дети не должны быть такими чувственными. В свои пять лет она вела себя почти как взрослая женщина, и мальчиков не раз озадачивали ее лукавые взгляды и чересчур кокетливые жесты. Жанна была рада тому, что Марго и ее Генрих подрались в первый же день их знакомства. Она бы не хотела, чтобы ее сын был пленен порочными чарами Марго, как поддался обаянию и кокетству шотландской королевы Марии. Наблюдая за этими детьми, трудно было не подумать, что у Марго началась настоящая любовная интрига с младшим сыном герцога Гиза — еще одним Генрихом. Они то и дело куда-то исчезали, а потом вместе возвращались, раскрасневшись и возбужденные.

Маленький Эркюль на их фоне выглядел бы чудесным мальчиком, если бы не его жадность и эгоизм. А ведь ему было четыре годика — на несколько месяцев меньше, чем маленькому Генриху Наваррскому.

Да, в этой семье, такой богатой детьми, не было ни одного вполне здорового и нормального ребенка; и когда Жанна видела рядом с ними их мать, то чувствовала, что именно в ней крылась причина их странностей. Казалось, та внушала им такой благоговейный ужас, что они больше

всего на свете хотели заслужить ее похвалу — и в той же мере боялись ее малейшего недовольства. Жанна заметила, что королева Екатерина внушала подобные чувства почти всем, кто окружал ее, — и эти чувства были далеки от любви или просто привязанности.

Впрочем, рядом с отцом те же дети выглядели самыми обыкновенными, нормальными детьми. Из глаз Карла сразу куда-то пропадало безумие; Генрих уже не казался таким жеманным; Марго забиралась на отцовское колено и, как любая резвая девочка, начинала дергать отца за бороду; в присутствии Генриха Французского все они были просто счастливыми и беззаботными детьми.

Свадьбе дофина предшествовали многочисленные дворцовые церемонии и празднества. Антуан не переставал говорить о том, как ему приятно после долгой разлуки побыть рядом со своей супругой; на одном из турниров он сказал, что их воссоединение было похоже на второй медовый месяц. И, оглядываясь вокруг себя, видя раздоры других супружеских пар, Жанна уже начинала думать, что глупо было критиковать мелкие недостатки ее супруга; она продолжала благодарить Бога за то, что он подарил ей такое бесценное сокровище — любовь ее Антуана.

Она жалела Екатерину, которая не могла не видеть, как любовница ее супруга забирает у нее все, что должно было принадлежать ей. Куда бы Жанна ни посмотрела, всюду ей на глаза попадались инициалы Д и Г — Диана и Генрих, — а не Е и Г, как требовала традиция дворцовых турниров и празднеств. Каким же это должно было быть унижением! И как безропотно оно было принято!

— Если бы вы обращались со мной подобным образом, — сказала она Антуану, — то я бы вышвырнула из королевства эту женщину. Я бы не потерпела такого пренебрежения.

— Ах, любовь моя, — ответил преданный Антуан, — но ведь вы не Екатерина де Медичи, а я не Генрих Французский! Вы — сама нежность, а я обожаю вас. Вот если бы я женился на итальянке, то, думаю, вряд ли смог бы оставаться верным супругом.

Иногда Жанна чувствовала на себе пронизательный взгляд королевы, и тогда ей казалось, что Екатерина догадывалась о жалости, которую Жанна испытывала к ней; в

таких случаях ее почему-то пробирала дрожь. Ей, бывало, думалось, что Екатерина де Медичи наделена какой-то необъяснимой силой, позволяющей этой странной итальянке читать чужие мысли.

За день до свадьбы в Париже была построена длинная крытая галерея, соединявшая дворец епископа и западный портал собора Нотр-Дам; вход в собор был увешан алыми гобеленами с изображением геральдической лилии французского королевского дома. В процессии Антуан занимал одно из почетных мест, рядом с принцами королевской крови, которые должны были сопровождать дофина по пути в кафедральный собор. Король шел вместе с шотландской королевой Марией; за ними следовали Жанна, Екатерина и принцессы.

Во время церемонии почти все взгляды были устремлены на невесту. Красивая и обаятельная, Мария сегодня выглядела еще более обворожительно, чем когда-либо. Она была одета во все белое, а ее корону усеивали целые россыпи алмазов, рубинов, сапфиров и жемчугов — казалось, все самые драгоценные камни мира были собраны в ее короне.

Однако Антуан, заметила Жанна, едва смотрел на невесту, и Жанне казалось, что из всех присутствовавших его интересовала только одна женщина — его супруга. Жанна была счастлива и в глубине души гордилась собой. Вот уже пятнадцать лет прошло с тех пор, как на крестинах сегодняшнего жениха, дофина, она влюбилась в человека, который сейчас был ее супругом.

Внезапно Жанна подумала, что больше всего на свете ей хотелось принять веру ее супруга и его семьи; она желала вести серьезный, добропорядочный образ жизни.

Для Жанны это был торжественный момент. Она не слышала, как кардинал Бурбон провозгласил Франциска и Марию мужем и женой. Позже, во время свадебного пира, она была рассеянна и почти не притрагивалась к изысканным угощениям, расставленным на столе; свою задумчивость она сохраняла до тех пор, пока вместе с остальными гостями не покинула епископские хоромы и не перешла в королевский дворец.

А между тем приближался миг ее наивысшего блаженства. В просторный холл вбежали пестро одетые мимы.

Оседлав палки с конскими головами, они сначала принялись развлекать детей королевской семьи. Затем, привязав своих скакунов к маленькой карете, мимы запели нежными, тонкими голосами: они воспевали красоту и добродетели новой супружеской пары. И наконец, в танцевальный зал ввели шесть небольших галеонов, поставленных на колеса и управляемых канатами; в каждом галеоне стоял один принц, и каждый принц, спрыгнув на пол, выбирал себе в спутницы одну даму. Дофин, естественно, выбрал невесту; но каково же было наслаждение Жанны и изумление всех остальных, когда Антуан взял с собой не кого-нибудь, а свою супругу! — не считая дофина, он был единственным принцем, который поступил подобным образом.

Его поступок послужил причиной шуток, смеха и некоторой зависти всех придворных дам.

Взойдя на галеон и очутившись в объятии Антуана, Жанна засмеялась и сказала, что столь известный своей циничностью французский двор нипочем не ожидал бы подобного поступка от мужчины, женатого несколько дней.

Это был один из драгоценнейших моментов, о которых она помнила, пока жила. Она была абсолютно счастлива; однако позже она часто связывала поездку на галеоне с окончанием той счастливой и благополучной жизни.

Годом позже Антуан собрался ненадолго покинуть их замок в Нераке и нанести визит в Париж. Жанна очень волновалась: она всегда беспокоилась, когда Антуан оставлял ее. Она все больше вовлекалась в реформаторское движение и тревожилась теми ужасами, которые по всей стране творили католики и протестанты. Принц Конде, младший брат Антуана, его супруга Элеонора и их родственники Колиньи считались вождями реформаторской партии; они были влиятельны и сильны; однако существовали и другие, более могущественные, чем они. Были Гизы, давние враги и соперники Бурбонов.

Первым среди них считался Франциск, высокомерный и тщеславный герцог де Гиз, величайший солдат Франции. Если весь народ боялся этого человека, то Париж обожал его. Он был по-своему обаятелен, а его успехи на полях

сражений приводили в восхищение как друзей, так и врагов.

За ним следовал его брат Карл, кардинал Лоррейна, который, по его собственным словам, «хотел бы в каждом французском доме иметь пару лишних ушей». Герцог Франциск почти все время проводил в военных кампаниях и потому редко появлялся при дворе, а остальные его братья были не так значительны, как кардинал Лоррейна. Тот был умен и коварен — как ни один другой член семьи Гизов; внешность Карла также выгодно отличала его от братьев, а его манеры можно было бы назвать благородными, если бы не распутство и страсть к излишествам, которые большинство женщин находили неотразимыми. Алчный и скупой, Карл де Гиз окружил себя всеми благами жизни и такой баснословной роскошью, которой не знал даже английский кардинал Уолси. Карл был тщеславен и — в отличие от остальных Гизов — труслив.

Жанна не могла не подумать об этих людях, когда Антуана вызвали ко двору.

Она наблюдала за приготовлениями к отъезду. Антуан был слишком нерасторопен и непоследователен: часто он на второй день откладывал планы, которые замышлял накануне.

— Антуан, дорогой мой, — сказала она, — у меня складывается такое впечатление, что вы не торопитесь попасть ко двору.

— А почему я должен торопиться, если это означает разлуку с вами?

После этих слов она могла только улыбнуться и постараться забыть о тех страхах, которые вызывала в ней безвольная и колеблющаяся натура Антуана.

Она часто напоминала себе о том, что сейчас ее жизнь была счастливей, чем когда-либо. Вдобавок к Генриху у нее появилась очаровательная дочурка, которую в честь королевы, ставшей крестной матерью девочки, назвали Екатериной. И она вновь и вновь благодарила Бога за данное ей семейное счастье.

При дворе должны были состояться большие празднества. Элизабет, дочь короля и королевы, по поручительству выходила замуж за Филиппа Испанского. При мысли об этой девочке сердце Жанны обливало кровью: у нее бы-

ло такое ощущение, будто Генрих и Екатерина отдавали свою дочь в лапы чудовища. Но такова уж судьба королевских детей. И это было еще одним напоминанием о счастливой фортуне Жанны, потому что ее отец прочил ей партию с человеком, который сейчас собирался стать супругом Элизабет. А следующей за ней должна была выйти замуж Маргарита, сестра короля; намечалась ее свадьба с герцогом Савойским.

— Вам нужно побывать на этих церемониях, — сказала она Антуану.

— Не думаю, — заявил он. — Вот где мне действительно нужно почаще бывать, так это в моем доме, с моей супругой и моей семьей.

О, как легко было наслаждаться этим тихим домашним счастьем; забыть обо всем остальном мире, забыть о том, что, оставаясь ветвью королевской семьи, нельзя было избежать отзвуков великих потрясений!

Антуан все еще затягивал с отъездом, когда однажды в замок прибыли посланники из Парижа. Они привезли с собой известие чрезвычайной важности.

— Король умер! — разом закричали они. — Да здравствует король Франциск!

Это казалось невероятным. Всего год назад, на свадьбе Франциска, король пребывал в полном здравии. Однако посланники объяснили, что на последнем турнире с ним произошел трагический случай: молодой Монтгомери, капитан шотландской гвардии, ударил копьем в латный воротник короля; копье сломалось, и обломок вонзился в глаз Генриха.

— Измена! — воскликнул Антуан.

— Нет, монсеньер, — сказал один из посланников. — Король не допустил бы измены. Перед смертью он настаивал на том, что Монтгомери вообще не хотел наносить своего рокового удара и действовал, защищаясь от нападения. Король сказал, что этот молодой человек не был виноват в случившемся.

Посланникам предложили угощение, и они согласились; затем Жанна и Антуан вышли из замка, чтобы поговорить о трагическом событии. Жанна, быстро приобретающая особую и в будущем свойственную только ей проницательность, понимала важность того, чтобы Антуан как

можно раньше оказался при дворе. Произошедшая катастрофа могла иметь серьезнейшие последствия для всей страны.

— Супруг мой, — сказала она, — вам не следует забывать, что вы — принц и глава дома Бурбонов. После детей короля и королевы вы — первое лицо в государстве. У Франциска слабое здоровье. У Карла тоже. А Генрих и Эркюль? — Она пожала плечами и продолжила: — О да, существует много препятствий. Но как шестнадцатилетний мальчик сможет править Францией? Такие умудренные опытом мужчины, как его отец и дед, в этом деле сталкивались с сотнями трудностей и были вынуждены принимать тысячи тонких и продуманных решений. Наша страна распадется, всюду кровопролитие... и все во имя веры! Королю будут нужны советники, вы, Антуан, должны стать одним из них.

— Вы правы. Я должен во весь опор мчаться в Париж. Если мне придется остаться там, то вы приедете ко мне, дорогая?

— Да. Я приеду с детьми. Антуан, в Париже мы сможем быть так же счастливы, как и в Нераке.

Но вдруг Жанна нахмурилась.

— Я опасюсь Гизов, — сказала она. — Супруга нового короля приходится им племянницей, и через нее они смогут влиять на Франциска. Антуан, я очень боюсь, что это означает еще больше преследований для сторонников новой веры.

— Вам нечего бояться, любовь моя. Мой брат Конде и я... да еще с поддержкой моего дяди Гаспара... не сомневаюсь, мы обойдем род Гизов.

Жанна нежно поцеловала его; она обожала своего супруга и не представляла, что он может не разделять ее взглядов.

Прежде чем он наконец отправился в путь, один из посланников попросил разрешения сказать ему несколько слов, и Антуан благосклонно согласился выслушать его.

— Сир, — сказал посланник, — до меня дошли слухи о том, что король Испании пристально следит за каждым вашим шагом. Его шпионы всюду — даже в вашем королевстве. Он знает о тех чувствах, которые вы питаете к новой вере, и поэтому считает вас своим заклятым врагом. Будь-

те осторожны, мой господин. Будьте бдительны. Езжайте, как вы и намеревались, в Париж, но откажитесь от слишком пышной кавалькады. Возьмите с собой только нескольких сопровождающих и двигайтесь скрытно, чтобы король Испании не прознал о том, что вы покинули Нерак.

Имя Филиппа Испанского могло внушить ужас многим — не только Антуану. Испания уже захватила часть Наварры, и ее невозможно было отвоевать; Антуан жил в постоянном страхе того, что однажды испанцы решат завладеть Наваррой целиком.

Антуану не пришлось в голову усомниться в прямотушии посланников. Тем не менее он знал, что они прибыли из королевского двора, и мог бы спросить, не сами ли Гизы, случайно, решили, кого именно выбрать для поездки к нему.

Он неохотно попрощался с Жанной и помчался в Париж.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Одетая в черное платье и с головы до ног укутанная в черную вуаль, в Луврском дворце Екатерина мерила шагами свои покои. Комнату освещали только две тонкие свечи. Стены были задрапированы плотной черной тканью; такая же ткань покрывала ложе и туалетный столик.

Сорок дней и ночей траура уже миновали, и Екатерина начала в полной мере осознавать все, что значила для нее смерть супруга; ее мысли не могли не устремляться в будущее.

Итак, закончились ее унижения и тщетные попытки добиться взаимности от Генриха. Она больше ни разу не станет свидетельницей его близости с любовницей. Генрих, причинивший ей столько горя и унижений, уже не мог доставить ей новых страданий. Она любила его; прежде она желала его; его смерть была огромной трагедией; и все-таки теперь у нее появилась свобода.

На мгновение она подумала о прошлом, о тех моментах, когда наблюдала за свиданиями своего супруга и его любовницы. Внезапно она рассмеялась: у нее мелькнула мысль о том, что когда двое занимаются любовью и не

скрывают своего восхищения друг другом, то незримому наблюдателю их восторги могут показаться довольно комичными; а когда шестидесятилетняя женщина и сорокалетний мужчина ведут себя как молодые любовники, то этому наблюдателю — тем более терзаемому муками ревности — вполне можно простить его злорадный смешок. Не находила ли она какое-то странное удовольствие в своих страданиях? Какое это теперь имело значение? Не было никакого смысла оглядываться назад, когда так много открывалось впереди.

Королем стал Франциск, а ему исполнилось только шестнадцать лет; он был не слишком умен, и его кровь была заражена какой-то болезнью, из-за которой все его тело порой покрывалось отвратительными кровоточащими язвами. В своем ритуальном обращении к подданным он попросил их повиноваться своей матери. На всех государственных документах он писал: «Этого желает королева-мать, и я одобряю каждое ее решение».

Такие сыновние чувства не могли не радовать, однако Екатерина быстро обнаружила, что они не так льстили ее самолюбию, как казалось вначале.

Как неудачно поступили Генрих и Диана, когда женили Франциска на этой шотландской девчонке! Теперь мысль о ней отравляла все лучшие мечты Екатерины, да иначе и быть не могло, потому что Мария полностью подчинила себе Франциска; ее дяди, Гизы, тотчас увидели, что она подчинила его им.

Ах, как не люблю я детей, когда они не послушны своему прямому долгу! — подумала Екатерина; ей было горько осознавать, что, несмотря на все слова признательности и уважения, Франциск предпочитал слушаться не ее, свою мать, а Гизов.

Гизов Екатерина ненавидела и боялась. Этот тщеславный герцог Франциск и этот коварный кардинал Лотарингский очень ясно дали ей понять, что хозяевами положения стали они. Она пыталась их задобрить — и в то же время думала о том, как избавиться от них. Она поклялась в дружбе с ними; она настаивала на том, чтобы Франциск выпустил указ, предписывающий подчиняться герцогу и кардиналу; и, совершая все эти поступки, не переставала размышлять о том, как и где предать их. Как и тогда, ког-

да ее мысли занимала Диана, она уже подумывала о яде, хранящемся в ее туалетном столике; однако люди, которых она хотела убрать со своего пути, были так заметны и располагали такой надежной охраной, что ей пришлось бы слишком долго поджидать удобного случая. Нет, содержимое ее пузырьков, пользоваться которыми ее так великолепно обучили, сейчас могло предназначаться только для тех, кто не был на виду. И даже она должна была действовать с максимальной осторожностью, потому что всего лишь один неверный шаг означал бы ее немедленную и полную катастрофу.

Она уже совершила один опрометчивый поступок. Желая снискать расположение Гизов, она настояла на том, чтобы молодой король забрал государственные печати у ее давнего врага, коннетабля Монморанси. Франциск вызвал коннетабля и сказал, что хранение печатей не может не быть слишком большим бременем для человека столь преклонных лет, — лет, которых нельзя не учитывать в государственных делах и которые, конечно, не помешают ему остаться членом личного королевского совета. В ответ коннетабль не сдержался и выпалил: «Учитывая мои преклонные годы и старческое слабоумие, едва ли я смогу посоветовать вам что-нибудь дельное». Он был так разъярен, что тут же подал в отставку и уехал в замок в Шантили. Екатерина тогда поняла, что нажила себе опаснейшего врага и что дальнейшие шаги бывшего коннетабля, скорее всего, приведут его к Бурбонам.

Она еще не решила, стоило ли ей сдружиться с Бурбонами, предпочтя их Гизам. Гизов она пока выбрала только потому, что Антуан де Бурбон все еще не появился при дворе, где она смогла бы поговорить с ним и постараться переманить его на свою сторону. Она не сомневалась в том, что его затянувшееся отсутствие было подстроено Гизами, но это ее не склоняло в его пользу; она знала его как слабохарактерного и колеблющегося человека, что еще раз доказывалось его неспособностью преодолеть все препятствия и вовремя прибыть ко двору. Принц Конде был галантен и хорош собой; он всегда нравился ей, однако она не знала его настолько, чтобы доверять ему в такой опасной политической игре, в какую собиралась вступить. Между тем Гизы были под рукой, и они казались всемогу-

щими; через свою племянницу, Марию Шотландскую, они добивались того, чтобы молодой король следовал их советам и пренебрегал материнскими наказаниями. Итак, в настоящую минуту Екатерина была вынуждена взять в союзники Гизов.

Она раздвинула плотные шторы и посмотрела в сад. Молодежь была там; разглядывая ее, она почувствовала удовольствие, которое всегда получала, незримо наблюдая за кем-нибудь.

Увидев своих собственных детей, она нахмурилась. Первым ей на глаза попался Франциск, прогуливавшийся в обнимку с супругой. Он то и дело останавливался и нежно целовал ее. Издали его можно было принять за старика. Внезапно Екатерина улыбнулась: ей пришло в голову, что, занимаясь спортом и исполняя супружеские обязанности, он слишком изнурял себя; если бы так продолжалось и дальше и если бы Франциск вскоре истратил весь скудный запас своих жизненных сил, то закончилась бы и легкая власть господ герцога и кардинала. Едва ли им удалось бы так же просто завладеть молодым Карлом. Или удалось бы? Но тогда уже не было бы такой коварной юной супруги, которая похитила бы Карла у его матери. Екатерина сделала бы все, чтобы только сохранить влияние на Карла.

Карл семенил рядом с Франциском и Марией, которую то и дело трогал за руку, пытаясь заглянуть ей в лицо. Его губы шевелились, глаза лихорадочно блестели. Глупец! Вне всяких сомнений, он просил разрешения поиграть ей на лютне или прочитал какой-нибудь новый стишок, который сочинил для нее. Екатерина должна была положить конец глупостям своего второго сына; если Франциску, с его расстроенным здоровьем, не суждено было долго жить в этом мире, то у Карла могли появиться новые средства, чтобы продолжить преследования его вдовы. Вдова Франциска не должна была превратиться в супругу Карла.

Ей нужно было пристально следить за своими детьми: слишком уж они были важны для нее. Теперь, после смерти ее супруга, они стали важнее всего на свете. В них заключалось ее будущее, и только на них она могла рассчитывать в этой чужой стране.

Ее взгляд упал на Марго. Марго развалилась на траве;

по одну сторону от нее сидел маленький принц Гуанвиль, сын герцога де Гиза, а по другую — маркиз Бопре, сын принца Роше-сюр-Йона; оба они с каким-то недетским любопытством посматривали на нее. Марго говорила; Марго всегда о чем-нибудь говорила, если рядом не было ее матери. Внезапно она вскочила на ноги и пустилась в пляс — при этом она слишком высоко задирала подол своего платья, а оба принца пытались схватить ее и плясать с ней.

Затем в покои вошел ее дорогой Генрих, а с ним маленький Эркюль. Эркюль утратил прежнее очарование, переболев оспой, которая оставила неизгладимые следы на его коже; никто и никогда уже не назвал бы его «наш прелестный Эркюль». Однако, по контрасту с ним, было особенно заметно, как с каждым днем хорошел и хорошел Генрих.

Увидев его, она не смогла сдержать нежной улыбки. Он вырос в самые яркие цвета; однако цвета, хотя и ослепительно яркие, были подобраны с безукоризненным вкусом, потому что ее Генрих был артистом. В мочках его ушей висели серьги с крупными сапфирами; их-то он и пришел показать ей. Ему недавно исполнилось девять лет, и его прекрасные черные глаза были такими же, как у всех чистокровных Медичи. Какими обыкновенными, ничем не примечательными детьми выглядели все остальные по сравнению с Генрихом! Они не обладали и частицей его врожденной тонкости и ума. Франциск был глуп; Карл — истеричен; Елизавета и Клод были просто послушными тихими девочками; Марго вела себя разнузданно и нуждалась в строгом присмотре; Эркюль без своей былой красоты стал чересчур раздражительным, обидчивым мальчиком; однако Генрих, ее дорогой Генрих, был самым совершенством. Глядя на него, она не могла не подумать: о, почему он не был моим первенцем!

Он подошел и показал свои новые серьги. Правда, восхитительны? А правда, что сапфиры идут ему больше, чем изумруд?

— Дорогой мой, — сказала она, — на вас они смотрятся превосходно. Но неужели вам кажется, что маленьким мальчикам следует носить такие украшения?

Он надулся. Эркюль смотрел на него с тем смешанным

выражением недоверия и изумления, которое появлялось на лицах всех детей, когда они наблюдали за поведением Генриха в присутствии матери.

— Но мне нравятся серьги, *маман*; а если они мне нравятся, то я буду носить их.

— Конечно, будешь, мой милый. Я только хотела сказать, что если остальные мужчины не носят серьги, то тем хуже для них, потому что серьги всегда смотрятся превосходно.

Он обнял ее. Он был благодарен ей за похвалу и хотел бы иметь ожерелье из сапфиров, которое гармонировало бы с его серьгами.

— Ах, вы мой модник, — засмеялась она. — Вы подушились из моих пузырьков, да?

Генрих восторженно кивнул.

— Ваши духи, *маман*, это лучшие из всех, что попадались мне до сих пор. Этот запах мускуса просто-обвораживает меня. Не мог бы Рене сделать такие же и мне?

Екатерина сказала, что подумает об этом, и то, как она это сказала, было воспринято в качестве ее согласия. Он тотчас запрыгал от радости, а потом пустился плясать, но не так вульгарно, как Марго, а грациозно и изящно. После этого он захотел прочитать ей стихи, которые недавно сочинил; прослушав их, Екатерина нашла, что они не уступали лучшим творениям Ронсара.

Ах, мой умный сынок, снова подумала она, мой прелестный маленький итальянец, почему вы не были моим первенцем?

Она подхватила Генриха на руки и поцеловала его. Как и много раз прежде, она сказала себе, что сделает все от нее зависящее, чтобы добиться славы для своего любимого сына. Она была нужна ему так же, как и он ей.

Но сейчас он уже хотел покинуть ее, пойти в свои покои и заняться поэзией; он хотел также посмотреть на свое отражение в новом венецианском зеркале и оценить свой наряд и украшения.

Она отпустила его: он обижался, когда его от чего-либо удерживали. Когда он ушел, она почувствовала неприязнь к остальным своим детям, которые так не походили на Генриха.

Она не хотела видеть рядом с собой Эркюля и поэтому

послала его в сад передать Маргарите, чтобы та немедленно явилась к ней. Эркюль вздрогнул, потому что, коли его сестру Марго называли полным именем, то это означало, что она впала в немилость.

— И вам не нужно возвращаться вместе с ней, — добавила Екатерина. — Вы можете остаться в саду.

Эркюль вышел, и вскоре Марго явилась на зов матери. Маленькая и хрупкая, она помедлила у входа; ее вид не имел ничего общего с тем кокетством, которое она позволяла себе в саду. Она сделала реверанс; ее большие черные глаза не скрывали страха.

Затем она несмело приблизилась к матери и хотела поцеловать ее руку; однако Екатерина жестом остановила ее.

— Я наблюдала за вами, — холодно сказала она, — и нахожу, что вы вели себя отвратительно. Вы валялись на траве, как самая последняя служанка, и при этом, глупая девчонка, кокетничали с мсье Гуанвилем и мсье Бопре.

Внезапно Екатерина рассмеялась, и Марго задрожала от ужаса. Марго не понимала, почему так боялась своей матери. Она знала, что такой смех мог означать порку, скорее всего — в комнате гувернантки; однако такие наказания были почти ежедневны, и Марго умела увернуться от ударов; этот метод был ее собственным изобретением, и она научила ему остальных. Нет, не порка пугала ее: она боялась своей матери. Ее пугало малейшее неудовольствие этой женщины. Как-то она сказала, что ее неудовольствие так же страшно, как неудовольствие Бога или дьявола. «У меня такое чувство, — сказала тогда Марго, — что ей известно все, что мы делаем. Мне все время кажется, что она всюду видит нас и всегда читает наши мысли. Вот чего я боюсь».

— Вы не только глупы, — продолжила ее мать, — но еще и распутны и порочны. Я бы не поручилась за вашу невинность. И что за развлечения! Ваш отец недавно умер, а вы прыгаете и резвитесь со своими ухажерами!

При упоминании об отце Марго расплакалась: внезапно ей отчетливо и ясно вспомнился тот большой, добрый мужчина с седыми волосами и понимающей улыбкой; она всегда видела в нем сначала отца, а уже потом короля. Марго не могла понять, как случилось, что она забыла про него, пытаясь вызвать у Генриха ревность к этому глупень-

кому молодому Бопре. Может быть, это произошло потому, что она вечно забывала обо всем на свете, когда рядом оказывался молодой Генрих де Гиз?

— Вы, принцесса Франции... и так забываетесь! Ступайте и скажите гувернантке, чтобы она зашла ко мне.

Марго вышла и через несколько минут вернулась с гувернанткой. Марго дрожала; она знала, что ей не предстояло ничего кроме порки, но ничего не могла поделать с собой.

— Забери принцессу, — сказала Екатерина гувернантке, — всыпь ей хорошенько и проследи, чтобы она весь день не покидала своей комнаты.

Марго, все еще дрожа, снова вышла из материнских покоев; однако едва она оказалась в коридоре, как силы вернулись к ней; слезы мгновенно перестали литься из глаз, и она лукаво взглянула на несчастную женщину, для которой предстоявшая порка была еще большим наказанием, чем для Марго.

Приведя ее в свою комнату, гувернантка взяла в руки розги и приступила к делу. Однако редкий удар достигал цели; Марго ловко увертывалась от них и чаще высовывала язык, чем прикусывала губы. Когда силы гувернантки иссякли и она отбросила розги, Марго резво вскочила на ноги и пустилась в пляс, разглядывая свою многообещающую фигуру и жалея о том, что ее не видел Генрих де Гиз.

Расставшись с Марго, Екатерина вызвала служанку и велела ей сходить за Карлом.

Он появился перед ней таким же испуганным, как и Марго. Ему было девять лет, и внешне он выглядел вполне здоровым ребенком; так он выглядел почти всегда, если с ним не случалось приступов истерики, после которых у него на губах выступала пена, из носа текла кровь, а лицо становилось бледным, как воск.

— Подойдите-ка сюда, сын мой, — сказала Екатерина.

— Вы посылали за мной, госпожа?

— Я наблюдала за тем, что вы делали в саду, Карл.

Он бросил на нее такой же затравленный взгляд, какой она видела в глазах Марго. Как и его сестра, он ужасался при мысли о всевидящих глазах своей матери.

— Что вы говорили Марии, Карл?

— Я спрашивал, могу ли я прочитать ей стихи.

— Стихи... Надо полагать, те, которые вы написали для Марии?

Он покраснел.

— Да, госпожа.

Екатерина продолжила:

— Что ты думаешь о своей сестре Марии? Ну-ка, отвечай! Говорите правду, Карл. Вы все равно не сможете скрыть ее от меня.

— Я думаю, что на свете еще не было такой прекрасной принцессы, как она, — запинаясь, произнес Карл.

— Смелей, смелей.

— И я думаю, что моему брату Франциску повезло больше всех, раз у него есть такая супруга, как Мария.

Екатерина схватила его запястье и крепко сжала.

— Это измена, — спокойно сказала она. — Франциск — ваш король.

— Измена? — непроизвольно попытавшись вырваться, воскликнул он. — О нет! Это не измена!

— Вы вынашиваете нехорошие мысли о его супруге.

Екатерина произнесла эти слова так тихо, будто они были слишком большим откровением, чтобы можно было произнести их хоть немного громче.

— Нет, хорошие! — вскричал Карл. — Я просто жалею о том, что не был старшим из всех своих братьев и поэтому не смог оказаться на месте Франциска — не из-за трона, а из-за того, что Мария не стала моей супругой!

— Это нехорошие, бесстыдные мысли, сын мой. Это преступные мысли.

Он хотел возразить ей, но, съездившись под ее взглядом, не смог вымолвить ни слова.

— А знаете ли вы, сын мой, что бывает с преступниками? Однажды я поведу вас в темницу и покажу, как поступают с преступниками и изменниками. Их пытаются. Вы еще не знаете, что такое пытки, но если будете и дальше строить козни против своего брата, то увидите все эти приспособления.

Карл в ужасе закричал:

— Нет! Не надо, пожалуйста!.. Я не могу смотреть на такие вещи!

— И все-таки вам придется увидеть их. Вы ведь знаете,

что даже принцев подвергают пыткам, если они предают своего короля.

Его губы сжались, а из уголков рта потекла пена; глаза остекленели, на белках проступили розовые прожилки.

— Сейчас я расскажу вам, что бывает с такими преступниками. Их держат в мрачных казематах Консьержери — а вы, сын мой, знаете, что такое Консьержери. Они кричат от боли и ужаса. Они бы уже давно потеряли сознание, но их снова и снова приводят в чувство. Им дают травы и уксус. Некоторым из них выкалывают глаза; у некоторых вырывают язык или отрезают уши. Одних пытают водой, на других надевают испанские сапоги. А те, кто предает королей, страдают больше всех остальных. У них раскаленными щипцами вырывают куски тела, а в раны заливают раскаленный свинец или кипящую смолу... или еще берут серу и...

Карл закричал.

— Нет!.. Нет! Я не хочу туда! Я не хочу, чтобы меня пытали. Я не могу... Маман... вы не дадите, чтобы меня забрали туда?

Екатерина взяла мальчика на руки. В конце концов, сказанного было достаточно. Возможно, он больше не позволит себе таких глупостей. И, может быть, вспомнит о камере пыток, если Мария Стюарт захочет посмотреть на него не так, как сейчас.

— Ах, Карл, дорогой мой сынок. Мальчик мой бесценный, ваша мать всегда защитит вас. Она никому не даст вас в обиду. Вы ее принц, ее сын. Вы и сами знаете об этом.

Он крепко прижался к ней.

— Да, маман. Да, маман.

Его пальцы вцепились в ее рукав, как это делают дети, когда ищут защиты у взрослых.

— Не бойтесь, мой маленький, — окончательно смягчилась она. — С вами ничего не случится, потому что вы мой принц и я всегда буду гордиться вами. Вы ведь не предадите вашего брата, правда? Вы больше не позволите себе таких порочных мыслей о чужой супруге — тем более о супруге вашего брата!

— Нет, маман, нет!

Он уже дрожал. Она предотвратила приступ. Только из-

за этого она и прекратила свои назидания. Не очень-то приятно было видеть его, когда он терял рассудок.

Она положила свою прохладную руку на его лоб; погладила его; уложила его на свою постель и, присев рядом, взяла в ладони его руку.

— Не бойтесь, сынок, — повторила она. — Делайте, что велит ваша мать, и увидите, как все будет хорошо.

— Да, *маман*, да. Я буду делать все, что вы скажете.

— Всегда помните об этом, Карл.

Он закрыл глаза, и Екатерина вытерла капли пота, выступившие у него на лбу. Она сидела рядом с ним до тех пор, пока он не успокоился.

Она думала о трудных задачах, стоявших перед ней. Ей нужно было перехитрить этих честолюбивых Гизов и этих колеблющихся Бурбонов, однако нельзя забывать и о детях, каждый шаг которых нужно было проследивать и направлять. Она не знала, какая из этих задач была труднее — война с мятежными домами или укрощение потомков Валуа.

Франциск готовился к сегодняшней охоте. Его самочувствие оставляло желать лучшего, но он все равно был счастлив. Он всегда бывал счастлив, когда вместе с ним в охоте участвовала Мария, которая еще больше, чем прежде, занимала его мысли. Он не уставал любоваться ею и говорить ей о том, как она прекрасна; это делало счастливыми их обоих.

Он жалел о том, что не мог вырваться из-под опеки своей матери и кардинала; жалел, что не мог проводить все время с Марией. Ему хотелось, чтобы его отец — дорогой, любимый отец — был сейчас жив. У него часто появлялось желание отправить на тот свет человека, который убил его. Он, Франциск, не хотел быть королем; он был гораздо счастливей, когда оставался дофином. В те времена от него требовалось лишь играть, танцевать и быть с Марией. Теперь, став королем, он не мог избавиться от пристального надзора своей матери и кардинала.

Он боялся матери; он боялся кардинала. Они оба были умнее и опытнее его. Он бы с радостью подчинился им обоим, но это было нелегко сделать, поскольку их желания не всегда совпадали. Кардинал откровенно насмехался

ся над ним; он говорил такие умные, но язвительные вещи, что Франциск одновременно и признавал их правоту, и чувствовал себя глубоко задетым. Он бы с радостью прогнал кардинала, но Мария называла его своим дорогим дядей, а кардинал умел заботиться об удовольствиях Марии; нет, он не мог прогнать одного из ее дядей.

Что касается матери, то он с удовольствием позволил бы ей делать все, что она захочет; он знал, что она лучше всех разбиралась в том, как нужно управлять Францией. Однако, когда он хотел сказать ей об этом, рядом с его локтем всегда оказывался кардинал, а при нем никогда нельзя было сказать того, что думаешь.

Кардинал вошел не церемонясь и, хотя король еще не совсем оделся для охоты, властным жестом велел удалиться слугам. Франциск хотел было запротестовать, но в таких случаях он начинал запинаться и заикаться, а кардинал умел так едко высмеивать его сбивчивую речь, что Франциск почти боялся говорить в его присутствии.

— Мы выезжаем через полчаса, сир, — сказал кардинал.

Франциск поборол себя и произнес:

— Я не знаю, будет ли готова королева.

— Королева будет готова, — уверенно сказал кардинал.

— Но... у нас еще много времени, — запинаясь произнес Франциск. — В получасе езды от дворца нужно встретить принца Бурбона.

— Нет, сир, сегодня мы будем охотиться, а не встречать принца Бурбона.

— Не... Но... Но он уже в пути. Я... Я так слышал.

Кардинал де Гиз изучающе посмотрел на свои длинные белые пальцы.

— Сир, Антуан Бурбон едет своей дорогой. Он взял с собой весьма скромную свиту, потому что, по его сведениям, он представляет важность для короля Испании. Ему сейчас больше всего на свете хочется, чтобы шпионы монарха не узнали о его маршруте. Поэтому он прибывает ко двору как бедный крестьянин, а не как принц.

Франциск не засмеялся. Он не выносил, когда над кем-то издевались, и у Антуана де Бурбона было более высокое положение, чем у кардинала. Он ненавидел это лукавое, хотя и красивое лицо кардинала де Гиза — он ненавидел его вкрадчивый голос.

— В таком случае мы должны встретить его там, где он едет, — сказал он.

— Позвольте задать вопрос — почему, сир?

— Почему? Потому что это правила хорошего тона. Более того, это наша традиция. Ведь обычно мы встречаем тех, кто наносит нам визит?..

— Если приезжий представляет для нас какую-то важность, то да.

— Но это же принц Бурбон!

— Как бы то ни было, он должен понять, что его здесь не ждут.

— Я не могу сделать этого, мсье кардинал. Я не могу допустить таких манер по отношению к своему родственнику.

Кардинал улыбнулся и продолжал улыбаться, разглядывая свои пальцы, до тех пор, пока в комнату не вошла Мария. Она выглядела свежей и веселой; молодой король вновь залюбовался красотой своей супруги.

— Милый, вы готовы? — спросила она. — Почему мы еще не выехали?

— Увы, моя дорогая племянница, — сказал кардинал. — Вы не поедете по той дороге, которую недавно выбрали. Король велит нам скакать на юг, чтобы почетно встретить Бурбона.

Мария перевела взгляд на своего дядю. Как и всегда, она сразу поняла его намерения.

— Ах, Франциск, но я не хочу ехать на юг! У меня совсем другие планы. На северной дороге есть кое-что такое, что я хочу показать вам.

Она состроила милую гримасу.

— А этот Бурбон! Он носит серьги. Он расфранченный и глупый, и мне с ним скучно. Франциск, пожалуйста, давайте сделаем вид, что упустили его. Поедем другой дорогой. Франциск... милый... сделайте это для меня.

Франциск пробормотал:

— Мы поедем туда, куда вы поведете нас, моя дорогая.

Кардинал снисходительно улыбнулся, глядя на свою прелестную племянницу и ее послушного короля.

Всего лишь несколько миль отделяли его от дворца Сен-Жермен. Рассеянно поглядывая по сторонам, Антуан размышлял о том положении, которое приобрел после

смерти короля Генриха. Он был принцем крови, а молодому Франциску исполнилось только шестнадцать лет. В таких случаях невозможно обойтись без влиятельного тайного совета, и в силу своего статуса ему предстояло возглавить его.

Он с удовольствием думал о том, как много мог теперь сделать для несчастных, гонимых протестантов, которым так сочувствовали он и его брат. Его переполняла гордость при мысли о том, что во всей стране протестанты будут смотреть на него как на своего вождя; они будут ликовать, когда узнают, что он появился при дворе. Он почти слышал их крики: «*Ура Бурбону!* Сделаем его нашим вождем! В нем вся наша надежда и сила!»

Перед отъездом он говорил об этом с Жанной, которая проникалась все большей симпатией к новой вере: вскоре она должна была открыто признать ее. Если до сих пор она медлила с таким шагом, то не потому, что боялась во весь голос заявить о своих убеждениях; она не боялась ни Гизов, ни Филиппа Испанского; до сих пор ее останавливало только уважение к воле отца, который был противником реформации.

Ох, Жанна, подумал он, как я люблю вас. Дорогая, как я восхищаюсь вами! Вы больше, чем просто женщина... больше, чем супруга. Я даже рад тому, что перед встречей с вами вел такую распутную жизнь; если бы в ней не было других женщин, то я бы не научился так любить и ценить вас.

Жанна хотела, чтобы он стал предводителем протестантов; она думала, что тогда они смогут избавиться от вечных преследований и гонений. В глазах Жанны он уже давно был их предводителем. Когда он вернется в Нерак и расскажет о своих успехах, она будет еще больше гордиться своим супругом.

Он обернулся и сказал слугам:

— Вот-вот повстречается королевский отряд. Будьте готовы.

Однако они ехали и ехали, а королевский отряд все не показывался; когда они добрались до дворца Сен-Жермен, то слуги явно удивились, увидев их.

Взбешенный таким приемом, он едва нашел в себе силы сказать ровным голосом:

— Немедленно проведите меня в мои апартаменты.

— Ах, господин принц, — ответили ему, — для вас не готовили апартаментов.

— Что за чепуха! Разве меня не ждут? Проведите меня к королю... нет, к королеве-матери.

— Господин, они на охоте. И вернутся только поздно вечером.

Антуан понял, что такое пренебрежение к нему было неслучайным, и догадался, кто подстроил ему такой прием. Этот пустой дворец мог означать только одно: у власти были Гизы, его извечные враги.

Антуан знал, как на его месте поступил бы герцог Франциск де Гиз. Он выхватил бы шпагу, он разразился бы проклятиями; он потребовал бы, чтобы для него немедленно приготовили апартаменты. А кардинал? Антуан представлял, какое презрение отразилось бы на этом холодном, красивом лице; он чуть ли не слышал этот спокойный голос, который заставил бы всех трепетать от ужаса и повиноваться его воле.

Но Антуан не был Гизом. Он не был трусом, но не умел принимать быстрых решений и не знал, как повести себя в такой ситуации. На поле боя он оказался бы таким же храбрым воином, как и любой другой, — но здесь было не поле боя.

Ему на выручку пришел его старый приятель Марешаль де Сен-Андре, который предложил Антуану свою комнату во дворце и сказал, что поможет устроить его слуг. Антуан с благодарностью принял это предложение. Он уже понял, что при дворе у него будет не слишком много друзей. Он понял, что вел себя безрассудно, когда так долго откладывал свой визит, и что ему следовало быть при дворе уже несколько недель назад, когда Гизы еще не обладали такой властью. Ему нужно было мчаться сюда во весь опор и взять с собой побольше своих людей. Он поступил глупо, послушавшись лукавых советов, и сейчас он знал это. Однако всю силу своих противников он осознал только тогда, когда король вернулся с охоты и можно было явиться к нему на аудиенцию.

Франциск — выглядевший смущенным, но явно не смевавший послушаться чьих-то указаний — посматривал по сторонам и даже не пытался приветствовать его. Кардинал

Лотарингский, стоявший рядом с ним, делал то же самое. Это было величайшим оскорблением, потому что Антуан занимал более высокое положение, чем кардинал, и даже если король намеревался унижить Антуана, то кардинал не имел права так поступать. Антуан растерялся. Он нерешительно обнял короля и кардинала, хотя ни один из них не ответил ему подобным образом.

Екатерина, которая вместе с молодой королевой присутствовала при этой сцене, наблюдала за Антуаном де Бурбоном и ощущала сильное желание рассмеяться. Фортуна была на ее стороне, если не позволила довериться Бурбону. Его унизили до положения камеристки, думала она, а он безропотно смирился с этим! Дурак! Неужели он не видит, что сейчас не время смиряться?

Он должен был потребовать от кардинала, чтобы тот засвидетельствовал свое почтение к нему. Если бы он поступил так, то заставил бы задрожать молодого короля; да и сам кардинал понял бы, что имеет дело с сильным противником. Но нет! У Антуана не было ни чувства собственного достоинства, ни тщеславия... одно только смирение.

Кардинал говорил с ним возмутительно высокомерным тоном, а Антуан улыбался, довольный даже таким вниманием.

Какое ничтожество! — подумала Екатерина. Теперь любовью придворный может использовать его в своих целях.

Антуан уехал к своей супруге, и Екатерина улыбнулась, подумав о встрече, которая им предстояла. Она больше не завидовала их любви; она уже не сомневалась в том, что однажды Жанна пожалеет о своем браке. Жанна была сильной женщиной, и, как сильная женщина, она не могла не презирать слабость; поэтому вскоре ей суждено будет узнать, что такое презрение к собственному супругу. Было забавно представить, как Антуан на коленях подползет к ней; как расскажет о приеме, который был устроен ему при дворе; поведаст о том, как много он сделал для протестантов, которые — с тех пор, как принцу Конде предусмотрительно поручили одну дипломатическую миссию — так надеялись на Антуана.

Конде был человеком другого сорта. Он бы не позволил обойтись с собой так, как обошлись с его братом; однако

Конде находился слишком далеко, и думать о нем сейчас не имело смысла: интрига, которая разворачивалась сейчас вокруг трона, была настолько сложной, что ее развития никто не мог предвидеть дальше чем на несколько ходов вперед.

Итак, у нее не оставалось времени, чтобы вспоминать о Конде или рисовать себе сцену, как Антуан падет ниц перед своей супругой и пожалуется на выпавшее ему унижение. Когда-нибудь мадам Жанна увидит, что за человек достался ей в супруги.

Мысли о Жанне все еще преследовали Екатерину; она знала, что всегда будет ненавидеть эту женщину и считать ее своим политическим врагом, каждый шаг которого должен быть внимательно прослежен.

И еще о многом нужно было подумать. С помощью братьев Руджери и парфюмера Рене, у которого была небольшая лавка на набережной напротив Лувра, она уже несколько раз избавляла свет от людей, стоявших на ее пути. То, что она тогда делала, давало ей упоительное чувство собственной власти; ей нравилось улыбаться своим будущим жертвам, обнадеживать их, позволять им увериться в ее благосклонном отношении к ним; затем они умирали — иногда безболезненно, а иногда долго и мучительно, в зависимости от того, что больше устраивало ее. Это средство было тем целебным бальзамом, который заживлял раны, нанесенные сначала Дианой де Пуатье, а потом семейством Гизов. Иногда она подумывала о том, что было бы неплохо смешать вино Франциска де Гиза с содержимым одного из ее пузырьков; иногда желала подарить кардиналу Лотарингскому какую-нибудь книгу, которая бы раньше прошла через руки братьев Руджери или парфюмера Рене; бывали и такие дни, когда ей хотелось, чтобы этот жеманный щеголь Антуан де Бурбон надел пару перчаток, надушенных по ее собственному рецепту. Однако это не дало ей ничего, кроме минутного удовлетворения. Глупо было совершать такие поступки, имея дело с *такими* людьми. Больше того, она постепенно начала склоняться к мысли, что живые Гизы и Бурбоны были ей полезней, чем мертвые, поскольку укрепляли ее собственное положение. Сейчас она стояла на стороне Гизов, но это не могло продолжаться слишком долго. При удобном

случае она собиралась напомнить этому безмозглому Бурбону о том, что Франциск не будет жить вечно.

Но когда Франциск умрет, корона перейдет к Карлу; а Карл, неуравновешенный и истеричный, научен слушать свою мать. Правда, нельзя было забывать о его периодических приступах безумия; был в нем и намек на непокорность. Екатерина уже видела, как, благодаря Марии Шотландской, один из ее сыновей вышел из-под ее влияния.

Она решила осуществить замысел, который давно созрел в ее голове. Казалось, Карл не мог избавиться от мыслей о Марии Стюарт. Когда Екатерина поговорила с ним и пробудила в нем самые сильные чувства, на какие только он был способен, страх — страх перед матерью, ужас пыток и смерти, — то он уступил ей; но когда он на следующий день увидел Марию, то снова смотрел на нее влюбленными и преданными глазами.

Екатерина послала за двумя итальянцами из своей свиты; этим людям она доверяла так же, как доверяла астрологии.

Когда они появились в ее покоях, она заперла дверь и убедилась в том, что в передней никого не было. Затем объяснила, зачем вызвала их. С ними она могла говорить откровенно — настолько, насколько Екатерина была способной на откровенность, — потому что Бираго и Гонди, граф де Рец, были итальянцами и подчинялись итальянской королеве: они знали, что во Франции их будущее целиком зависит от ее благосклонности.

— Меня тревожит поведение моего сына, — сказала она. — Я говорю не о короле, а о своем сыне Карле, который займет трон, если королю будет суждено встретить смерть раньше, чем наступит его зрелость. Сеньоры, я стала замечать, что этот мальчик склонен испытывать чувства, не свойственные для детей его возраста... и не вызывающие ничего, кроме недоумения у супруги его брата. В отличие от французов, я нахожу такие чувства нездоровыми. Французы, — Екатерина улыбнулась, — не видят ничего противоестественного в отношениях полов... даже если это касается детей. «Это замечательно, говорят они. — Каким любовником он станет!»

Она засмеялась и резко оборвала смех. Затем добавила:

— Однако я считаю, что в возрасте моего сына гораздо

естественней испытывать такие чувства к представителям своего пола.

Ее большие, навывкате, глаза уставились на драпировку комнаты; оба мужчины пристально посмотрели на королеву.

— Вы полагаете, госпожа, — осмелился заговорить граф де Рец, — ему было бы лучше переключить свои страсти на... так сказать, мальчиков своего возраста?

— Я вижу, вы меня понимаете! Да, я так полагаю. Именно так. Я не хочу подавлять его *нормальных* эмоций, — она улыбнулась, и они улыбнулись вместе с ней, хорошо зная привычку королевы никогда не говорить того, что она действительно думала. — Я хочу, чтобы он оценил достоинства дружбы с представителями сильного пола. И я чувствую, сеньоры, что в этом вы поможете ему. В таком нежном возрасте ему не следует думать о *женщинах*.

Итальянцы еще раз улыбнулись. Они знали, что в наставники Карла они попали благодаря своим извращенным вкусам, а не учености.

Они поняли королеву-мать. Маленьким принцем Генрихом она дорожила, по ее собственным словам, «как зеницей ока». Франциску, казалось, не суждено было дожить до зрелых лет, и он еще не подарил Франции наследника. Если бы случилось так, что у королевы шотландцев родился сын, то — они не сомневались — Екатерина смогла бы устранить это небольшое препятствие. А после Франциска... Карл. Следовательно, нужно было, по возможности, отдалить угрозу деторождения, которая происходила от Карла. Он был слаб и неуравновешен; что ж, такого мальчика нетрудно отучить от его естественных наклонностей.

Других людей могла бы изумить подобная беседа с матерью-королевой; но не такими были наставники Карла. Они правильно поняли и вскоре принялись выполнять то, что требовалось от них.

Екатерина готовилась к коронации Франциска, которая по традиции должна была состояться в городе Реймсе. Надолго ли, спрашивала она себя, этот новый король останется на троне? Каких трудов ей стоило вырастить его! Она помнила, что на первом году жизни его тельце время

от времени покрывалось синюшными пятнами, с которыми доктора ничего не могли поделать, поскольку не знали их происхождения. В его носу была какая-то закупорка, и однажды он чуть не задохнулся из-за нее; после этого он стал говорить в нос, что было не совсем приятно слушать. Он всегда выглядел слишком хрупким для долгой жизни, и сейчас, глядя на него, казалось, что он едва ли переживет свою коронацию. Наблюдая за ним, Екатерина чувствовала себя способной устраивать дела желаемым ей образом.

Незадолго до поездки в Реймс Екатерина разговаривала с несколькими знатными дамами; разговор касался Анна де Бурга, которого супруг Екатерины, Генрих Второй, за ересь посадил в тюрьму. Теперь Анн де Бург ожидал суда и больше, чем когда-либо, привлекал к себе интерес французов. Обсуждая его взгляды, Екатерина внезапно заметила, что вокруг нее собрались дамы, склонные симпатизировать гугенотам, — герцогиня де Монпансье, мадемуазель Гогуйе, мадам Круссоль и мадам де Мелли. Екатерина насторожилась: какое-то чувство предупреждало ее о том, что их встреча с королевой была неслучайной. Она позволила им говорить.

— Ах, многоуважаемые дамы, — наконец сказала она. — Все это, конечно, так, но мне кажется, что сегодня во Франции существуют две различные партии гугенотов: тех, кто целиком предан своей вере — их я глубоко почитаю, — и тех, кто использует религию в своих корыстных целях. Нет, мадам де Мелли, не перебивайте меня! У меня есть все основания полагать, что многие люди из этой партии состоят в заговоре с английской королевой Елизаветой. Как я понимаю, они хотят столкнуть с трона моего сына, а на его место посадить принца Конде.

Произнося эти слова, она подумала о Конде и не удержалась от улыбки. Конде! Какие странные мысли пробуждал в ней этот человек! Она знала, что без малейших колебаний использовала бы его в своих целях — а при необходимости не остановилась бы перед тем, чтобы подсыпать ему в вино порцию яда; однако она не могла оставаться равнодушной, когда слышала его имя. Для женщины ее возраста это было просто глупо — хотя бы потому, что у нее не было большого желания физической близости с

ним. И все-таки она, как ни старалась, не могла побороть какого-то смутного волнения, которое переполняло ее перед каждой встречей с ним. Он обладал неиссякаемым запасом жизненных сил и оказывал поистине магнетическое воздействие на всех видевших его женщин; иначе и быть не могло, если ему удалось тронуть даже каменное сердце Екатерины де Медичи. Она слышала, что многие женщины были влюблены в него. Он был невысок, но обаятелен; он всегда отличался темпераментностью; его характер был вспыльчивым и — как она догадывалась — неустойчивым. Он нуждался в направляющей силе, но говорили, что он в избытке получал ее от своей супруги Элеоноры, горячей поборницы реформаторских идей. Как и его брат Антуан де Бурбон, он был опытным волокитой, этот Конде. И, как его брат, ни шагу не ступал без ведома своей супруги!

Задумавшись о Конде, она пропустила часть разговора и сама удивилась этому.

— Да, — продолжила она. — Не ждите, что я буду поддерживать тех, кто строит козни против моего сына!

— Мадам! — воскликнула мадам де Монпансье. — Гугеноты все до единого преданы короне.

Екатерина пожала плечами.

— По моим сведениям, многие из них вообще не желают короля. Они говорят, что Францию больше устроила бы республика... республика, управляемая Кальвином!

— Госпожа, до вас дошли неверные слухи.

— Может быть, вы и правы.

Когда она отпустила этих дам, мадам де Мелли задержалась и шепнула Екатерине:

— Госпожа, с вами желает поговорить адмирал Франции. Могу я привести его?

Екатерина кивнула.

Гаспар де Колиньи. Когда он преклонил колени перед ней, она внимательно посмотрела на его суровое, красивое лицо и внезапно подумала, что этот человек мог бы пригодиться ей. Она хорошо знала его, поскольку познакомилась с ним еще тогда, когда впервые приехала во Францию. Он был одного возраста с Екатериной и приходился племянником Монморанси, коннетаблю Франции. Он слыл красавцем, но его красота была не такой, как у Конде. Внешность Гаспара де Колиньи производила впечатле-

ние благородства и суровости. Сейчас он выглядел намного более серьезным человеком, чем в дни своей юности, когда проводил время между двором и полями сражений. Екатерина хорошо помнила его. Тогда он был неразлучен со своим лучшим другом, Франциском де Гизом; теперь эти лучшие друзья стали самыми непримиримыми врагами, потому Франциск де Гиз официально возглавил католическую партию, а Колиньи стал сторонником протестантов. Колиньи обладал немалой властью: как адмирал Франции, он держал под контролем Нормандию и Пикардию. Он был добрым католиком до тех пор, пока не оказался во фландрийском плену, где пробыл три года и принял протестантскую веру. Выйдя из плена спокойным, серьезным и заметно возмужавшим человеком, он женился на одной не самой красивой, но очень умной женщине, которая боготворила его и которой он был всей душой предан. В присутствии Колиньи Екатерина не могла не почувствовать его силы, и эта сила заставила королеву задуматься о том, как она могла бы использовать ее в своих целях.

Когда Колиньи поднялся с колен, она спросила, что он хотел сказать ей, и он ответил, что отныне все надежды протестантов обращены на королеву-мать. Она удовлетворенно улыбнулась: было забавно видеть, насколько успешно ей удавалось скрывать от окружающих свое истинное лицо.

— Им известны ваши симпатии, госпожа, — твердо добавил Колиньи.

Тогда она рассказала ему о том, о чем упоминала в беседе с дамами: о заговоре англичан, о замыслах Кальвина. В свою очередь он заверил ее в своей преданности короне и трону. Когда он говорил об этом, она не могла не верить его словам.

— Госпожа, — сказал Колиньи, — скоро вы будете в Реймсе. Встречу можно было бы организовать там... или где-нибудь поблизости. Мы с вами должны многое обсудить.

— Но что именно вы должны обсудить со мной, адмирал?

— Мы бы просили об отставке Гизов, которые занимают слишком много должностей; мы бы просили о перерас-

пределении этих должностей; о созыве государственного собрания. Все это отвечает прямым интересам короны.

— Ах, мсье адмирал, когда я вижу, что людей сжигают на кострах не за воровство, не за убийство, а только за их убеждения, я глубоко сочувствую этим людям. А когда я вижу, как стойко они переносят все эти истязания, то мне порой кажется, что в их вере есть какая-то сила, которая неподвластна обычному рассудку.

— Наш народ ждет помощи от вас, госпожа, — сказал Колиньи.

Мадам де Мелли воскликнула:

— О госпожа, не дайте пролиться крови в правление вашего сына! Ее пролито уже столько, что она взывает к Богу о возмездии!

Екатерина холодно посмотрела на мадам де Мелли.

— Вы говорите о том времени, когда на троне был мой супруг?

Мадам де Мелли упала на колени, умоляя королеву-мать простить ее необдуманные слова.

Екатерина перевела взгляд на Колиньи.

— Как я полагаю, — медленно проговорила она, — смысл сказанного заключается вот в чем: в правление моего супруга пострадали многие, и вы думаете, что именно потому его постигла такая ужасная смерть. Вы ведь это хотели сказать, мадам Мелли?

Екатерина горько рассмеялась.

— Итак, вы предупреждаете меня о том, что если будут продолжаться страдания протестантов, то могу пострадать и я? Ах, мадам! Ах, мсье адмирал! Господь забрал у меня того, кого я любила и ценила больше, чем свою жизнь. Что еще Он может сделать мне?

Затем, желая предстать перед Колиньи слабой и тяжело переживающей свое горе женщиной, она расплакалась; адмирал и мадам де Мелли вдвоем принялись успокаивать ее. Слушая их соболезнования, Екатерина спрашивала себя, не глупо ли соглашаться на встречу с протестантами. Она решила, что это было бы неглупо, поскольку такой шаг ни к чему не обязывал и в то же время позволял узнать секреты реформаторов.

Она обещала встретиться с представителями протес-

тантской церкви, и Колиньи и мадам де Мелли, довольные состоявшейся беседой, удалились.

Оставшись одна, Екатерина некоторое время размышляла о протестантах; эти мысли повлекли за собой новые воспоминания о принце Конде; она подумала о его привлекательности и слабохарактерности. Затем она подумала об Антуане и Жанне; о Конде и его Элеоноре. А когда служанки принесли ее вечерний туалет, она подумала о том, как прелестны были некоторые из них. Особенно красивы были Луиза де ля Лимудье и Изабель де Лимоль.

— Отпустив всех, кроме Луизы и Изабель, она сказала:

— Помните ли вы, что в дни моего свекра, Франциска Первого, при дворе была компания молодых, неотразимо красивых дам — превосходных наездниц, остроумных собеседниц, тонких ценительниц искусства, словом — самых блестящих женщин Франции?

Служанки сказали, что им доводилось слышать о *«маленькой компании»* короля Франциска.

— Так вот, у меня появилась мысль о такой компании. Я хочу, чтобы вокруг меня собрались самые элегантные и обаятельные дамы — дамы, отличающиеся красотой, отвагой и остроумием. Кроме того, от них потребуется исключительная преданность мне, потому что вступить в мой *«эскадрон волан»* будет так же почетно, как было состоять в *«маленькой компании»* короля Франциска.

По совету Амбруаза Паре, королевского хирурга, двор переехал в замок Блуа. В последнее время у Франциска обострилась болезнь крови, и врач подумал, что мягкий климат Блуа будет полезен для здоровья короля.

Все эти нелегкие дни Екатерина чувствовала себя безоружной и незащищенной. Встреча с протестантами не состоялась; слухи о ее подготовке достигли кардинала Лотарингского, и он очень ясно дал понять Екатерине, что она не может служить двум хозяевам сразу. В каком-то смысле он был прав: если она хотела бросить жребий вместе с Колиньи и протестантами, то немедленно становилась врагом Гизов. А Екатерина — с Франциском на троне и с супругой Франциска, умело подчиняющей короля всем желаниям Гизов, — не могла позволить себе роскошь обижать этих людей.

Если бы дело на том и закончилось, то все это было бы не так важно, однако в то же самое время усилились гонения на протестантов. Несчастному де Бурга приговорили к сожжению на костре, и многие парижане видели, как он в страшных мучениях умирал на Пляс де Грев.

Протестанты роптали на Екатерину за то, что она не сдержала обещания. Французы, к какому бы классу или партии ни принадлежали, всегда и во всем были готовы обвинить эту итальянку.

Екатерина досадовала на свою неспособность добиться того, чего хотела; однако кардинал Лотарингский и герцог де Гиз последовали в Блуа вместе с двором. Они были бдительны. Она знала, что они пристально следят за ней.

Одни лишь дети, казалось, не чувствовали опасности. Король и не подозревал о том, что творилось вокруг него. Он был целиком поглощен радостями супружеской жизни. Мария была так же счастлива, как и он; ей было приятно сознавать себя самой красивой из всех французских королев, быть окруженной вниманием знати и заботами своих чудесных дядей.

Карл был несчастлив, но мог ли он чувствовать себя иначе? Его смущали те странные вещи, которым учили его наставники. Он все еще страстно желал быть с Марией, королевой и супругой его брата; ему хотелось с утра до вечера играть ей на лютне и сочинять стихи для нее.

Генрих был доволен со своими охотничьими собаками и теми своими сверстниками, с которыми предпочитал проводить время; вокруг него собирались все самые очаровательные мальчики королевского двора — не такие как Генрих де Гиз, который вечно говорил о войне и о том, что будет делать, когда вырастет; друзья Генриха были умными, воспитанными мальчиками, и они увлекались поэзией, любили хорошую живопись и красивые вещи.

Марго была довольна тем, что в Блуа находился Генрих де Гиз. Они вдвоем гуляли по берегам Луары и разговаривали о своем будущем; они решили, что однажды станут супругами.

— Если меня попытаются выдать за кого-нибудь другого, — как-то раз сказала Марго, — то я убегу с вами в Лотарингию и мы будем вместе править там; а может быть,

однажды нам достанется вся Франция и я сделаю вас королем.

Мысль о каких-либо препятствиях, стоявших на пути к их супружеству, показалась Генриху смехотворной.

— Никому не рассказывайте об этом, дорогая Марго, но я уже говорил со своим отцом.

Марго удивленно посмотрела на него.

— О нас?

Он кивнул.

— Мой отец говорит, что мы обязательно поженимся.

— Но Генрих, что, если король?..

— Мой отец — величайший человек Франции. Если он сказал, что мы поженимся, значит, мы поженимся.

Марго подумала об отце Генриха, о могущественном герцоге де Гизе, шрам на лице которого придавал ему немалую привлекательность, потому что этот шрам он получил в битве. Многие согласились бы с Генрихом в том, что его отец был величайшим человеком Франции; если он обещал сыну брак с Марго, то она была готова поверить его словам.

Вот почему ей было так легко и приятно гулять с Генрихом по окрестностям замка, разговаривать с ним об их будущем, клясться ему в верности и слушать его клятвы и заверения в том, что ничто не может воспрепятствовать их свадьбе.

Франциск де Гиз в замке Блуа созвал Тайный Совет. Он был серьезен, но при мысли о предстоявшем деле его глаза сверкали радостным блеском: ничто на свете не радовало его так, как какая-нибудь новая битва — чем кровопролитней, тем лучше.

— Дамы и господа, — сказал он, обращаясь к Совету, который состоял из королевы, королевы-матери, самого короля, кардинала Лотарингского и нескольких наиболее знатных придворных особ. — Из Англии до меня дошли сведения о заговоре против французского трона. Король в опасности. Готовится вооруженное восстание, которое вменяет в задачу насильственное похищение короля, королевы, королевы-матери и королевских детей. Этот предательский плен будет осуществлен в том случае, если король откажется принять протестантство. Как вы догадываетесь, вождями изменников назначены братья Бурбоны.

Они вступили в переписку с Елизаветой Английской, и та обещала им поддержку. Мы должны сделать все возможное, чтобы защитить короля. Нужно усилить охрану королевского двора.

После таких откровений весь двор оказался запертым в стенах замка. Марго и Генрих де Гиз уже не могли слоняться по берегам Луары. Их это не расстроило: они были счастливы всюду, если были вместе; им даже нравилось думать о том, что они оба находились рядом с опасностью. Однако Франциск и Карл чувствовали себя иначе. У Карла участились приступы истерии; по ночам он вскакивал с постели и кричал, что его убивают; ему мерещилось, что убийца прячется в соседней комнате. Он становился все более неуравновешенным ребенком. Его мать несколько дней наблюдала за ним; ей казалось, что действия его наставников не прошли бесследно; она была довольна ими.

Однако сейчас она должна была отвлечь внимание от своих детей и сосредоточить мысли на более обширном предмете — на войне между католиками и протестантами, в которой она не хотела принимать участие, если оно не помогло бы одержать ее собственную победу. Порой она смеялась над горячностью людей, окружавших ее. Кто бы из них ни взял верх в этой ожесточенной борьбе, все равно они — и те, и другие — оставались послушными ее воле. Ее религия не была ни католической, ни протестантской; она предпочитала бороться за сохранение королей Валуа на французском троне и за то, чтобы короли Валуа повиновались королеве-матери.

Вот почему, не переставая одобрительно отзываться о планах Гизов, она замыслила и вскоре начала осуществлять свой план.

Втайне от всех Екатерина послала за Колиньи. Один раз она уже предала его и чувствовала, что может снова поводить за нос. Как большинство прямодушных людей, Колиньи был способен поддаться на любую хитрость. Она написала, что слышала, будто англичане собираются напасть на конвой французских кораблей. Хотя Колиньи и мог вступить в союз с Англией против католиков и Гизов, его прямой долг состоял в том, чтобы откликнуться на ее просьбу и помочь Франции. Получив письмо Екатерины, он немедленно выехал в Блуа. Екатерина приняла его со

слезами на глазах, пожаловалась на то, что она, слабая женщина, попала в полную зависимость от Гизов, и стала умолять его встать на сторону короля.

— Род Гизов принес немало бед стране и трону, — сказал адмирал. — Единственным средством от ваших бед и от гражданской войны, которая угрожает Франции, является эдикт о веротерпимости.

Екатерина обещала сделать все, что в ее силах, и добиться принятия этого эдикта; только так она могла завоевать доверие протестантов, утерянное после того, как не состоялась обещанная ею встреча в Реймсе, а потому вскоре выпустила новый декрет: ее декрет предписывал остановить преследования протестантов; он давал им полную свободу вероисповедания и содержал обещание простить всех, кроме тех, кто участвовал в заговоре против королевской семьи.

Екатерина решила, что довольно удачно выбралась из щекотливой ситуации; но когда через несколько дней в ее покои твердой походкой вошел Франциск де Гиз, ей было достаточно взглянуть на его сверкающие глаза и циничную ухмылку, чтобы понять, какую могущественную силу она восстановила против себя.

Франциск отрывисто произнес:

— Мадам, мы немедленно покидаем Блуа. Даю вам тридцать минут на сборы.

— Покидаем Блуа!

Его глаза сверкнули, а тот глаз, под которым тянулся шрам, чуть заметно вздрогнул, как это бывало, когда Франциск испытывал сильные эмоции.

— Мадам! Вам и всем — я подчеркиваю, — *всем* вашим детям угрожает опасность.

— Но, — попробовала возразить она, — все опасности уже позади. Мой эдикт...

— *Ваш* эдикт, мадам, — сделав особое ударение на первом слове, сказал герцог, — не поможет нам победить наших врагов. Мы перебираемся под защиту Амбуа. Я не могу подвергать короля опасности.

Лишь благодаря своему самообладанию, которое столько раз выручало её в прошлом, она сохранила спокойствие в этой ситуации. Королева-мать, она должна была покориться воле герцога. Однако, собираясь покинуть Блуа,

она не могла не уверять себя в том, что такое положение дел будет продолжаться недолго.

Король Франциск был перепуган. Почему его не могли оставить в покое? Он не желал ничего, кроме счастья с Марией. Он просил о малом — только о том, чтобы ему не запрещали по-прежнему ездить с ней верхом, танцевать, дарить ей замечательные бриллианты, слышать ее смех. Ему было приятно быть молодым влюбленным супругом — и настолько же страшно оказалось быть королем. Слишком много людей хотели править Францией: его мать, мсье де Гиз, кардинал Лотарингский, Антуан де Бурбон, Луи де Бурбон... Ах, если бы он мог им сказать: «Хорошо, вот моя корона. Возьмите ее. Только оставьте в покое меня и Марию».

Но это было невозможно. К сожалению, у своего отца он родился первым. О, зачем его дорогой родитель так рано умер? Зачем произошел тот ужасный несчастный случай — случай, что не только лишил его отца, которого он так сильно любил и вместе с которым чувствовал себя таким счастливым, но и подставил его голову под эту тяжелую корону!

И вот, новое несчастье. Здесь, в Амбуа, их держали как узников. Кардинал издевался над ним; герцог приказывал, что ему делать или не делать. О, если бы он мог избавиться от дядей Марии! Но ему сказали, что за его жизнью ведется охота. Он должен был соблюдать осторожность. Недавно в лесах, окружающих Амбуа, поймали каких-то людей, и те сказали, что не станут говорить ни с кем, кроме короля. Ему сделали наставление о том, как он должен был вести себя с ними. Его мать провела с ним очень неприятную беседу; Гизы по очереди повторили ее указания. Он должен был хорошо принять каждого из этих людей и, задавая им лукавые вопросы, выведать, кто послал их в Амбуа.

Он знал, что, когда он разговаривал с ними, его мать подслушивала через трубу, соединяющую зал для приемов и ее комнату. Он знал, что кардинал прятался где-то рядом и что если бы он, Франциск, совершил какой-нибудь неверный шаг или не сумел добыть нужных им сведений, то ему предстояло бы испытать на себе презрение кардинала, гнев герцога и, хуже всего, холод матери, которой он боялся больше, чем кого-либо.

Когда этих людей привели, они опустились на колени возле его ног.

Он делал все так, как его учили. Он старался выглядеть спокойным и непринужденным, но ему это плохо удавалось.

— Не бойтесь, мои верные подданные, — проговорил он и, услышав свой голос, подумал, что это они должны были сказать ему, чтобы он не боялся.

Он дал им денег.

— Расскажите, что вы делали в этих лесах?

Они улыбнулись и переглянулись между собой. Им понравилась его молодость и застенчивость. Чего им было бояться? У него был вид не короля, а хрупкого, волнующегося мальчика.

— Мы пришли, чтобы помочь вам, сир, — шепнул один из них.

Им казалось, что этого мальчика что-то угнетает; им казалось, что он охотно избавился бы от власти Гизов. Введенные в заблуждение его смущением и его сбивчивой, заикающейся речью, они рассказали ему о том, что их прислали из Женевы и что вскоре к ним должны были присоединиться их вожди.

Король искренне надеялся на то, что их миссия окажется успешной; он не мог вообразить ничего более худшего, чем пленение, в котором он сам находился.

— Не бойтесь, сир, — шепнул ему тот, кто казался старшим среди них. — Нас сорок тысяч человек, и все мы хотим прийти вам на помощь.

Они поблагодарили его за оказанный им прием; они по очереди поцеловали его руку — как казалось, благоговейно; а Франциск очень сочувствовал им и жалел, что не может сказать, что они попали в ловушку.

Их взяли на выходе из замка, и еще много недель их головы — вместе с головами тех, кто скрывался в близлежащих лесах, — украшали зубчатые стены замка Амбуа.

Все дети, не считая Эркюля, вышли на балкон. Они не смели послушаться приказа. Они должны были сидеть на балконе и вместе с дамами и придворными смотреть на избиение гугенотов.

Франциск испытывал тошноту: он не мог вынести это-

го зрелища. Мария закрыла лицо руками. Карл смотрел широко раскрытыми от ужаса глазами; позже ему предстояло вернуться к своим наставникам, которые будут рассказывать о случившемся до тех пор, пока он не закричит и не начнет биться в истерике.

Марго побледнела: ей было больно видеть этих молодых, красивых людей, которых вывели со связанными руками, бледных от долгого содержания в темнице и окровавленных после пребывания в камере пыток. Марго не могла смотреть на кровь, а кровь была всюду. Она хотела кричать: «Остановитесь! Остановитесь!...» Ее брат Генрих смотрел на происходящее безразличным взглядом; он не интересовался ничем, кроме себя самого и своих хорошеньких сверстников. Однако Генрих де Гиз был захвачен зрелищем: он всегда старался подражать своему отцу, а избиение гугенотов было устроено Гизами; следовательно, все было правильно.

Франциск де Гиз обменялся одобрительными взглядами со своим сыном, надеждой всего дома. Глаза Генриха говорили о том, что он обожает своего отца и что они прекрасно понимают друг друга. Из них двоих ни один не смотрел на герцогиню, мать Генриха, которая позорила их тем, что закрывала лицо руками и плакала.

— Что вас беспокоит? — спросила королева-мать, сама бесстрастно следившая за происходящим.

— Что меня беспокоит? Трагедия, которая происходит у нас на глазах! — истерически закричала герцогиня. — Проливается кровь невинных... кровь подданных короля! О, всевидящий Господь, нас ждут ужасные дни. Я знаю, величайшие несчастья обрушатся на наш дом.

Разразившись проклятиями, герцог Франциск тут же увел супругу с балкона, и Генриху стало стыдно за свою мать.

С тех пор эти избиения стали устраиваться каждый день, и с каждым разом герцог проявлял все большую жестокость к своим жертвам, будто хотел бросить вызов всему, чем Судьба могла отомстить за его злодеяния. Всюду стоял тошнотворный запах крови и разлагающейся плоти; дети не могли не видеть человеческих тел, висевших на башнях и стенах, и прямо на их глазах мертвых клали в мешки и бросали в Луару.

Ни Екатерина, ни Гизы не пытались воспрепятствовать тому, что дети становились свидетелями этих ужасных зрелищ. Герцог Франциск полагал, что они укрепят дух его сына Генриха, а это было одной из целей, которые он преследовал своими действиями; Екатерина считала, что Генрих был так же безразличен к чужим страданиям, как и она сама. Что касается остальных детей, то среди них больше всех изнемогали от перенесенных ужасов король и Карл, а нервное истощение Франциска и Карла не огорчало ни Гизов, ни Екатерину.

Все дни кровь лилась рекой, и дети уже не могли смотреть прежними глазами на их некогда любимый Амбуа. Они постоянно думали о его мрачных подземельях, где творились все эти чудовищные злодеяния; его прекрасные башни неизбежно ассоциировались с висевшими на них обезображенными трупами; даже сверкающая Луара стала теперь общей могилой узников замка.

Франциск запирался в своей комнате и горько плакал. Ему было больно видеть, как за стеклом Амбуа люди отворачивались от него. Когда он приближался к ним, крестьяне немедленно зазывали детей под защиту их покосившихся изб. «Вон идет король! — кричали они. — Говорят, он болен и живет тем, что пьет кровь маленьких детей!»

— Они ненавидят меня! Они ненавидят меня! — всхлипывал Франциск. — Они не знают, что не я делаю эти ужасные вещи.

В порыве отчаяния он однажды бросился с кулаками на кардинала и, почувствовав под его костюмом кольчугу, понял, что этот человек тоже был испуган.

Кардинал боялся покушения на свою жизнь. Одежду всех слуг он изменил таким образом, чтобы те не могли принести с собой оружие. Теперь их плащи стали узкими, а сапоги короткими настолько, чтобы в них нельзя было спрятать кинжала.

Франциск понял, что кардинал был человеком не из храброго десятка; он закричал: «Это из-за вас мой народ ненавидит меня! Во имя всего святого, убирайтесь отсюда прочь!»

Кардинал лишь усмехнулся в ответ; он боялся подосланных убийц, а не короля.

Весь небольшой двор Нерака оцепенел от ужаса. Король Наваррский только что получил послание от короля Франции.

Антуан сорвал печать и прочитал:

«Мой многоуважаемый дядя! Вы, конечно же, помните мои письма, где я сообщал вам о мятеже, едва не вспыхнувшем в Амбуа; писал я и о вашем брате, принце Конде, против которого дали показания многие задержанные заговорщики. Долгое время я не мог поверить в то, что человек близкой мне крови...»

Антуан дрожащими руками перевернул страницу. Пропустив несколько строк, он прочитал:

«...и расследовать это дело, угрожающее моей жизни и свидетельствующее о безумных амбициях иных моих подданных. Я обязываю вас доставить принца Конде в Орлеан и, желает он того или нет, немедленно передать его в мои руки. Если моя воля не будет выполнена, то скоро вы поймете, что ваш король — я, а не...»

Жанна наблюдала за супругом; увидев, как задрожали его губы, она испугалась за него.

За последний год ей пришлось во многом изменить свое мнение об Антуане, но, несмотря на их участвовавшие ссоры, она продолжала горячо любить его. Ей было тяжело сознавать, насколько различными оказались их характеры: он был слаб и нерешителен; она — сильна и, однажды приняв какое-нибудь решение, уже не сворачивала со своего пути.

Она сделала его королем Наварры, но он был слишком безволен, и она сама управляла этой провинцией. Она не могла не винить его в том, что произошло, когда он поехал ко двору и когда Гизы так грубо обошлись с ним. Она объяснила ему, какой опасности он в результате подверг себя, ее, их детей и их королевство. Она понимала, что только принцу, который мог найти общий язык с королевой-матерью, должно было принадлежать решающее слово в делах государственной важности, с какими он столкнулся при дворе. Однако он замешкался, и Гизы опередили его.

На какое-то время между ними установились напряженные, почти неприязненные отношения, но Жанна при всем своем темпераменте не могла сердиться слишком

долго: он все еще оставался ее горячо любимым супругом, и она полагала, что если ему и его карьере требуется ее помощь, то она, Жанна, должна благодарить Бога за то, что ей были даны силы, достаточные для обоих.

Сейчас она наблюдала за ним и думала о счастливой жизни в их собственной провинции. Она была счастлива — сама воспитывала и учила своих детей и радовалась их первым успехам. Она всей душой приняла веру гугенотов, хотя и не заявила открыто о своих религиозных убеждениях; однако было широко известно — и в частности, в Испании, — что именно в ее королевстве находят убежище гонимые верующие.

— Антуан, — сказала она, — любимый, что там такое?

Он дал ей письмо и, положив руку ей на плечо, вместе с ней еще раз прочитал его.

Жанна твердо произнесла:

— Вам нельзя ехать туда. Луи тоже не должен появляться там.

— Жанна, дорогая, это приказ. Как вы не понимаете? Это приказ короля!

— Король — ребенок, страдающий многими недугами и не способный принимать собственные решения. Это приказ герцога де Гиза и его коварного брата, кардинала Лотарингии, — вызов от королевы-матери. Он означает: «Приезжай. Войди в клетку, которую мы для тебя приготовили».

— Возможно, вы правы. Да. Разумеется, мне не следует появляться там. И лучше ничего не говорить Луи. Он слишком любит риск и может совершить какой-нибудь безрассудный поступок.

Однако Антуан не мог подолгу придерживаться одного и того же решения.

— Нет, любой приказ короля должен быть выполнен. Кажется, мне все-таки придется поехать. Жанна, никто не посмеет повредить нам — мы принцы крови!

— Бывало, что и принцы крови умирали не своей смертью, — напомнила она ему.

Граф Круссоль, который привез послание, заверил Антуана в том, что ему нечего бояться. Сам король дал ему слово.

— Но королю не позволено давать свое слово, — заметила Жанна.

— Вам дает слово королева-мать.

— Ах! — вспыхнула Жанна. — Разве королева-мать не может не сдержать своего слова, как не сдержала другого своего обещания — встретиться в Реймсе с нашими посланниками?

— В том же дают слово герцог де Гиз и кардинал Лотарингии.

— Я не верю словам душегубов и убийц! — не сдержавшись, воскликнула Жанна.

Антуан в свою очередь упрекнул ее.

Как невозможна стала их прежняя счастливая жизнь! Если бы они не принадлежали к королевской крови, если бы могли жить просто и скромно, то как счастливы были бы они! Сейчас она досадовала на нерешительность Антуана, а он досадовал на ее несдержанность, и все это потому, что они оба боялись за своих детей и за свое королевство; они злились друг на друга за провинности, которые в менее знатных семьях всего лишь развеселили бы супругов.

Антуан посчитал необходимым предупредить брата, и, получив его письмо, Конде вместе с супругой, принцессой Элеонорой, приехал в Нерак, чтобы здесь обсудить создавшуюся ситуацию.

Всегда бесстрашный и презирающий любую опасность, Конде заявил, что им не оставалось ничего иного, как только принять вызов. Никто не должен был думать, что Конде испугался. Жанну охватила бессильная ярость.

— Луи, это вопрос жизни и смерти! — простонала она. — Вы и Антуан должны остаться здесь!

— Жанна, дорогая, мы не можем оставаться здесь. Нам скажут, что мы испугались обвинений.

Жанна прикусила губу, и тогда к ее мольбам присоединилась принцесса Элеонора, которая понимала их положение не хуже, чем ее сводная сестра; однако даже если бы Антуан и Луи согласились остаться, обе женщины слишком долго прожили со своими супругами, чтобы не знать их непоследовательности.

— Если вы решили поехать, — наконец сказала Жанна, — то, по крайней мере, предстаньте перед принцами

Лотарингскими с силой, которая заставит их уважать кровь Бурбонов.

— Луи, — воскликнула принцесса Конде, — неужели вы не видите, что если поедете ко двору, то каждый ваш шаг будет приближать нашу общую катастрофу. В своем письме король достаточно ясно говорит об этом. Возьмите людей. Возьмите оружие. И если уж вы хотите умереть, то умрите в бою, а не на эшафоте.

— Луи, они правы, — сказал Антуан. — Я поеду один. Они обвиняют вас, а не меня. Если я поеду один, то смогу проведать обстановку, а потом... а потом дам вам знать.

Пока они колебались, в Нерак прибыл посыльный с письмом от Екатерины.

«Проявите отвагу, — советовала Екатерина. — Если вы смело примете вызов, то вам нечего будет опасаться. Приезжайте, но ведите себя скромно; не берите с собой слишком большой охраны — это докажет вашу невиновность».

— Она права, — сказал Антуан. — Если мы приедем с вооруженным отрядом, то будем выглядеть как люди, признающие свою вину.

— Если королева-мать говорит «ведите себя скромно», — заметила Жанна, — то можете быть уверены, самым разумным будет явиться во всеоружии.

Позже прибыли другие письма. Сторонница гугенотов герцогиня де Монморанси предостерегала Антуана и Конде от того, чтобы они покидали Нерак. Екатерина писала Жанне и просила ее сопровождать супруга в его поездке в Орлеан. «Возьмите с собой сына и дочь, — писала Екатерина. — Я соскучилась по ним и желала бы повидать их милые мордашки».

— Уж они-то, по крайней мере, не увидят этой хитрой змеи, — заявила Жанна.

А когда Антуан и Конде наконец-таки выехали в Орлеан, она перебралась в По и стала готовиться к защите своего королевства.

Антуан Наваррский и Луи де Бурбон, принц Конде, находились на пути в Орлеан. Они выслали вперед управляющих своими дворами, и те всюду возвещали об их приближении.

А между тем королева отдыхала в своих покоях и дума-

ла о том, как много изворотливости и самообладания ей предстояло проявить в течение ближайших нескольких недель, вспоминала слова Макиавелли, которому в свое время покровительствовал старый Лоренцо де Медичи: «Благоразумный правитель не может и не должен держать своего слова за исключением тех случаев, когда он может сделать это без вреда для себя; или тогда, когда условия, при которых он взял на себя какое-либо обязательство, все еще существуют и остаются неизменными. При этом, однако, не следует открыто говорить о своей готовности нарушить данное обещание, но следует глубоко постичь искусство притворства и лицемерия; замечу, что люди в большинстве своем слабы и простодушны, а потому всякий, кто желает обмануть, легко найдет доверчивых простофиль».

Таковы были ее правила. Им она обучилась у себя на родине, во дворце Медичи и в Риме, в женском монастыре Мурато; их она практиковала и во Франции. Она еще не показала всей своей силы — до сих пор ей удавалось только опробовать свои крылья, — но она была уверена в себе. Никто в этой стране не знал, кем она была на самом деле. Правда, время от времени о ней ходили некоторые слухи; когда внезапно скончался дофин Франциск, старший сын Франциска Первого, многие решили, что она приложила руку к его смерти. Однако для большинства она была смиренной и терпеливой женщиной: женщиной, которая вынесла двадцать лет унижений, доставшихся ей от Дианы Пуатье, и за все эти годы ни разу не показавшей себя иначе, чем слабой, покорной и беззащитной жертвой ее жестокого супруга. Она провела их всех, она легко обвела их вокруг пальца, этих доверчивых простофиль.

Екатерина прошла в закрытое помещение своих покоев, заперлась, открыла небольшую дверцу и попала в потайную комнату. Здесь были трубы для подслушивания чужих разговоров; к одной из них она прильнула ухом.

Порой ей приходилось ждать довольно долго, но обычно она не жалела о потраченном времени. Эти трубы, существованием которых она была обязана стараниям Рене и братьев Руджери, незримо соединяли ее потайную комнату с некоторыми другими покоем дворца. Та, возле отверстия которой она так терпеливо выжидала, вела в личные апартаменты герцога де Гиза.

Она знала, что ее терпение будет вознаграждено: служанка Магдалена сказала ей, что герцог пригласил к себе королеву Марию.

В последнее время Мария причиняла ей немало страданий. Еще бы. Эта глупая, ничего не понимающая девчонка, которой не исполнилось и двадцати лет, обладала реальной властью во Франции, королеве-матери оставалось лишь переносить все новые оскорбления ее дядей Гизов. Хотя и безвольный Франциск, и кокетка Мария были не более, чем марионетками в руках все тех же хозяев дома Лотарингии...

Внезапно она услышала голос герцога:

— А! Моя дорогая племянница! Как мило с вашей стороны, что вы не забыли о моем приглашении...

Как мило с ее стороны! — подумала Екатерина. Не эта ли девчонка была королевой Франции? И кто такой этот герцог, чтобы в подобной манере вызывать королеву в свои апартаменты? Ах да, он же был доблестным воином — мужественным, бесстрашным и по-своему привлекательным. Воплощение французских добродетелей! Без сомнения, он очаровал свою племянницу, как очаровал многих в этой стране.

Подслушивать, склонившись к отверстию трубы, было нелегко — до нее долетали только обрывки слов, — и она пропустила часть разговора прежде, чем нашла нужное положение и стала отчетливо различать речь.

— Мария, Бурбоны уже в пути.

Затем послышался высокий голос королевы:

— Дядя, я не совсем поняла. Что именно должен сделать Франциск?

— Они угрожают нашему дому... Я говорю о принцах Бурбонах. Их нельзя оставлять в живых.

Екатерина мрачно кивнула... «И все-таки они останутся в живых, мсье герцог, — пробормотала она. — Останутся в живых, потому что без наших славных Бурбонов принцы Лотарингии станут еще более тщеславными и заносчивыми, чем сейчас».

И тут она услышала слова, которые заставили ее побледнеть.

— А вы, дорогая, продолжайте следить за королевой-матерью. Сообщайте мне о каждом ее шаге... обо всем, что

она делает. Пока что вам это хорошо удавалось. Но еще не время успокаиваться. Следите за ней. Делайте вид, что вы на ее стороне.

Глаза Екатерины застыли на месте, рот широко открылся. Сейчас у нее был вид, который наверняка запомнился бы многим людям, сравнивавшим ее со змеей.

Так значит, королева Франции шпионила за королевой-матерью!

В ту минуту она испытала всю обиду и все возмущение шпиона, который вдруг обнаруживает слежку за собой.

Екатерина находилась в зале для приемов, когда вошли Антуан и Конде. Гизы сидели у стены, Мария была с ними.

Антуан низко поклонился королю; он держался чересчур скромно. Франциск, послушно выполнявший данные ему указания и чувствовавший на себе пристальные взгляды герцога и кардинала, проигнорировал его появление — хотя любил и безумно жалел своего дядю.

Затем подошел Конде.

Если Антуан вызвал у Гизов только презрение, то Конде испугал их. Держась спокойно и твердо, Конде всем своим видом показывал, что, несмотря на опасность, угрожавшую его жизни, он не забывал о том, кто здесь был принцем крови.

Начались традиционные приветствия; все придворные и слуги застыли в напряженном ожидании.

Екатерина обратилась к Конде. Это не было предусмотрено ритуалом, и она сама удивилась какому-то подсознательному порыву, который заставил ее пуститься на такой поступок. Конде собирались убить; она хотела помочь ему. Однако спасти принца ей нужно было не только для того, чтобы использовать его против Гизов. В ней заговорило что-то другое — более важное и менее объяснимое. Не это ли сказалось в ее глазах, блеснувших нежностью, когда она остановила взгляд на красивом и элегантном принце Бурбоне?

Конде, внимательно следивший за обстановкой в зале, повернулся к королеве-матери. Неужели, подумал он, в этом змеином гнезде у него нашелся один друг?

— Мсье де Конде, — непринужденно произнесла Ека-

терина, — у меня к вам есть некоторые вопросы, которые я хотела бы обсудить прежде, чем начнется следствие по делу о вашем участии в заговоре против короля. Прошу вас, ступайте за мной.

Гизы насторожились.

Конде поклонился и выпрямился; на его красивом лице появилась улыбка. Глаза принца говорили о том, что все опасности его приезда ко двору были для него желанны, если они будут вознаграждены беседой с королевой-матерью, которой он поклоняется как королеве и восхищается как женщиной.

Гизы не сделали ни единой попытки воспрепятствовать странному и неожиданному поступку королевы-матери; они позволили ей провести Конде в свои покои. Решительные действия последовали позже, и принц был арестован уже в покоях Екатерины.

Увидев вокруг себя вооруженных людей, Конде опешил. Он не понимал, что могло означать дружелюбное поведение королевы-матери. Екатерина торжествовала. Она дала принцу повод думать о ее добром отношении к нему — и именно так полагалось думать всякому, кого она собиралась использовать в своих целях.

Итак, Конде оказался за решеткой, а свобода Антуана была ограничена пределами дворца, что, по сути дела, тоже превратило его в пленника Гизов.

До чего же глупо, подумала Екатерина, питать к кому-то нежные чувства, когда идет такая непримиримая борьба за власть.

Из Орлеана Конде перевезли в темницу замка Амбуга и приговорили к смерти.

Его супруга в порыве отчаяния примчалась в Орлеан и умоляла кардинала Лотарингского разрешить ей свидание с супругом; однако кардинал отклонил ее просьбу. Ни он, ни его брат не любили жен принца Конде и Антуана Наваррского. Обе они были сильными, добродетельными женщинами, и ни одна из них не могла заинтересовать кардинала. Он знал, сколько хлопот они были способны причинить ему. Элеонора услышала от него немало угроз и оскорблений в свой адрес.

Она все еще не сдавалась. Хитростью ей удалось добиться аудиенции короля, и уже через несколько минут

этот несчастный мальчик рыдал вместе с ней, жаловался на Гизов и признавался в том, что глубоко разделяет ее горе. Но кардинал появился вовремя и удержал Франциска от дальнейших глупостей.

Перевод Конде в Амбуа подстроила Екатерина: здесь ей никто не мешал посещать арестованного принца.

Часы, которые она проводила вместе с ним, были самыми восхитительными в ее жизни: Конде, знавший о том, что его приговорили к смерти, не предавался пространному рассуждению об этом печальном факте; он был галантен и обходителен, и ему нравилось вести лукавые беседы с королевой-матерью; ему было забавно размышлять о том, насколько она могла оказаться его другом, а насколько врагом.

Что касается Екатерины, то, сидя на стуле, который приносили специально для нее, и вглядываясь в лицо Конде, едва освещенное светом из зарешеченного окошка, она думала о том, что не должна допустить смерти этого человека. Она не раз говорила ему об этом, и он верил ей. Между ними установились нежные, дружеские отношения. Она была нестарой женщиной. Она никогда не злоупотребляла излишествами и еще хорошо сохранилась. Вдова короля могла составить завидную партию принцу, и если бы у них родился ребенок, то у ее супруга было бы более высокое положение, чем у нее. Принц Конде и королева-мать могли бы вдвоем управлять Францией.

Конечно, такие мечты были весьма заманчивы; и, конечно, они могли лопнуть, как мыльные пузыри.

Может быть, ей просто нравилось разговаривать с этим принцем, обнадеживать, намекать на то, что она даст ему свободу и предложит свою руку. Элеонора? При мысли о ней Екатерине хотелось смеяться. Святая, как говорили некоторые. Но разве святые должны жить для мира сего? Не должны — так и пусть перебираются в то царство, которое им принадлежит. Это будет легко устроить. Рене или Космо? Единственное, чего она тут опасалась, было связано со старыми слухами о смерти дофина Франциска, которые оживила бы кончина жены ее будущего супруга... Позже, когда у нее будет вся полнота власти, она сможет принимать в расчет то, что станут говорить о ней. Однако сейчас ей следовало помнить об искусстве притворства и

лицемерия. Она не должна была забывать слова великого Макиавелли.

Вот почему, оставляя Конде смущенным и тщетно пытающимся понять смысл той странной дружбы, которую предлагала ему Екатерина де Медичи, она поднималась в комнаты над темницей, где всеми правдами и неправдами старалась склонить на свою сторону его брата.

Впрочем, подчинить себе Антуана де Бурбона было делом не таким уж трудным. В одну из первых встреч с ним она взяла его под руку и, прогуливаясь с ним от окна к окну, сказала, что желает быть его другом.

— Мой дорогой брат, — подчеркивая родственную связь его супруги и ее бывшего супруга, добавила она, — не вините меня в том, что случилось с нашим несчастным Конде. Уверяю вас, я делала все возможное, чтобы помочь вам обоим. Но вы же понимаете, никто не может нарушить волю короля — даже такого молодого, как Франциск.

Все знали, что вся воля короля заключалась в желаниях его матери и дядей его супруги, — однако Антуан не нашел в себе силы усомниться в искренности королевской матери.

— Мой Антуан, слишком много тяжелых испытаний свалилось на мои слабые плечи. Я боюсь, моему сыну недолго осталось жить.

— Госпожа, это печальное известие.

— И, увы, не совсем неожиданное. Неужели вы не заметили, как быстро этот ужасный недуг подтачивает его силы? Бедный Франциск! Он утасует прямо на глазах. Однако любая трагедия для кого-то может обратиться во благо. Вы любите своего брата; а ведь это мой сын поклялся в том, что принц Конде будет казнен за участие в заговоре против трона.

У Антуана учащенно забилося сердце; он пожалел о том, что рядом с ним не было его Жанны; она-то уж могла бы ему понять смысл намеков Екатерины. Но нет! Жанна Екатерине не доверяла. Она бы сказала: «Берегитесь, Антуан! Если королева-мать хочет, чтобы вы одобрили какой-то ее замысел, то, каким бы привлекательным он ни выглядел, ни за что на свете не соглашайтесь на это».

Екатерина сжала его руку; ее лицо было рядом с его ли-

цом; он вглядывался в ее бесстрастные глаза и тщетно пытался прочесть ее мысли.

Она медленно продолжила:

— Когда Франциск умрет, королем Франции станет мой сын Карл, а он еще слишком молод для того, чтобы ему можно было доверить управление такой великой страной, тем более — раздираемой религиозными распрями. Поэтому, как только Карл взойдет на трон, сразу будет назначено регентство, и вам, принцу крови, будет отведена значительная роль в нем. Как вы знаете, мой маленький Генрих и мой Эржюль намного моложе их брата Карла; тогда ближайшим наследником короны будете вы, а за вами — мсье де Конде.

Внезапно она рассмеялась.

— Но я не позавидую подданным Карла, если рядом с ним не будет его матери. Увы, с ним слишком часто случаются расстройства... я хочу сказать, расстройства рассудка... и в это время никто, кроме его матери, не может справиться с ним. Горе тем, кто рискнет образумить его... если этого не сделаю я, его мать!

Она высвободила руку и, скрестив обе руки на груди, неподвижно встала перед ним. На ней была черная шапочка, которую она носила со дня смерти Генриха Второго; кисточка этой шапочки сейчас свисала на ее лоб. Антуан вздрогнул. В ней была какая-то смутная угроза, и неожиданно для себя он вспомнил о тех людях, что были к ней приближены и умерли при загадочных обстоятельствах. У него мелькнула мысль о дофине Франциске, смерть которого открыла ей путь к трону.

— Что вам угодно, госпожа? — спросил Антуан.

Она ответила, как ему показалось, откровенно:

— Если во Франции будет регентство, то регентом должна стать я. О, не думайте, что мне неизвестны ваша власть и ваш ум. На самом деле все далеко не так.

Она снова приблизила свое лицо к его лицу и снова рассмеялась.

— Я дам вам чин генерал-лейтенанта, и все эдикты будут издаваться от нашего общего имени.

— Кажется, я понимаю, — тихо произнес Антуан.

Она приложила палец к губам, и ему показалось, что в

этом жесте тоже было какое-то другое, непривычное значение.

— Пусть это будет нашей тайной, мой дорогой брат. Вы ведь должны понимать, что Гизы не одобрили бы наших планов. Поверьте мне, они вовсе не горят желанием увидеть моего сына в могиле. Хотя, я боюсь, это заражение крови все-таки приведет его туда.

— О нет, госпожа! — воскликнул Антуан.

— Так вы согласны?

Антуана выручила его обычная нерешительность.

— Это слишком сложный вопрос, чтобы сразу решить его. Мне нужно подумать. Но, смею вас заверить, как только я приму решение, так немедленно сообщу его вам.

Ее белые руки — все, что у нее было по-настоящему красивого, — еще раз легли на его локоть.

— Мой друг, постарайтесь не совершить ошибки и не слишком откладывайте ваше решение. Я всего лишь слабая и одинокая вдова, которой нужно присматривать за своими малышами. Если мне не удастся найти поддержку в доме Бурбонов — защиты у которых я предпочла бы попросить в первую очередь, — то у меня не будет иного выбора, как только обратиться к дому Лотарингии. Мсье, главы этого дома пойдут даже... впрочем, один Господь знает, на что они будут способны пойти... лишь бы получить чин генерал-лейтенанта, который я только что предложила вам.

Антуан поклонился. Он чувствовал себя так, будто ему только что предложили чашу с ядом, которая должна была заставить его упасть к ногам королевы-матери.

Ее лицо было по-прежнему бесстрастно, но произнесенные слова могли означать только одно: «Сделайте меня регентом Франции, уберите короля. Для вас уготована должность генерал-лейтенанта... или смерть».

Покинув ее, Антуан еще долго не мог забыть испытанного им ужаса.

Екатерина вошла в покои короля. Обессиленный Франциск лежал на постели. Мария встала и обратилась к королеве-матери.

— Мадам, Франциск очень устал. Он желает поспать. Екатерина чуть заметно улыбнулась.

— Я не утомлю его. Поверьте, мне лучше, чем кому-либо, известен характер недуга, которым страдает мой сын, и я одна знаю, как лечить его. Мне нужно поговорить с ним, поэтому я прошу Ваше Величество оставить нас наедине.

— Мадам... — начала Мария.

Екатерина подняла руку.

— Оставьте нас. Это не займет больше десяти минут... А у вас, полагаю, найдется тема для разговора с вашим дядей герцогом. Поймите, мы с Франциском желаем побыть вдвоем.

— Но Франциск сказал...

Франциск был болен и, хотя ему хотелось во всем угодить супруге, он слишком хорошо знал настойчивость своей матери.

— Франциск, если вы желаете, то я уйду, — сказала Мария.

— Разумеется, он желает этого. Дорогая дочь, у меня лишь небольшой материнский разговор. А вас спрашивает герцог. Не заставляйте меня идти за ним.

Немного поколебавшись, Мария поклонилась и вышла.

— Ах, эта маленькая надсмотрщица! — дождавшись ее ухода, воскликнула Екатерина. — Она не хотела оставлять своего пленника даже с его родной матерью!

— Она хочет быть со мной, потому что знает, как мне плохо и как мне нужна ее забота.

— Конечно, конечно. Не вставайте, дорогой сын. Лежите спокойно. Я вполне могу разговаривать с вами, когда вы лежите. Сегодня вы плохо выглядите. Вам нужно попробовать какое-нибудь новое лекарство. Я скажу Космо, он приготовит что-нибудь; мне начинает казаться, что микстура, которую принес Рене, уже не приносит большой пользы. Извините меня, я сейчас.

Она подошла к двери и открыла ее. За порогом стояла Мария.

— Ах, моя дорогая дочь, — улыбнувшись, сказала Екатерина, — не стойте так долго в коридорах. Здесь гуляют сквозняки, а они вредны для вашего здоровья. Да и мсье де Гиз ждет вас. Не огорчайте его.

Екатерина проследила за смущенной Марией, которая медленно прошла по коридору и, сохраняя некоторое до-

стоинство, стала подниматься по лестнице, ведущей в апартаменты герцога.

Затем Екатерина закрыла дверь и вернулась к постели.

— Вы расстроены, мой мальчик, вас что-то беспокоит. Расскажите своей матери.

— Ничего меня не беспокоит. Мне просто плохо.

— Они слишком утомили вас, эти дяди вашей супруги. Ах, как было бы вам полезно удалиться в один из самых спокойных ваших замков и там отдыхать или гулять в саду вместе с вашей супругой! Вам нужно отвлечься от государственных дел. Сейчас для вас важнее отдыхать и играть на свежем воздухе.

— О да! — пылко воскликнул Франциск.

— Я прослежу за тем, чтобы вам устроили такой отдых. Ваша мать позаботится о том, чтобы вы смогли восстановить силы.

— Если бы это было возможно!

— Я обещаю вам отдых, мой сын.

Она положила руку на его лоб. О какой жар!

Франциск поднял глаза и взглянул на нее так, как смотрел, когда был маленьким мальчиком.

— *Маман*, у меня болит... голова... все тело.

— Франциск!.. Маленький мой!..

— Ох, *маман*, как я устал! Почему мне не дают уехать отсюда?.. Я бы взял с собой только Марию... и совсем немного слуг... Вы сможете это устроить?

— Я устрою ваш отъезд. Но сначала расскажите о том, что беспокоит вас. Скажите вашей маман. Чем вас так напугали дяди вашей супруги? Ведь это от них вы хотите убежать?

— *Маман*, герцог силен и отважен. Во всей Франции не найдется человека более великого, чем он.

— О, герцог де Гиз и вправду очень велик. Можете спросить народ Парижа. Для этих людей он — герой. Они оказывают ему больше почестей, чем вам, мой сын.

— Да. Герцог очень велик.

— А кардинал? Он тоже великий человек. Ведь так говорит Мария, да?

— Кардинал...

Франциск задрожал. Екатерина приблизила губы к его уху.

— Может быть, мой сын, я смогу помочь вам. Скажите, что они требуют от вас?

Франциск сжал губы. Итак, чутье не подвело ее. Кое-что она слышала об этом деле, но тогда из трубы до нее долетали только обрывки разговора, а суть оставалась неясной; однако Франциск выдал себя своим волнением — ему не нравился новый замысел дядей Марии.

— Это имеет какое-то отношение к Антуану де Бурбону, не так ли?

Он взглянул на нее широко раскрытыми глазами.

— Маман, откуда вы знаете? Ведь это... этого не знает никто.

— Вы еще многого не понимаете, мой сын. Может быть, потом вы сможете кое-что понять. Но сейчас важно то, что я знаю это.

— Маман... некоторые люди говорят, что вы связаны... с потусторонним миром.

— Мой сын, о вашей матери говорят много страшного. И все же... Они собираются убить Антуана?

Он кивнул.

— А вам, мой бедный, несчастный мальчик... какую роль они отвели *вам*?

— Все должно случиться само собой. Он должен угрожать мне, а я... в приступе ярости... ударить его кинжалом. Мне нужно только поднять руку, а потом герцог, кардинал и Марешаль де Сен-Андре ворвутся в комнату и сделают остальное.

— Но как же вы заставите несчастного Антуана ударить вас? Ведь он вас любит! Он ни за что на свете не совершит такого подлого поступка!

— Я должен буду оскорбить его, разозлить... ударить, если нужно. Он будет думать, что я один, а я всего лишь слабый мальчик...

— Бедный мой! И вы решитесь на это?

Она поправила прядь волос, упавшую на лоб.

— Госпожа, — сказал он, — мама, Бурбоны подкапываются под наш дом. Они хотят отнять у нас трон.

— Мой бедный Франциск, — пробормотала она, — бедный Антуан... такой слабый, беззащитный, беспомощный... Какие ужасы ты несешь, французская корона!..

За дверью послышались шаги.

Екатерина быстро прошептала:

— Сын мой, поступайте так, как велит вам ваша совесть, но никому не говорите о том, что ваша мать знает о дьявольском замысле, заставляющем вас убить своего родственника... принца крови!

В комнату вошла Мария.

— До свидания, мой сын. Ах, вот и ваша очаровательная супруга! Мария, посидите рядом с ним. Ему так не хватает вашего присутствия. Он рассказывал мне о том, как трогательно вы заботитесь о нем. Вы быстро вернулись. Вы застали своего дядю де Гиза?

— Госпожа, в апартаментах его не было.

— Разве?

Екатерина встала и положила руки на плечи Марии. Затем поцеловала ее в одну и в другую щеку.

— Благодарю вас, дорогая, за все, что вы сделали для нашего молодого короля. Да хранят вас святые!

Мария покраснела, но почтительно поклонилась. Посмотрев на ее красивую склоненную голову, Екатерина улыбнулась.

Шпионка! — подумала она. Недолго будешь ты шпионить за мной, когда закончатся твои деньки при французском дворе!

Франциск боялся посмотреть на дверь. У него дрожали руки, шумело в голове; он то и дело нащупывал кинжал, висевший у него на поясе, и облизывал пересохшие губы. Катастрофа, о которой было страшно подумать, теперь казалась неизбежной.

Он понимал, что сейчас за ним наблюдают и презируют его. Он чувствовал, как дрожат его губы, и вспоминал все те ужасные слова, которые должен будет сказать Антуану. Он знал, что не сможет выполнить того, что от него требовали. Зачем дяди Марии задумали этот их дьявольский план?

Может быть, Генрих де Гиз был бы только рад, если бы его отец дал ему сыграть ту роль, которую отвели Франциску. Но Франциск ненавидел кровопролитие; ненавидел смерть. Он хотел быть счастливым, играть на лютне, сочинять стихи для Марии и любить ее. Вот какой жизни он

желал бы себе. Но остальные не хотели, чтобы он жил такой жизнью.

— Сир, король Наварры прибыл и просит аудиенции.

— Приведите его, — сказал Франциск и испугался своего дрожащего голоса.

Он должен был поступать так, как ему велели. У него не было другого выхода.

Вот и Антуан — с таким странным, холодным блеском в глазах, как будто знает о том, что должно произойти. Вот он приближается, и в его поведении чувствуется настороженность, а глаза внимательно осматривают комнату. Он выглядит как-то уж слишком торжественно — куда девались его обычная веселость и улыбка?..

Внезапно Франциска пронзила мысль: Антуан *знает*.

Один из слуг Антуана остался стоять у двери.

Франциск сказал:

— Ты можешь идти. То, что я хочу сказать королю Наварры, предназначено только для его ушей.

Мужчина вышел, но Франциску показалось, что он вместе с остальными слугами замер неподалеку, готовый в любую минуту прийти на помощь своему хозяину.

Антуан спокойно выжидал. Екатерина предупредила его о разговоре: она сказала ему, что делать, и советы королев-матери стоили многого. Если бы ему удалось выскользнуть из ловушки, то он был бы готов попытаться удачи с Екатериной: получить от нее чин генерал-лейтенанта и в обмен на смерть Франциска дать ей регентство. Она должна была стать его другом, потому что если бы все произошло так, как она сказала и он выбрался бы живым из этой комнаты, то своей жизнью он был бы обязан ей.

Франциск визгливо закричал:

— Трус! Изменник! Ваш брат хотел убить меня! Вам нужен мой трон. Вы оба — трусливые изменники!.. Вы оба заслуживаете смерти!

Франциск ждал, что за его обвинениями последуют возмущение и протесты; однако этого не случилось, и Франциск теперь не знал, как себя вести дальше.

Он сглотнул и закричал снова:

— Предатель! Как вы смели?..

Антуан держался на почтительном расстоянии: он не приближался к королю и стоял между ним и дверью.

— Почему вы молчите? — в третий раз закричал Франциск. — Говорите! Отвечайте! Почему вы не защищаетесь?

Тогда Антуан спокойно произнес:

— Что бы ни сказал мой король, я не стану противоречить ему.

— Вы хотите сказать... хотите сказать... — начал задыхаться Франциск. Он повернулся к двери, которая вела в переднюю. Там ждали, когда он прокричит: «На помощь! На помощь! Меня убивают!» Но как он мог подать этот сигнал, если Антуан держался так далеко от него? Сразу станет ясно, что это уловка. Люди, стоявшие за дверью, — слуги Антуана — прибегут на крик и увидят, что случилось. Он должен был усыпить бдительность своей жертвы. Но он не знал, как это сделать.

— Сир, — негромко проговорил Антуан, — вам нездоровится. С вашего позволения я покину вас, а когда вы почувствуете себя лучше, то пришлите за мной.

— Да!.. Да!.. — продолжал Франциск. И вслед за тем: — Нет! Нет!.. Вы трус! Предатель...

Но Антуан уже выскользнул за дверь.

— Назад! Вернитесь! — завопил Франциск. — Я... я пропал.

Сразу отворилась дверь — не та, через которую вышел Антуан, а та, что вела в переднюю.

По одну сторону от короля встал герцог. Шрам на его лице сейчас был ужасен, а глаз над ним слезился, как это бывало всегда, когда Франциск де Гиз приходил в ярость. По другую сторону короля встал кардинал.

Оба они сжимали кинжалы, и в это мгновение Франциск подумал, что, упустив свою жертву, они применят оружие против него.

Франциск со страхом посмотрел на герцога, но услышал слова кардинала:

— Вот он, самый трусливый король из всех, что когда-либо сидели на французском троне.

Антуан согласился вступить в чин генерал-лейтенанта и признать Екатерину регентом Франции. Теперь королевематери оставалось лишь дожидаться смерти Франциска; и чем быстрее бы он умер, тем скорее она получила бы власть, к которой так стремилась.

Несчастный молодой король слабел с каждым днем. Екатерина сама готовила для него лекарства, но они не улучшали его здоровья и если вообще оказывали какое-то воздействие, то едва ли оно было благотворным для Франциска. Она проводила немало времени у постели больного сына и, как однажды сама сказала, гордилась ревностью своей сводной дочери. «Впрочем, — тотчас добавила она, — для нее он супруг, а для меня сын, и я считаю, что когда у матери болеет ее маленький мальчик, то рядом с ним должна находиться его мать, а не кто-либо другой».

Однажды Франциск пожаловался на боль в ухе. В тот же день эта боль стала невыносимой, и лишь травы да наркотики его матери смогли успокоить ее. После них Франциск погрузился в такой глубокий сон, что его можно было принять за мертвеца, но, как все согласились, это было лучше, чем видеть его ужасные мучения.

Вот когда Мария по-настоящему испугалась за супруга. На ее прекрасных глазах выступили слезы; она воскликнула:

— Нет, так больше не может продолжаться! Эти лекари никуда не годятся. Я пошлю за мсье Паре. Он лучше всех знает свое дело.

Екатерина взяла сводную дочь за плечи и, глядя ей в лицо, улыбнулась.

— Ни один лекарь не спасет его. Все, что можно для него сделать, это ослабить боль.

— Мы *должны* спасти его! — воскликнула Мария. — Мы должны сделать все возможное, чтобы спасти Франциска!

— Я не допущу, чтобы здесь появлялся мсье Паре. Он гутенот, это все знают. Нас обвинят в том, что мы строим заговор во дворце.

— Но что-то ведь нужно делать! Мы не можем дать ему умереть.

— Дочь моя, если на то будет воля Бога, то нам придется принять ее.

— Я не приму ее! — всхлипнула Мария. — Не приму!

— Учитесь переносить несчастье как королева, моя дорогая. Ах, неужели вы думаете, что я не понимаю ваших страданий? Мне ли не знать, что вы сейчас чувствуете? Мне ли не страдать вместе с вами? Мне, которая видела

смерть супруга, — а как я его любила! — и не могла ничем помочь в минуты его предсмертной агонии!

Она вытерла глаза.

— И все-таки, хотя я любила его, как вы любите Франциска, мне бы не хотелось, чтобы его страдания продолжались — пусть даже рядом со мной.

Внезапно к испугу Марии прибавился гнев. Она выпалила:

— Мадам, его страдания продолжались бы не рядом с вами, а рядом с Дианой де Валентинуа!

Екатерина улыбнулась.

— Вы правы, дитя мое. Я страдала гораздо больше вас, потому что ваш супруг всегда оставался верен вам. У меня было гораздо больше поводов для страданий.

Мария с ужасом посмотрела в лицо королевы-матери. Она не сразу осознала все то, что в порыве гнева высказала ей. Когда до нее дошел смысл ее собственных слов, она упала на колени и зарыдала.

— Госпожа, простите меня. Я сама не ведала, что говорила.

— Встаньте, — сказала Екатерина. — Не корите себя. Отчаянье супруги заставило вас забыть достоинство королевы. Полагаю, вам нужен отдых. Я дам вам кое-что выпить. Это поможет вам заснуть. Подождите здесь, я схожу и принесу лекарство, а потом поручу вас вашим служанкам. Отдохните... может быть, когда вы проснетесь, нашему дорогому Франциску станет немного лучше.

— Как вы добры ко мне, госпожа, — пролепетала Мария.

Она послушно выпила теплую сладковатую жидкость. Екатерина позвала ее служанок и сказала:

— Посмотрите за тем, чтобы королева как следует отдохнула. Она переутомилась. Она глубоко переживает болезнь короля.

Затем она присела на постель сына и, глядя на его неподвижное лицо, погрузилась в свои мысли. Ей было о чем подумать.

Маленький Карл на троне! Десятилетний мальчик! Вот она, власть, о которой она мечтала все долгие годы своих унижений. Вот ради чего она позволяла глумиться над собой.

Сколько еще осталось жить Франциску? День? Два?

Внезапно его ухо вздрогнуло; во сне он тихо застонал. Значит, наркотики уже не так помогали ему.

Екатерина казалась по-прежнему невозмутимой, но внутри кипела от злости.

Мария договорилась со своими дядями о том, что к постели Франциска будет допущен Амбруаз Паре. Свою одобрительную санкцию Гизы дали почти без раздумий. Паре был гутенотом, но считался величайшим хирургом Франции с тех пор, как удалил осколок копья, вонзившийся под глаз графа д'Амаля и вышедший с тыльной стороны шеи. Это случилось еще до Болоньи, во время войны с англичанами; граф выжил и полностью поправился — разумеется, такая операция тогда показалась чуть ли не чудом. Вот почему Гизы были готовы смотреть сквозь пальцы на религиозные взгляды Паре; сейчас приходилось спасать Франциска, а не сводить счеты с тем, кто помог его спасти.

Паре внимательно осмотрел ухо короля.

Затем Екатерина сказала:

— Мсье Паре, я всецело полагаюсь на ваше заключение и готова принять его, каким бы неутешительным оно ни было. Прошу вас, не жалейте моих материнских чувств. В частном порядке вы можете без утайки рассказать мне обо всем, что нашли у моего сына.

— Расскажите и мне, — властно потребовала Мария.

— Дочь моя, я ведь его мать.

— А я его супруга.

Екатерина пожала плечами, и вскоре в комнате остались только она, Мария и Паре.

— Благородные дамы, — сказал Паре, — состояние короля очень тяжелое. Не думаю, что он сможет пережить эту ночь.

Мария закрыла лицо руками. Послышались судорожные всхлипывания.

Паре продолжил.

— В ухе образовался злокачественный нарыв. Он весь заполнен гноем, который проникает в кровь и заражает ее.

— О мой бедный, несчастный сын! — простонала Екатерина, — Неужели всего несколько часов, мсье Паре?

Всего несколько часов жизни осталось моему маленькому мальчику?

— Мадам, если нарыв удалить...

Мария отвела руки от лица и посмотрела на лекаря широко раскрытыми глазами. Екатерина побледнела.

Справившись с собой, она резко бросила:

— Мсье, я не позволю подвергать пыткам моего сына. Своим пинцетом вы причините ему новые страдания, а он их уже достаточно натерпелся. Нет, он умрет спокойной смертью.

— Я хотел сказать, мадам, что если опухоль удалить...

Мария бросилась к ногам хирурга и пылко поцеловала его руку.

— Неужели есть шанс? Мсье Паре, неужели все-таки есть шанс спасти его?

— Я не могу поручиться, Ваше Величество. У меня нет уверенности, но может быть...

— У вас нет уверенности! — воскликнула Екатерина. — Вы хотите причинить моему сыну чудовищные мучения, и у вас нет уверенности!

— Мадам, у нас есть шанс спасти его, но это надо делать немедленно. Каждая упущенная минута увеличивает содержание яда в его крови.

— Я не позволю подвергать его пыткам, — повторила Екатерина.

— Мсье! — истерически закричала Мария. — Вы должны спасти его! Вы самый лучший хирург во Франции... во всем мире... и вы можете спасти его.

— Я могу только попытаться, мадам.

— Так приступайте же! Прямо сейчас! Не теряйте времени... ведь дорога каждая секунда.

— Подождите, — сказала Екатерина, прохаживаясь вперед и назад по комнате. — Это надо обдумать.

— Сейчас не время думать! — вне себя от злости выкрикнула Мария.

— Думать никогда не вредно, моя дорогая.

— Мадам, — сказал Паре, — если вы помните, то наш великий король Франциск Первый страдал подобным заболеванием. Его опухоль с каждым годом разрасталась и распространяла по всему телу вредные вещества. Если бы ее не вскрыли, то короля Франциска ожидала бы смерть.

— Умоляю вас, вскройте ее, — быстро проговорила Мария. — Я его супруга. Я королева. И я требую начать операцию.

Екатерина взяла хирурга за локоть.

— Без моего согласия это невозможно. Но я не могу дать его в такой спешке, я не могу подвергать опасности жизнь своего сына.

— Малам, ваш сын уже сейчас в опасности.

— Я не вынесу его боли. Если бы вы знали, как он страдался в последние дни!

— Не слушайте ее, — взмолилась Мария. — Идите и приступайте... немедленно!

Хирург посмотрел сначала на королеву, а потом на королеву-мать. Как спокойна была Екатерина — какой раздраженной, несобранной казалась Мария. Естественно, он должен был сосредоточить внимание на королеве-матери.

Он начал убеждать ее, стал объяснять характер операции. Но возьмет ли он на себя, хотела знать Екатерина, ответственность за жизнь короля? Ведь если ему позволят занести ланцет над головой короля, а король умрет, то многие станут спрашивать, насколько умышленным мог стать такой исход операции. Он гугенот; король — католик. Будет ли он способен выполнять такую тонкую работу, когда будет знать, что любой исход обернется необратимыми последствиями для всей страны — не говоря уже о той угрозе, которая нависнет над его собственной жизнью? Еще бы! Гугенот оперирует короля-католика! В любом случае война между католиками и протестантами разразится с новой силой. Да, все это требует серьезных размышлений.

Взяв хирурга под руку, Екатерина прохаживалась с ним взад и вперед. Мария уткнулась лицом в ладони и рыдала от бессильной ярости.

— В наши дни страсти накалены до предела, — сказала королева-мать. — Вы, мсье Паре, гугенот. О, не смущайтесь признаться мне. Я испытываю к вам глубокую симпатию. Но именно поэтому мне небезразличны опасности, с которыми вам предстоит столкнуться.

— Мадам, вы слишком добры ко мне. Когда меня приглашают к больному, я думаю о том, что могу сделать для него... а не о последствиях своих действий.

— Но, мсье, вы слишком важны для королевства, что-

бы вас можно было так легко потерять. Будьте со мной откровенны. Перед вами женщина, которая умеет смотреть правде в глаза, какой бы горькой она ни оказалась. Уверяю вас, за свою жизнь я пережила так много, что смогу перенести любое несчастье. Мой сын очень болен, да?

— Очень болен, мадам.

— И смерть близка?

— Очень близка.

— А шансы на успех? Они есть?

— Есть только один шанс, мадам. Один маленький шанс. Как вы помните, в случае с вашим свекрым...

— Да, расскажите мне о том случае. Я хочу знать все подробности. Мне нужно решить, могу ли я подвергнуть своего сына такому испытанию.

Паре начал рассказывать; как только он собирался замолчать, Екатерина задавала ему новые вопросы. За окном тихо завывал холодный декабрьский ветер, и ему вторила Мария, ничком лежавшая на кушетке и закрывшая голову руками.

Наконец Екатерина сказала:

— Не знаю, не могу решить. Все это слишком важно для меня. Ох, мсье, когда еще матерям приходилось сталкиваться с такими неразрешимыми проблемами? Если бы здесь был мой супруг! Мсье Паре, дайте мне какой-нибудь совет. Не забывайте, я всего лишь несчастная вдова, которой нужно заботиться о ее маленьких детях. Я желаю только того, что будет благом для них, — они значат для меня гораздо больше, чем моя собственная жизнь.

Мария вскочила с кушетки и выбежала из комнаты. Екатерина сразу поняла, к чьей помощи та намеревалась прибегнуть.

— Мсье, — сказала она, — давайте вернемся в покои короля и будем молить Господа и Пресвятую Деву, чтобы они привели нас к какому-нибудь решению.

Они стояли на коленях возле ложа Франциска, когда в спальню вошли Мария и ее дяди.

Екатерина поднялась на ноги. Взглянув в лицо своего сына, она поняла, что подкрепление подоспело слишком поздно.

Герцог спросил:

— Мсье Паре, вы можете спасти жизнь короля?

Паре подошел к ложу и посмотрел на Франциска.

— Милорд, — сказал он. — Короля уже ничто не спасет. Ему осталось жить не больше нескольких минут.

Бросившись на колени, Мария стала умолять супруга взглянуть на нее, улыбнуться ей, остаться жить для нее. Но, хотя Франциск и повернул голову к ней, он, казалось, не замечал ее присутствия.

Над ним склонился кардинал, и через какое-то время Франциск, казалось, узнал человека, омрачившего последние годы его жизни. Несколько секунд в глазах молодого короля стоял страх, с которым король привык смотреть на дядю своей супруги; эти несколько секунд, казалось, тронули душу кардинала; возможно, он испугался того, что перед смертью Франциск не мог забыть ужасов Амбуа, которые были совершены по воле обоих Гизов.

Нагнувшись еще ближе к его лицу, кардинал хрипло произнес:

— Молитесь, сир, и повторяйте за мной: «Господи, прости мои грехи и не суди меня, Твоего слугу, за те грехи, которые другие совершили от моего имени».

Губы Франциска пошевелились: он все еще следовал своей многолетней привычке повиноваться этому человеку; однако затем... может быть, слова кардинала потрясли его так же, как и всех, кто их слышал, ибо впервые в жизни кардинал Лотарингии поступил так, словно у него и впрямь была хоть какая-то совесть.

Голова Франциска упала на подушки, и в комнате наступило молчание, нарушаемое только завыванием ветра за окном и всхлипами разбитой и обессиленной Марии.

Облокотившись на грубый деревянный стол, Конде предавался неутешительным мыслям о своих злоключениях. Его поташнивало от тяжелого смрада, пропитавшего серые стены и пол темницы. Он с нежностью думал о своей супруге, об их сыновьях и маленькой очаровательной дочке. Каким же он был глупцом, когда не послушал советов Элеоноры и Жанны и, отправившись в Орлеан, угодил прямо в ловушку, приготовленную для него и его брата!

Что означала эта странная дружба королевы-матери? Была ли она влюблена в него? Тут Конде мог только по-

жать плечами. В него влюблялись многие женщины. Иногда он жалел — такое же чувство испытывал и Антуан, это ему было известно — о том, что его супруга стала настолько близка и дорога ему. Какой беззаботной была жизнь его до брака! Каждый день его ждали новые приключения, новые легкие романы с женщинами, каждая из которых была по-своему обворожительна и по-своему бесподобна. Но как же могли они — он и его брат, такие похожие внешне и характером, — быть неверными с такими супругами, как Жанна и Элеонора!

Он вздохнул: не время для таких мыслей. Что руководило королевой-матерью? Могла ли она и в самом деле смотреть на него как на своего будущего любовника? Сохрани Господь! Что за странная, скользкая женщина! Он был человеком не из робкого десятка, но порой его пробирал холод при одном лишь воспоминании о ней. Появляясь в этой камере, она обычно заставляла его вздрагивать: всего несколько мгновений назад ее не было, но затем что-то происходило, и вот она стояла перед ним в полумраке, точно все время находилась за стеной и подслушивала его разговоры с надзирателем, а потом неожиданно вползала сюда, как змея, с которой люди сравнивали ее.

О! Он был галантен; он был обходителен с ней. Как же иначе? Если кто-либо мог спасти его, то кто же, как не она? Хотя — зачем ей это было нужно?

Он страхнулся клочок паутины, приставшей к его изысканному костюму. Эта темница вызывала у него отвращение. Он чувствовал запах пота тех людей, которые жили здесь до него; то и дело он ощущал одуряющий запах крови, который доносился то оттуда, то отсюда и который невозможно было ни с чем спутать. Его тоже ожидала смерть, и ее время должно наступить очень скоро. С недавних пор королева-мать перестала навещать его. Не вернулась ли она к его врагам Гизам? Сейчас они могли быть ей более полезны, чем Бурбоны.

Его мысли снова перенеслись к Элеоноре. Один сочувствовавший ему стражник сказал, что видел ее в Орлеане; тогда она пришла к кардиналу просить о свидании с супругом. Дорогая, преданная Элеонора! Он знал, что был недостоин ее.

Его сегодняшняя меланхолия происходила от скуки. А может быть, от тоски. Он привык к деятельности, а сейчас ему оставалось лишь дожидаться смерти. Смерть! Сотни раз заглядывая ей в глаза, он еще никогда всерьез не задумывался о ней. Мог ли так бесславно закончиться жизненный путь принца Конде? Мог ли наступить финал той трагикомедии, которой была вся его жизнь? Было ли это концом всех его грандиозных замыслов и мечтаний о французском троне? Он родился вблизи этого трона и поэтому всегда был честолюбив.

Что сейчас происходило над его головой? Он взглянул на мрачный потолок своей камеры; оглядел угрюмые серые стены. Когда сгущались сумерки, откуда-то вылезали крысы. Они бегали по полу, а иногда замирали и с надеждой посматривали на него; Луара протекала не так далеко отсюда.

Один из стражников подошел к столу. Стараясь не быть услышанным другими, он прошептал:

— Мсье, король Франциск умер. Ваша жизнь вне опасности.

От неожиданности Конде потерял дар речи. Ему почему-то вспомнился его отъезд из родного замка; он представил себе слезы жены и смех детей. Итак, король Франциск умер, а ведь это король Франциск вынес ему приговор. Но сейчас Конде не думал о чьей-то смерти; он думал о том, что еще недавно не надеялся вновь увидеть.

Антуан написал супруге обо всем, что произошло при дворе:

«Моя дорогая!

Как переменилась наша фортуна. Представляю, как вы обрадуетесь, когда оцените то положение, которое ваш супруг занимает при дворе. Королева-мать во всем советуется со мной. Почему вы думали, будто она не питает к нам дружеских чувств? Она собирается выпустить постановление, обязывающее изъять из всех соборов изображение Пресвятой Девы. Моя дорогая супруга, вы можете себе представить, в какое смятение повергнуты некоторые известные вам круги! Мсье Шантоне, испанский посланник, просто вне себя от ярости. Нетрудно вообразить, какие донесения он посылает сейчас своему королю! Спешу доба-

вить, что вскоре королева-мать даст ручательство в терпимости к протестантской вере. Подумайте, моя любимая, что это значит и как многого мы достигли. Я знаю, вы считаете, что мне следовало добиваться регентства, но, дорогая Жанна, я получил должность генерал-лейтенанта, а это, уверяю вас, немалый чин.

Должен обрадовать вас еще и тем, что мой дорогой Луи пребывает в добром здравии и находится на свободе. Мог ли он оставаться в заточении, когда его брат стал генерал-лейтенантом? Разумеется, нет! Он был освобожден почти сразу после смерти короля Франциска, который приказал держать его под стражей. Как вы догадываетесь, Луи вел себя со свойственным ему достоинством и благородством. Сначала он даже отказался принять свое освобождение и потребовал, чтобы сначала была реабилитирована его честь. Как это похоже на моего брата! Тогда его перевели в несколько лучшее место, чем та темница, в которой он содержался в Амбуа, а затем королева-мать добилась полного очищения его доброго имени. Она питает дружелюбные чувства к Луи — как и он к ней. Ах, моя дорогая супруга, наконец-то Бурбоны окружены подобающим нам почтением! О, если бы вы были здесь в тот день, когда Луи встретился со своей семьей! Его двое мальчиков и маленькая девочка бросились ему на шею, и все, кто был рядом, плакали вместе с ними, с Луи и Элеонорой. Сейчас они счастливы; дела у них идут так же хорошо, как и во всем доме Бурбонов.

Меня очень порадовало ваше известие о том, что наши дети находятся в добром здравии. Поцелуйте от меня их обоих.

Заканчиваю это краткое послание заверением в том, что ни одна из придворных или любых других дам не имеет ни малейшей власти надо мной и что в моих глазах никто не может сравниться с вами.

Ваш преданный и верный супруг, Антуан».

Прочитав это письмо, Жанна почувствовала смутное беспокойство. Что происходило при дворе? Антуана она знала слишком хорошо, чтобы думать, будто он мог добиться настоящего успеха. Что королеве-матери понадобилось от него? Долго ли будет продолжаться ее благосклонность к новой вере?

А кроме того, не слишком ли настойчиво он заверял ее в своей преданности? Нужно ли было это делать, если бы они по-прежнему доверяли друг другу?

Маленький Карл не знал, как отнестись к тому, что он внезапно стал королем Франции. Ему было странно, что, куда бы он ни пошел, всюду мужчины и женщины улыбались и кланялись ему; все до единого обращались к нему с такой церемонностью, какая явно была излишней для его десяти лет.

Он посещал великое множество торжественных собраний; там его просили подписывать бесчисленное количество разных постановлений и воззваний. Быть королем Франции оказалось очень хлопотливым делом.

Но ему нечего было бояться: так сказала его мама; нужно лишь во всем слушаться ее. Это не требовало больших усилий, потому что только это он и делал всю свою жизнь. Однако помимо нее рядом были и другие. Был его дядя Антуан, который сейчас занимал очень важное положение; его мама объяснила, что дядя Антуан теперь был генерал-лейтенантом Франции, а это значило, что ему предстояло вместе с ней управлять Францией до тех пор, пока он, Карл, не вырастет и не сможет взять на себя такую громадную ответственность.

Еще были эти сильные и важные Гизы. Они как будто злились на то, что Франциск умер, а он стал королем. Сейчас они вроде бы не делали ничего плохого, но Карлу почему-то становилось не по себе, когда они смотрели на него такими холодными, колючими глазами.

И были его наставники, мсье Бираго и граф де Риц. Они открыли ему странный, прежде неизвестный мир, и ему было интересно узнать о жизни так много нового. Они хотели, чтобы он больше походил на своего брата Генриха. Карлу хотелось быть таким, как Генрих, потому что тот всегда считался любимчиком матери; однако слишком трудно было превратиться в того, кем он не был. Он старался делать все возможное, но уж слишком странные вещи нравились его наставникам. Они показывали ему картинки, которые приводили его в смущение; они говорили, что на свете нет ничего более приятного, чем бить друг друга по голому телу. Карлу это казалось очень странным,

потому что обычно так люди делали, когда злились или наказывали кого-то. Но эти итальянские наставники сказали: «Сир, вам нужно еще многому научиться. Это совсем не те удары, которых вы боитесь».

Неужели все взрослые вели себя так же? Он не понимал своих учителей; от разговоров с ними у него иногда случались те припадки безумия, во время которых он не соображал, что творил; затем итальянцы давали ему какое-то лекарство — одно из тех, что готовила его мать.

Он не знал, от чего эти припадки участились — от того, что делали его наставники, или из-за того, что он вырослел; или, может быть, они были связаны с той добавочной нагрузкой, которая досталась ему вместе с короной?

Впрочем, кое-что в его новом положении было просто восхитительно; наконец-то он мог жениться на Марии. О, дорогая Мария! Сейчас она была очень несчастна. Все свои сорок дней траура ей предстояло находиться в Фонтенбло; там ее покои были завешены черной драпировкой; сама она была в черном с головы до ног, но это делало ее еще более прекрасной, чем когда-либо; ее белокурые волосы и сияющая белая кожа на темном фоне ее траурного платья казались еще чудеснее, чем тогда, когда на ней сверкало свадебное платье.

Марии исполнилось девятнадцать лет, а ему только десять. Разница в возрасте представлялась ему довольно значительной, но у иных супругов она была еще больше.

Прежде он наблюдал за своим братом Франциском. Тому вовсе не нравилось быть королем, но со своей супругой Франциск всегда был счастлив.

Когда я женюсь на Марии, думал Карл, то тоже стану счастливым.

Этими мыслями он поделился с матерью.

— Мой брат Франциск умер — да упокоит Господь его душу, — и его супруга стала вдовой, — сказал он. — Это значит, что ей будет нужен супруг, а мне будет нужна супруга.

Его мать спокойно ответила:

— Верно, сын мой.

Он обрадовался; он понял, что все ее прежние ужасные слова и то, что она раньше называла его грязными мысля-

ми, — все это теперь оказалось забыто, потому что Мария больше не была супругой его брата; теперь она была вдовой.

— Продолжайте, — сказала Екатерина.

Он боялся взглянуть на нее; его так ошеломила мысль о возможности его счастья, что он едва находил слова, которые могли бы выразить его чувства.

— Мне кажется, дорогая *маман*, — осторожно проговорил он, — что я мог бы немного утешить горе Марии и помочь ей поскорее пережить смерть Франциска.

Он и не подозревал, какая буря бушевала за ее улыбкой.

Итак, после всего, что делали с ним его наставники, думала Екатерина, он все еще не остыл к Марии, теперь достаточно ее дядям узнать о желаниях Карла — если они уже не знают о них, — и свадьба короля и Марии станет почти неотвратимой; а тогда положение королев-вы-матери будет таким же невыносимым, как и два предыдущих года.

Екатерина решила: нет, ни за что; любыми средствами избежать этого! И сказала:

— Я полагаю, сейчас Мария не захочет, чтобы ее мысли отвлекали от такого большого горя. Нужно подождать, пока закончится ее траур.

Карл пылко подхватил:

— Да! Да, понимаю, она должна пережить смерть Франциска. Но эти сорок дней и ночей не будут продолжаться до бесконечности. А когда...

Екатерина положила руку на плечо сына и, посмотрев ему в глаза, улыбнулась.

— Мой дорогой сын, я не желаю вам ничего, кроме счастья.

Он прижался щекой к ее ладони; так он делал, когда был еще совсем маленьким мальчиком.

— О, *маман*, так вы мне это позволите?

— Не сомневайся, я сделаю для вас все, что потребуется. Но только и вы не забывайте о своем королевском достоинстве. Помните, мой дорогой мальчик, что за вами всюду следят и обсуждают каждый ваш шаг. Поэтому вам надо во всем соблюдать особую осторожность и всегда поступать так, как на вашем месте поступил бы ваш дорогой папа.

При упоминании о папа, смерть которого была величайшим горем в жизни Карла, глаза мальчика наполнились слезами.

— Если бы у папа умер брат, — продолжила Екатерина, — то он еще долго не думал бы о собственных удовольствиях.

— Но, *маман*, я не думал...

— Нет, дорогой мой, вы думали. Или я не права? Ну-ка, отвечайте. Вы должны говорить правду вашей маман.

— Но я любил Франциска. Мы с ним... мы были самыми лучшими друзьями.

Она подняла палец.

— И тем не менее, даже не дав остынуть его телу, уже хотите взять себе его супругу! Ах, мой маленький Карл, быть взрослым, быть королем и любить женщину — все это сопряжено с большими опасностями. Не думайте, что в вашем новом положении вам ничего не угрожает. С королями порой случались ужасные, очень ужасные вещи. Как-нибудь я расскажу вам о них.

Пальцы Карла начали теревить и одергивать полы его курточки — что было первым признаком приближающейся истерики.

— Но я не сделаю ничего плохого. Я не стану подвергать себя опасности.

— Только потому, что у вас есть мать, которая будет присматривать за вами. Только поэтому, Карл! Вы хоть сами-то понимаете, как вам повезло, если ваша мать так заботится о благе своих сыновей?

— Я понимаю это.

— Тогда вспомните о том, что вы еще ребенок и что умные дети всегда слушаются своих родителей. Ваш папа наверняка согласился бы со мной — ведь я никогда не делаю того, что он не одобрил бы. Я как будто чувствую, что он рядом со мной... и что это он направляет меня... Вы будете делать то, что желаем я и ваш папа.

— Да, *маман*.

— Вот теперь вы хороший мальчик; вот теперь вы говорите, как мудрый король. Вы *должны* быть мудрым королем, потому что иначе с вами произойдут те ужасные вещи, о которых я непременно...

— Нет, *маман*, нет! Не надо!.. Я знаю эти вещи, но ког-

да мне о них рассказывают, то я плохо сплю, а когда я плохо сплю...

Она обняла его.

— Мы не будем говорить о них, дорогой мой мальчик, но только вы запомните, что вам нужно быть очень и очень мудрым королем. Вы виноваты — да, я боюсь, вы все-таки немного виноваты — в неверности своему брату, своему *мертвому* брату. Что, если Франциск не поймет вас и спустится с Неба, чтобы отомстить вам?

— Он не станет мстить мне. Я люблю Франциска, *маман*. Я всегда любил его.

— Но еще вы любите его супругу...

— Нет... нет... я люблю ее только как сестру.

— И вы желаете жениться на сестре?

— Только после того, как Мария оправится от своего горя, а я от своего.

— Послушайте, Карл. Послушайте меня внимательно. Никому ни слова о ваших намерениях в отношении вашей сводной сестры! Многие не поймут вас так, как понимаю я.

— Хорошо, *маман*.

— Кое-кто может и разозлиться. Карл, сейчас я вам скажу что-то очень важное. А именно, вот что. Если об этом узнает Мария... или хотя бы один из ее дядей... то что они подумают?

Карл улыбнулся; как ей показалось — застенчиво.

— О, я не думаю, что мсье герцог или мсье кардинал будут очень возражать. Если Мария выйдет за меня замуж, то она станет королевой Франции.

Екатерина твердо произнесла:

— А теперь слушайте меня внимательно. Если простой народ Франции узнает о том, как некрасиво вы намереваетесь поступить с супругой своего брата, то вся страна взбунтуется против вас. И когда однажды вы выйдете из дворца, к вам подойдет какой-нибудь человек и... вы будете считать его вашим другом до тех пор, пока не увидите в его руке сверкающий острый нож. Тогда вы закричите громко-громко, потому что почувствуете, как холодное, твердое стальное лезвие вонзилось в ваше сердце. Ваша боль, мой дорогой сын, будет ужасна. Сейчас я расскажу...

— Нет, нет! Вы правы, маман, мне нельзя никому говорить об этом. Я буду молчать.

Екатерина приложила палец к губам.

— Тогда поклянитесь мне, сын мой, что будете мудрым королем и не скажете ни слова — ни Марии, ни ее дядям. Пусть это будет нашей тайной. Пусть о ней не знает никто, кроме нас двоих. А если вы хотя бы на одно мгновение захотите рассказать о ней кому-нибудь еще, то сразу вспоминайте про острое, холодное лезвие... которое вонзается в ваше сердце... да, как раз вот сюда. Вы закричите от боли, потому что она будет нестерпимой, но ваш крик скоро станет затихать, и у вас начнется агония... это такие предсмертные судороги, когда вы задыхаетесь и не видите ничего, кроме крови на вашей одежде и вокруг вас... и чувствуете невыносимый запах крови... собственной крови.

Карла уже колотила дрожь.

— Я не скажу. Никому не скажу. — Он поймал ее руку. — Но потом... потом вы поможете мне? Вы должны дать мне Марию в жены.

Она прикоснулась губами к его лбу.

— Я сделаю все, что в моей власти. Все — ради вашего блага.

Он встал на колени и поцеловал ее руку; она чувствовала, как дрожало его маленькое тело, чувствовала горячие слезы на ее руке. Улыбнувшись, она подумала: так или иначе, ты умрешь прежде, чем эта шпионка вернется на мой трон.

Жанна не могла отделаться от тревожного чувства. Известия из королевского двора были слишком хороши, чтобы соответствовать истине.

Неужели Гизы могли ослабеть настолько, чтобы так безропотно склонить головы перед домом Бурбонов? А королева-мать? Как могло случиться, что она стала лучшим другом Антуана и Луи? Как случилось, что при дворе начали принимать Колиньи и других гугенотских вождей? Надвигалось нечто странное и пугающее.

Она была вдалеке от Парижа, но чувствовала, что в интересах всей своей семьи — и вероятно, в первую очередь, в интересах своего супруга — должна оставаться там, где была сейчас: в центре родной провинции и во главе на-

дежной армии, способной отразить любое внезапное нападение.

Она долго советовалась с духовными наставниками и наконец решила открыто заявить об обращении в новую веру.

Тут ей ничего не мешало; более того, наступившие времена, казалось, создавали все условия для такого шага.

Она считала протестантство единственной истинной религией и хотела, чтобы вся Франция и Испания знали о том, что отныне Жанна Наваррская будет всеми силами поддерживать новую веру.

Ее заявление могло стать проверкой того, насколько искренней была провозглашенная королевским двором терпимость к гугенотам. Если католики Гизы действительно утратили свое прежнее влияние, то вскоре она должна была узнать об этом.

Прежде чем переехать в хорошо укрепленный Нерак, она с большой свитой посетила кафедральный собор в По, где приняла святое причастие, данное ей в полном согласии с ритуалом Церковной Реформы.

Теперь Жанна Наваррская стала одним из признанных вождей гугенотов; она встала наравне с братьями Колиньи, со своим супругом Антуаном де Бурбоном и с его братом Луи, принцем Конде.

Французские гугеноты воспрянули духом. В Жанне видели стойкого, волевого лидера и прощали ей подозрительное поведение ее супруга. Во главе с Жанной, Конде и Колиньи партия гугенотов впервые почувствовала собственную силу, а порой даже стала проявлять самоуверенную заносчивость. То и дело рассказывали о жестокостях гугенотов по отношению к католикам. Казалось, колесо истории медленно поворачивалось.

Ходили кое-какие слухи и о королеве-матери. Многие с оглядкой шептались друг другу о том, что она постепенно обращается в протестантскую веру и в этой религии воспитывает своих детей.

Но что произошло с Гизами? Могла ли смерть одного незрелого, болезненного короля и его замена другим, еще более незрелым и болезненным, повлечь за собой такой бесславный закат их могущества?

Вскоре в Нерак прибыли первые послания из Парижа;

увидев почерк, которым они были написаны, Жанна не могла удержаться от презрительной усмешки. Она бы никогда не поверила в искренность Екатерины. Она видела ту спокойную улыбку, обращенную к Диане де Пуатье; она не забыла того холодного выражения глаз, что как будто говорило: «Унижайте меня. Насмехайтесь надо мной. Мне это нравится». Затем она вспомнила записку, которую королева послала Диане, когда король Генрих, любовник Дианы де Пуатье, лежал при смерти. «Верните мне все его подарки. Не пытайтесь ничего утаить. У меня помечены даже самые мелкие безделушки». Под ее бесстрастной маской было скрыто все коварство этого мира, и чем удачнее оно укрывалось, тем больше было оснований опасаться его.

Как-то при дворе ужился Антуан? В каких неблагоприятных делах он был замешан? Как удавалось ему — слабому, податливому на чужое влияние — поддерживать дружеские отношения с такой женщиной, как королева-мать?

Письма были написаны в теплом, душевном тоне. Екатерина называла Жанну «моя дорогая сестра». Жанна должна была явиться ко двору; Екатерина очень соскучилась по ней. «Приезжайте, дорогая сестра, и привозите с собой ваших очаровательных малюток, о которых я думаю так же часто, как о собственных детях. Мне хотелось бы обсудить с вами один замысел, который касается вашей Екатерины, моей тетки. Не забывайте, я ведь ее крестная мать. Я бы желала составить партию между ней и моим маленьким Генрихом. Мне кажется, дорогая сестра, что такая партия укрепила бы наш с вами союз. Заверяю вас, моя дорогая, что в таком случае у вас не было бы более преданного и любящего вас родственника, чем я...»

И это — от самой лицемерной женщины на свете! Что все значило?

Да, в Нераке наступили тревожные дни.

У молодого короля Карла появился новый друг. После смерти Франциска этот человек стал часто бывать во дворце; теперь у него здесь были свои апартаменты.

Вот это человек, думал Карл, хотел бы я быть таким!

Ему было приятно проводить время с адмиралом Фран-

ции, Гаспаром де Колиньи; с этим мужчиной Карл не чувствовал себя ни испуганным, ни смущенным, что само по себе было странно, поскольку адмирал был великим человеком — гораздо более великим, чем любой из наставников короля.

Они вместе прогуливались в дворцовом саду; вместе ездили верхом. Многие говорили: «Король и адмирал стали самыми большими друзьями».

Карл рассказал адмиралу о самом большом ужасе своей жизни — ужасе пыток и смерти.

— Не нужно бояться смерти, сир, — сказал адмирал. — Ведь после смерти наступит вечная жизнь, и если здесь, на земле, совершать добрые поступки, то там они будут вознаграждены вечным блаженством и счастьем.

— Но, адмирал, если в этой жизни согрешить...

Гаспар де Колиньи улыбнулся.

— Едва ли у десятилетних мальчиков могут быть большие грехи. Думаю, в таком возрасте за них можно получить прощение.

— Я просил святых, чтобы они заступились за меня.

— Сир, среди нас есть те, кто сам общается с Богом.

Новая вера! Она казалась восхитительной, и в разговорах о ней не было ничего плохого, потому что его мать — так, по крайней мере, говорили — поддерживала сторонников новой религии.

Как чудесно было слушать рассказы адмирала — не только о новой вере, но и о сражениях, в которых он участвовал, и о том, как содержался в плену во Фландрии, где ему было дано то, что он называл «Просветление»! После этих встреч король всегда чувствовал себя счастливым, потому что, хотя адмирал и говорил о войнах и кровопролитии, они казались уже совсем другими в устах этого человека, который, конечно, знал о них намного больше, чем наставники и мать Карла.

Величие дается в борьбе за то, во что веришь. Честь важнее, чем жизнь; если человек погибает за правую веру, то ему можно не бояться даже самой унижительной смерти, потому что он попадает на Небо, где никто не отнимет у него вечного покоя и счастья. Так говорил адмирал.

С этим человеком Карл хотел бы поделиться своими надеждами — равно, как и страхами, — но он помнил

строгий наказ своей матери, велевшей никому не говорить о его чувствах к Марии.

Испанский посланник, внимательно следивший за дружбой короля и Колиньи, слал озлобленные донесения своему повелителю. Гизы наблюдали и ждали момента, чтобы положить конец такому состоянию дел.

Мария Стюарт была в отчаянии. Ко французскому двору прибыли посольные из Шотландии, которые призвали королеву вернуться на ее родину. Шотландия была чужой для нее. Она знала, что носила титул шотландской королевы, но принимала его точно так же, как другой свой титул — королева Англии, — то есть не придавала ему никакого обременительного для себя значения. И вот из Шотландии за ней прибыли посольные.

Они испугали ее, эти шотландцы. Они были чуждыми людьми, иностранцами — высокими, белокуроыми и очень суровыми. Французский двор вовсе не восхитил их: они нашли его возмутительным. Роскошные наряды, изысканные манеры, обворожительная галантность придворных дам и кавалеров — все это казалось им неумеренным и порочным. Они презирали благозвучный французский язык и отказывались говорить на нем.

Почему ее дяди не хотели помешать планам этих людей? К кому теперь могла она обратиться? Еще недавно ей было достаточно выразить любое свое, пусть даже самой малейшее желание — и тотчас множество людей спешно бросались исполнять его, польщенные вниманием той, которую называли самой очаровательной из всех принцесс.

Увы, теперь никто не помог бы ей. И она знала, почему королева-мать решила, что ей не место во Франции.

Мария плакала до тех пор, пока у нее были слезы. Она закрылась в своих покоях и, ссылаясь на плохое самочувствие, не выходила из них. Кто-то должен был помочь ей. Смерть Франсиска была для нее слишком большим горем, и она не сразу поняла, что за ним вскоре следовала еще большая трагедия. Она верила в то, что французский королевский двор любит свою королеву и не допустит ее изгнания.

Здесь было много знатных, благородных мужчин, которые в глаза боготворили ее; поэт Ронсар посвящал ей сти-

хи. Ей казалось, что все они готовы пойти на смерть ради нее; и вот теперь ей предстояло жить вдалеке от них, в холодной унылой стране, где не было ни балов, ни маскарадов, ни поэтов, ни галантных придворных — только суровые люди вроде тех, что приехали во Францию, чтобы осуждать ее веселый нрав и красоту, которые так нравились французам.

Она не верила в то, что такое могло случиться с ней — королевой Франции и изнеженной, избалованной принцессой. Она вспоминала о своем приезде во Францию, об отце Франциска, короле Генрихе, у которого она девочкой сидела на коленях и который любил ее так же, как и она его; вспоминала о том, какое внимание уделяла ей Диана де Пуатье, в те дни остававшаяся единственной полновластной королевой Франции. Она не могла забыть того удовольствия, что доставляли ей игры с королевскими принцами и принцессами, их общие развлечения и общие занятия различными дисциплинами, в которых она показывала себя намного более сообразительной ученицей, чем все они. Она давно привыкла считать эту страну своей родиной и не думала, что когда-нибудь покинет ее. Кто мог оказаться настолько жестоким, чтобы не желать ей добра? Она любила Франциска — о, не так безумно, как он ее, — но не менее сильно. Он ее обожал, и ей в самом деле было очень жалко, когда он умер; но кто же мог подумать, что его смерть могла повлечь за собой ее изгнание из этой чудесной, восхитительно прекрасной страны?

Впрочем, был один лучик надежды: маленький Карл; он любил ее. Разумеется, в свои неполные одиннадцать лет этот мальчик не мог претендовать на роль супруга; однако помолвки — и даже браки — бывали нередки и между более молодыми принцами и принцессами.

Ее часто навещали, многие пробовали утешать, но она чувствовала, что по-настоящему до нее никому не было дела. Иногда заходили ее сводные братья Генрих и Эркюль; они были слишком большими эгоистами, чтобы переживать за нее. Эркюль был еще молод и не мог оценить ее красоты, а Генриха женская красота вообще не занимала. Марго делала вид, будто плакала вместе с ней, но на самом деле была бы только рада исчезновению той, в которой видела свою соперницу. Марго исполнилось всего

восемь лет, но она уже была настоящей кокеткой — желавшей, чтобы ей поклонялись мужчины и не возражавшей против того, чтобы поклонники Марии переключили внимание на нее, сестру короля. Сейчас она говорила, что ей будет очень жалко, если Мария уедет в Шотландию и оставит ее наедине со своим горем, но, говоря все это и держа мокрый платок, сама думала: когда Мария уедет, я буду самой красивой принцессой французского двора.

Что касается Карла, то к нему ее просто не пускали.

Почему ее дяди не устроят брак своей племянницы с новым королем Франции? Гизы забыли про нее, и теперь она понимала, что вся та забота, которой совсем недавно они окружали ее, предназначалась не ей самой, а французской королеве, способной внушать супругу то, что требовалось им.

От страха ей порой становилось дурно. Не только потому, что она должна была покинуть страну, которую любила и считала своей родиной; не только из-за ностальгии, которая — она знала — будет преследовать ее всю оставшуюся жизнь; хуже всего было знать, что впереди было опасное морское путешествие и что на английском троне восседала ее отвратительная родственница, которая не гарантировала ей спокойной морской прогулки. Она боялась этой рыжеволосой старой девы, боялась не без оснований, ибо слишком многие говорили, что у нее, Марии, было больше прав на английскую корону, чем у внебрачной дочери Анны Болен.

Погруженная в свои мрачные мысли, она не заметила, как отворилась дверь и к ней подошла ее свекровь; та уже стояла перед ней, когда Мария наконец увидела ее.

— Госпожа!

Мария соскочила с ложа и низко поклонилась.

Екатерина улыбалась, и то, как она стояла перед ней, и даже сама ее улыбка говорили, что Мария, еще недавно заслуживавшая всеобщие почет и уважение, теперь в глазах королевы-матери не представляла никакого значения.

— Дитя мое, вы портите свое прелестное личико. Слезы не идут вам на пользу.

Мария поморгала: дотянуться до них мешал ее острокопеченный головной убор с вуалью.

— Не нужно так убиваться по нашему бедному Франциску, — язвительно проговорила Екатерина.

— Госпожа, мне очень тяжело. Сначала потеряла своего супруга, а теперь... теперь мне угрожают ссылкой из этой страны.

— Бедная Мария! Бедная и несчастная королева! Но, полагаю, после такого великого горя, как смерть вашего супруга, отъезд из Франции уже не должен показаться вам чересчур важным событием. Ведь вы любили Франциска гораздо больше, чем принявшую вас страну, не так ли?

— Да, я очень сильно любила Франциска, и его смерть стала для меня огромной трагедией. Но, госпожа, мне кажется, что если бы мне позволили остаться здесь, то в свое время я смогла бы вновь обрести свое счастье.

— Ах, дорогая моя, — продолжая улыбаться, сказала Екатерина, — как же в таком случае жаль, что вам придется покинуть нас!

Мария встала на колени и взяла руку королевы-матери.

— Госпожа, вы могли бы сделать так, чтобы я осталась!

Сейчас, когда Мария не могла видеть ее лица, Екатерина нахмурилась. Раньше эта девчонка называла Екатерину де Медичи не иначе, как «дочь безродных купцов», — она смела глумиться над ней, потому что так поступали все остальные. В первую очередь она брала пример с Дианы де Пуатье. Увы, той женщине отомстить было уже невозможно — однако оставалась Мария. Разумеется, не возмездие как таковое привлекало Екатерину. Если бы для ее целей нужно было оставить Марию во Франции, то она забыла бы все прошлые обиды и унижения. Однако сейчас королева-мать могла и свести прежние счета и в то же время помочь исполнению своих политических замыслов. Вот почему она позволила себе немного поразвлечься игрой в кошки-мышки. Как эта глупая девчонка смела шпионить за ней!

— Я? — воскликнула Екатерина. — Дорогая Мария, вы преувеличиваете мои силы.

— Нет, госпожа. Вы — регент Франции. Вся власть принадлежит вам.

— Дорогая, я делю ее с королем Наварры. А кроме того, есть Совет. И еще король, он хоть и молод, но тоже имеет свое слово в государственных делах.

— Тогда я должна поговорить с королем. Он поймет мое горе. Он поможет мне.

— Король сейчас не в духе. Я не могу допустить, чтобы его потревожили. Вы же знаете, его здоровье не из лучших.

— О госпожа, неужели у вас нет никакой жалости ко мне? Неужели вы вышлете меня из Франции... прогоните с моей родины?

— Нет, дитя. Вы, как и я, родились не здесь. Не сомневаюсь, когда в шесть лет вы покидали свою родину и слышали, что поплывете через море и будете жить в незнакомой вам стране, то, представляя свое будущее, пролили немало слез. Ну, так вот сейчас вам предстоит второе такое же событие. Уверю вас, через год вы забудете о том, как здесь плакали, и будете смеяться над своими переживаниями. Вы полюбите ваши туманы и вашу дикую родную природу так же, как любите наши дворцы и наше солнце.

— Госпожа, я всегда буду любить одну только Францию.

— Но ведь вы — королева Шотландии.

— И королева Франции, госпожа.

— И еще королева Англии, — ехидно засмеялась Екатерина. — Правда, ваша кузина не особенно обрадуется тому, что вы носите ее титул.

— Вам известно, таково было желание вашего супруга, короля Генриха, и моего супруга. Я не хотела носить этот титул.

— И тем не менее вы гордились, даже очень гордились им. Ах, моя бедная Мария! Эта старая английская карга никому не забывает своих обид. Хотя я все-таки надеюсь, что она простит и полюбит вас.

— Она всю жизнь будет ненавидеть меня.

— Положитесь на свое обаяние. Уверена, оно произведет на нее такое же неотразимое впечатление, как и на меня. Вот увидите, Елизавета полюбит вас — полюбит и еще меньше, чем я, захочет отпускать вас из своей страны.

Екатерину разбирал смех. Она прекрасно знала, какие чувства питала рыжеволосая английская королева к этой девочке, чье существование угрожало ее власти в Англии. Как бы Елизавета отреагировала, если бы узнала, что Мария шпионила за ней? О, эта глупая девчонка не отдела-

лась бы так легко, как здесь. Скорее всего, она была бы уже обезглавлена.

— Не расстраивайтесь, дорогая, — смягчилась Екатерина. — Вы полюбите свое маленькое королевство. И, в конце концов, вы всегда сможете думать о нас, а мы — о вас.

— Госпожа, молодой король Карл любит меня. Если я уеду, его сердце будет разбито.

— Чепуха. Он еще ребенок.

— Ему знакомы чувства зрелого юноши. Он уже давно говорил, что если бы его брату Франциску не выпала удача жениться на мне, то он сам попросил бы разрешения взять меня в жены.

— Что за испорченный мальчик! В его возрасте думать о браке?

— Он повзрослел, потому что полюбил меня!

— Не сомневаюсь, вас еще многие полюбят... но только не здесь, а в Шотландии. И в любом случае ваша связь с королем Карлом стоит вне обсуждения. Вы были супругой его брата, это в конце концов было бы аморально. Вспомните, что случилось с королем Англии, когда он женился на вдове своего брата. Попросите королеву Елизавету, она расскажет вам эту историю.

Мария воскликнула:

— У вас нет никакой жалости ко мне? Я умоляю вас... умоляю... не высылайте меня отсюда.

Екатерина стала не спеша прохаживаться взад и вперед по комнате. Перед ней снова возникли картины ее прошлого. Она увидела эту девочку еще совсем маленькой, на уроке латинского языка; вспомнила ее надутые губки, слышала произнесенные шепотом слова: «дочь безродных купцов». Она вспомнила, как быстро и легко эта девочка училась, какой смысленной она была, как рано начала понимать многие дипломатические тонкости, как искала покровительства Дианы де Пуатье и не обращала никакого внимания на истинную королеву Франции. Вспомнила она и о том, как мучилась из-за любовной связи своего супруга и леди Флеминг, которая была гувернанткой этой девочки.

Конечно, дело не в мести. Что такое месть? Не более, чем ломтик дыни, которую она так любила, или сочный кусок жареного мяса, при мысли о котором ее рот напол-

нялся слюной, или кубок редкого вина. Месть — эфемерное удовольствие. Единственная причина изгнания Марии состояла в том, что, если бы она осталась и вышла замуж за Карла, к власти снова пришли бы ее честолюбивые дяди, и та невыносимая ситуация, с которой Екатерина вела такую непримиримую борьбу, что ради победы согласилась даже ускорить смерть собственного сына, та невыносимая ситуация оказалась бы полностью восстановленной.

Мария была и вправду глупа, если ожидала от нее таких жертв.

— Послушайте, дитя мое. Вы будете королевой Шотландии, вашей родины. Ваша красота и обаяние помогут вам завоевать любовь ваших подданных. Что касается вашей английской кузины, то, полагаю, вы не должны бояться ее больше, чем меня. А сейчас вытрите слезы и улыбайтесь. Я пришлю вам средство, которое придаст свежесть вашим воспаленным векам.

Екатерина повернулась к двери.

— Отдыхайте, дитя, наслаждайтесь вашими последними днями во Франции.

Вскоре эта несчастная собралась в путь, который должен был привести ее в Шотландию. Торжественная вереница всадников и повозок напоминала ей погребальную процессию. Увидев ее, она снова заплакала.

Перед отъездом ей удалось встретиться с королем. Тот плакал вместе с ней и говорил, что она должна остаться, хотя бы и против воли его матери, потому что он любит ее. Но даже тогда, когда он говорил все это, в его глазах сияло безумие, и она знала, что на его помощь можно было рассчитывать не больше, чем на сочувствие королевы Екатерины.

Прощаясь со своими могущественными дядями, она умоляла их о заступничестве.

— Меня никто ни в чем не упрекнет, — плакала она. — Я буду просто вдовствующей королевой. У меня есть приданое в Пуато и в Турине. Я буду жить как простая женщина. Я отдам все... только не высылайте меня в ту дикую страну. Позвольте мне остаться здесь... у себя на родине.

Однако ее дяди уже приняли решение. Они еще не совсем осознали, что происходило сейчас при дворе. Слиш-

ком много интриг сплелось здесь в один клубок. Королева-мать, которая до сих пор казалась дремлющей и вполне безобидной змеей, теперь подняла голову и показала зубы, и они знали, что эти зубы были ядовитыми. Поэтому Гизы заверили Марию в том, что если бы они могли устроить ее брак, то она уже была бы замужем, потому что они всем сердцем желают ей добра. Пусть она смотрит на свой отъезд просто как на путешествие в Шотландию, ведь она всегда будет вправе посещать страну, королевой которой является. А немного позже — тут не было никаких сомнений — она вернется во Францию, чтобы вступить в такой же блестящий брак, как и предыдущий.

— Король Карл уже сейчас желает жениться на мне, — сказала она.

— Сейчас он еще слишком молод... Позже, дорогая племянница. Положитесь на нас. Мы поможем вам.

— Пожалуйста, побыстрее. Я умоляю вас.

Они еще раз заверили ее в том, что сделают все возможное, и напоследок по очереди поцеловали ее. Ей не оставалось ничего другого, как лишь занять место в торжественной процессии.

Заканчивался апрель, но погода была дождливой: весна в этом году выдалась поздняя.

— Вся природа плачет вместе со мной, — сказала королева шотландцев. — О Пресвятая Богородица, как я боюсь этого плавания! Я боюсь его больше, чем самой смерти.

Поднявшись на борт корабля, который должен был перевезти ее через серое, неприветливое море и доставить в страну, где ей предстояло познать огромное горе, она вспомнила не последние часы своего супруга, не влюбленную улыбку Ронсара и не обожание молодого короля Карла, а холодный, змееподобный взгляд женщины, которая заставила ее испытать участь изгнанницы. Теперь она знала, что эта женщина, к которой в прошлом она проявляла такое безразличие, вовсе не была тем невзрачным созданием, каким некогда представлялась ей. Теперь она знала, что именно подразумевали люди, называвшие ее *Мадам Змея*.

Она смотрела на берег Франции до тех пор, пока тот не скрылся из виду; смахивая со щек слезы и холодные морские брызги, она пыталась представить себе свое неведо-

мое будущее, которое уже сейчас было омрачено угрозами рыжеволосой английской королевы.

Она была испугана и подавлена; она чувствовала, что ее сердце разбито по приказу женщины, которой до сих пор она совсем не знала.

Едва ли Гизы могли бы смириться с тем положением, которое создалось после смерти короля Франциска. Они прекрасно понимали, что дела обернулись таким образом только потому, что, как и всем остальным, им не удалось вовремя оценить силу королевы-матери.

Своей неожиданной уловкой с Бурбонами — которые оказались натравленными на Гизов — она загнала герцога и кардинала в тупик, однако те вовсе не собирались сдаваться; первый удар было решено нанести по материнским чувствам Екатерины. Весь двор знал, как нянчилась она с принцем Генрихом; говорили, королева-мать берегла его «как зеницу ока». Итак, Генриха следовало отнять у матери и не отдавать до тех пор, пока она не осознает, кому принадлежит власть во Франции.

Замысел герцога был прост; он обратился за помощью к собственному сыну Генриху. Старшего из своих сыновей герцог любил больше, чем кого-либо на этом свете, и его чувства оплачивались взаимностью. Молодой Генрих де Гиз, принц Гуанвиля, был как раз таким, каким помнил себя в детстве его отец. Их сходство — не только внешнее, но и сходство характеров — было редким даже для отца и сына. Генрих де Гиз с готовностью пошел бы на смерть по приказу Франциска де Гиза, а Франциск де Гиз не задумываясь отдал бы жизнь за Генриха. Вот почему герцог мог без опаски рассказать сыну о задуманном им похищении одного из королевских детей.

— Мы не причиним ему никакого вреда, — сказал герцог. — Это нужно только для того, чтобы преподать урок его матери.

Впрочем, Генриху де Гизу не было дела до того, какой вред они могут причинить принцу Генриху. Он отнюдь не сочувствовал мальчику, — тот был слабым, женственным и не походил на принца Гуанвиля и его отца.

— Никому не рассказывайте об этом... даже Марго ничего не говорите.

— Будто бы я сказал ей! — воскликнул Генрих де Гиз, и его отец улыбнулся, потому что они с сыном любили пошутить насчет того, насколько женщиныгодились для часов досуга и не подходили для серьезных дел. Больше всего Генрих любил своего отца за то, что тот — насколько мог судить девятилетний мальчик — обращался с ним как с взрослым мужчиной.

— Как будто бы сказали! — положив руку ему на плечо, эхом повторил герцог. — А теперь слушайте. Вы будете играть с принцем Генрихом. Следите за тем, чтобы вы все время оставались вдвоем. Мы с герцогом Немуром подойдем к вам и спросим, не хотите ли вы отправиться с нами на небольшую увеселительную прогулку. Герцог Немур займет его разговором. О прогулке я буду говорить с вами... как будто мне будет все равно, поедет ли принц Генрих или нет. Но вам, мой сын, не должно быть все равно. Вы расскажете ему о Лотарингии и о том, как замечательно было бы поехать туда вместе с ним.

— Хорошо, отец. Когда мы поедем?

— Той же ночью.

— Но ведь покои принца охраняются!

— Не забивайте себе голову пустяками. Мы вытащим его через окно, а внизу нас будет ждать повозка.

Генрих де Гиз радостно засмеялся. Пробуя воспроизвести осанку своего отца, он выпрямился и высоко поднял голову; ему было очень жаль, что у него не было боевого шрама под глазом. Иногда он даже подумывал сделать себе такой шрам — чтобы люди говорили: «Это герцог-отец или герцог-сын?»

Он гордился порученной ему ролью. Он даже перестал ухаживать за Марго. Она упрекала его и пыталась вновь обратить на себя его внимание, но Генрих де Гиз все равно сторонился ее — как его отец накануне какого-нибудь великого сражения; сейчас было не время развлекаться с женщинами.

В назначенный срок он занял боевой пост рядом с Генрихом и устроил так, чтобы они были одни.

Когда к ним приблизились герцог Франциск и его приятель герцог Немур, он заговорщически улыбнулся им.

Герцог Франциск завел разговор с сыном, а герцог Немур обратился к принцу Генриху.

— Добрый день, милорд, — сказал Немур.

— Добрый день, — ответил принц. Он потрогал мочки ушей и убедился в том, что его серьги были на месте.

— Дорогой принц, во что вы верите? Вы католик или гугенот?

Лукавые, как у всех Медичи, глаза Генриха мгновенно встревожились. Он был не дурак, этот маленький принц, и прекрасно знал, что во Франции все беды начинались с религиозных распрей. При упоминании о католиках и гугенотах он не мог не насторожиться.

Подняв голову, он высокомерно произнес:

— Я придерживаюсь религии своей матери.

— Это хорошо, — сказал Немур. — Значит, вы понимаете свой сыновний долг.

Теперь настала очередь молодого Генриха де Гиза. Он повернулся к принцу и сказал:

— Мой отец едет в наш замок в Лотарингии и берет меня с собой. Хотите поехать с нами?

Принц перевел взгляд на своего сверстника; его глаза немного прищурились.

— Я не думаю, — сказал он, — что моя мама позволит мне оставить моего брата, короля Карла.

Генрих де Гиз продолжал упорствовать.

— В Лотарингии лучше, чем здесь. Здесь вы просто брат короля, а там будете на первом месте среди всех. У моей матери много драгоценных украшений. Вы нигде не видели таких сапфиров, какие есть у нее.

— А какие у нее сапфиры? — заинтересовавшись, спросил молодой принц.

— Всех сортов. И самые лучшие наряды из Италии. Мы оторвем от них шлейфы и сами будем носить их. Поедемте с нами!

Глаза принца Генриха загорелись: ничего на свете он не любил так, как любил красиво наряжаться. Он хотел побольше услышать о платьях и украшениях герцогини де Гиз.

— Приезжайте и посмотрите сами, — коварно предложил молодой герцог.

— Хорошо, — согласился принц. — Ненадолго приеду к вам.

Франциск де Гиз одобрительно сжал плечо сына; затем

мальчики отошли от взрослых, чтобы пошептаться друг с другом. Когда они отошли на достаточное расстояние от мужчин, принц тихо спросил:

— Почему мы едем, не спросив разрешения у моей мамы?

— Ох... но это очень короткая поездка, и мы скоро вернемся. Зачем зря беспокоить ее?

— Я не думаю, что мне следует ехать без разрешения моей мамы.

Генрих де Гиз встревожился; пытаясь изобразить их путешествие еще более привлекательным, он прошептал:

— Вот увидите, это будет просто здорово! Мы выберемся из дворца через окно, и сядем в экипаж, который повезет нас в Лотарингию.

Принц задумался: он не был большим любителем грубых мальчишеских затей, которые так нравились его приятелю.

Генрих де Гиз — всего лишь маленький мальчик: ему невдомек, что подобная манера выходить из дворца могла привести к ушибам, если не к увечьям. Принц Генрих понюхал свой надушенный платок и изучающе посмотрел на перстни, сверкавшие на его тонких пальчиках. Губы тронула лукавая улыбка, и через некоторое время он уже вошел в покои своей матери.

Она нежно обняла его; со своим любимым сыном она была не так церемонна, как с остальными детьми.

— Мама, — сказал он, и его глаза встретились с пронзительным и внимательным взглядом — таким, какой был у всех Медичи. — Мама, мне нужно вылезти ночью из окна и сесть в экипаж, который отвезет меня в Лотарингию, где мне покажут чудесные платья и драгоценности герцогини де Гиз.

— Дорогой мой, о чем вы говорите?

— О том, что придумали для меня.

— Кто, золото мое? Я вас не понимаю.

— Мне так сказал Генрих. С ним были его отец и мсье де Немур. Сначала они спросили, какая у меня вера — как у католиков или как у гугенотов, — а я, как вы и советовали, сказал, что придерживаюсь религии моей матери. Тогда они сказали, что я должен навестить их и что для этого нужно вылезти ночью из окна и сесть в экипаж, ко-

торый отвезет меня в Лотарингию. Мне показалось, что для принца это очень странный способ путешествовать.

Екатерина порывисто обняла его.

— О, мой дорогой! Мой умный, мудрый мальчик! Как правильно вы сделали, что сразу пришли к вашей маме!

Итак, впредь она не могла выпускать его из виду. Ее бесценного мальчика хотели похитить! Ох, какими опасными людьми оказались эти Гизы! И как опрометчиво она поступила, открыто встав на сторону Бурбонов!

Через несколько дней она встретилась с Франциском де Гизом и еще раз убедилась в силе этого человека. Он злился на нее, потому что провалился план похищения ее сына; он не доверял ей, потому что увидел ее не такой слабой и безропотной женщиной, какой прежде она представлялась ему.

Он был с ней резок, как никогда прежде; глаз слезился, а потому более заметно, чем всегда, сверкал ненавистью; выражение лица было твердым и решительным.

— Мадам, — сказал он, — я и мои сторонники позволили вам стать регентом Франции. Мы считали, что вы будете защищать нашу веру. Если у вас есть какие-то свои намерения, то найдутся другие люди — принцы крови и во всех смыслах достойнейшие избранники, — которые примут на себя ваши сегодняшние полномочия.

С несвойственной для нее прямоотой она спросила:

— Мсье де Гиз, разве вы не будете повиноваться мне, если я и мой сын переменяю веру?

Герцог ответил ей так же искренне:

— Нет, мадам, не буду.

— А вы не очень-то преданы короне, мсье.

— Пока вы не отступитесь от веры наших предков, я буду готов отдать жизнь ради вас и вашей короны.

Он сказал правду, в этом она не сомневалась. В его глазах она видела тот же фанатический блеск, который в последние несколько лет стал знаком ей. Выходит, этот могущественный герцог, величайший воин Франции, был таким же религиозным фанатиком, как те люди, которых в ее присутствии пытали и сжигали на кострах, обвиняя то в ереси, то в вероотступничестве.

Такое открытие было ошеломительным, но не обескураживающим. Она успела изучить этих фанатиков: людей,

живших ради своей религии. Они были слабы по сравнению с ней, чья религия состояла в сохранении и приумножении собственной власти. Она всегда могла изменить выбранный путь и плыть туда, куда подгонял ее ветер фортуны; они же должны были пробираться вперед — все равно, с попутным ветром или наперекор ему.

Ей стало ясно, как нужно вести себя с этим человеком. Она боялась его. Он был главой партии католиков, а кроме того, обладал силой и властью, которых недоставало Бурбонам. Она поступила глупо, когда проявила излишнюю благосклонность к Антуану Наваррскому, Луи де Бурбону и братьям Колиньи.

Она вкрадчиво произнесла:

— Мсье де Гиз, заверяю вас, я не держусь никакой другой религии, кроме ваших и моих предков. Да и может ли быть иначе? Почему я должна изменять своим принципам ради этих... фанатиков?

— Создается такое впечатление, мадам, — холодно сказал герцог, — что именно это вы и делаете. Я слышал, вы допускаете во дворец даже тех священников, которые отказались служить истинному Богу. Вы окружили себя еретиками. Было бы только полезно, если бы удалось отвести молодого герцога от такого пагубного влияния.

— Ах, мсье герцог, как вы ошибаетесь во мне! Я добрая католичка. Мне больно видеть безумства ожесточенных фанатиков, причиняющих столько страданий нашей прекрасной стране. Мне казалось, что я должна научить этих людей снисходительности. Я хотела своим добрым отношением вернуть их на путь истины.

— Мадам, они не понимают доброго отношения. Под вашим покровительством они только больше ожесточаются. Это не то, для чего мы позволили вам стать регентом Франции.

Она приблизилась к нему и взяла за локоть; затем подняла на него глаза и лукаво улыбнулась.

— Я намеревалась, милый герцог, завоевать расположение принцев Бурбонов и вернуть их в католическую веру.

У него изменилось лицо, и Екатерина испугалась, потому что он не пытался скрыть своего презрения. Значит, он все еще был уверен в могуществе своей семьи.

— Так вот откуда ваша великая дружба с ними, мадам?

Вот почему вас так часто видят с королем Наварры... и даже еще чаще — с его братом?

Уловив намек на свои отношения с Конде, Екатерина почувствовала приступ злости. Но еще больше, чем на Франциска де Гиза, она злилась на себя. Еще одна глупость: она позволила своим романтическим чувствам взять верх над благоразумием.

Тем не менее, когда она заговорила, ее голос оставался по-прежнему спокойным и ровным:

— Вы улыбаетесь, мсье, но это только потому, что вы не знаете моих замыслов. У меня есть план, который заставит этих жеманных принцев забыть всю важность вопросов войны и религии.

— Каким образом, мадам?

— А ну-ка, подумайте хорошенько о короле Наварры!

Она презрительно фыркнула губами и, немного подождав, продолжила:

— Антуан Наваррский, этот бестолковый маленький попугай, самый пустой человек во Франции. Как вы думаете, почему он так привержен гугенотам? Только из-за своей супруги мадам Жанны!

— Он раньше нее стал гугенотом.

— Своих убеждений он не смог бы держаться больше одного-двух дней. Ренегат, перебежчик! Вот с каким человеком мы имеем дело... или имели бы, если бы не его супруга, — хрипло рассмеялась Екатерина. — Мадам Жанна д'Альбер, королева Наварры! Она долгие годы тайно сочувствовала гугенотам. О, да, я знаю, она лишь недавно сделала публичное заявление о присоединении к ним — но много лет тайно исповедовала их религию. Что касается Антуана, то он стал гугенотом, потому что так велела его супруга. Он всегда идет у нее на поводу. Милорд, если мы хотим подчинить себе Антуана, то должны нанести удар по его супруге.

— Как вы планируете атаковать королеву Наваррскую?

— О, я вовсе не хочу сказать, что нам нужно снарядить армию и двинуться на юг. Это было бы не в моем духе, мсье. Таким способом мы добьемся немногого, если не считать того, что во Франции начнется гражданская война и гугеноты сплотятся на борьбу за освобождение своей герцогини. Нет, мы нанесем удар по Жанне, но этот удар

будет нанесен через Антуана. Мсье, вы видели их на свадьбе Франциска и Марии? Помните, как Антуан сошел с того серебряного галеона и выбрал в спутницы свою супругу? Вы сказали: «Какой верный супруг!» Так вот, мой план заключается в том, чтобы сделать Антуана немного менее верным супругом.

— Вы полагаете, это возможно? Жанна крепка, как гранит.

— Зато Антуан податлив, как вода. Вот почему нужно действовать через него. У меня большие замыслы, мсье, но я всего лишь слабая и несчастная женщина, и мне претит всякое насилие. Мои планы не всегда заметны со стороны, но я думаю, что они подействуют не хуже, чем ваши кровопролития. Мы отделим Антуана от его супруги. В конце концов, для мужчины неестественно быть таким верным супругом — тем более для такого прирожденного бабника, как он. Антуан не устоит перед приготовленным ему искушением. Его святая супруга придет в ярость. Она, которую Антуан публично избрал себе в спутницы, окажется забытой и униженной. Она будет видеть своего супруга с любовницей, которую тот будет обожать. А тогда кем окажется эта предводительница гугенотов? Вы же знаете гугенотов, мсье. Они еще более строгие моралисты, чем католики. Они не любят адюльтеров. Итак, она вместе со своими приспешниками отвернется от Антуана, тот будет так же послушен своей любовнице, как сейчас — супруге. А между тем любовница приведет его в лоно католической церкви — в этом и состоит мой план, мсье герцог.

Франциск де Гиз просиял. План был неплох и казался вполне осуществимым. Если королева-мать с самого начала задумала его, то он напрасно обвинял ее. Она была так же верна католической вере, как и он сам. Она могла быть так же полезна ему, как и Мария при жизни Франциска.

Он взглянул на нее и, ехидно улыбнувшись, спросил:

— А принц Конде?

Она медленно переспросила:

— Принц Конде?..

На мгновение она вспомнила, как приходила к нему в тюремную камеру, как подолгу разговаривала с ним, как намекала на их возможную близость. Затем отбросила эти

воспоминания и, невозмутимо взглянув в лицо герцога, сказала:

— Принцу Конде в моем плане отведено такое же место, как и его брату. Как вы знаете, у него тоже волевая и благочестивая супруга — я подозреваю, что она тоже влияет на своего мужа.

— И ему тоже предназначена любовница, которая вернет его в католическую веру?

— Да, именно это я и предлагаю.

— Вы полагаете, с ним это тоже возможно?

— Полагаю, возможно.

— А, простите за вопрос. — Глаза герцога уже открыто смеялись над ней. — Какую даму вы могли бы предложить для обольщения принца Конде?

Ответ у нее был готов заранее.

— Одна такая дама состоит в моем *«эскадроне волан»*. Не знаю, замечали ли вы ее: это Изабель де Лимоль. Я думаю, перед ее красотой не устоит ни один мужчина.

— И вы избрали ее соблазнительницей принца Конде?

— Именно так, мсье.

— А для Антуана?

— Мадемуазель де Руэ.

Герцог кивнул.

— Мадам, вы выбрали двух неотразимых и довольно легкомысленных особ.

— Красота и легкое поведение — качества, необходимые для столь деликатной задачи. Не думаю, что нам подошли бы такие женщины, как принцесса Элеонора или Жанна Наваррская.

Герцог рассмеялся вместе с ней: к нему вернулось его хорошее настроение.

— А как насчет Колиньи? — наконец спросил он. — Этот человек опаснее, чем любой другой.

— Вы правы, он очень опасен, и, конечно, ни одна красивая и легкомысленная женщина не собьет его с пути, который он избрал. Ну что ж, когда наступит время, мы подумаем о том, как укротить Колиньи.

Герцог приблизился к ней, и в его глазах она прочитала, что сейчас он вспомнил о слухах, тянувшихся за ней следом. Она знала, что тот подумал о дофине Франциске, который умер после того, как виночерпий-итальянец по-

дал ему чашу с водой. Он вспомнил, что слышал о пузырьках с ядом в ее туалетном столике в Блуа, и хотел услышать о том, что она замышляла для Колиньи.

— Когда наступит время, — сказала она, — мы будем знать, что нам делать.

У него мелькнула мысль о том, как все-таки было хорошо, что эта итальянка оказалась его сторонницей; поклонившись, он поцеловал ей руку.

Она же, глядя на склонившуюся над ее рукой голову герцога, сожалела о том, что никто не мог разом отправить на тот свет всех людей, которые так затрудняли ее жизнь; при этом она думала не столько о Колиньи, сколько о Франциске де Гизе.

Расположившись в своих апартаментах, дамы *«эскадрона волан»* устало переговаривались между собой. Они только что вернулись с охоты, и этот день выдался напряженным. Королева-мать не желала, чтобы ее амазонки утратили боевую форму.

Мадемуазель Луиза де ла Лимудье, дочь сеньора де Руэ, про себя улыбалась. Она была красивой женщиной; вместе со своей подругой и наперсницей Изабель де Лимоль она разделила право быть выбранной в общество королевы-матери не только за остроумие и превосходное умение ездить верхом, но и за редкую красоту.

Днем, когда они были в лесу, королева-мать поговорила с Луизой. Она рассказала о том, какие надежды возлагались на нее. От нее требовалось не больше и не меньше, чем стать любовницей Антуана де Бурбона, короля Наварры — и сделать это надо как можно скорее.

Луиза еще раз улыбнулась. Антуан был обаятельным мужчиной. А кроме того, каждая женщина *«эскадрона волан»* знала, что душой и телом принадлежала королеве-матери и зависела от нее гораздо больше, чем любая дама *«маленькой компании»* зависела от короля Франциска Первого. Время от времени они должны были показаться неотразимыми тому или иному посланнику, выведать его секреты и передать их королеве-матери. Быть дамой *«эскадрона волан»* было так же увлекательно, как и опасно; все они сознавали, что, однажды попав сюда, уже при всем своем желании не смогли бы вернуться к прежней жизни.

Как сказала Изабель, это было все равно, что продать душу дьяволу. Когда она это сказала, ее глаза сверкнули, и Луиза прекрасно поняла, что имела в виду ее подруга. Жизнь в подчинении у такой повелительницы — с чьим характером они были знакомы ближе, чем кто-либо, — имела свои преимущества, свои удовольствия, свою интеллектуальную сторону и свое мрачное очарование. Все они знали, что малейшая попытка избежать рабства у королевы-матери могла завершиться только одним образом. У них уже была одна девушка, которая пожелала покинуть «эскадрон» и попросила разрешения удалиться в женский монастырь. «Хорошо, я вас не держу, — сказала ей королева-мать. — Если вам не нравится наша компания, вы и в самом деле должны уйти». И она в самом деле ушла — но так и не добралась до монастыря, где, может быть, оказалась бы в безопасности. На нее напал какой-то неизлечимый недуг, ее кожа сморщилась и высохла, глаза ввалились в орбиты, а зубы выпали, как у дряхлой старухи.

Луиза вздрогнула — но и тут не удержалась от улыбки. Она не желала удалиться в женский монастырь; жизнь «эскадрона» вполне успокаивала ее.

Она была крайне чувственна. Ей нравилось кожей касаться нежного атласа своих нарядов и умащать тело благовониями, которыми «эскадрон» снабжали *парфюмеры* Екатерины. Как догадывалась Луиза, эти мази обладали каким-то особым возбуждающим свойством. Она была соблазнительна, как и любая другая женщина из ее нового окружения; ей нравилась эротическая литература, которая пользовалась таким успехом при дворе; она сама сочиняла стихи и прелестно пела. «Эскадрон» Екатерины весьма походил на «*маленькую компанию*» Франциска: как Екатерина, так и Франциск, оба желали, чтобы их женщины были и умны, и привлекательны.

Разглядывая потолок с его лепным орнаментом и пухлыми купидонами, Луиза подумала об Антуане. Ей всегда было приятно видеть его, и она предполагала, что он тоже не совсем чуждался ее. Иногда его взгляд останавливался на ней, и тогда в нем можно было прочесть что-то вроде сожаления, которое, как она догадывалась, вызывали мысли о такой строгой супруге, как Жанна Наваррская.

Жанна Наваррская! Женщина с суровым, холодным лицом, новый вождь гугенотов! На самом деле, все они, эти суровые женщины, считавшие себя такими мудрыми политиками, были просто глупы. Они слишком энергично выступали с проповедями, слишком часто издавали всевозможные эдикты или, наоборот, боролись с ними; умные женщины достигли бы желаемого результата, обратившись к куда более простым методам.

К ее ложу подошла Изабель; немного постояв, она легла рядом и тихо прошептала:

— Королева-мать сегодня разговаривала с тобой?

Луиза кивнула.

— Со мной тоже, — сказала Изабель.

— И кто твоя будущая жертва?

— Ты ни за что не догадаешься.

— Могу поручиться, у него не такое высокое положение, как у моего.

— Не будь такой самоуверенной. Мой — принц.

— А мой — король.

— Король?!

— Не будь такой испорченной. У меня — Антуан... Король Наварры.

Изабель рассмеялась.

— Пусть так, — сказала она, — у тебя король, а у меня только принц. Но все равно мой важнее.

— То есть как это? Если не считать королевы-матери, то мой Антуан — самая важная персона при дворе.

— Только внешне, моя дорогая. Уверяю тебя, он не так важен, как его брат.

— Значит, у тебя — Конде?

— Ты догадлива.

Луиза улыбнулась и пропела так тихо, что только Изабель могла расслышать.

«Жил маленький веселый человечек.

Он пел и веселился каждый вечер.

Он никого на свете не обидел:

Он был так мал, что свет его не видел».

— Ах, мой друг, — сказала Изабель, — по-моему, ты ревнуешь.

— Интересно, кто бы не ревновал. Но только у тебя все равно ничего не получится.

— Это почему?

— Потому что он верен своей супруге.

— Как и Антуан.

— Ты думаешь, я хоть чуть-чуть боюсь эту чопорную гугенотку?

— Нет, но ты же хочешь сказать, что другая чопорная гугенотка, наша святая Элеонора, не будет пускать ко мне моего маленького Луи.

— Тут есть разница. И ты это знаешь, дорогая. С Антуаном будет проще.

— Возможно, моя милая, — сказала Изабель, — потому-то королева-мать и доверила его тебе. Более трудную задачу она, как видишь, оставила для меня.

— Не так уж и трудна твоя задача. Просто на нее нужно чуть больше времени.

— А ты, судя по всему, собираешься быстро управиться? Чувствуешь себя польщенной и спешишь оправдать доверие?

— Ох, я сгораю от нетерпения, — пылко проговорила Луиза и прыгнула с ложа. — И, держу пари, получу свою добычу раньше, чем ты.

— Что ж, вполне может быть, ведь моя задача труднее. Тебе повезло с Антуаном.

— Настоящая удача — с Луи. Не думаю, что кто-то мог бы стать лучшим любовником, чем он.

Изабель щелкнула пальцами.

— Ну, тебе не пришлось бы долго выбирать. У них обоих был большой опыт.

— Только не забывай, что они оба много лет находились в руках святых и проповедниц. Возможно, все самые счастливые уловки уже позабыты.

— В таком случае, следует напомнить им об их лучших днях.

Они рассмеялись так громко, что все посмотрели в их сторону. Расспросов, однако, не последовало. Остальные думали, что им королева-мать поручила какое-то особое задание, в таких случаях никакие лишние вопросы не задавались.

Бал был в самом разгаре, Антуан присел в стороне, намереваясь наблюдать за танцующими, но присутствие женщин, оказавшихся рядом, помешало ему исполнить свое желание.

Такие красивые женщины редко встречались ему; она была обворожительна; платье с глубоким вырезом демонстрировало ее обнаженную грудь, соски которой были подкрашены в тон алым губам. Аромат духов кружил ему голову; но еще более пленительным, чем эта чувственная красота, было обожание, стоявшее в ее глазах.

Она говорила:

— Мой король, в моей жизни не было лучших вечеров, чем этот. О, если бы вы знали, как я счастлива тем, что могу сидеть рядом с вами и слышать ваш голос. Я часто видела вас издали, но не осмеливалась приблизиться к человеку такого высокого положения. А когда сегодня вечером вы попросили меня быть вашим партнером в танце, я думала, что умру от восторга.

— Моя дорогая госпожа, если вы хотите высказать мне свое почтение, то можете сесть немного ближе. Культы не должны справляться на расстоянии.

Она придвинулась и взяла его за локоть.

— Сегодня я чувствую себя такой отважной, какой не была никогда прежде, — сказала она. — Во мне пробудилось что-то такое, что придает мне смелости, — что-то такое, что я не могу удержать в себе. Я умоляю вас, милорд, не просите меня приближаться к вам, потому что если я послушаюсь вас, то мои чувства возьмут верх над благоразумием, а это не подобает в присутствии такого мужчины, как вы.

— Но я не вижу ничего плохого в том, что вы придвинулись ко мне, — сказал Антуан. — Я вовсе не возражаю против того, чтобы вы высказывали почтение вблизи, — особенно если речь идет о такой очаровательной женщине, как вы, мадемуазель ла Лимудье.

Она восторженно улыбнулась.

— Смотрите, как дрожат мои руки, когда они прикасаются к Вашему Величеству.

— Но почему, мадемуазель Луиза?

— Я буду отважна и бесстыдна. Мои руки дрожат пото-

му, что сейчас, в этом зале, я не вижу никого и не желаю видеть никого, кроме вас.

Антуан сжал ее руку.

— Вы прелестны, Луиза. Я как раз подумал, что из всех красавиц, которые сегодня собрались при дворе, ни одна не может сравниться с вами.

— Как чудесно слушать такие слова... из ваших уст, сир.

— В другое время, — сказал Антуан, — я бы в вас, пожалуй, влюбился.

Она поднесла его руку к губам и смущенно поцеловала.

— Ах, как была бы я тогда счастлива! На свете нет ничего такого, чего бы я не сделала для вас, мой повелитель.

— Тогда... — начал он; она, затаив дыхание, подалась вперед. Он нахмурился и отпил из кубка.

— Луиза, — продолжил он, — я был бы рад стать вашим любовником.

— Милорд, я бы отдала двадцать лет жизни, чтобы только стать вашей.

Она видела, как загорелись его глаза, как застучала кровь в висках. Она удивлялась силе Жанне Наваррской, которая смогла столько лет удерживать такого мужчину. Она решила во что бы то ни стало пересилить ее власть над ним. Ей хотелось не только угодить своей госпоже, чье желание не могло не быть выполнено, но и удовлетворить свое самолюбие.

— Мой повелитель, — прошептала она, — когда?

Антуан смутился. До брака у него было много любовных походов, и почти все они начинались подобно этому — но сейчас он вспомнил свою супругу. Он любил Жанну. Правда, она была не так красива, как эта женщина. Любовь, которую они с Жанной питали друг к другу, больше походила на священнослужение, на взаимное обязательство в рождении и воспитании детей, наследников для трона Наварры. Любовные акты, совершавшиеся с такой целью, конечно, доставляли меньшее наслаждение, чем эротические забавы его прошлого. Женщина, искушавшая его, была очень красива; однако он должен думать о Жанне, о той теплой домашней атмосфере, которую она создала для него; он не мог не подумать о ее сильной воле, прямоте и высокой нравственности. На всей земле ни-

кто, кроме Жанны, не подарил бы ему такой спокойной и счастливой жизни.

Он отвел глаза.

— Мадемуазель, — сказал он, — вы очень красивы; вы обворожительны. Не буду скрывать, вы обворожили меня. Однако я не свободен. Моя супруга — лучшая из всех жен, и я желаю оставаться верным ей.

Луиза пристыженно проговорила:

— Мой король, умоляю, простите меня. Я повела себя бесстыдно, позволив своим чувствам взять верх над моим глубоким уважением к Вашему Величеству. Умоляю, скажите, что вы простили меня.

— Это я должен просить у вас прощения, — улыбнувшись, произнес Антуан. — *Вы* оказали мне почтение. Поверьте, мадемуазель Луиза, на свете нет ничего проще, чем мне полюбить вас. Вы можете считать это моим признанием.

Она придвинулась еще ближе.

— О, мой повелитель...

— Вы же знаете, — с мягким упреком сказал он, — я верен своей супруге.

— Прошу вас, всего один поцелуй... всего одно объятие.

Он вздохнул.

— Вы еще молоды. Вам не следует вести такие разговоры с мужчиной — тем более что он женат и намного старше вас.

— Такие разговоры я не смогла бы вести ни с одним другим мужчиной, — с достоинством сказала она.

Он встал, и они пошли танцевать; а через некоторое время покинули танцующих и вышли в сад. Ночь была теплой, в воздухе стояло благоухание экзотических цветов и кустарников, которые привез сюда король Франциск Первый, не жалевший никаких денег на украшение дворца.

Антуан обнял и поцеловал Луизу. Одна его рука легла на ее обнаженную грудь.

— Восхитительно! — прошептал он. — Упоительно! Но, дорогая, мне нельзя допускать ничего лишнего. Я слишком многим обязан своей супруге. Ведь если бы не она, я не был бы королем.

— Это не вы, а она обязана вам, — ответила Луиза. —

Что такое титул? Что такое положение? Разве что-нибудь в мире может сравниться с любовью? У нее есть ваша любовь, и я бы отдала жизнь ради того, чтобы оказаться на ее месте.

Он снова поцеловал Луизу и, лаская ее, позволил себе немного больше свободы, чем прежде. Совсем немного, говорил он себе, ведь я должен быть верен Жанне. Как необычайно, что я так долго храню верность ей. Какой необычайный мужчина достался ей в супруги! Жанна верна мне, но она никогда не испытывала таких искушений. Я слишком горяч, а она слишком холодна. Хотя со мной бывает нетерпелива. Несколько раз она говорила очень жестокие вещи. Она критиковала мои поступки. Даже сейчас ее письма зачастую полны упреков. Она полагает, что меня водят за нос: видит во мне слепое орудие королевы-матери и Гизов. Считает, что у меня нет собственной головы на плечах. А между тем эта женщина — такая обольстительная и страстная — находит восхитительным все, что я ни скажу и ни сделаю. Вот как всякой супруге нужно почитать мужа; вот как следует почитать короля.

— Давайте прогуляемся, — сказал он и, обняв ее за талию, медленно пошел по одной из дорожек сада.

— Луиза, — вскоре проговорил он, — вы восхитительны, и все мои чувства стремятся к вам. Ах, если бы не мой долг! Какое это тяжелое бремя, дорогая! Мужчина моего положения никогда не свободен от долга. Он всегда должен думать о нем. Всегда должен воздерживаться от удовольствий, всегда подавлять свои желания.

Она повернулась и прижалась к нему.

— Сир, я скорее умру, чем помешаю исполнению вашего долга!

Он пылко поцеловал ее. А почему бы и нет? — подумал он. Всего один раз. Всего одна ночь.

Однако он никак не мог отогнать воспоминания о Жанне. Если бы она узнала, то никогда не простила бы его, и это был бы конец их счастливой жизни. Не следовало ему забывать и о том, что он вместе с братом и Жанной возглавлял движение гугенотов. Их последователи отнюдь не одобрили бы интригу с придворной красавицей. А что, если никто не узнает? Чепуха! Все будет известно. Здесь следили за каждым его шагом. Следили, несомненно, и сей-

час. Наверняка кто-нибудь видел, как они целовались. Что ж, он мог бы довести это дело до его естественного завершения — в любом случае найдется немало людей, которые скажут, что так оно и было.

Но он не мог вынести мысли о широко раскрытых глазах Жанны, с ужасом глядящих на своего супруга. Жанна, при всей своей удивительной мудрости, была очень простой женщиной. Она полагала, что супружеская жизнь была вполне естественным положением дел — тогда как на всей земле нельзя было найти более неестественной вещи!

А я мужчина с естественными желаниями, раздраженно подумал Антуан, снова целуя Луизу.

Затем он рассказал ей о своей жизни дома и о том, почему не мог вступить в любовную связь.

— Моя супруга — великая женщина и мудрая королева.

— Она не понимает ваших потребностей, — сказала Луиза.

— Увы... в каком-то смысле вы правы. Затем он снова стал рассказывать о Жанне — но уже не о своем счастье с ней, а об их ссорах и взаимных упреках.

— Не понимаю, как она может жить вдали от вас, — сказала Луиза.

— Она королева, у нее есть Наварра. А я должен находиться здесь, чтобы вместе с королевой-матерью управлять Францией. Люди нашего положения редко пользуются благами домашней жизни.

— Будь я вашей королевой, никакие препятствия не мешали бы мне быть с вами.

Последовали новые, еще более жаркие объятия. Ах, будь что будет! — не без колебаний подумал Антуан; сначала он сказал себе «да», потом сказал «нет».

Когда они прощались, победа все еще оставалась за Жанной.

— Дорогая моя, — напоследок сказал он, — нам лучше не видеться друг с другом. Соблазн слишком велик, а я должен хранить верность своей супруге.

Но той же ночью, когда весь дворец уже спал, она неслышно проскользнула в апартаменты короля Наварры.

Увидев ее, слуга Антуана поднял брови, но она тотчас улыбнулась и понимающе кивнула ему.

— У меня нет кинжала, — сказала она, — и я не собираюсь убивать короля. Можешь убедиться.

Ее мантия была накинута на голое тело.

— Я пришла, — продолжила она, — по приглашению короля Антуана Наваррского. Не пытайтесь остановить меня, а не то будете отвечать перед ним.

Так Луиза прошла в спальню Антуана. Она встала возле его постели.

— Мой король, — прошептала она.

— Луиза!

— Я не смогла справиться с собой, — сказала она.

Это не моя вина, сказал себе король Наварры.

На следующий день Антуан мучился раскаянием. Он был неверен супруге. Он изменил ей. Луиза де ла Лимудье была самой восхитительной из всех женщин, которых он знал. Но он должен был обойтись без нее. Нужно было поскорей забыть про это увлечение.

Он написал длинное письмо Жанне.

«МОЯ ДОРОГАЯ СУПРУГА, я горько вздыхаю при мысли, что вас нет со мной. Все время я только и думаю о вас. Никогда не забывайте, что я ваш преданный и верный супруг. Все остальные женщины ни имеют ни малейшей власти надо мной. Они кажутся мне безобразными. Я тоскую оттого, что не вижу вас... О, вы не знаете, как я тоскую! Вы должны пожалеть меня... ведь я провожу бесконечные ночи, я даже немного похудел. Мне не поправиться до тех пор, пока я не увижу вас...»

Он писал пылко и страстно. Ему хотелось убедить себя в том, что он, по крайней мере, *не желал* быть неверным супругом.

Теперь Луиза полностью завладела им, и весь двор знал об этом. Он мирился с косыми взглядами и сплетнями, потому что не мог обходиться без нее. Она была такой страстной, такой любящей, она слепо обожала его и видела достоинства там, где его супруга находила недостатки.

Однажды она сказала ему:

— Дорогой, по-моему, ваш брат немного шокирован нашей любовью.

— Ах, у Луи более благородный характер, чем у меня.

— Вот уж во что я никогда не поверю!

— Но ведь это так. Хотя он во многом похож на меня и хотя ему тоже нужна любовь женщины, смотрите, как решительно он противится всем подобным искушениям!

— Противится ли?

— О да! Он знает, как должен себя вести. Он никогда не забывает, что он принц Конде — человек, в котором многие видят своего лидера.

— Сомневаюсь, что он так добродетелен, как вам кажется. Если хотите, я кое-что покажу вам. Устройте ему веселую вечеринку... совсем небольшую, только для самых близких людей. Пусть в ваших апартаментах не будет никого, кроме вас, меня, одной моей подруги и вашего брата. Сказать вам секрет? Моя подруга любит принца — она томится от своей любви. У нее такие же чувства к нему, как у меня — к вам. Вы бы не дали им попытать счастья?

— Нет! — воскликнул Антуан. — Лучше не подвергать его слишком большим искушениям. Кто эта ваша дама?

— Вы видели ее, милорд. Ох, умоляю вас, только не присматривайтесь к ней слишком внимательно, а то я умру от ревности. Она ездит верхом с королевой-матерью и остальными нашими дамами. Ее зовут Изабель де Лимоль.

— Очаровательная девушка, — улыбнулся он и поцеловал Луизу. — Но вы можете не бояться. Для меня нет никого, кроме вас, моя милая Луиза.

— Вы любите вашего брата, разве нет?

— Он великий человек, и я питаю к нему такое же глубокое уважение, как и любовь.

— Ну, тогда... позвольте ему хоть немного развлечься. Не будет ничего плохого, если вы пригласите его к нам.

Так они запланировали эту вечеринку. Любопытно будет посмотреть, думал Антуан, как Луи отнесется к чарам Изабель де Лимоль; если он тоже поддастся соблазну, то уж, конечно, не будет слишком строго судить своего брата Антуана.

Вечеринка удалась; было много смеха и хорошего вина.

По мнению Луизы, Изабель была прекрасна, как никогда. Луи, казалось, тоже так думал. Он был темпераментным мужчиной, а к тому же, чересчур долго соблюдал целибад; занятость и воздержание от поездок к домашнему очагу сделали из него готовую жертву искушения. Он догадывался о том, что Изабель была послана королевой-

матерью, поскольку не раз видел ее вместе с «эскадроном волан» и знал, для каких целей королева-мать держала этих дам. Однако красота Изабель оказалась неотразимой: на следующий день у него уже не было никакого права упрекать брата.

Уже весь двор смеялся над любовными похождениями братьев Бурбонов. Екатерина испытывала смешанные чувства. Она торжествовала, видя моральное падение Антуана, и тут для ее радости было несколько причин. Все, что она задумала, начало воплощаться. Что теперь скажет мадам Жанна? Вспомнит ли, как гордилась в тот вечер, когда супруг взял ее с собой на испанский галеон — в знак верности ей, своей супруге? Будет ли теперь так высокомерна и самодовольна, как тогда? Любопытно было бы сейчас посмотреть на лицо Жанны. Впрочем, главное заключалось в другом. Важнее было то, какими последствиями для гугенотов обернется успех Луизы.

Луиза и... Изабель! При мысли о ней Екатерина нахмурилась.

Конде влюбился... и влюбился в эту потаскушку! Вероятно, он был восхитительным любовником. Об этом она думала, потому что вспомнила те разговоры, которые вела с ним в темнице под замком Амбуа. Какой же она была душой! Ее полнота становилась все безобразней; кожа морщилась и ссыхалась, разве не дряхлой старухой она выглядела по сравнению с такой цветущей красавицей, как Изабель де Лимоль! Скорее всего в искусстве любви Изабель ее тоже превосходила. На мгновение мысли Екатерины перенеслись к другим двум любовникам — Генриху и Диане, — не подозревавшим о незаметном отверствии в стене королевских покоев. Нет, она бы не хотела возвращаться к тем дням страданий и унижений. Любовь? Она была не для нее. И что такое любовь? Что она дает, кроме краткого удовлетворения и постоянных мук ревности? И не любви она желала — не любви, а власти. Сейчас нельзя было терять времени, наблюдая за Конде и Изабель через отверстие в стене; она уже не станет слушать их разговоры, прильнув к трубе, что ведет из ее покоев в их апартаменты. Нет! Достаточно она наделала глупостей! На них у нее больше не было времени.

Она послала за Луизой; когда та покорно преклонила колени перед ней, она убедилась в том, что их не подслушивают, и разрешила ей подняться на ноги.

— Мадемуазель, — сказала она, — вы прекрасно справились со своим заданием, и я довольна вами.

— Благодарю вас, госпожа. Для меня нет большей радости, чем служить вашему величеству.

— Полагаю, сейчас вы пользуетесь достаточным доверием короля Наварры?

— Полагаю, да, госпожа.

— Расскажите, как он ведет себя с вами. Его желание не ослабло, он еще не пресытился?

Луиза была готова к таким расспросам. Ее уже давно не удивляла странная любознательность Екатерины, которой нравилось выслушивать подробности всех подвигов своего «эскадрона». Рассказы о том, что они испытывали в тех случаях, доставляли ей какое-то извращенное удовольствие. Каждая должна была удовлетворить ее грубое, бесцеремонное любопытство. Сделать это иногда оказывалось просто, а иногда сложно, однако Луиза была наполовину влюблена в Антуана и вовсе не горела желанием обсуждать интимные детали их встреч. Между тем королеве-матери нужно было подчиняться во всем.

Через некоторое время Екатерина сказала:

— Хорошо. Я вижу, вы пользуетесь полным его доверием, а значит, настала пора расширить вашу миссию. Король Наварры протестант, его душа в опасности. Я желаю, чтобы он стал католиком. Это ваша следующая задача.

— Но... госпожа... католиком! Заставить его изменить своей вере! Это будет очень трудной задачей, госпожа!

Она и вправду испугалась. Странные они все-таки люди, подумала Екатерина. Даже эта потаскушка побледнела при мысли о том, какие темы ей придется обсуждать в перерывах между занятиями любовью.

Екатерина рассмеялась.

— Надо же вам о чем-то говорить, когда будете отдыхать от любовных утех. Пресвятая Дева, вы ведь не собираетесь довести до изнеможения этого несчастного корытешку?

Луиза не улыбнулась.

— Госпожа, его религия... это совсем не то... это святая

тема. О ней нельзя говорить. Он... он сторонник реформации.

— А вы, мадемуазель Лимудье, — вы, я полагаю, ревностная католичка?

— Да, госпожа.

— Ну, тогда почему бы вам не попытаться направить заблудшего на верный путь?

— Я... я не думала, что в моих обязанностях будет такая задача.

— А сейчас вы услышали, что именно такую задачу вам надлежит выполнить?

— Да, госпожа.

— Судя по всему, вам она не доставляет удовольствия.

— Госпожа, это слишком большая неожиданность. Я не думала о религии. Я... я постаралась сделать все, что в моих силах.

— Меньшего я от вас не потребую, — улыбнулась Екатерина, и от ее улыбки Луиза задрожала.

— А теперь, дитя мое, — продолжила королева, — оставьте свой унылый вид. Вы знаете, как щедро я вознаграждаю тех, кто работает на меня. Сделайте из него доброго католика, а я, в свою очередь, превращу его в вашего супруга.

— В моего супруга! Но он король, госпожа, и... он женат.

— Он король — это верно. Его положение намного выше, чем ваше. Однако я не сомневаюсь в том, что если, предположим, у него возникнет непреодолимое желание жениться на вас, то вы не заставите его чересчур долго добиваться вашей руки. Ведь вы же не откажете ему, не так ли? Говорите, он женат? Да, он женат на королеве Наварры. Но опять-таки, моя дорогая, я не сомневаюсь в том, что Папа Римский не будет препятствовать разводу католического короля и еретички, по недоразумению ставшей его супругой. Теперь ступайте и подумайте о моих словах. Но помните — благоразумие и еще раз благоразумие. Сейчас было бы весьма неумно посвящать *кого-либо* в то, что я вам сказала. Умоляю вас, помните об этом.

Покинув покои королевы-матери, Луиза еще долго не могла прийти в себя. Правильно ли она поняла то, что услышала? В самом ли деле Екатерина обещала ей замуже-

ство с королем Наварры — ей, которая была всего лишь дочерью сеньора де Руэ? И все, что от нее требовалось, это заставить Антуана сменить веру!

Отпустив Луизу, Екатерина послала за герцогом де Гизом и кардиналом Лотарингии.

Она была довольна собой. Ей удалось рассеять опасения этих людей, показав им свою неприязнь к Жанне Наваррской и движению гугенотов, два видных предводителя которого оказались замешанными в скандальных любовных интригах и таким образом скомпрометировали себя в глазах братьев Колиньи, а вместе с ними и всей протестантской партии.

Что ж, пока все шло хорошо; однако Екатерина не хотела, чтобы дело зашло слишком далеко. Дома Гизов и Бурбонов должны были по-прежнему враждовать друг с другом: объединившись, они могли выступить против нее, и тогда у нее не осталось бы ни малейшей надежды удержаться у власти.

Она ни на мгновение не пыталась убедить себя в том, что очаровательная Луиза окажется способной склонить Антуана к перемене религии, — однако нужно было сделать так, чтобы Гизы приняли ее намерение за чистую монету. Казалось, она понимала этих фанатически религиозных людей. Они ничуть не менялись. Кто бы поверил в то, что даже жестокий и честолюбивый Франциск де Гиз мог быть таким пылким и искренним католиком? Они все были одинаково лукавы, коварны, бессовестны — когда не трогали их религию.

Впустили герцога и его брата. Они по очереди припали к ее руке.

— Добро пожаловать, мсье. Что вы думаете о последних событиях в жизни братьев Бурбонов?

— Я бы с удовольствием посмотрел на лица мадам Жанны и мадам Элеоноры, — ехидно улыбнулся кардинал, — когда они услышат о тех шалостях, которыми забавляются их супруги.

— Подловить их обоих, подбросив им любовниц, это был мастерский ход, — добавил герцог. — Что касается меня, то я думаю, Антуан для нас не так важен. Другое дело — Конде.

— Конде — сильнее, — сказал кардинал.

— Но не настолько, чтобы устоять перед мадемуазель де Лимоль, — возразила Екатерина.

— Он слаб перед женщинами, но не перед врагом, — вмешался герцог. — За Конде нужно присматривать. Его освобождение после смерти короля Франциска было величайшей ошибкой.

Герцог взглянул на Екатерину, и в глазах его мелькнул оттенок былой неприязни.

— Самое подходящее место для головы Конде, — добавил он, — было бы на башне Амбуа, а не на его элегантной фигуре.

Екатерина проговорила:

— Я не люблю несправедливости. Конде защитил свою честь, и было решено освободить его.

— Без нашего согласия, мадам, — напомнил ей кардинал.

Она молча наклонила голову и подумала: из всех своих врагов я больше всего ненавижу кардинала. Я его ненавижу даже больше, чем герцога. Клянусь Богом, у меня найдется способ избавиться от него!

— Что касается Конде, то, может быть, вы и правы, мсье, — вкрадчиво проговорила она. — Откуда нам было знать все заранее? Но эти принцы Бурбоны пользуются симпатиями народа. Думаю, если бы мы казнили Конде, во Франции начались бы волнения.

— Госпожа, — сказал герцог, — вопрос религии рано или поздно должен быть решен. Это ваше поведение с гугенотами сделало их такими непокорными и самоуверенными.

— Мне казалось, милорд герцог, что я доказала вам свою приверженность католичеству.

Гизы промолчали, в их молчании нетрудно было уловить насмешку и вызов, и она вновь почувствовала страх перед этими людьми. Бурбоны не внушали ей такого страха. Герцог был волевым человеком; кардинал превосходил его непредсказуемостью и коварством; вместе они представляли силу, которую сокрушила бы разве что смерть одного из них, и, задумывая такую смерть, можно было рассчитывать только на быстрый и точный удар в спину.

— Я пригласила вас, господа, — сказала она, — чтобы

предоставить вам еще одно доказательство своей преданности вам и вере, которая вас объединяет. Я намереваюсь обратить Бурбонов в католичество.

— Вы ничего не добьетесь. Они оба убежденные еретики. Их супруги не позволят им стать добрыми католиками.

— Их супруги не позволили бы им заводить любовниц, если бы это было в их власти, мсье. Однако оба они сумели избежать влияния своих добродетельных жен.

— Но не в вопросах религии, мадам!

— Милый герцог, Луиза де ла Лимудье — весьма привлекательная девушка. Она уже носит в себе ребенка короля Наварры. Королева Наварры, я думаю, не очень обрадуется, когда до нее дойдет эта новость. Думаю, она захочет прочистить мозги Антуану, и он, очарованный такой прелестной девушкой, как ла Лимудье, не захочет мириться с нравоучениями своей немолодой и сварливой супруги. Он отвернется от Жанны Наваррской, а вместе с ней — от того движения, которым она руководит. Скорее всего, он сделает это неосознанно, но во всяком случае мы должны рассчитывать на тот факт, что люди, подобные ему, не могут слишком долго держаться одних и тех же убеждений.

— Религия для мужчины, — сказал кардинал, — это святая святых. Он может менять женщин, но не веру.

Мысленно Екатерина согласилась с ним; более того, ей было важно, чтобы Антуан *не изменил* своей религии. Однако она сделала вид, будто верила в свои слова.

— Он слаб, господа. Он как тростинка на ветру. Жанна Наваррская, его супруга, управляет им — вот в ком настоящая опасность! Мы ничего не сможем сделать с ней, если только не заклеим в ереси и не передадим в руки инквизиции или не расторгнем их брак, а королю Наварры найдем другую, более подходящую ему супругу.

Братья Гизы сразу оживились. Кардинал, скрестив свои белые руки на груди, забарабанил пальцами по плечам, у герцога заслезился глаз над шрамом.

— Позвольте узнать, кого именно вы предлагаете сделать второй супругой короля Наварры?

— Вашу племянницу, господа, шотландскую королеву Марию. Такое предложение вас устроит?

— Прекрасный выбор, — сказал кардинал.

— Не могу не согласиться, — добавил герцог.

Еще раз убедившись в дружелюбии королевы-матери, они улыбнулись ей. Екатерине хотелось смеяться. Одурачить их было так же легко, как провести Луизу де ла Лимудье. Неужели они и вправду полагали, что она снова выпустила бы во Францию эту дерзкую шпионку? Да, так они и думали!

Пресвятая Дева! — подумала Екатерина. Ну как могу я не одержать победы, если даже эти *великие* люди оказались такими дураками!

Испанский посол де Шантонней был человеком искусственным в интригах. Дипломатический опыт ему прививали с самого детства; свою проницательность и хладнокровие он унаследовал также от своего отца, Николя де Гранвеля; Филипп Испанский поступил мудро, когда в свое время назначил де Шантоннея человеком, представлявшим его интересы во Франции.

Де Шантонней не был несведущ в ловушках, расставленных для принцев Бурбонов, а поскольку дамы, заманившие их в эти ловушки, состояли в «эскадроне волан», а он прекрасно знал, какие и чьи задачи выполняла эта таинственная компания, то ему не составило большого труда догадаться, кто именно расставил эти ловушки. Королева-мать! Вопрос, однако, был в том, что ею двигало — страх перед Гизами или симпатии к ним?

Гизы были союзниками Испании; поведение королевы-матери, со дня смерти Франциска лавировавшей между двумя влиятельными французскими домами, стало предметом встревоженных писем, которые де Шантонней слал своему королю. Филипп Испанский не доверял королевематери: он высоко ценил проницательный ум своего посла, а тот утверждал, что все недавние поступки Екатерины объяснялись ее стремлением использовать дружбу с любым из враждующих домов, если это укрепляло собственную власть вдовы Генриха Первого.

Всеми правдами и неправдами соблюдавший интересы своего хозяина, де Шантонней был не только послом, но и шпионом, и интриганом. Так же, как у королевы-матери, у него имелись свои шпионы, а потому он знал, что Луизе было велено побудить короля Наварры к переходу в

другую веру. Это устраивало Испанию; однако Испания хотела от короля Наварры большего, чем смена вероисповедания.

Вот почему де Шантонней сначала завязал знакомство с Антуаном, а затем сошелся и подружился с ним. При дворе не было человека, расположение которого было бы легче завоевать. Для этого не требовалось ничего, кроме лести, а лесть испанскому послу доставалась недорогой ценой.

За кубком доброго вина они однажды разговорились.

— Ах, — сказал испанский посол, — какое славное будущее ожидает Ваше Величество, если вы только поставите на правильную карту. Впрочем, я бы мог с кем угодно держать пари, что под этими прелестными локонами таится дельный ум, а потому ни на минуту не представляю себе, будто вы способны допустить промашку. Знаете ли вы, мой король, что некоторые не совсем сведущие люди думают, будто всякий красивый мужчина обязательно глупец?

— О каком славном будущем вы говорите, мсье?

— Мой король, могли бы мы пойти куда-нибудь, где нас не подслушают? В этом дворце слишком много ушей и глаз, а потому я предпочитаю почаще бывать за его пределами.

Они вышли в дворцовый сад, и испанский посол изложил Антуану его будущее, каким оно виделось испанскому королю.

— Как известно Вашему Величеству, честь провинции Наварра находится в руках моего повелителя — она была отвоевана у Наварры.

Антуан удивленно поднял брови. Последние слова Шантоннея показались ему довольно спорными. Однако испанский посол продолжил:

— Ах, как это неестественно, когда такая провинция должна принадлежать наполовину одному королю, а наполовину — другому? Что, если бы вам в обмен на Наварру предложили Сардинию?

— Сардинию?

— Это замечательный остров, монсеньер. Чудесный климат. Страна красивых женщин и великих городов. Вы бы стали королем Сардинии. Но сначала вам было бы не-

обходимо принять католическую веру. Мой повелитель не может иметь дела с еретиками. Ох, сир, не спешите выходить из себя. Ваша душа в опасности. Вы рискуете своей будущей жизнью — не только на небе, но и здесь, на земле.

— Моим будущим на земле? Что вы хотите сказать?

— Его католическое Величество король Испании часто думает о вас, сир. Он опечален тем, что вы поставили себя во главе еретиков, все пути которых ведут к гибели. Откажитесь от этой новой религии, и вы спасете свою душу. А кроме того, станете обладателем сразу трех корон.

— О чем вы? Послушайте, я вас не понимаю.

— Если вы примете католичество, то не сможете оставаться женатым на еретичке.

— Но... Жанна моя супруга.

— Папа Римский не допустит никаких помех вашему разводу с той, которая публично объявила себя еретичкой. Более того, существует ее предыдущий брак с герцогом де Клеве, этот брак был официально заключен. Поверьте, монсеньер, у вас не будет трудностей с разводом.

— Но я никогда не думал об этом. И у нас есть дети.

— Раз женщина, которую вы называете своей супругой, была сначала отдана герцогу де Клеве, то эти дети — незаконнорожденные! У вас будут другие — наследники тройной короны.

— Чьей тройной короны?

— Прежде всего, вашей собственной.

— Но я владею ею только потому, что она дарована мне моей супругой.

— Нам не стоит волноваться из-за таких мелких деталей, сир. Ваша супруга разделит участь всех еретиков и лишится всех своих владений. У вас будет ваша собственная корона — корона Сардинии, а вдобавок короны Шотландии и Англии.

— Каким образом?

— Благодаря браку с королевой шотландцев. Его католическое Величество не собирается допускать, чтобы эта рыжая еретичка всю жизнь сидела на английском троне; а когда ее там не будет, кто на него взойдет? Мария Стюарт, королева шотландцев. Ну, вы видите, какое славное будущее я вручаю Вашему Величеству?

— Да, мсье, — ослепленный открывшимися перспективами, сказал Антуан, — теперь вижу.

— И все, что от вас требуется, это отречься от Наварры, а вместо нее взять такой прекрасный остров, как Сардинию. Тогда вы сможете жениться на наследнице Шотландии и Англии. Ее дяди, между прочим, весьма расположены к тому, чтобы этот брак состоялся. Ну разве не счастливый вы человек? Одним махом ухватить сразу три короны — а все, что вам нужно сделать, это спасти свою душу и развестись с вашей так называемой супрутой.

Антуан молча размышлял. Мария, королева шотландцев? Эта маленькая красотка? Одного воспоминания о ней было достаточно, чтобы любой мужчина стал задумчивей, чем когда-либо.

Де Шантонней подошел ближе и прошептал:

— Есть и четвертая корона, которая тоже может быть вашей. Но только об этом нам пока не следует говорить. Маленький Карл, насколько мне кажется, не блещет здоровьем. А Генрих? А Эркюль?

Посол пожал плечами и многозначительно улыбнулся. Затем добавил еще тише, чем прежде:

— Я бы не сказал, что этим мальчикам предстоит долгая жизнь. Подумайте, сир, о том, что в результате может стать вашим. И не забывайте: если это произойдет, то только с помощью короля Испании.

Его губы приблизились к уху Антуана и чуть слышно прошептали:

— Самая желанная корона из всех — корона Франции, сир.

Королева-мать была встревожена. События развивались так быстро, что грозили выйти из-под контроля. Она учла многое, но не де Шантонней. Итак, он предложил обменять Наварру на Сардинию. А этот глупец Антуан слепо ему поверил; ему и в голову не пришло, что Сардиния могла не оказаться таким райским местом, каким расписывал ее испанский посол.

Если не принять мер, то Гизы вернут во Францию свою племянницу, и та выйдет замуж за Антуана — Луиза уже сообщала о том, что он лавирует и проявляет все больше терпимости к католической вере.

Она шагала взад и вперед по своим покоям. Существовала ли на свете женщина, у которой было бы так много врагов, осаждавших ее со всех сторон? К кому могла она повернуться? К Гизам? К Бурбонам? К испанскому послу и к тени того человека, который охотился за ее жизнью: к его мрачному хозяину испанскому королю Филиппу, ее собственному приемному сыну? К любым из этих людей она могла повернуться не больше, чем на одно мгновение, и не больше одного шага могла пройти по их пути. Она играла свою собственную, тайную игру; о ее замыслах никто не должен был догадываться. Ей нужно было действовать в одиночку и, когда наступит время, оставить трон Генриху. И она не сомневалась в том, что все остальные действуют против нее.

Это она, не рассчитав момента, предложила отдать за Антуана королеву Марию. Как она могла предвидеть, что ее предложение возымеет такую силу? Поневоле приходилось задуматься о том, не была ли она все еще новичком в этих политических играх. Слишком много было допущено ошибок.

Из этих ошибок она должна извлечь урок на будущее. Нужно во что бы то ни стало предотвратить брак Антуана и шотландской королевы Марии. О, каким опасным стал бы их союз! Гизы не успокоились бы до тех пор, пока на французском троне не оказалась бы Мария, а если бы Антуан принял католичество, то они и его пожелали бы видеть там.

Она поступала глупо. Слишком много благосклонности было оказано гугенотам. В результате католическая партия решила посадить на трон Антуана, а королевой сделать Марию Стюарт. Что тогда станет с ее детьми — ее маленьким Карлом и ее дорогим Генрихом? Эти дети могут умереть. Французы очень быстро научились пользоваться теми ядами, которые она и ее свита привезли с собой во Францию. Не казался ли сейчас Карл еще более болезненным, чем прежде? А Генрих? Для Екатерины было естественно считать всех людей такими же неразборчивыми в средствах, как она сама, а поскольку ее мысли часто обращались к яду, то ей казалось, что то же самое делали и другие.

Она не знала, в чью сторону повернуться. Однако Жан-

на Наваррская должна была явиться ко двору. Тут не могло быть никаких сомнений — если кто-то еще мог предотвратить развод Антуана с его супругой, то таким человеком, конечно, могла быть только его супруга.

Она написала Жанне. Как поживали ее дорогие детки? Не доставила ли Жанне удовольствие мысль о партии между юной тезкой королевы-матери и Генрихом, сыном самой Екатерины? «Какими бы крепкими были наши родственные узы! — писала она. — А кроме того, у нас есть партия между моей дочерью Маргаритой и вашим сыном Генрихом, на которой настаивал мой супруг. Все это нам нужно обсудить, а такие вопросы, как вы сами понимаете, трудно обсудить в переписке...»

Затем Екатерина написала еще одно письмо, где сказала, что Жанна должна прибыть на церковный собор в Пуасси.

«Моя дорогая кузина, вы знаете, что я ваш друг и что меня не может оставлять равнодушной та кровь, которая из-за различий вероисповедания проливается в нашей стране. Я подумала, что настало время обеим враждующим сторонам встретиться, поговорить и, избежав дальнейшего кровопролития, прийти к взаимопониманию; ибо какое взаимопонимание может быть достигнуто, если будет продолжать литься кровь?»

Написав это письмо, она вызвала герцогиню де Монпансье, чьи симпатии к гугенотам были ей хорошо известны.

— Ах, мадам де Монпансье, — сказала она, — я поддерживаю переписку с королевой Наваррской, и мне кажется, что вы тоже должны написать ей. Знаю, это очень горькая тема, но у меня созрело мнение, что королеву Наварры нужно поставить в известность о событиях, которые происходят при дворе. Я уверена, если бы она была здесь, то смогла бы уберечь своего супруга от его глупостей. Вы заметили? Живот мадемуазель де ла Лимудье растет с каждым днем. Я не могу допустить, чтобы мой двор был скомпрометирован. Король Наварры совсем потерял голову, продолжая встречаться с матерью своего будущего незаконнорожденного ребенка, и я думаю, что его супруге следует сообщить об этом. Есть и еще одна вещь. Я полагаю, ей нужно знать о том, что его пытаются склонить к обме-

ну ее королевства на какой-то ничтожный остров. Этот человек способен на любую глупость. Вы дружите с королевой. Напишите ей и расскажите обо всех этих малоприятных вещах.

— Хорошо, госпожа. Я напишу ей и расскажу об обмене, который предлагают ее супругу.

— И не забудьте упомянуть о том, что ублюдочные дети иногда очень портят фигуры придворных дам.

— Госпожа, я...

— Это приказ, — сказала Екатерина.

Монастырь Пуасси, в котором должен был состояться церковный собор, находился недалеко от Сен-Жермена; и именно сюда в течение тех нескольких летних недель прибывали видные представители католического и протестантского движения. Этот собор, как позже поняла Екатерина, с самого начала был обречен на неудачу.

Когда дело касалось религии, все эти люди становились фанатиками. Они не хотели уступать ни в чем. Они могли до бесконечности обсуждать одни и те же догматы. Неужели так важно, думала Екатерина, как принималось причастие? И тем не менее они спорили до хрипоты и не могли прийти к согласию во множестве таких предметов, как посвящение в духовный сан, крещение, рукоположение.

Екатерина оглядывалась вокруг, видела этих сильных мира сего и продолжала задаваться вопросами. Ради чего они воюют друг с другом? Ради чего отдают свои жизни, тупоголовые казуисты?

Все они были одинаковы: коварный кардинал Лотарингии и могущественный герцог де Гиз; Кальвин, милостиво избавивший их от своего присутствия; Теодор Беза; Мишель де л'Оритель, тот галантный канцлер гугенотов, чьи мудрыми советами она так часто пользовалась, Жанна Наваррская и Элеонора Конде; да все они, все до единого были фанатиками.

На что же она рассчитывала, когда готовила этот собор? Ни на что — абсолютно ни на что. Они бы все равно не нашли согласия. Да она и не желала им найти его; ей лишь хотелось, чтобы они думали, будто она надеялась на их согласие; что касается ее самой, то у нее не было никакой религии. Однако для нее было выгодно, чтобы другими

владел этот безумный фанатизм: он делал их уязвимыми, а ей это позволяло поворачиваться то в одну, то в другую сторону и поочередно использовать их в своих земных интересах.

Споры, разгоревшиеся на заседаниях собора, вызвали в стране новые вспышки насилия и жестокости. Гугеноты поверили в то, что королева-мать, при всей своей кажущейся нерешительности, все-таки была на их стороне. Екатерина, обеспокоенная мыслью о том, какая опасность могла грозить ей и ее семье, если бы Антуан принял католичество и вступил в союз с Гизами, снова начала проявлять благосклонность к гугенотам. Она желала заручиться их поддержкой, хотя и знала, что часть движения гугенотов намеревалась вообще уничтожить монархию, а на ее месте основать президентскую республику.

Как бы то ни было, в Париже, в Сен-Жермене и в Пуасси гугеноты набрали полную силу; казалось, здесь они были так же многочисленны, как и католики.

Вот почему Екатерина делала вид, будто не замечает, что их проповеди открыто читаются в покоях самого дворца; когда де Шантонней, вне себя от ярости, указал ей на этот факт, она удивленно подняла брови и сказала, что не слышала ни одной.

В это религиозное противостояние оказались втянутыми даже дети.

Ее любимого Генриха привлекала вера гугенотов. Она была нова, а новизна всегда отвечала его многообещающим интеллектуальным потребностям. Кроме того, Генрих чутко воспринимал настроения своей матери и обычно следовал им; она нежно улыбалась, когда он рассказывал о де Беза и его чудесных проповедях.

В детских комнатах случались ссоры — чаще всего между Генрихом и Марго. Генрих заставлял сестру стоять в углу, пока сам пересказывал ей проповеди, услышанные от Беза. Однако покорность не была свойственна характеру Марго. «Я католичка, — упрямо повторяла она. — Я принадлежу к истинной вере. Я и мой будущий супруг всегда будем поддерживать истинную веру».

— Ваш будущий супруг — гугенот, — возразил ей однажды Генрих.

Его замечание вызвало презрительную улыбку на ее лице; она уже твердо решила, что никогда не выйдет замуж за Генриха Наваррского и навсегда останется в католической вере.

— Мой будущий супруг — католик.

— Может быть, мадемуазель Марго, — поддразнил ее Генрих, — вы не знаете, кто будет вашим супругом?

— Почему же? Знаю. Мы уже с ним договорились.

— Как его зовут? Скажите — по-моему здесь что-то не так.

— Вы должны знать его имя. Оно такое же, как у вас.

— Генрих. Все правильно. Он рос в крестьянской лачуге и пил молоко крестьянки. Значит, он сам крестьянин.

Марго, резко вскинув голову, отбросила назад свои длинные черные волосы.

— Вы думаете, что я выйду за этого неряху?

— Думаю, выйдете, потому что это уже решено.

— У него нечистые руки. Он всегда растрепан. Я не выйду за крестьянина, братик.

— Этот крестьянин когда-нибудь станет королем Наварры, и поэтому вы выйдете за него замуж, сестренка.

— Я выйду за другого Генриха.

Генрих громко рассмеялся.

— За Генриха де Гиза? Я бы на вашем месте метил куда-нибудь повыше.

— Выше, чем Генрих де Гиз, нет никого. Он выше всех на земле. Его отец — самый великий человек во Франции.

— Измена! — воскликнул Генрих.

Марго засмеялась.

— Герцога все боятся.

— Генрих ваш любовник, Марго, и вас обоих следует высечь. Его нужно прогнать, а вас — выдать за этого крестьянина с грязными руками и не расчесанными волосами.

Марго презрительно улынулась.

— Я никогда не стану супругой Генриха Наваррского. Я ненавижу его. Он это знает и сам ненавидит меня. Жаль, что он не приехал со своей матерью на этот собор!

— Вам нужно стать гугеноткой, потому что вас выдадут за гугенота.

— Я никогда не выйду за гугенота, и поэтому мне не надо никем становиться.

Генрих выхватил у нее молитвенник и бросил в огонь.

— Удивительно, что после этого вы еще живы! — сверкнув глазами, выпалила Марго.

— Да? Удивительно, что вы еще живы после того, как упорно держитесь старой веры. Если вы не перемените ее, я сделаю так, чтобы вас высекли. Я попрошу нашу мать, чтобы она устроила вам порку.

— Она не посмеет высечь меня, а если и посмеет, то не по этой причине.

— Уж не думаете ли вы, что она не сделает того, что почитает нужным? — Марго промолчала, и Генрих продолжил: — Я сделаю так, чтобы вас убили, потому что, если вы заблуждаетесь в вере, то заслуживаете смерти.

— Ну и очень хорошо! — закричала Марго, — Сделайте так, чтобы меня убили! Сделайте так, чтобы меня высекли! Лучше я вынесу любые муки, чем прокляну свою душу!

И такие ссоры продолжались до бесконечности — в детских комнатах, в монастыре Пуасси и во всем истерзанном королевстве Франции.

Жанна, обманутая супруга и преданная королева, приехала в Париж вместе с двумя своими детьми, Генрихом и Екатериной.

Сначала, услышав эти ужасные рассказы об Антуане, она не поверила им. Она знала, что при всей своей слабости он любил ее. Их союз был долгим и счастливым. Как мог он писать все свои пылкие письма и уверять ее в своей верности, если бы в то же время состоял в любовной связи с этой мадемуазель де ла Лимудье — красоткой Руэ, как ее здесь называли? Нет, Жанна не верила сплетням. Она лишь недавно получила письмо, в котором он говорил, что все остальные женщины перестали привлекать его. Он не был способен на такую подлость.

Ее охватывал ужас при мысли о том, что он мог интриговать с Испанией. Это она посчитала бы еще худшим обманом, чем брачная неверность, потому что с женщиной он обманул бы только ее одну, а с Испанией предал бы не

только ее, но и детей, которые в таком случае лишились бы положенного им наследства.

Она хотела услышать правду и не знала, к кому обратиться за советом.

Королева-мать предложила ей апартаменты в Лувре — чтобы быть вблизи своей дорогой подруги и почаще видеть ее очаровательных крошек, которых она любит как своих собственных и на которых, сказала Екатерина, смотрит как на будущих жениха и невесту своих детей. Однако Жанна никогда не доверяла Екатерине и предпочла остановиться во дворце Конде.

Первые откровения ожидали ее здесь. Элеонора, приехавшая ко двору сразу после церковного собора в Пуасси, сама приняла свою сводную сестру.

Они обнялись, и, заглянув в глаза Элеоноры, Жанна поняла, что у той были свои неприятности. Со свойственной ей прямоотой Жанна немедленно приступила к теме, которая волновала ее больше других.

— Элеонора, скажите, правда ли это: я слышала ужасные рассказы. Говорят, у Антуана роман с одной придворной дамой.

— Ох, моя дорогая сестра! Увы, это правда.

У Жанны вспыхнули глаза.

— Ни за что не прощу ему измены. Ненавижу бабников! Разве не достаточно у него дел... работы... служения нашему общему делу?... И вот он обманывает меня. И компрометирует все наше дело. Ох, Элеонора...

Жанна закрыла лицо руками; она боялась расплакаться. Ей претило показывать слабость, но она была слишком несчастна.

Элеонора обняла ее за талию.

— Дорогая моя Жанна, я понимаю ваше состояние. Но лучше вам узнать всю правду от той, которая любит вас и страдает вместе с вами. Антуан, как вы теперь знаете, стал любовником придворной дамы. Жанна, дорогая моя, вам нужно подготовиться к одному большому удару. Несколько недель назад у Антуана родился сын.

Жанна отпрянула от Элеоноры.

— Ненавижу его! — закричала она. — Не знала я, что это зашло так далеко! Но он ответит за это. О Боже, могла ли я когда-нибудь подумать, что такое случится с нами!

Элеонора, мы были так счастливы... Я знала, что он любит веселье... развлечения... удовольствия... лесть... Но я не думала, что это когда-нибудь может случиться с нами. Ох, Элеонора, я разбита... я сломлена...

— Милая, я сочувствую вам, — попробовала утешить ее Элеонора. — Я тоже сейчас несчастна. Видите ли, Жанна, я переживаю ваше унижение — не только ваше, но и свое собственное.

Жанна устала в глаза своей сводной сестры.

— Вы хотите сказать, что Луи тоже?

— Луи тоже, — сказала принцесса Конде. — Его любовница — мадемуазель де Лимоль.

Жанна взяла руки Элеоноры и прижала к своей груди.

— А я настолько бесчувственна в своем горе, что не думаю о вашем, которое так же велико, как и мое! Ох, Элеонора, если бы я могла быть такой же спокойной, как вы!

— Моя дорогая Жанна, наши супруги — слабые мужчины, но мы любим их. Мы должны их простить.

— Я никогда не прощу Антуана.

— Когда вы успокоитесь, то поймете, что должны это сделать. Ваши дети — нужно думать о них. Нам придется посмотреть сквозь пальцы на эти неурядицы. У нас есть более важные вещи, и мы не можем тратить энергию на домашние ссоры.

— Но я думала, что вы и Луи счастливы. Мне всегда так казалось. А что касается меня и Антуана — ох, и вы еще можете так спокойно улыбаться! Вы можете простить их, я же никогда не прощу!

— Но вы должны. Это все подстроили наши враги. Они подсунули приманку, а наши супруги угодили в их ловушки. Мы должны бороться за них... и за нас.

— Вы можете простить. Я же — никогда. Я ненавижу Антуана. Не только за его неверность, но и за его ложь... за его лицемерие.

— Ох, Жанна, дорогая моя сестра, как я понимаю вас, но...

— Никаких но, — отрезала Жанна. — Мы с вами слишком разные, Элеонора. Вы святая, а я... я просто женщина.

Во дворце Конде Антуан впервые испытал на себе ярость своей супруги.

— Итак, мсье, у вас сын. Я вас поздравляю. А как очаровательна мать! Первая шарлотка двора, как я слышала. Какие у вас планы на вашего ублюдка? Трон Наварры или трон Сардинии? Сдается мне, вы еще не решили, как поступить с моим королевством.

Антуан попытался успокоить ее.

— Жанна, моя дорогая супруга, умоляю, выслушайте меня. Луиза де ла Лимудье? Это ничто. Проступок — да, признаю, — но это все. Вы моя супруга, моя дорогая супруга. Наша совместная жизнь, вот что важно! Вы жили слишком далеко от французского двора. Ваши небольшие дворы в По и в Нераке... видите ли, дорогая, это не французский королевский двор.

— Да уж конечно, ведь в них мы настолько старомодны и неприятельны, что уважаем наши супружеские обеты.

— Поймите, Жанна, для меня имеете значение только вы. Неужели вы этого не видите?

— Стало быть, делать детей женщинам, которые для вас не имеют значения, это ваша обычная манера?

— Это был проступок — простительный проступок. Это видно всем, кроме вас. Я был вдалеке от вас. А я мужчина.

— Вы — дурак! Самодовольный болван, которого с одинаковой легкостью могут одурачить и шарлотка, и испанский посол.

— Жанна...

— Сардиния! — закричала она. — Я полагаю, это тоже был проступок. Простительный проступок!

Она взглянула на него, и ей показалось, что перед ней стоит совсем незнакомый человек. Она видела перед собой мужчину сорока пяти лет — уже немолодого, — достаточно пожилого, чтобы иметь какое-то соображение и знать, когда и почему ему льстят другие. В его бороде уже появилась проседь, но волосы были аккуратно завиты; его наряд слыл самым изысканным во всем дворе. Рукава камзола были обшиты белоснежным атласом, а на шляпе с пышным пером сверкали россыпи драгоценных камней. Он был самовлюбленным, тщеславным дураком, изолгавшимся супругом; и она любила его.

Она подавила в себе желание броситься ему на шею, напомнить о счастье, испытанном ими двоими, о радостях той простой жизни, которую они вели в Нераке и в По. О Господи! — подумала она. Тогда мы были счастливы. Я бы могла осчастливить его навсегда, если бы держала его возле себя, если бы его не сделали генерал-лейтенантом французского двора и если бы он не представлял никакой ценности для этих бессовестных охотников за властью. Но как мог этот красивый и безвольный человек, который больше думал о покрое своего камзола и о фасоне своей шляпы, чем о высокой политике, — как мог он сопротивляться лести, которой его услаждали до тех пор, пока могли использовать?

Ее тянуло к нему так же, как вначале. Она вспомнила его юношей, каким он был на крещении бедного короля Франциска. Она вспомнила его на серебряном испанском галеоне, на свадьбе короля Франциска. Тогда он любил ее. А теперь... теперь он предал ее, предал как супругу и как королеву, предал ее дом и ее королевство.

Нет, ей нельзя поддаваться слабости. Она отстранила его.

— Не подходите ко мне, — сказала она. — Вы презренное ничтожество. Слабое и пустое. Посмотрите на эту шляпу! На вашем месте я бы стыдилась носить ее. Стало быть, это и есть новая мода, не так ли? И стало быть, чтобы вот так прихорашиваться и вышагивать по двору, как расфуфыренный петух, вы готовы изменить вашей супруге и обменять то, что вам не принадлежит, на какой-то ничтожный остров? Позвольте напомнить вам, мсье, считающий себя королем, что своей короной вы обязаны мне!

Это было последним из оскорблений, которые мог вытерпеть Антуан. Он не выносил критики. Она глумилась над его элегантностью, над его положением. Он был способен иметь дело с обозленной супругой, но не с самоуправной королевой.

Он сказал:

— Я вижу, с вами бесполезно пытаться говорить в спокойном тоне. Вы добиваетесь ссоры, а я отказываюсь ссориться с вами.

Он элегантно поклонился и вышел. От Конде он направился напрямик к Луизе и рассказал ей о случившемся.

Она постаралась успокоить его, утешить лестью и нежностью; лаская ее, он думал о Жанне, и ему казалось, что испанский посол был прав, когда говорил о Жанне как о единственном препятствии на его пути к величию. Его корона досталась ему от нее! Ну хорошо, она увидит, что думает испанский король о ее праве на эту корону.

Он обнял Луизу, восхищенный ее молодостью и красотой. По сравнению с ней Жанна не могла претендовать на многое. Луиза — красotka Руэ — самая прелестная женщина Франции, обожала его и охотно родила ему внебрачного ребенка. А Жанна не была способна ни на что, кроме насмешек над ним, и все только потому, что он последовал моде, которая была совершенно естественной для любого знатного мужчины Франции — он завел любовницу.

Жанна осталась во дворце Конде; Антуан не выезжал из своих апартаментов в Лувре. Теперь он стал католиком и хорошим приятелем де Шантонней. Они всегда были вместе, и Гизы заметно потеплели к своему бывшему врагу. При дворе все знали, что Антуан собрался разводиться со своей супругой, ибо как мог добрый католик оставаться женатым на еретичке? Именно таковой ее объявили Испания и Рим, которые заочно обрекли ее на костер; однако их решение пока держалось в секрете — королеву Наварры еще предстояло схватить и предать инквизиции, а во Франции у нее было немало влиятельных друзей, которые помогли бы ей избежать ареста.

Поведение Антуана вызывало гнев у гугенотов, и даже католики презирали человека, предавшего свою религию по причинам, о которых они были достаточно хорошо осведомлены. В народе его прозвали *Менялой*. Конде, как было известно, изменил супруге; французы это понимали, и только наиболее строгие протестанты винили его за это, однако Конде никогда не предавал своей веры и, как недавно объявил, не собирался отречься от нее. Он не переставал встречаться с прелестной Изабель де Лимоль, но та, несмотря на все старания, не могла склонить его к перемене вероисповедания. Как и прочие гугеноты, Конде питал отвращение к брату.

Что касается Екатерины, то она не знала, в какую сторону повернуться. Отступничество Антуана встревожило

ее, но она верила, что Конде останется по-прежнему непоколебим, а значит, и будет представлять ту могущественную силу, которая держала Гизов на привязи.

Жанна появилась слишком поздно; испанская интрига слишком глубоко вовлекла Антуана, чтобы тот мог вернуться к супруге. Антуана ослепили блестящие перспективы, которые предложил ему де Шантонней. И все-таки Антуан не был бесчувственным эгоистом и даже сейчас продолжал любить супругу; кроме того, он был известен своим непостоянством. Можно ли было как-нибудь примирить его с Жанной? Мысль о новых встречах с Марией Стюарт доставляла невыносимые страдания Екатерине.

Екатерина пригласила Жанну к себе; она написала, что желала бы обсудить с ней серьезные вопросы.

Они встретились — две королевы, каждая из которых ни в чем не доверяла другой. Жанна, бледная и спокойная, сумела не выдать всех своих бед. Когда бы ни виделась она с Антуаном, изредка навещавшим дворец Конде, всегда случались ссоры. Ссоры начинал Антуан. Он обвинял ее в ереси и, хуже всего, грозил отобрать у нее детей. Она знала о том, что находилась в опасности, и о том, что близости зрел заговор; ее друзья советовали ей как можно скорее покинуть Париж, где у нее не было шансов защитить свои владения. Она не могла последовать их советам — не могла бросить все и вернуться в Наварру, оставив эту неопределенность между собой и своим супругом.

Она боялась, что если бы стала готовиться к отъезду, то Антуан потребовал бы отдать ему детей. Она редко видела его — он почти все время проводил с любовницей и со своими приятелями. Когда же он появлялся у Конде, то казалось, что ему там не нужно было ничего, кроме ссоры с супругой; тогда он самодовольно улыбался, и она думала, что он вспоминал какие-нибудь моменты предыдущей ночи, проведенной со своей любовницей. Это положение было невыносимо для гордой женщины и королевы, которой — она никогда не упускала случая напомнить ему — он был обязан своим королевством.

Лицо Екатерины изображало понимание и симпатию. Испытав немалые унижения от своего покойного супруга и его любовницы, она могла догадаться о чувствах, терзавших Жанну. Но как спокойна была *она*! Она научилась

улыбаться и ничем не выдавать своих мук. Натура Жанны была слишком открытой для того, чтобы очень успешно утаивать все ее переживания.

Казалось, эта глупая королева Наварры полагала, будто в ее искренности заключалась какая-то добродетель; на взгляд французской королевы-матери, ее искренность выглядела как самая откровенная глупость.

Екатерина знала, что Жанне грозит смертельная опасность. За Жанной следил не только Шантонней, но и папский легат, который прибыл в Париж, чтобы шпионить за ней и чтобы продумать план ее захвата на тот случай, если она будет по-прежнему упорствовать в своей ереси. Этот план нуждался в очень тщательной проработке и очень осмотрительном осуществлении. В Париже у Жанны было слишком много друзей, и, чтобы выполнить задание Папы, приходилось размышлять над такой вещью, как похищение. Как в Риме, так и в Испании понимали, что досаждавшая им женщина была лидером могущественного общественного движения; один неверный шаг с их стороны мог вызвать новое кровопролитие и даже войну.

Екатерина знала, что камергер и личный лекарь Антуана были шпионами папского легата и что они внимательно следили за каждым шагом и прислушивались к каждому небрежно брошенному слову короля Наварры. Вот почему Антуан, не чувствовавший должного уважения со стороны своей супруги, представлял собой смертельную угрозу для Жанны. Если бы Жанна не приняла мер, то вскоре земля загорелась бы у нее под ногами; жар инквизиторских факелов она почувствовала бы раньше, чем они коснулись бы ее.

Екатерина была равнодушна к возможным страданиям Жанны; однако она хотела спасти ее от Испании и Рима — она не сомневалась в том, что примирение между Жанной и Антуаном укрепило бы силы, противостоявшие Гизам и испанскому королю Филиппу.

— Дорогая сестра, — вкрадчиво сказала Екатерина, — поверьте, мне очень больно слышать о ваших несчастьях. Я помню, как прежде вы с королем Наварры любили друг друга и какой прекрасный пример подавали всем молодым парам. Мне горько видеть вас в новом положении. Неужели нет ни одной надежды на ваше примирение?

— Думаю — нет, госпожа.

— Разумеется, я понимаю, что вы должны воспрепятствовать этому смехотворному обмену территориями. Это вам под силу, ведь в таком деле ничего не может быть решено без вашего согласия. Но не кажется ли вам, что вы могли бы попытаться угодить вашему супругу? Сделайте вид, будто вы склоняетесь в его сторону. Держитесь спокойно и сохраняйте полное хладнокровие. Дождитесь того времени, когда вы сможете подчинить его своей воле.

— Мы расходимся в вопросах религии и политики, госпожа.

— Известно ли вам, что в Париже находится папский легат? А с какой целью он прибыл, знаете? Известно ли вам, что де Шантонней следит за каждым вашим словом и передает его моему зятю, королю Испании? Проявите мудрость. Обратитесь в католическую веру. Вы отнимите у них причину сделать то, что они задумали. Это единственный способ сохранить королевство, чтобы его мог унаследовать ваш сын.

— Госпожа! — высокомерно воскликнула Жанна. — Если бы я сейчас держала в своих руках сына и все королевства мира, то скорее бросила бы их на дно моря, чем подвергла бы опасности спасение моей души.

Екатерина пожала плечами. Ну что ж. Пусть себе ступает к инквизиторам. Пусть спасает свою бессмертную душу в пламени мученической смерти. Она не первая. И чем их так прельстила эта бессмертная душа? Вечная власть? Так они думают. У Екатерины были более земные интересы. В ком же оказалось больше эгоизма, в одной или в другой? Ради спасения своей бессмертной души Жанна была готова лишиться наследства своего собственного сына. Ради своей *собственной* бессмертной души. Вот в чем была их слабость — их общая слабость. Они заботились о себе не меньше, чем она о себе, но там, где она сметала все препятствия на пути к своей земной власти, они желали во что бы то ни стало спасти свои души.

Глупцы... все они были глупцами! А Жанна была еще и досадной помехой, потому что она явно не хотела ничем помогать Екатерине.

— Ну что ж, — мягко сказала она, — мне остается только пожелать, чтобы вы поскорей выбрались из этой мало-

приятной ситуации и вновь обрели свое счастье. Едва ли стоит повторять, моя дорогая кузина, что вы близки мне и что я по-прежнему вижу в своей маленькой Марго будущую супругу вашего Генриха, а в своем Генрихе — будущего супруга вашей Екатерины. Думаю, их браки по-настоящему сблизят нас.

Когда Жанна ушла, Екатерина села за стол и написала королю Испании. Она выразила горячее желание устроить две партии — одну для своего сына Генриха, а другую для своей дочери Маргариты. Ей нужно было смотреть в будущее, а в настоящее время слишком невелики были надежды на то, что молодой Генрих Наваррский когда-либо унаследует королевство Наварры. Екатерина хотела, чтобы сын Филиппа Дон Карлос женился на Марго, а Хуана, старшая сестра Филиппа и овдовевшая королева Португалии, вышла за Генриха.

Королева-мать пыталась убедить своего приемного сына в том, что она всегда была и остается доброй католичкой и что интересы Испании ни в чем не расходятся с интересами Франции.

«Желаю, чтобы Господь поскорее прибрал королеву Наварры, — писала она, — и чтобы ее супруг мог немедленно вступить в новый брак».

При дворе не переставали говорить о короле и королеве Наварры. Между ними участились открытые ссоры, и Жанна уже не скрывала своих чувств. Король пытался заставить королеву пойти на католическую мессу. Он был то холоден, то заносчив, то безразличен, то груб.

Луиза де ла Лимудье, зная, что после развода король Наварры снова вступит в брак, и видевшая себя его будущей супругой, подталкивала его к новым ссорам.

Она считала себя ничуть не менее важной особой, чем Жанна Наваррская. Она и сама могла в один прекрасный день стать королевой Наварры — или Сардинии. Такую награду обещала ей королева-мать — за рождение внебрачного сына короля.

В присутствии королевы Наварры она держалась высокомерно и даже дерзко.

— Ах, мадам, — осмелилась сказать она однажды, воспользовавшись тем, что вокруг было достаточное количество зрителей, — почему бы вам не следовать придворным

модам? В таком платье, как это, вы выглядели бы не такой угловатой. И ваши цвета тоже совсем не идут вам, они придают вам такой блеклый вид, что вы скорее кажетесь бедной прачкой, чем королевой.

Жанна молча повернулась и пошла прочь, она не желала унижать свое достоинство пререканиями с подобной женщиной. Однако Луиза догнала ее. Остальные внимательно следили за ними обеими.

— Поверьте, мадам, я знаю, как требователен к женщинам тот король, который сейчас является вашим супругом. Он часто говорит, что только я обладаю всеми необходимыми ему достоинствами.

— Меня не интересует то, насколько мой супруг требователен к женщинам, — сказала Жанна. — Видите ли, мадемуазель, меня не интересует мой супруг, и уж тем более не интересуете вы.

— Ах, мадам! Но ведь Антуан такой превосходный любовник! Полагаю, вы не ведаете всех его преимуществ.

— Эти преимущества вам мерещатся только потому, что ради него вы еще больше запятнали свою и без того грязную репутацию. У меня есть дела поважнее, чем те, о которых вы говорите.

— Мадам, король подарил мне сына.

— Разве? По-моему, он подарил вам ублюдка. Уверяю вас, ублюдки во Франции такое же распространенное явление, как и шарлотки, которые их рожают, — так что если их стало одним больше или меньше, это все равно не имеет никакого значения.

Жанне удалось отвязаться от назойливой спутницы; однако дальше она шла, едва сдерживая ярость.

Во дворце Конде ее поджидал Антуан.

Он холодно сказал:

— Я желаю, чтобы вы пошли со мной на мессу.

— Мсье, мне нет никакого дела до ваших желаний, — ответила Жанна.

Она встревожилась, поскольку увидела маленького Генриха, который сидел у окна; мальчик отложил книгу и наблюдал за сценой, разворачивавшейся между его родителями.

Антуан словно не замечал его присутствия. Он схватил Жанну за запястье.

— Вы пойдете со мной на мессу. Вы забыли, что я ваш хозяин.

Она высвободилась и засмеялась ему в лицо.

— Вы... мой хозяин! Подобные разговоры оставьте для мадемуазель де ла Лимудье. Прошу вас помнить, кто я такая.

— Вы моя супруга.

— Очень мило, что вы вспомнили об этом. Но я имела в виду другое — помнить, что разговариваете с королевой Наварры.

— Ну, хватит с меня ваших глупостей! Вы пойдете со мной на мессу... и немедленно!

— Я не пойду с вами на мессу. Я никогда не буду присутствовать ни на каких мессах и ни на каких папских церемониях.

Маленький Генрих медленно слез с кресла, приблизился к ним и вызывающе произнес:

— Прошу вас, сир, оставьте мою мать в покое.

Антуан повернулся к сыну, и что-то в достоинстве, с которым держался этот мальчик, заставило его почувствовать себя слабым и презренным ничтожеством.

— Как вы смеете! — вне себя от ярости, закричал он.

— Я смею, — сказал Генрих, который сейчас напомнил Жанне своего деда, Генриха Наваррского, — потому что никому не позволю так грубо обращаться с моей матерью.

Антуан схватил мальчика и отшвырнул его к противоположной стене комнаты. Генрих удержался на ногах только потому, что уцепился за драпировку. Он с достоинством выпрямился. Затем закричал:

— Меня вы тоже не заставите пойти на мессу! Антуан подошел к нему и взял за ухо.

— Вы, мсье, пойдете тула, куда вам будет велено.

— Только туда, куда повелит моя мать, — вспыхнул Генрих.

— Нет, сир. Туда, куда повелит идти ваш отец.

— Я не пойду на мессу, — повторил Генрих. — Мы с мамой — гугеноты.

Антуан размахнулся и дал мальчику увесистую пощечину. Жанна гордо смотрела на сына, который стоял, широко расставив ноги и не отворачивая лица от отца. «Истинный беарнец!» — сказал бы его дед.

Антуан ни в какой мере не был сторонником насилия, и ему не нравилась эта сцена, даже если ее вызвал его сын; вот почему он пожелал как можно быстрее завершить столь неприятный инцидент. Он любил своего мальчика, он гордился им — при всем том, что Генрих в его глазах был просто маленьким неопытным созданием без единого намека на элегантность; его сын был смышлен, и уж, конечно, никто не усомнился бы в его храбрости.

Антуан позвал слугу, а когда тот появился, крикнул:

— Пришли сюда наставника моего сына!

Когда пришел наставник, он велел строго наказать Генриха за его дерзкое непослушание.

Генрих покинул комнату, напевая: «Я не пойду на мессу. Я не пойду на мессу». Его черные глаза пылали гордостью за себя и любовью к своей матери.

За мальчиком и наставником затворилась дверь.

— Прелестная сцена, — сказала Жанна. — Вы, мсье, сыграли в ней именно ту роль, какую я ожидала от вас. Мой сын пристыдил вас, и вы, судя по вашим элегантным манерам, оценили и почувствовали это. Ах, какая жалость, что мадемуазель де ла Лимудье не могла присутствовать здесь! Я сомневаюсь, что у ее ублюдка будет отвага этого мальчика.

— Молчать! — приказал Антуан.

— Я буду говорить, когда того пожелаю.

— Дура!

— Ничтожный подлец.

— Если вы немедленно не станете католичкой, я разведусь с вами.

— Как вы намереваетесь это сделать, мсье?

— С одобрения Римского Папы. Он не желает, чтобы я оставался связанным с еретичкой.

— Развестись и лишиться моей короны? Такой вариант не устроит вас, мсье.

— Если я разведусь с вами, корона будет моей.

— Каким образом? Ее оставил мне мой отец.

— Часть Наварры перешла к Испании, а мне может достаться вся Наварра. В Испании не любят еретиков, даже если те ненадолго оказываются королевами. Король Филипп желает видеть мою супругу моим единоверцем,

— Как мадемуазель де ла Лимудье? — спросила она, хо-

тя и задрожала при мысли о том, что ее отважный, мужественный мальчик мог вырасти и узнать, что из-за подлости его отца он лишился своего королевства.

— Не будьте дурой, — сказал Антуан.

— Это у вас нет ни капли ума. Неужели вы не видите, что против вас строят такой же заговор, как и против меня? Да ведь задумано не только мое, но и ваше уничтожение. Сардиния! Бесплодный, никчемный остров. И вас заставили поверить, будто это земной рай.

Ее голос задрожал, и она замолчала.

— Антуан, — через некоторое время добавила она, — я думаю о наших детях. Что с ними станет? Наш развод разобьет всю мою жизнь, но он также разрушит и будущее наших детей.

А затем с ней произошло то, чему он впервые за все время стал свидетелем: она упала на колени и заплакала; а заплавав, уже не могла остановиться. Ее слезы тронули его. Он вспомнил все, чем прежде она была для него. Бедная Жанна! Ему показалось невероятным, что это могло случиться с ними. Все это происходило так постепенно, что он не заметил, как оно подобралось к ним. Он подумал об их былом счастье, о тех днях, когда она приезжала к нему в военный лагерь, о том, как возвращался к ней после тех войн. Он колебался, как колебался всегда. Даже сейчас он не знал, отказаться ли ему от Жанны или красотки Руэ; не знал, продолжать ли свое отступничество или вернуться к вере реформации. Его, как всегда, одолевали сомнения. Он никогда не мог решить, какая дорога была для него верной.

— Жанна, — сказал он, — прошу вас, подчинитесь мне и помиритесь с Испанией и Римом. Сам я еще не решил, какая религия истинная. Все, что я сейчас хочу, это разобраться в себе — а пока у меня нет определенного решения, я буду следовать вере своих предков.

Она горько рассмеялась.

— Ну что ж, — вытря слезы, сказала она, — если ваши сомнения разделились поровну, то я позволю вам выбрать ту религию, которая будет способствовать вашему избавлению от ненужных предрассудков.

Она вновь насмехалась над ним! Антуан поджал губы и отвернулся. Так было всегда. Она никогда не стремилась

упрощать ему жизнь; она не хотела, чтобы он останавливался на полпути.

И он еще раз вспомнил, что она стояла на его пути к величию.

Екатерине было страшно. Она чувствовала, что ее первый шаг на поприще зарубежной политики мог стоить ей жизни. Привыкшая действовать в темноте, она теперь была у всех на виду. Ее окружали могущественные враги: Рим и Испания. Гизы снова были настроены против нее; католики подозревали ее в союзе с гугенотами, а гугеноты не доверяли ей. Она попыталась следовать учению Макиавелли, но у нее ничего не получилось. Так долго дремавшая в своих кольцах, она расправилась, выползла на свет, и, увидев то, что текло по ее зубам, все вокруг приготовились наброситься на нее и разmozжить ее холодную, нечеловеческую голову.

Король Наварры присоединился к католическому триумвирату, который был создан для борьбы с движением гугенотов; он ходил по Парижу во главе католической процессии и посещал публичные мессы в соборе Святой Жевевьевы. Это значило, что он открыто присягнул религии католиков.

Екатерина знала, что Жанне грозила серьезная опасность. Но кому она сейчас не грозила? Вся страна была объята религиозными бунтами. Гугеноты оскверняли католические церкви, разбивали статуи, поджигали алтари, убивали католиков. Католики отвечали еще большими жестокостями; они захватывали прихожан врасплох, когда те стояли на коленях и молились, — захватывали и вырезали всех до единого или, закрыв входы и выходы церкви, сжигали живьем. Церковный Собор в Пуасси, который должен был положить начало терпимости и примирению, казалось, только ухудшил положение дел. Взаимная ненависть протестантов и католиков перерастала во всеобщее безумие. В Париже — надежном оплоте католиков — гугенотов преследовали на каждом шагу, однако в некоторых городах, таких как Ля-Рошель, протестанты были в большинстве, и там устраивались гонения на противников реформации.

Через трубу, проложенную под шпалерами в зале тай-

ного совета Лувра и выходившую в покои Екатерины, королева-мать слышала, как начиналось одно из собраний триумvirата. Франциск де Гиз отчетливо произнес:

— Мы больше не можем терпеть вмешательство королев-матери в государственные дела. Я предлагаю избавиться от нее.

Застыв от ужаса, Екатерина заставила себя вслушаться. Она подумала о людях, составляющих триумvirат: сейчас он не соответствовал своему названию, поскольку Антуан вошел в него четвертым человеком. Кроме него, там были братья Гизы — герцог и кардинал — и Марешаль де Сент-Андре.

— Лишить ее регентства! — услышала она крик Антуана.

Сент-Андре сказал:

— Если мы все хотим избавиться от нее, то почему бы не утопить ее в Сене? Сделать это нетрудно, а нам все равно ничего не будет грозить — я сомневаюсь, что во Франции найдется хоть один человек, который пожелает расследовать исчезновение этой дамы.

Больше Екатерина не слушала. Она не поняла, что предложение бросить ее в Сену было произнесено в шутку. Если бы ей случилось оказаться на месте этих людей, она бы воспользовалась первой попавшейся возможностью уничтожить своего врага; она решила, что они были готовы сделать то же самое.

Не теряя времени, она пошла в покои короля и сказала, что они должны немедленно выехать в Фонтенбло; через несколько минут ее пожелание было выполнено, и их экипаж уже мчался темными улицами ночного Парижа.

А между тем четверо католиков оставили разговоры о королеве-матери и обратились к более важной теме, какой было для них поведение Жанны Наваррской.

— У нас есть только один выход, — сказал Франциск де Гиз. — Ее нужно арестовать как государственного преступника, и это нужно сделать как можно скорее.

Услышав эти слова, Антуан побледнел. Жанна — государственная преступница, заточенная в одной из этих ужасных темниц! Гордая Жанна! А что потом? Провожаемая в Испанию, в руки инквизиции. пытки... кошмарные пытки испанской инквизиции. Он мог представить, как

Жанна будет держаться перед инквизиторами. Она ни за что не сдастся. Она выдержит дыбу, пытку водой и все низости, на которые они способны. Они будут рвать ее тело раскаленными щипцами и заливать расплавленный свинец в раны, но она все равно не уступит.

Кардинал Лотарингии положил руку на плечо Антуана.

— Бывает так, — мягко сказал он, — что ради истинной веры приходится прибегать к методам, которые не вызывают у нас симпатии.

Антуан склонил голову. Он пытался отогнать от себя картину истязаний Жанны. Он пытался увидеть себя торжественно принятым на Небо. Там для него будет уготовано почетное место, ведь он ступил на путь истинной веры; о да, все простится, раз заблудшая овечка вернулась к своему пастырю.

— Итак, мы все согласны в том, что нужно выдать ордер на арест Жанны Наваррской, — произнес герцог де Гиз.

Антуан ничего не сказал, и его молчание было воспринято как знак согласия.

— По обвинению в ереси, — добавил кардинал. Затем он обнял Антуана и проговорил уже другим тоном: — Мсье, этот поступок достоин вас. Да подарит вам Господь долгу и счастливую жизнь.

— Да будет так, — сказал герцог.

Собрание было закрыто.

Покидая зал тайного совета, Антуан изо всех сил пытался убедить себя в том, что он не чувствует себя Иудой.

У Жанны было немало друзей при дворе, и она узнала о готовящемся ордере на ее арест. Смертельно раненная новым свидетельством измены человека, которого она любила, — ей было известно, что такой ордер будет отдан триумвиратом, членом которого состоял Антуан, — Жанна была рада тому, что появилась необходимость в немедленных действиях, способных положить конец ее тягостным размышлениям.

«Уезжайте как можно быстрее, — предупредили ее. — Нельзя терять ни одного часа. Вы не будете в безопасности до тех пор, пока не окажетесь в ваших собственных владениях. А если вас схватят, то — уже не говоря о всех ужа-

сах, которые тогда будут ждать вас, — какой удар будет нанесен движению гугенотов!»

Она понимала правоту этих предостережений; взяв с собой свою четырехлетнюю дочь, она выехала вместе со всеми слугами.

После того случая, когда маленький Генрих защитил ее от своего отца, мальчика забрали у матери и поселили в апартаментах его отца в Сен-Жермене; она не могла уехать без Генриха и поэтому сначала направилась в Сен-Жермен, чтобы встретиться с сыном и, если будет возможно, взять его с собой.

В пути ее не переставали преследовать горькие мысли. Не довольствуясь отлучением сына от матери, Антуан нашел в себе достаточно черствости, чтобы поручить его заботам иезуита Винсента Лауро. Ее враги были исполнены решимости отнять у нее не только супруга, но и сына.

Друзья зывали к ее благоразумию и отговаривали от заезда в Сен-Жермен — глупо было бы думать, что ей позволят забрать мальчика; он находился под надежной охраной, и она всего лишь подвергла бы опасности свою жизнь. Жанна не слушала. Она должна была повидать Генриха. Она должна была — даже если не могла взять его с собой — сказать ему хотя бы несколько слов, напомнить о долге перед ней и перед его верой.

Ее не смогли удержать ни его новые наставники, ни слуги, исполнявшие обязанности стражников. Миновав все препятствия, она прошла к нему. Маленький мальчик подбежал к матери и доверчиво обнял ее.

— Ох, мама, вы приехали, чтобы увезти меня в Беарн?

Антуан, которого тотчас предупредили о ее приезде, бесцеремонно ворвался в апартаменты; бросив холодный взгляд на супругу, он встал у двери и скрестил руки на груди; затем его глаза строго посмотрели на сына.

— Вы должны остаться со мной, — отвечая на вопрос мальчика, сказал Антуан. — Я ваш отец, и я буду заниматься вашим воспитанием.

— Но я хочу поехать с моей мамой! — воскликнул этот отважный мальчик.

— Постарайтесь вести себя разумно, — сказал Антуан. — Я не очень желаю, чтобы вас ждали более серьезные наказания, чем те, которые вы уже испытываете на себе.

— Мама, я должен остаться?

Она кивнула. Она знала, что дворец был полон стражниками, и не могла рисковать своим сыном. У него хватило бы отваги, чтобы попытаться вступить с ними в схватку, — он выполнил бы волю своей матери.

— Боюсь, что да, — сказала она и прижала сына к груди. — Генрих, мой дорогой сын.

— О, мама... дорогая мама.

Она шепнула ему:

— Никогда не забывайте моих наставлений, мальчик мой. Храните верность мне и вашей религии.

В ответ он прошептал:

— Хорошо, мама. Клянусь, я буду хранить верность вам и моей религии.

— Скоро все будет хорошо, мы снова будем вместе.

— Да, мама.

— Но сейчас нам нужно ненадолго расстаться.

Он кивнул.

— Дорогой сын, никогда не ходите на мессу. Чем бы вам ни грозили — никогда не соглашайтесь. Если вы согласитесь, то больше не сможете быть моим сыном.

— Я знаю, — сказал он.

— Так вы будете честным и сильным? Да, мой дорогой мальчик?

— Да, мама, я буду честным и сильным. Я гугенот. Что бы со мной ни делали, я никогда не забуду об этом. А когда-нибудь наступит день, и мы снова будем вместе.

Ее сердце разрывалось от тоски и печали. Снова и снова они целовали друг друга. Наблюдая за ними, Антуан тоже не мог оставаться равнодушным к их разлуке. У него не было желания причинять боль кому-либо из них двоих. Однако он не забывал и о своем отношении к ним обоим. Во всем случившемся была виновата Жанна. Почему она не могла стать доброй католичкой и уладить все их неприятности?

Он вызвал наставника своего сына, и Генриха, который уже вовсю плакал, увели из комнаты.

Затем Антуан обратился к Жанне:

— Прошу вас, больше не теряйте времени. Вас могут арестовать с минуты на минуту. Бегите, умоляю вас. В Бернах безопасней всего добраться через Вандом. Там вы смо-

жете немного передохнуть в моем замке.., но не оставайтесь в нем слишком долго. У вас есть только одна надежда на спасение.

Жанна в изумлении уставилась на него.

— Но ведь вы на их стороне. Разве вам не следует задержать меня?.. Арестовать... заточить в темницу?

— Уходите! — закричал Антуан. — Уходите, прежде чем вынудите меня исполнить мой долг! У вас слишком острый язык! Уходите, пока я не потерял терпение.

Она сказала:

— Бедный Антуан! Вот в чем ваш огромный недостаток. Вы никогда не сможете решить, на чьей вы стороне стоите.

Она в последний раз взглянула на него — такого элегантного, такого блистательного в своем изысканном наряде. Как горько ей было осознавать, что она все еще любила его... даже сейчас, когда он так ее предал!

Из Сен-Жермена она поспешила обратно в Париж; под окнами гостиницы, где она остановилась, чтобы провести ночь и завершить все приготовления к отъезду, до утра стояла толпа гугенотов, и те, кто был прислан для ее ареста, не смели ничего предпринять, — в результате на следующий день ей удалось покинуть столицу.

Однако враги не собирались отпускать ее на свободу. Колебания Антуана не ускользнули от внимания Гизов, и они предложили ему отдать распоряжение об аресте Жанны, когда та прибудет в Вандом; им не составило труда вытянуть из Антуана сведения о том, куда заедет его супруга по пути на юг.

Поездка была долгой и утомительной. Наконец Жанна прибыла в Вандом, где остановилась в огромном замке, выстроенном предками ее супруга.

Немалым утешением Жанны стала ее дочурка Екатерина. Этой девочке было всего четыре годика, но несмотря на свой возраст она оказалась способной понять состояние матери и старалась утешить ее. Жанна чувствовала, что если бы с ней был ее юный Генрих, то многое было бы не так тревожно. Как она могла продолжать любить своего супруга, который предал ее? То, что случилось, было не просто минутной неверностью с красоткой Руэ, не просто

любовной связью. Ту измену она, как ей казалось, еще могла бы простить. Но то, что он вместе с другими желал разрушить ее будущее, отнять королевство и детей, а может быть, и предать мученической смерти, — этого она уже никогда не забыла бы ему.

И вот, когда она вместе с дочерью отдыхала, лежа в постели, один из слуг попросил разрешения сказать несколько слов. Он был допущен в ее присутствие — отважный гасконец и верный гутенот, всегда готовый своей шпагой защищать ее перед любым числом врагов.

Вид его казался чрезвычайно встревоженным; он обратился к ней без обычных формальностей:

— Госпожа, простите мое вторжение, но нам грозит смертельная опасность. Мы попали в ловушку. Король Наварры отдал горожанам приказ не выпускать нас из города и держать здесь пленниками до тех пор, пока не подрастет войско и не вернет нас в Париж.

Жанна закрыла глаза. Вот оно, последнее предательство. Человек, которого она любила, устроил ей западню, и она слепо ступила в нее — поверив в то, что во время их прошлой встречи в нем еще оставалось что-то от бывших чувств к ней, что он и в самом деле хотел помочь ей бежать от его друзей.

Однако верно было и то, что тогда ему не хватило мужества задержать ее; он опять колебался — а как только она скрылась с его глаз, хладнокровно привел в действие план ее уничтожения.

— Какие будут приказы, госпожа?

Она покачала головой.

— Мы ничего не можем поделать — только ждать.

— На улицах полно гвардейцев, госпожа. Но все равно можно попробовать пробиться с боем.

— Мы не готовы сражаться с гвардией. Через десять минут от моей свиты ничего не останется.

— Но, госпожа, неужели нас возьмут без боя?

— Они возьмут только меня, — сказала она. — Остальные им не нужны, и они, конечно же, вас всех отпустят. Если будет возможность, отвезите мою дочь обратно в Беарн.

— Мама, я хочу быть с вами, — сказала маленькая Ека-

терина. — Если вас отдадут инквизиции, то пусть отдадут и меня.

Жанна обняла дочь. Милая Екатерина! Что она знала о камерах пыток, об этих ужасах, ожидавших любого из тех, кого католическая инквизиция считала еретиками? Что она знала о дыбах и аутодафе, об агонии и смерти, о криках истязаемых мужчин и женщин, о запахе горящей плоти?

— Любовь моя, этого я не допущу, — сказала Жанна. Затем повернулась к гасконцу и добавила: — Будь на страже. Не забудь моих инструкций и помни... о моей дочери.

В знак покорности ее воле он поклонился, но его глаза вспыхнули. Он желал сразиться за свою королеву.

Все долгие часы той ночи Жанна пролежала без сна, с минуты на минуту ожидая услышать топот бесчисленных конских копыт и криков вооруженных людей, пришедших взять штурмом замок и захватить ее в плен. Она не сомневалась в том, что это будут люди ее супруга: Гизы и де Шантонней наверняка желали, чтобы не кто иной, как Антуан со своими гвардейцами повел бы ее по первой части пути, ведущего к инквизиторскому костру.

Ее дочь спала рядом с ней. Жанна нежно поцеловала ее. Та была еще слишком маленькой, чтобы ее можно было оставлять одну: ей было всего четыре годика. Да, прошло всего четыре года с тех пор, как они с Антуаном так безмятежно радовались рождению их ребенка.

Ближе к утру она стала различать какие-то странные звуки, слышавшиеся в городе. Она встала и подошла к окну; в небе виднелись красноватые блики, но это были не первые лучи рассвета, а зарево пожара. Она почувствовала запах дыма; она насторожилась — и вскоре до ее слуха донеслись людские крики.

Она спешно начала одеваться и еще не совсем собралась, когда в дверях появился ее гасконец.

— Госпожа! — прокричал он. — В городе идут разбои. В него ворвалась банда грабителей. Об этом нам сообщил один ваш доброжелатель. Горожане заняты защитой своих домов и жизней. Самое время незаметно выскользнуть из замка... пока до нас никому нет дела. Но нельзя терять ни минуты...

Жанна воспрянула духом. Вся былая энергия мгновенно вернулась к ней.

— Господь услышал наши молитвы! — воскликнула она. — Мы отблагодарим его за наше спасение... но только позже. Сейчас не время думать о благодарении. Сначала нужно убедиться в том, что Небо действительно позаботилось о нас. До рассвета мы должны выскользнуть из Вандома...

Она повернулась к дочери.

— Екатерина, дорогая, вставай. Нам пора.

— На суд инквизиции? — сонно спросила Екатерина.

— Нет, любовь моя. На свободу.

По пути из Вандома на юг спутники Жанны говорили, что случившееся на их глазах было не чем иным, как чудом. Чтобы их королева могла вырваться на свободу, Господь послал в Вандом банду разбойников. Жанна спокойно улыбалась. Она догадывалась, кому была обязана своим спасением. Вероятно, о ее опасном положении кто-то предупредил Конде, потому что все эти разбойники были гугенотами и они явно выполняли приказ: «Захватите Вандом. Удерживайте его и чините разбой до тех пор, пока королева Наварры не окажется слишком далеко для погони за ней».

Браво, Конде! Он был таким же непостоянным человеком, как и его брат, но он хранил верность делу, которое считал правым. Она должна была благодарить Бога за данного ей сводного брата — и лить горькие слезы за то, что у нее был такой супруг.

Они мчались все дальше и дальше на юг. К концу каждого дня они и их кони падали от изнеможения; ночью они спали глубоким от усталости сном, а утром вставали и снова скакали к границе, за которой очутились бы в безопасности.

Когда до Наварры было уже недалеко, они узнали, что им наперерез движется католическое войско. Отчаяние прибавило им сил, и они успели пересечь границу королевства, опередив врагов всего на два или три часа; однако теперь Жанна была окружена своими верными подданными, выступившими на защиту их госпожи.

Бегство было позади, Жанна одержала победу. Однако, вспоминая обо всем, что осталось у нее за спиной, — су-

пруг, о котором она тщетно пыталась не думать, сын, которого она обожала, — вспоминая обо всем этом и о многом другом, она не могла не чувствовать горечи своего триумфа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Екатерина была переполнена яростью и страхом. В Фонтенбло прибыли Франциск де Гиз, король Наварры и Марешаль де Сент-Андре, которые обязали ее вернуться в Париж, откуда ей предстояло переехать в Мелун; и хотя они обращались с ней так, как требовало ее положение, ими было дано понять, что ей не позволят следовать в Мелун без сопровождения.

Екатерина предстала перед ними во всем своем лицемерии. Ученица Макиавелли внезапно лишилась своей обычной маски. Письма, которые она посылала принцу Конде, были перехвачены и прочтены последними из людей, которым следовало бы их видеть, — поскольку в этих письмах она жаловалась на невыносимые притеснения со стороны триумvirата и умоляла Конде спасти ее. Она обещала ему поддержку, и, заручившись ее словами, Конде вверг страну в пучину гражданской войны — войны, как не переставал напоминать ей герцог де Гиз, развязанной благодаря ее двуличию.

Он заявил, что она была неверна католикам. С одной стороны, она сговорилась с ними и способствовала тому, что Антуан де Бурбон отступил от реформации; с другой — вступила в заговор с Конде и воодушевила гугенотов настолько, что те решились начать войну.

В свою очередь гугеноты говорили о том, что она обманывала их, что она поступала как хитрая и коварная женщина; что, успокаивая их ласковыми словами, она в то же время действовала против них, объединившись с Римским Папой и испанским королем.

Тщетно пыталась Екатерина оправдать себя в глазах герцога и кардинала, Антуана и испанского посла. Письма к Конде были вовсе не тем, чем казались им, уверяла она их; эти письма были написаны в условном коде. О, разумеется, она допускала, что они могли выглядеть как обещание помощи, но на самом деле означали нечто совсем

другое. Пустившись в свои объяснения, она приняла застенчивый и смущенный вид. Да, призналась она, у нее были кое-какие нежные чувства к этому галантному принцу Конде.

Холодные глаза герцога смотрели на нее с убийственной ненавистью; тонкие губы кардинала презрительно кривились; испанский посол без обиняков сказал ей все, что он о ней думал, — и его слова немало встревожили ее, поскольку это свидетельствовало о том, что он больше не считал ее хоть сколько-нибудь важной персоной.

Немедленно поползли сплетни о ее связи с Конде. Заговорили, что она безумно влюблена в него и желает сделать его королем Франции, отняв трон у своих детей.

Екатерина удивлялась самой себе. До сих пор она вела себя безрассудно по отношению к этому человеку, и это было непохоже на нее. Однако теперь она увидела, что подвергла себя и своих детей огромной опасности — она, не желавшая ничего, кроме того, чтобы видеть, как погибнет Конде заодно с Антуаном, Гизами и всеми остальными. Какой слабовольной дурочкой она была, когда на первое место поставила свое влечение к этому галантному принцу! Разве какие-нибудь любовные переживания могут сравниться с теми, которые дает борьба за власть?

Она со страхом смотрела в будущее. Человеком, которого она боялась больше, чем всех других, был герцог де Гиз. Он не мог оставаться в живых. Когда на троне сидел Франциск, он был самым значительным человеком во Франции — и сейчас быстро отвоевывал утраченные позиции. Но как нелегко оказалось осуществить любую мысль о его убийстве! Он должен был умереть — но не от яда. Если бы герцог оказался отравленным, люди тотчас указали бы на нее; они снова заговорили бы об этой итальянке и о содержимом ее туалетного столика в Блуа. Тем не менее герцог должен был умереть. Он был ее злейшим врагом, и теперь он понял, что имеет дело не со слабой женщиной, а с коварной интриганкой, каждый шаг которой опасен и непредсказуем.

Между тем гражданская война разгоралась, и перевес был на стороне Конде. Под его контролем оказались Орлеан, Блуа, Тур, Лион, Руан и множество других важных

городов. Встревожившись, католики обратились за помощью к королю Испании.

Но у него ли могли найти защиту Екатерина и ее дети? Ей не доверяли ни католики, ни гугеноты. Всюду ее ненавидели, как ненавидели после смерти дофина Франциска. Она пыталась убедить себя, что все дело было в ее невезучести. Она не осознавала того, что хитрости у нее было гораздо больше, чем ума, и что она неверно судила о людях, потому что судила о них по себе.

По всей стране гугеноты устанавливали свою власть. Они маршировали по улицам городов и распевали свою любимую песенку, в которой высмеивался их бывший предводитель Антуан де Бурбон:

«Воробышек решил, что вырос из кафтана...»

Они презирали Антуана за его отступничество; они не доверяли королеве-матери. Но, высмеивая одного, они ненавидели другую.

Антуан лежал совсем близко от Руана, но не мог сдвинуться с места. Он был тяжело ранен. Вот уже несколько недель Руан удерживали гугеноты, успешно отражавшие атаки католиков, которыми командовал Антуан. Даже сейчас, лежа в своем лагере, он слышал, как они распевали за стенами города:

«Воробышек решил, что вырос из кафтана...»

Они презирали его; даже сейчас, зная, что он со своей могучей армией находился перед их стенами, они высмеивали его. Он, Антуан де Бурбон, для них был просто маленьким *Менялой*, юрким воробышком, всегда готовым подсутиться ради нового пестрого наряда.

Антуан ощущал упадок духовных и физических сил. Его раны болели невыносимо; резкая боль то и дело пронизывала его. По обе стороны постели стояли лекари, и он сам удивился внезапно проснувшемуся в нем чувству юмора, когда отметил тот характерный для *Менялы* факт, что один из них был гугенотом, а другой — иезуитом.

Неужели смерть? — мелькнула у него мысль, и вслед за ней перед ним стали возникать различные картины его прошлого. Временами он впадал в полубред. Иногда ему

казалось, что его обдувает теплый ветерок Беарна, что рядом с ним стоит Жанна и что она, как в первые дни их брака, говорит ему о каких-то домашних хлопотах.

Здесь, в лагере, с ним и вправду была одна женщина — женщина, которая сначала последовала за ним, а теперь преданно ухаживала. Сейчас она стояла у него в изголовье и подносила вино к его губам. Он ощущал запах ее духов; знал, какое мягкое, податливое тело обтягивало ее парчовое платье, — знал, что это была *красотка Руэ*. Он взял ее руку и поцеловал. Все-таки она по-настоящему любила его; еще бы, он был королем, а она родила от него ребенка. Почему Жанна вот так же не приехала к нему, когда его ранили? Это был ее долг — приехать к нему.

Его прошиб холодный пот — от злости к Жанне; на глаза навернулись слезы, — потому что он оказался неспособным дорасти до тех высоких идеалов, которые она поставила перед ним.

Последний раз он видел свою супругу в Сен-Жермене, когда она приехала посмотреть на их мальчика. Тогда он, Антуан, уже почти решился выйти из триумвирата, отказаться от всего, что обещал ему испанский король. Да, неуверенно убеждал он себя, ему не нужно было ничего, кроме жизни с Жанной. Но затем он поменял решение — как и полагалось *Меняле*; он отдал приказ о том, чтобы ее задержали в Вандоме.

Она оказала ему неповиновение, напомнил он себе. Она укрылась в Беарне и стала оттуда поддерживать реформацию. Она послала подмогу отрядам Конде. Ах, его брат! Что-то его брат сейчас думает о нем? Дорогой, дорогой Луи — они любили друг друга. Но религия, как это нередко случается, разорвала братские узы, и вот они уже были непримиримыми врагами.

Над Жанной свершилось не самое лучшее из возмездий, когда маленький Генрих слег и долго лежал при смерти — это случилось там, в Сен-Жермене. Мальчик очень тяжело заболел оспой, и, получив об этом известие, Жанна чуть не сошла с ума от тревоги за сына. Она умоляла Антуана и королеву-мать, чтобы они отпустили Генриха к ней. Антуан был согласен, но королева-мать отказала. Она сказала: «Этот мальчик — единственное, чем мы можем удержать его мать». Правда, Екатерина разрешила отвезти

Генриха под присмотр герцогини Феррары, однако ничего большего Жанна от нее так и не добила. Между тем, если бы он проявил настойчивость, то, пожалуй, сумел бы найти общий язык с королевой-матерью: он мог бы устроить так, чтобы мальчика выслали к матери. У него даже несколько раз появлялись намерения, но когда королева-мать желала поступить по-своему, лучше было не становиться на ее пути.

От слез защипало в глазах. Он был подавлен и угнетен: он страдал от душевной боли. Лекари сказали ему, что его раны были не смертельны. Ему предстояло увидеть падение Руана.

— Луиза! — позвал он; она тут же подошла к нему. — Пусть будет веселье, музыка, танцы — а то я сойду с ума.

Перемена в его настроении обрадовала ее. Она позвала самых веселых мужчин и женщин, сопровождавших его войско, — его знакомых придворных. Сама Луиза легла рядом с ним на постель и обняла его. В тот вечер в его палатке были музыка, танцы и рассказы о последних дворцовых скандалах. Он чувствовал себя отвратительно, но все эти развлечения создавали обманчивое впечатление, будто он был так же жизнерадостен, как и люди, окружавшие его.

Лекари пробовали его урезонить:

— Монсеньер, вам нужен покой. Нельзя тревожить раны, монсеньер.

— Покой! — воскликнул он. — Я не желаю покоя! Покой располагает к раздумьям, а я не хочу ни о чем думать. Я хочу слышать шутки и смех. Мне хочется смотреть, как танцуют мои друзья. Я желаю слушать их песни. Пусть они поют, а вы молчите, если не хотите, чтобы я велел вырвать вам языки. Дайте мне жить так, как мне нравится.

Развлечения продолжались допоздна. Затем он оставил у себя красотку Руэ.

— Разве я не имею права на это? — кричал он. — Моя супруга не пожелала приехать ко мне. Любой мужчина имеет право жить и любить.

— Только не сейчас, монсеньер, — умоляли его доктора. — Ваше состояние не позволяет вам этого.

— Убирайтесь к дьяволу! — кричал Антуан. — Я сам знаю, как мне проводить время.

На следующий день его войско захватило Руан. Он пожелал, чтобы его внесли в город на носилках и чтобы на носилках рядом с ним лежала Луиза. Он хотел доставить себе удовольствие; ему хотелось попросить гугенотов, чтобы они спели про их воробушка сейчас!

Его уложили на носилки, однако он не увидел город изнутри, потому что впал в глубокий обморок, еще не успев достичь стен Руана.

Придя в себя, он обнаружил, что снова в лагере.

Над ним склонился Лауро.

— Монсеньер, Вашему Величеству нужно приготовить-ся к встрече с Богом.

— Значит, все кончено? — проговорил Антуан; и задрожал, вспомнив о всех своих слабовольных поступках. Он пожелал, чтобы в палатке остались только лекари, прелат и любовница.

Когда его воля была выполнена, он с трудом обвел взглядом лица стоявших перед ним людей.

— Я... я... — не сразу смог заговорить он. — Я... я по veroисповеданию католик, но теперь, когда конец мой близок...

Ему показалось, что он увидел перед собой внимательные глаза Жанны и что сейчас Жанна улыбалась. Я не виноват, Жанна, подумал он. Я любил вас. С самого начала любил. О, если бы мы были простыми незаметными людьми... если бы мы могли спокойно жить — там, в Беарне... вместе возделывать землю, сажать шелковицу и смотреть, как она растет, — мы были бы счастливы. Я был бы простым и легкомысленным супругом; вы — моей строгой и рассудительной женой. Вы держали бы меня возле себя. Но вы были королевой и сделали меня королем. Мое новое положение стало слишком искустительным для меня. Во мне проснулась жажда власти. Я сам не знал, чего хотел. Сначала я верил в одно, а через миг — в другое.

Наконец он произнес:

— Теперь, когда мой конец близок, мое сердце возвращается в протестантскую веру.

— Что вы делаете? Образумьтесь! — набросились на него. — Подумайте о ваших грехах, монсеньер. Образумьтесь, и тогда вы сможете войти в Царство Небесное.

Он взглянул на говорившего человека и узнал его.

— Ах, Рафаэль, — медленно проговорил он. — Ты служил мне больше двадцати лет и только в первый раз предупредил меня о моих ужасных ошибках.

Затем он принялся вспоминать о своих грехах, перечислять их и просить Бога о прощении за них.

— О Господи, — молился он, — если я все-таки поправлюсь, то пошлю лютеранских проповедников во все соборы и церкви Франции.

Кто-то прошептал:

— Слишком поздно говорить об этом.

О, да. Он понял. Да, слишком поздно.

— Жанна, — простонал он, — почему вы не приехали? Сейчас вы должны были быть со мной.

Умер он не сразу. Сначала к нему приехал его брат, кардинал Бурбон, и Антуан умолял его попросить прощения у другого его брата — Луи, принца Конде, — которого он так крепко любил, пока религия не встала между ними.

— Я умру гугенотом! — восклицал Антуан, думая о Луи и Жанне. — Мне не важно, будут ли меня считать искренним человеком или нет. Я хочу умереть в согласии с проповедью Лютера.

Было решено, что его нужно перевезти в более комфортабельные условия, и в один из дождливых ноябрьских дней его погрузили на лодку и повезли вниз по Сене, в сторону Сен-Мура. Такое решение было не самым мудрым, потому что волны, раскачивавшие лодку, причиняли ему невыносимые страдания, и, когда его вынесли на берег, он уже знал, что наступили последние мгновения его жизни.

В дорогу Гизы дали ему монаха, который усердно молился за него, и Антуан был слишком слаб, чтобы сопротивляться присутствию этого человека; когда молитвы закончились, он пошевелил губами: «Амен».

Гизам это дало основание сказать, что он умер католиком, — а если перед смертью объявлял себя гугенотом, то ведь ничего другого и нельзя было ожидать от *Менялы*.

Эта новость застала Жанну в Беарне. Она уставилась в какую-то несуществующую точку пространства и не могла перевести взгляд. Для меня он уже был ничем, пробовала

она убедить себя. Я порвала с ним раз и навсегда. Я ненавидела его... уже тогда, во время нашей последней встречи, если не раньше. Когда он не разрешил мне забрать с собой сына, я знала, что уже никогда не смогу питать к нему никаких нежных чувств.

И все-таки не о том Антуане вспоминала она сейчас — не о ветреном человеке, не о неверном супруге и не о жестоком, бессердечном отце; нет, она вспоминала об Антуане — веселом очаровательном принце, которого она встретила на крестинах короля Франциска; об Антуане — любовнике, который привез свою любовь в серебряном галее и торжественно вручил ей. Любовник и супруг — таким она должна была запомнить его.

И при этой мысли слезы покатались по щекам вдовы короля Наварры.

Екатерина поселилась в своем излюбленном замке Блуа. Ее жизнь стала немного более спокойной, чем несколько месяцев тому назад. Города, захваченные гугенотами, медленно, но верно отвоевывались; сама она уже не была пленницей Гизов; это раньше она была их пленницей, что прекрасно осознавала и что они старательно пытались скрыть от нее.

В последнее время ей удалось усыпить их подозрительность — настолько, чтобы почувствовать себя в достаточной безопасности, — и в таком состоянии предстояло держать их впредь. Действовать отныне нужно было с величайшими предосторожностями. Она получила важный урок и как всю жизнь училась на горьких, но полезных уроках, так не собиралась забывать и этого.

Ее радовало, что Франциск де Гиз был целиком поглощен делами военной кампании. Пожалуй, ей везло больше, чем ему. Сейчас он руководил осадой Орлеана. Кто знает, что там могло случиться с ним! О да, Франциск умел воевать, это верно, однако Екатерина превосходила всех в умении быть врагом.

От герцога де Гиза мысли Екатерины вернулись к ее сыну, королю Карлу.

Карл постепенно выросл. То есть ему исполнилось только тринадцать лет, но тринадцать лет считались значительным возрастом для королей Валуа. Скоро его должны

были женить. Екатерина мрачно усмехнулась. Этот мальчик все еще думал, что ему достанется шотландская королева Мария. Однако его воспоминания о ней, вероятно, уже несколько потускнели. Он сильно изменился в последнее время. Трудно было ожидать, что он не изменится. Он не мог оставаться таким, каким был прежде. Он должен был расти и взрослеть. Теперь он стал странным мальчиком. В нем проступали черты — о, гораздо более чем просто черты — безумия; с годами они становились все более отчетливыми, как и учащались его истерики.

Впрочем, он был умен. Временами бывал даже красноречив, хотя и слишком сентиментален. Она видела, как все эмоции отражались на его лице, когда он слушал проповедь или читал те стихи, что казались ему особенно прекрасными; она видела, как дергался его рот — вовсе не от очередного приступа безумия — и как слезы текли из его глаз. Он и сам писал стихи и был достаточно скромн, чтобы объявлять их никчемными и пустыми. Одним из его постоянных компаньонов стал Ронсар. Он также завязывал дружбу со своими музыкантами — из самого простого люда, вроде того паренька, что служил герцогу Баварскому и имел чудесный дар игры на лютне; тот пользовался немалой благосклонностью короля Франции. При этом он не любил лишаться своих удовольствий; у него мрачнел взгляд, а брови хмурились, когда кто-нибудь, пусть даже мать, отвлекал его от слушания музыки или чтения стихов. С музыкантами и писателями он порой засиживался допоздна, и в такие времена бывал очень счастлив. Тогда в нем не оставалось ничего похожего на безумие — только какая-то наивная зачарованность. Изредка заглядывая к нему и его друзьям, Екатерина заставляла их сидевшими тесным кружком, разговаривавшими тихими, сосредоточенными голосами и не расходившимися до тех пор, пока не догорали свечи; обычно он оборачивался в сторону вошедшей, но не видел ее, даже если та оказывалась его матерью, присутствие которой во всех прочих ситуациях оказывалось глубоко осознанным.

В таких случаях его наставники ничего не могли поделать с ним.

Но затем это настроение проходило и он погружался в крайнюю меланхолию. Порой он весь день оставался в

постели, что было верным признаком приближающегося безумия. Чаще всего в полночь его охватывало какое-то нездоровое возбуждение; он поднимал на ноги своих друзей — не того круга, к которому принадлежали поэты, — и велел им следовать за собой; он заставлял их надевать маски и нести в руках зажженные факелы. В такие времена его было тревожно видеть — с глазами, сверкающими из-под маски, с искаженным ртом, одержимого безумием и жадной насилья. Он и его друзья выбирались из дворца и шли в апартаменты одного из своих знакомых, которого избивали до потери сознания. Такое времяпрепровождение было не самым подходящим для тринадцатилетнего короля Франции.

Если ночь проходила без истязаний, то наутро он устраивал охоту, а там пускался в такие бешеные скачки, что никто не мог угнаться за ним; он колотил коней и собак с той же энергией, какую расходовал на своих знакомых. Более безобидной формой сумасшествия было изображение кузнеца, бьющего молотом по наковальне, чьи действия он имитировал до тех пор, пока не падал от изнеможения.

Потом он возвращался в нормальное состояние: снова был ласковым и отзывчивым; казалось, у него не осталось ни малейших воспоминаний о его жутких выходках.

Как следовало бы поступить с таким сыном? Екатерине не требовалось задумываться над этим вопросом. Она знала ответ. У нее не было желания оставлять Карла на троне дольше того срока, который понадобился бы для достаточного возмужания Генриха. Вот почему она могла с полным благодушием смотреть на эти приступы безумия. Вскоре периоды спокойствия должны были стать более краткими; позже им суждено было и вовсе исчезнуть. В кого тогда превратится король Франции Карл Девятый? В маньяка! Но маньякам не место у власти; им даже не положено рожать детей. Стало быть, что ни делается, все к лучшему, покуда у французского трона есть еще один наследник.

Несмотря на все усилия своих наставников, Карл едва ли выказывал признаки половой извращенности. Он не был влюбчив, и у него не было склонностей к сладострастию. Он не походил ни на Марго — эту распутницу, тре-

бовавшую пристального надзора, — ни на юного Генриха де Гиза, ни на этого маленького грубияна Генриха Наваррского. Те трое не страдали от недостатка вожделений. Нет! Он не был таким, как они; не походил он и на своего брата Генриха. Его страсть к Марии Стюарт свидетельствовала о том, что в подобных вопросах он был удручающе нормален; казалось, даже его опытные растлители не могли достичь с ним желаемого результата.

Ну, да ничего! Карл становился все более и более неуравновешенным, и каждый приступ безумия ослаблял не только его рассудок, но и тело.

Ее мысли о Карле были прерваны появлением посыльного. Она видела, как тот проскакал во двор замка, потому что стук копыт немедленно бросил ее к окну.

Какое-то известие. Вероятно, герцог взял Орлеан. Да, скорее всего — потому что мантия курьера была раскрашена цветами Гизов. Ну что ж, по этому поводу ей придется изобразить великое удовольствие — католикам следует считать ее своей единоверкой. Она должна вновь завоевать у них уважение и авторитет.

Она спустилась, чтобы приветствовать посыльного, но у того было слишком серьезное, даже мрачное лицо; он привез не известие о победе, это было ясно.

— Что нового? — спросила Екатерина.

— Ужасное событие, госпожа, — сказал посыльный. — Мой хозяин, господин герцог, сражен пулей. Он лежит при смерти, госпожа.

Марго была вместе с матерью. Она никогда не отличалась большим самообладанием, а сейчас подбежала к посыльному и схватила его за рукав.

— Он не умрет? Он не должен умереть. Генрих не вынесет его смерти. Мадам, госпожа... мы должны послать лекарей... мы должны.

— Успокойтесь, — приказала Екатерина; и от страха перед матерью Марго тотчас забыла о тревоге за отца мальчика, который ей нравился.

— Расскажите все по порядку, — обратилась Екатерина к посыльному.

— Госпожа, перед отъездом к супруге мой господин герцог решил обойти посты. К тому времени битва была уже закончена, и поэтому он снял доспехи. А затем вне-

землю. Мы отвезли его в замок, госпожа, но он все еще не пришел в чувство... он истекает кровью, госпожа.

— Мы должны послать лекарей, — закричала Марго. — Немедленно, этого нельзя откладывать!

— Убийцу поймали? — спросила Екатерина.

— Да, госпожа.

— Кто это?

— Польтро де Меррей.

— Сейчас нужно успеть спасти герцога! — закричала Марго. — Вот что важно...

— Я немедленно пошлю к нему лекарей, — сказала Екатерина. — Возвращайтесь и скажите герцогине, что помощь уже в пути. Чтобы спасти герцога, я направлю к нему своих лучших хирургов.

Марго повисла на руке матери.

— О, мадам! Благодарю вас... благодарю вас. Мы *должны спасти герцога*.

Екатерина сжала локоть дочери с такой силой, что та чуть не взвыла от боли. Однако Марго знала, что лучше было стиснуть зубы, но не издать ни звука. Она позволила увести себя со двора.

Екатерина отвела ее в свои покои и заперла в передней. Марго бросилась на пол и зарыдала. Отец Генриха был ранен, может быть, даже умирал. Она боялась своей матери, потому что знала, как строго будет наказана за те чувства, выражение которых — это она тоже знала — показалось ее матери неэтичным, если не вульгарным. Однако в этот момент она не могла думать ни о ком, кроме Генриха, которого она любила больше всех на земле, и ни о чем, кроме ужасного горя, которое обрушится на нее, если умрет герцог.

В это время Екатерина уже говорила со своим хирургом — говорила спокойно, едва разжимая губы. Он понимал, что именно ей нужно будет от него, когда он будет оперировать герцога. Он должен был поехать к нему и служить ему так, как, без сомнения, служила бы сама госпожа, если бы обладала знаниями хирурга и могла бы поехать вместо него.

Он поклонился и вышел, а через несколько минут уже во весь опор скакал в Орлеан.

Екатерина пошла к дочери и собственноручно высекла ее.

— Десять лет! — сказала она. — А ведет себя как плохо воспитанная крестьянка.

Марго не смела увиливать от ударов, как это делала с остальными. Она покорно принимала их, и ее тело извивалось от боли, но сознание было занято не ими, а молитвой, которую она беззвучно повторяла: «Пресвятая Дева, пусть отец Генриха не умрет. Не допусти, чтобы у Генриха случилось такое большое горе. Герцог не просто отец Генриха — он еще и самый главный человек во Франции. Пресвятая Дева, спаси его».

Екатерина не молилась ни Богу, ни Богородице. Однако она тоже думала о герцоге; она думала о его красивом, рассеченном шрамом лице и об искажающих его муках, о предсмертной агонии в его глазах — глазах человека, которого она считала своим самым главным врагом.

Марго ехала верхом рядом с мальчиком, который теперь был главой дома Лотарингии. По щекам Марго текли слезы.

Он был так красив, этот Генрих де Гиз, с его белокурыми вьющимися волосами, создавшими такой контраст с его мужественным лицом и хорошо сложенной фигурой! В нем уже был виден мужчина, в которого ему предстояло вырасти. Марго хотела утешить его, показать ему, что его горе было и ее горем и что так будет всегда.

— Не молчите, Генрих, — сказала она. — Говорите, дорогой мой. Говорите, вам будет легче.

— Почему это могло случиться с ним? — спросил Генрих. — Только потому, что была измена, скажу я вам. Я не успокоюсь до тех пор, пока не увижу его убийцу лежащим мертвым у моих ног.

— Генрих, его убийца принял ужасную смерть. Его пытали. Приятно думать, что человек, убивший герцога, лежит мертвым и больше никому не причинит вреда.

— Мой отец еще не отомщен так, как хотелось бы мне, — озлобленно воскликнул Генрих. — Эта жалкая безродная личность была орудием в руках других людей. Нет, я не считаю, что мой отец уже отомщен. Вы знаете, что он сказал под пытками? Вы знаете, кого он обвинил?

— Колиньи, — вспыхнув глазами, проговорила Марго. — Колиньи... этот благочестивый и набожный... этот святой человек. Это имя назвал Польтро де Меррей.

— Этот негодяй и подлец, вот кто убийца моего отца. Де Меррей сказал, что Колиньи заплатил ему за убийство. Вот как поступает этот святоша.

Марго возразила:

— Но Колиньи сказал моей матери, что он дал денег на покупку коня и что он не имеет ничего общего с убийством герцога.

Генрих прищипорил своего жеребца и поскакал вперед, чтобы Марго не видела слез в его глазах. Он знал, что никогда не забудет, как внесли его отца — его великого отца, его благородного и бесстрашного отца, которого он боготворил и любил так, как уже никогда и никого не будет любить. Генрих не мог вынести воспоминания о том, как этот еще недавно сильный и честолюбивый человек беспомощно лежал на носилках, истекал кровью и хрипло повторял какие-то бессмысленные, бессвязные слова. Вновь и вновь Генрих клялся: «Я не успокоюсь до тех пор, пока не увижу его убийцу лежащим мертвым у моих ног. Ради этого я буду жить. Этого я добьюсь и, пока не добьюсь, буду презирать себя». Эти слова были его святой клятвой. А кто был его врагом? О, он знал. Он догадывался. Им был не кто иной, как Гаспар де Колиньи, этот добродетельный человек, который говорил, что дал Польтро де Меррею денег на покупку коня, а не на убийство герцога Франциска де Гиза.

Его дядя, кардинал Лотарингии, имел серьезный разговор с ним: «Генрих, племянник мой, помните о том, что это значит для вас... и для всего нашего дома. Теперь вы — его глава. Вы вспыльчивы, вы молоды и горячи. Гаспар де Колиньи — заклятый враг нашего дома. Он вождь еретиков. Генрих, мой дорогой племянник, мы должны защищать нашу веру; мы должны защищать наш дом. Возможно, когда-нибудь — кто знает? — один из принцев Лотарингии взойдет на французский трон. Возможно, им будете вы, мой племянник, — кто сейчас это может сказать? Ваш отец был великим человеком; он был силен и отважен; он был самым великим человеком во Франции. А сказать вам почему? Потому что он обладал редким благо-

разумием и редким хладнокровием. Он знал, когда нужно действовать и — что более важно — когда не нужно действовать. Вы должны пойти по его стопам. Во всех поступках вы должны подражать вашему отцу. И тогда, племянник, — кто знает? Валуа? Бурбоны? — Кардинал засмеялся. — Дорогой племянник, я бы удивился, если бы ваше мнение об этих принцах хоть сколько-нибудь отличалось от моего».

«Вы правы, мой дядя, — сказал юный Генрих. — Но у меня есть только одно желание, и это желание — отомстить за моего отца».

«Лучше всего вы отомстите ему, если будете делать то, что он захочет от вас. Не сомневайтесь, когда придет время, мы не пощадим убийцу вашего отца. Это время еще не настало, но я клянусь вам, еще при вашей жизни вы увидите бесчувственное тело адмирала де Колиньи лежащим перед вами. Вот этой вашей ногой вы пнете его и пойдете дальше своей дорогой».

Генрих закрыл лицо руками, забыв о возмездии, забыв о том разговоре с дядей и помня только то, что человек, которого он любил больше всех на свете — больше, чем даже Марго, — навсегда ушел из его жизни.

Его догнала Марго.

— Генрих! — воскликнула она. — Не обращайтесь внимания на то, что я увижу ваши слезы. Взгляните! Я тоже плачу. Ваше горе — это и мое горе, потому что я люблю вас, Генрих. Когда мы поженимся, моя душа будет принадлежать вам так же, как она принадлежит вам сейчас.

Он дотянулся до ее руки и крепко сжал ее; дальше они поскакали, не разнимая рук.

— Я ненавижу Колиньи, — сказал он, потому что не мог говорить ни на одну другую тему.

— Я тоже его ненавижу, — сказала Марго.

— Он признался, что слышал о заговоре против моего отца. Он признался в том, что слышал о нем, но ничего не предпринял. Это ли не похоже на него? Он такой добродетельный... такой честный... он не имеет права лгать.

— Лицемер и еретик! — воскликнула Марго.

— Он сказал: «Все, что я говорю в свое оправдание, не означает, что я сожалею о смерти мсье де Гиза. Фортуна не могла совершить большего блага для королевства и

Церкви Господней, чем нанести удар по дому Гизов; и я первым говорю, что этот удар стал самым большим благом для меня и моего дома».

— За эти слова он умрет, — сказала Марго.

— Умрет! Пусть даже мне придется ждать целые годы, но, клянусь, я своей собственной рукой воткну шпагу в его сердце.

Когда они проезжали по парижским улицам, их многие узнавали. Вот какая-то старая торговка крикнула:

— Да здравствует молодой герцог де Гиз!

Другие подхватили ее крик:

— Де Гиз! Де Гиз!

Их лошадей окружили, и Марго, гордо улыбнувшись, огляделась. Она увидела десятки пар глаз, восхищенно смотревших на стройную фигурку этого мальчика; его красота нравилась парижанам. Может быть, сейчас они думали о своем короле и его приступах безумия; может быть, думали о его брате Генрихе, который однажды мог стать королем; Генрих был недурен собой, это правда, но лучше бы у него не было этих лукавых, хитрых, как у Медичи, глаз и итальянской манеры говорить — лучше бы у него не было его женственности, его пристрастия к серьгам, ожерельям и чересчур модным нарядам. Может быть, они думали о маленьком принце Эркюле и его испещренном оспинами лице. Они были детьми итальянки, и парижане их недолюбливали. Сердца французов лежали не к сыновьям чужеземки, а к этому энергичному, уже сейчас по-мужски красивому мальчику; кроме того, он был окружен ореолом мученичества: его отец — их кумир — недавно стал жертвой подлого убийства. Они были рады увидеть его в компании с принцессой правящего дома. Вот почему они со слезами на глазах приветствовали молодого герцога де Гиза и юную принцессу Маргариту.

Во многом походивший на отца, Генрих знал, как вести себя в такой ситуации.

Он немного приподнял свою шляпу с пером и сказал:

— Славный народ Парижа, дорогие парижане! Вы всегда выказывали самые дружеские чувства моему дому и моему отцу...

Его голос дрогнул, и из толпы закричали: «Господь хранит вас! Да здравствует дом Гизов!»

— Мой отец, — продолжил Генрих, — пал жертвой убийства. Знайте же, что убийца не уйдет от возмездия. Знайте, я ему этого так не оставлю!

Толпа взревела новыми приветствиями. Парижане были довольны своим молодым герцогом.

— Всю власть в ваши руки! — кричали они. — Да хранит вас Бог! Всю власть Лотарингии! Да здравствует молодой Гиз! Молодой Гиз!

Многие бросались к ним и целовали руку мальчика, будто тот был самым королем Франции.

Когда они прискакали во дворец, Генрих все еще улыбался, а Марго гордо посматривала на него; это происшествие немного утешило их горе.

— Ах, Генрих! — воскликнула Марго. — Как они любят вас! Кто знает, может быть, однажды вы станете королем Франции. Поднявшись в свои апартаменты, она застала там свою мать. Екатерина улыбалась, а Марго не доверяла ее улыбке. Тем не менее эта улыбка была искренней — Екатерина сейчас думала о том, что ее дела наконец-то пошли на поправку. Антуан Наваррский был мертв; герцог Франциск де Гиз тоже; теперь она могла не опасаться этих людей. Монморанси был в плену у гугенотов, а принц Конде оказался пленником католиков. О да, ее дела и вправду пошли на поправку. Если бы еще кто-нибудь убрал кардинала Лотарингии и испанского посла, которые слишком хорошо узнали ее, то у нее в душе воцарились бы мир и согласие.

— Ну, дочь моя, — сказала она, — понравилась вам прогулка с королем Парижа?

Марго не знала, что ответить. Она ожидала наказания, но его не последовало. Королева-мать смотрела в окно и продолжала улыбаться своим тайным мыслям.

Французский королевский двор торжественной процессией направлялся к испанской границе, где король Карл и королева-мать должны были встретиться с Елизаветой Испанской и послом Филиппом, коварным герцогом Альвой.

Процессия двигалась медленно: в ней было не меньше тысячи мужчин и женщин; каждую знатную особу сопровождала многочисленная свита. Везли множество предметов домашнего обихода, включая кровати; везли кухонную

утварь и пищу; везли наряды и туалетные аксессуары. Екатерина и два ее сына. Карл и Генрих, запаслись огромным количеством убранств и украшений; юная Марго, уже полностью осознававшая важность своей персоны, тоже везла с собой пышный гардероб.

Вместе со всеми и рядом с Марго ехал верхом Генрих Наваррский. Ах, почему, думала Марго, здесь не оказалось другого Генриха, ее очаровательного короля Парижа, а вместо него был этот мальчик с живыми глазами и растрепанными черными волосами, подстриженными по неуклюжей и безвкусной моде Нерака, — этот маленький грубиян, руки которого не всегда были чистыми и который то и дело срывался на безобразный беарнский диалект?

Марго показала ему нос, но он не подал ни малейшего признака возмущения или обиды. Марго ничего не значила для него. Ему нравились девочки, но если он не нравился Марго, то вместо нее были и другие. Его не волновало, к какому классу они принадлежали — были эти девочки крестьянками, маленькими бродяжками или принцессами, — для Генриха Наваррского все они оставались просто девочками, и если он не привлекал к себе французскую принцессу Марго, то она была одной из немногих, отнормившихся к нему подобным образом.

В этой поездке Карл вел себя необычно спокойно. Он уже понял, что никогда не женится на Марии Шотландской. Теперь она была для него лишь воспоминанием — таким же прекрасным, но далеким, как и она сама; его мать делала попытки устроить его партию с королевой Англии. Ему не нравилась мысль об этом браке — он слышал немало рассказов о ней. Она слыла сварливой женщиной; можно было предположить, что она будет придираться к нему. Но его мать сказала, что это все чепуха. Он взошел на французский трон, а если бы в будущем женился на королеве Англии, то стал бы и английским королем; он смог бы жить с ней во Франции, потому что она не смогла бы препятствовать его желанию жить на родине; в таком случае в Англию послали бы генерал-лейтенанта, и его, Карла, жизнь была бы точно такой же, как и сейчас, если не считать, что у него было бы две короны вместо одной.

Он не желал этого брака, но его мать считала, что брак будет полезен; следовательно, брак был неизбежен. Порой

он задавался вопросом, не берегла ли она французский трон для его брата Генриха. Генрих, что бы ни натворил, всегда оказывался прав. И только он один не боялся ее; она обожала Генриха; она все отдавала ему. Возможно, она хотела, чтобы Карл убрался прочь и поселился в Англии, а французский трон достался его брату Генриху! Карл этого не знал, но его переполняли дурные предчувствия.

Сначала он хотел протестовать против этого английского брака. Этого брака, казалось, не желали ни королева Англии, ни ее посол, с которым он и его мать так долго разговаривали. Даже сейчас, продвигаясь вперед вместе с огромной королевской процессией, он еще слышал вкрадчивый, но настойчивый голос матери; он все еще видел холодное лицо английского посла.

«Вы говорите о возрасте моего сына. Но, замечу, если королева Англии смирится с ним, то я смирюсь с возрастом королевы», — сказала его мать, и Карл сразу ответил, как ему было велено: «Я буду очень рад, если вашей госпоже мой возраст понравится настолько же, насколько ее возраст нравится мне». Английский посол заметил, что его королева никогда не согласится жить в Англии. В ее королевство можно направить генерал-лейтенанта, сказала мать Карла. «Англичане не станут повиноваться какому-то лейтенанту, и все лейтенанты со временем становятся слишком дерзкими. Так говорит моя королева». «Ах, — вздохнула королева-мать, — моя дорогая сестра Елизавета уже сейчас называет себя королевой Франции, но пока это не больше, чем слова. Если бы она согласилась на брак, то и в самом деле стала бы французской королевой». Тогда английский посол испугал Карла, потому что повернулся к нему и заговорил с тем английским акцентом, с каким англичане обычно говорят по-французски, а обычно они говорят так, будто находят во французском языке что-то комичное или зазорное: «Если бы вы были хотя бы на три года старше, если бы вы хотя бы раз видели мою королеву и если бы вы действительно любили ее, то я бы, может быть, меньше удивлялся такой вашей поспешности». Чувствуя взгляд матери, Карл ответил: «Но я действительно люблю ее». Английский посол улыбнулся и проговорил тем холодным тоном, которым так гордятся англичане: «В

вашем возрасте, сир, еще не знают, что такое любовь». Карла тогда бросило в жар от этих слов.

Сейчас он постарался побыстрее отогнать от себя воспоминание о них; он с удовольствием подумал о предстоящей встрече со своей сестрой. Вот уже пять лет, как он не видел ее. В последний раз она была очень грустной; ей не хотелось покидать родную Францию и ехать в чужую страну — такую же незнакомую, как и человек, ставший ее супругом.

Как же несчастны были все эти браки особ королевской крови — хотя и не столько для принцев, сколько для принцесс, потому что принцесса, выходя за иностранца, лишалась и своей родины, и своей национальности. Его сестра Елизавета теперь была испанкой.

Он надеялся на то, что переговоры с Англией закончатся ничем. Кто знает, может быть, однажды начнутся переговоры с Шотландией; тогда он скажет и не покривит душой: «Я люблю королеву Шотландии».

Они все ехали и ехали; по пути останавливались в различных замках, где в их честь давали пиры, балы и маскарады.

Марго не переставала восторгаться всеми этими увеселениями; единственным их недостатком было отсутствие Генриха де Гиза; избыток свободного времени она посвящала поддразниванию Генриха Наваррского. Она критиковала его манеру езды верхом.

— Как крестьянин, — однажды сказала она.

— Я проскачу быстрее вас.

— Как-нибудь посоревнуемся.

— Сейчас, — предложил он.

— Сейчас я не хочу.

— Вы же начали этот разговор. Давайте попробуем сейчас.

— И отделимся от процессии? У вас манеры как у крестьянина. Неужели в Нераке вас не учили правилам этикета?

— Я учусь только тому, что идет мне на пользу, — сверкнув глазами, сказал Генрих Наваррский.

Когда они остановились на отдых в ближайшем замке и отправились на охоту, Генрих напомнил ей о ее вызове.

Оценив силу этого подростка, Марго решила передо-

мать. Ему не хватало галантности. Генрих де Гиз не стал бы бросать вызов принцессе.

— Я не желаю соревноваться с вами. Вы мне не нравитесь.

Генрих вспыхнул:

— Вам придется изменить свои нравы, потому что однажды вы станете моей супругой.

— Не смейте так говорить со мной.

— Я смею так говорить, потому что это правда.

Марго лукаво улыбнулась: она знала, что одной из целей этой поездки к испанской границе было возобновление переговоров о ее браке с Доном Карлосом и о браке ее брата Генриха с овдовевшей сестрой короля Филиппа. Однако об этом не знали ни Генрих Наваррский, ни его строгая мать. Достойная продолжательница рода Медичи, Марго уже проявила кое-какие навыки в искусстве подслушивания чужих разговоров — особенно если они касались ее самой.

Она ничем не выдавала себя. Пусть он думает, будто однажды станет ее супругом. Это ее даже забавляло. Пусть дрожит, представляя, каких расходов потребует его мнимая будущая супруга!

— Так вы полагаете, что будете моим супругом?

— Это уже решено.

— А вы не думали, что может пройти много лет, прежде чем это решение осуществится?

— Браки принцев и принцесс устраиваются, когда они еще молоды.

— В таком случае вы должны чувствовать себя польщенным, мсье Наваррский! Даже если ваш брак с принцессой Франции не состоится, решение о нем уже принято, а это большая честь для вас.

— Честь? — переспросил он, и его загорелое лицо побагровело. — Если вы принцесса, то я принц.

— Мой отец был великим королем. Он был великим королем Франции Генрихом Вторым.

— А мой отец был королем Наварры.

Марго улыбнулась и пропела:

— «Воробышек решил, что вырос из кафтана».

Генрих резко повернулся; он ударил бы ее, если бы она не пустила коня галопом и не догнала группу всадников,

сопровождавших ее брата Карла. Присоединившись к ним, она обернулась и показала Генриху Наваррскому язык.

Екатерина шагнула в лодку, которая должна была переправить ее на другой берег реки, где ей предстояло встретиться со своей дочерью. Ее пышный наряд говорил о важности этой встречи. Екатерина надела его несмотря на жару, которую с трудом переносила из-за своей тучности. Она была взволнована; ее лицо казалось более бледным, а большие, навывкате глаза — более темными, чем обычно. Впереди была не столько встреча с дочерью — ей шел уже двадцатый год, и она не видела ее почти пять лет, — сколько встреча с королевой Испании, супругой человека, которого она боялась больше всех на свете. Ее дочь? Свою дочь она не то что любила — она не любила никого, кроме своего сына Генриха, — но гордилась ею, гордилась тем завидным положением, которое та занимала как супруга самого могущественного монарха в мире. Другая ее дочь, Клод, которую она навестила по пути через Францию, едва ли много значила для нее. Хрупкая и очаровательная, Клод была всего лишь супругой герцога Лотарингии; встреча с ней была не так важна, как встреча с королевой Испании.

На другом берегу реки стояли испанская королева и те, кто сопровождал ее в поездке к границе. Филипп не считал нужным приехать; он был занят более серьезными делами, но его здесь представлял великий герцог Альва.

Июльское солнце пекло невыносимо; из нескольких облаченных в тяжелые доспехи солдат, что сопровождали Екатерину, двое или трое умерли от удушья, так и не дождавшись встречи с королевой Испании.

Екатерина тепло приветствовала свою дочь; Елизавета держалась с подчеркнутой корректностью; за пять лет она превратилась из французской девочки в испанскую даму. Тем не менее Екатерина заметила, что та еще не совсем забыла о страхе, который некогда внушала ей мать.

Напутствуемые пышными почестями, они переправились через реку, и на следующий день их величественная процессия вступила в город Байонну. Елизавета ехала верхом между своим братом Генрихом и кардиналом Бурбоном. Их окружали больше сотни слуг и телохранителей.

Самые знатные горожане, одетые в роскошные алые наряды, держали над королевой Испании балдахин; вместе с ней они проследовали в кафедральный собор, а после того как она послушала музыку и молитвы, сопровождали ее в королевский дворец, где остановился король Карл. Екатерина заметила, что испанцы, приставленные к ней в качестве прислуги, ехали на плохенького вида ослах и не носили казенного платья; она поняла, что тем самым Филипп желал показать свое пренебрежение к ней.

Молодой Карл подарил сестре чудесную белую кобылу, седло которой было украшено золотым шитьем и драгоценными камнями. Затем начались балы и маскарады. Множество крестьян развлекали знатных гостей и их свиты народными танцами; другие играли на музыкальных инструментах, которые пользовались особым успехом в той области, откуда они приехали. Провансальцы играли на цимбалах; шампанцы и бургундцы демонстрировали умение извлекать простые и чарующие мелодии из своих звучных гобоев; жители Пуатье аккомпанировали им на волынках. Чаще всего исполнялись испанские песни; на балах все танцевали только испанские танцы; по случаю праздника Ронсар сочинил стихи, которые неоднократно декламировались здесь, и эти стихи превозносили величие Испании.

Однако два королевских двора встретились не только для того, чтобы танцевать и расхваливать друг друга. Под прикрытием этих торжеств встретились и соперники в сложной политической игре — Екатерина с молодым французским королем Карлом и испанская королева Елизавета с опытным герцогом Альвой.

Герцогу Альве было пятьдесят пять лет, и он держался со всем величием и достоинством испанского гранда. Его желтоватое худое лицо напоминало скорее маску, чем лицо живого и даже элегантного мужчины, но от внимания Екатерины не укрылся его острый и пристальный взгляд, который словно насквозь пронизывал тех, кто сидел перед ним. Она поняла, что от нее потребуется вся ее хитрость и что в предстоящей игре она не сможет рассчитывать на юного короля Карла.

Вчетвером они и встретились, и, когда встретились, Екатерина испытала мгновенную вспышку злости на коро-

леву Испании. Она никогда не любила детей, которые не были послушны ее воле, а Елизавета, с ее свежей красотой и пышными черными волосами, унаследованными от своего отца, с ее черными глазами и белой кожей, — сейчас Елизавета выглядела больше испанкой, чем французенкой, и гораздо больше супругой испанского короля Филиппа, чем дочерью итальянки Екатерины де Медичи. Елизавета так же, как и ее супруг, ненавидела тех, кого называла «еретиками»; было жутковато видеть, как ее красивое лицо искажалось ненавистью и становилось почти безобразным при любом, даже самом мимолетном, упоминании о гугенотах.

Она начала говорить Екатерине о религиозных проблемах во Франции, но Екатерина не желала обсуждать эти вопросы с той, которая стала такой же непримиримой сторонницей католичества, каким был ее супруг.

— Ваш супруг подозревает меня в симпатиях к гугенотам, — сказала Екатерина.

— Какая причина заставляет вас думать, мадам, будто король не доверяет Вашему Величеству? — спросила Елизавета. — Я полагаю, никто, кроме ваших недругов, не станет подавать вам такие мысли.

Екатерина вздохнула. Ей довелось встретиться с той же манерой поведения, которой сама мастерски владела. Она сказала:

— Ох, дорогая дочь, вы стали самой настоящей испанкой.

— Вы боитесь войны с Испанией, — пропустив мимо ушей это замечание, произнесла Елизавета. — А раз так, почему бы вам не поговорить с герцогом? Он здесь и присутствует, мадам, чтобы вы могли найти условия мира между нашими странами.

Екатерина повернулась к герцогу и заговорила о браках, которые хотела устроить. Во-первых, Дон Карлос и Марго. Герцог и сам мог видеть, какой блестящей принцессой была Марго; несомненно, Дон Карлос будет очарован ею. И во-вторых, Хуана, сестра Филиппа, и принц Генрих. Правда, Хуана была немного старовата для Генриха, но ведь в королевских браках возраст не может рассматриваться как какое-то препятствие.

Герцог Альва тонко улыбнулся.

— Я замечаю, мадам, вы не упоминаете о религии. А она, как мне кажется, должна быть главной темой нашего разговора.

Делать было нечего — Екатерина принялась рассказывать обо всем, что за последние двадцать лет произошло в ее стране; разумеется, она излагала события со своей точки зрения, однако те же самые события Альва интерпретировал по-своему, и его версия случившегося резко отличалась от той, которой придерживалась Екатерина.

— Ну, хорошо, — наконец, проговорила она, — тогда к какому средству мы должны прибегнуть, чтобы положить конец всем нашим бедам? Пожалуйста, скажите.

— Но, мадам, — мягко произнес Альва, — кому же это знать, как не вам? Более того — разве не вы должны нам сказать о том, что следует предпринять? Скажите, и все ваши пожелания я передам моему высочайшему повелителю.

— Думаю, ваш высочайший повелитель лучше меня знает о том, что происходит во Франции, — возразила Екатерина. — Скажите, какими средствами он предлагает бороться с гугенотами?

— Военное вмешательство было бы бесполезным, — сказал Альва.

— Но строгие меры все-таки необходимы. Нужно изгнать эту секту из Франции.

В разговор вступила королева Испании:

— Почему мой брат Карл никак не покарает тех, кто восстал против Бога?

Карл испуганно посмотрел на свою мать, и та резко ответила:

— Он делает все возможное.

Она видела фанатический блеск, появившийся в глазах ее дочери. Чтобы избежать опасной темы, она снова попыталась заговорить о предложенных ею браках, но Альва остановил ее. Отбросив свою обычную манеру держаться этикета, он сказал прямо:

— Мадам, мы должны уладить вопрос с религией. Вы скажите ваши предположения, и позже мы обсудим их. Я передам вам пожелания моего повелителя, и, думаю, вы согласитесь с ними.

И вот настало это «позже» — через два дня, в одной из тихих галерей королевского дворца. Здесь было темно и

относительно прохладно, потому что на окнах висели тяжелые гардины, не пропускавшие палящих лучей июльского солнца. Альва в своем мрачно-строгом испанском платье и Екатерина, накинувшая на плечи длинную мантию, прохаживались взад и вперед по галерее.

— ...Конде и Колиньи, мадам, не должны носить головы на плечах, — спокойно проговорил Альва. — Конде нельзя назвать великим человеком, но за ним последуют многие. Как бы мы ни старались, мы ничего не добьемся до тех пор, пока будет жив хотя бы один из этих еретиков. Адмирал Франции тоже должен умереть. Он обладает большой властью и знает, как повести за собой людей. Он великий воин. И все-таки вы позволяете ему быть предводителем ваших врагов!

— Дорогой герцог, но как мне справиться с этим человеком?

— Мадам, мсье де Гиз был великим человеком, но все-таки его убил шпион, которого подкупил Колиньи. Колиньи действует быстро и решительно, а вы медлите и колеблетесь. Может быть, ваши колебания объясняются симпатиями к гугенотам?

— Не слушайте моих клеветников, дорогой герцог. У меня нет ни малейшей привязанности к гугенотам. Я храню верность католической религии.

— Любопытно, как Ваше Величество может вершить правосудие, когда все судебные дела проходят через вашего канцлера, Мишеля л'Опиталя... этого гугенота!

— Дорогой герцог, он не гугенот.

— Должно быть, мадам, во Франции вы единственная из всех, кто так думает. При жизни вашего супруга он был известен как рьяный протестант, и, пока он занимает должность канцлера, гугеноты будут в фаворе. Мой король желает знать, как вы собираетесь решить все эти проблемы. У королевы и у меня не было никакой другой причины приезжать в Байонну.

Екатерина могла ответить только одно:

— Я храню верность католической религии. Вы должны мне поверить.

— Ваше Величество, вам следует доказать ваши слова.

— Я докажу их. Но только... своим собственным способом. Я не желаю ввергнуть мою страну в гражданскую вой-

ну. Такие вещи нужно делать медленно и с очень большими предосторожностями. Полагаю, я могла бы под тем или иным предлогом собрать в одном месте всех самых влиятельных гугенотов и тысячи их последователей.

— А потом, мадам?

Глаза Екатерины сверкнули.

— А потом, уважаемый герцог, я бы предложила католикам захватить их врасплох и разобраться с ними.

Герцог кивнул.

— Его католическое Величество сможет довериться вам не раньше, чем увидит подобные свидетельства вашей доброй воли.

Екатерина продолжала говорить, будто не слышала его:

— Это должно произойти в Париже — Париж самый лояльный из всех городов, и он всегда был оплотом католиков. Что же касается какого-то предлога... я еще не нашла его. Полагаю, тут нужно подождать, он сам появится. Никто из них не должен заподозрить неладное; все должно произойти самым естественным образом... просто верные католики внезапно восстанут против еретиков. Разумеется, погибнут все их предводители — Конде, Колиньи, Рошфуко... все они, все их представители и каждый гугенот, который в этот день окажется в городе.

— Я доложу о вашем плане Его католическому Величеству.

Она приложила палец к губам.

— Ни в коем случае не упоминайте о нем в письменных донесениях. О нем не должен знать никто, кроме нас и Его Величества. Сейчас я не могу сказать, когда это будет возможно осуществить, но даю вам мое слово, это будет сделано. Мне нужно только выждать удобного случая. Думаю, он представится довольно скоро, а до тех пор Его Величество должен верить мне.

— Если ваш замысел осуществится, — сказал Альва, — то, не сомневаюсь, Его Величество признает вас своим другом. А против своих друзей он никогда не ведет военных действий.

— Он увидит мою преданность истинной вере, — сказала Екатерина. — Все, о чем я сейчас прошу, это терпение — терпение и молчание.

Альва был так доволен этим разговором, что все остав-

шееся время посвятил обсуждению браков, которые предлагала Екатерина; наконец пришла пора им прощаться.

Екатерина нежно поцеловала свою дочь. Карл тяжело переживал их расставание, горько плакал. Ему казалось, что на свете и в самом деле не было более ужасной вещи, чем быть королевской принцессой, выйти замуж и покинуть родину, чтобы поселиться в чужой стране, среди незнакомых людей. Он не мог сдерживать слез, хотя знал, что испанцы, эти строгие блюстители этикета, должны были осуждать их. Его мать холодно смотрела на него.

— Я ничего не могу поделать с собой, — всхлипывал Карл. — Неважно, что она королева Испании. Прежде всего она моя сестра. Я помню, как любил ее, и не хочу расставаться с ней.

Он стоял на берегу реки и не сводил глаз со своей сестры, которую вместе с ее свитой увозили от него. Он плакал долго и горько, и впоследствии многие говорили, что он предчувствовал, чем закончится их разлука.

Екатерина ошибалась, когда думала, что разговор в галерее не слышал никто, кроме нее и Альвы.

У Генриха Наваррского было беспокойно на душе. Казалось, ему еще долго предстояло быть отнятым у его матери, однако он не забыл ее наставлений. Его воспитывали вместе с молодыми принцами и принцессами Франции, порой ему случалось видеть свою мать; он видел ее во время поездки в Байонну; он знал, как ей не терпелось забрать его обратно в Беарн и воспитывать в духе собственных убеждений. Но это было запрещено: это запрещал король Карл, а значит, в первую очередь запрещала королева-мать. Екатерина внушала ему такой же страх, как и всем остальным, и он старался не вставать у нее на пути. Она не была неблагосклонна к нему; напротив, она часто давала знать, что ей нравится его смышленость. Иногда ему казалось, что она сравнивает его с Карлом и Эркулем и что это сравнение было не совсем в их пользу. «Какой он проказник, этот Генрих Наваррский», — бывало, говорила она. Или: «Видела бы сейчас его мать!» Тогда она громко смеялась этим своим неприятным смехом, и он понимал, что сделал что-то такое, что его мать не одобрила

бы, а потому чувствовал себя несчастным до тех пор, пока не забывал об этом.

Он боялся, что был не очень хорошим мальчиком. Он слишком подражал принцам: щеголял при дворе красивыми нарядами; не чурался произносить проклятия и повторять грубые жесты. Он узнал многое из того, о чем его мать предпочла бы держать сына в неведении. Он уже знал, что в нем было нечто такое, что влекло к нему противоположный пол. Женщины любили целовать и ласкать его; и их поцелуи не вызывали в нем протеста или неприятия — по правде сказать, они нравились ему ровно настолько, насколько он нравился им. Он с нетерпением ждал, когда ему исполнится четырнадцать лет и он станет настоящим мужчиной.

Увидевшись с ним в прошлый раз, мать расстроилась больше, чем обычно. Он подслушал ее в тот момент, когда поделилась своими страхами с королевой-матерью, которая громко рассмеялась и сказала: «Ах, бросьте вы. Ведь вы не желаете, чтобы он был каким-то жеманным хлюпиком? Он принц, и ему придется жить среди мужчин и женщин. Пусть он растет. Пусть становится мужчиной... ведь, как мне сдается, этого ни вы, ни я не сможем предотвратить».

Потом его мать сказала ему:

— Генрих, сын мой, старайтесь не следовать по стопам тех распушенных людей, которых видите вокруг себя. Их путь приведет вас не в тот стан, в котором мне хотелось бы вас видеть. Не забывайте, что вы гугенот.

Он кивнул; он очень не хотел расстраивать ее; ему было горько сознавать себя таким, каким он был.

— Меня заставляют ходить на мессу вместе с принцами, — сказал он.

— Я знаю, сын мой.

— Я хожу туда, но никогда не забываю о том, что вы мне говорили.

— Вас могут послать на мессу, но никто не заставит вас участвовать в ней.

— Я никогда не буду участвовать в мессе. Клянусь вам.

Эти слова немного успокоили ее, и он решил показать ей, как любит ее и как помнит все то, чему она учила его.

Он былмышленым мальчиком и всегда интересовался

тем, что творится вокруг него; и еще он знал, что бывали случаи, когда жизнь его матери оказывалась в опасности. Знал он и то, что все происходившее с матерью вплотную касалось его самого. Времена были не из легких, а он был мальчишкой, который умел держать ухо востро.

Римский Папа отлучил его мать от церкви и хотел объявить Генриха и его сестру незаконнорожденными — на том основании, что их мать прежде была замужем за герцогом де Клеве и, следовательно, не могла быть легитимной супругой их отца. Был и другой заговор — похитить мать Генриха и передать на суд инквизиции, где ее пытали бы и заставляли отречься от веры, а потом все равно сожгли бы на костре. Все это и было бы сделано, если бы слухи о заговоре не достигли ушей королевы Испании. Елизавета, хоть и была католичкой, не вынесла мысли о том, что ее близкой родственнице грозит такая судьба, и вовремя предупредила Жанну.

Генрих не хотел, чтобы его мать думала, будто он мог забыть ее и свою веру.

Он видел, к каким методам прибегли те, кто шпионил во дворце; и уж, конечно, маленькому мальчику не составило труда затаиться в просторной галерее, где, судя по его сведениям, должна была состояться встреча королевы-матери и герцога Альвы.

Он очень волновался и все время представлял, что с ним произойдет, если его поймут. У него бешено колотилось сердце. Он спрятался в одном из шкафов, зарылся в старую одежду, которую нашел там, и, приложив ухо к дверце шкафа, услышал обрывки разговора, состоявшегося между Екатериной и Альвой. При первой возможности Генрих выбрался из шкафа, пошел к одному человеку из своей прислуги — человеку по фамилии Колинъон — и рассказал ему обо всем, о чем услышал.

Колинъон сказал, что он был очень хитрым и смысленным дипломатом, после в тот же день показал ему шифрованное письмо, которое собирался немедленно отправить королеве Наварры.

Генрих был доволен собой. Он почувствовал теперь, что мог со спокойной душой щеголять в новых нарядах, целовать кого угодно и принимать чьи угодно поцелуи. Ведь

немного распушенности можно было простить такому смышленому дипломату?

Овдовев, Жанна целиком посвятила себя делу гугенотов. Она нуждалась в деятельности, которая помогла бы ей забыть о горестях ее супружеской жизни. Наконец-то она освободилась от Антуана; мысли о нем уже не терзали ее душу. Все ее надежды теперь были связаны с детьми. А между тем Генрих, ее единственный наследник, причинял ей немало тревог. Он был прелестным мальчиком, однако в нем слишком проступали его дед и его дядя, король Франциск Первый. Уже сейчас он проявлял признаки чрезмерной чувственности, характерной для обоих этих мужчин. Если бы она могла сама присматривать за ним — что было ее самым заветным желанием, — то не стала бы так беспокоиться по этому поводу. Его задатки и энергия направлялись бы в верное русло. Но что случится с таким ребенком, если тот растет при гнивающем дворе Валуа? Ее раздражала циничная позиция королевы-матери. Екатерина забавлялась шалостями этого мальчика и, вне всяких сомнений, поощряла их.

Ее нежная дочурка не давала ей повода для таких беспокойств. Екатерина была умной и послушной, очаровательной девочкой, которой можно было гордиться. Конечно, Екатерина гордилась и Генрихом — гордилась им и боялась за него.

Жанна знала, что после смерти Антуана ее положение стало особенно опасным. В гражданской войне наступило временное затишье, и против нее использовались другие методы — более тонкие и более коварные, чем шпага.

Ее отлучили от церкви. То-то было переживаний! К Римскому Папе она не чувствовала ничего, кроме жалости. Однако стоило ей вспомнить о том чуде несостоявшемся испанском заговоре, и у нее мороз пробежал по коже. Она была не из трусливых женщин, но имела кое-какое представление о пытках, которые применяли инквизиторы. Иногда ей снилось, что она очутилась в их руках, что их безжалостные пылающие глаза смотрели на нее, что раскаленные докрасна щипцы разрывали ее плоть; во сне она слышала, как с хрустом ломались суставы ее ног, и просыпалась от собственного крика.

Все вокруг угрожало ей. У нее отобрали ее любимого

сына; ее королевство находилось в постоянной опасности. Пожалуй, если бы в интересах Франции было поддержать Испанию, она бы уже лишилась всех своих владений и истекала кровью в одном из мрачных застенков инквизиции. Сейчас — и только в этом — Екатерина была ее другом; Екатерина защищала ее от Испании; однако Жанна ни на минуту не забывала, что для Екатерины это было делом практической целесообразности, поскольку Екатерина не желала видеть, как испанцы будут захватывать территорию Наварры.

Жанна не могла без содрогания вспомнить о намерениях объявить ее детей незаконнорожденными, а саму ее арестовать и переправить в Испанию. Она всегда чувствовала на себе пристальное внимание Испании. Она почти не знала характера того человека, который правил такой большой частью мира. Однажды он просил ее руки, но их брак не состоялся. Подобное пренебрежение Его католическим Величеством никому не прощалось. Это было видно из его отношения к Елизавете Английской. Он желал смерти и той и другой, потому что обе получили предложение выйти замуж за короля Испании и ни одна из них не приняла этого предложения.

Сейчас положение английской королевы казалось не таким сложным: у нее было меньше врагов, чем у королевы сравнительно небольшой Наварры.

В конце концов Жанна победит. В этом она не сомневалась. Сердце Жанны, еще недавно наполненное любовью к супругу и желанием тихого домашнего счастья, теперь пылало фанатической верой в правоту ее дела.

Все было второстепенно, и только истинная религия имела значение; никакие средства не были важнее, чем цель, с помощью которых она достигалась.

Франциск, герцог де Гиз, был убит. Колиньи сказал, что не подкупал Польшо де Меррея, убийцу герцога. Но какое это имело бы значение, если бы даже и подкупал? И разве было бы важно, если бы затем солгал? Наоборот! Все гугеноты торжествовали бы свой успех, если бы Колиньи стал инструментом в руках Провидения, уничтожившего их опаснейшего врага.

Постепенно Жанна изменилась. Ее страстное желание искренности и незамутненной правды отошло в прошлое.

Унижение, отчаяние, горе, постоянная опасность... и ее вера, — вот что превратило честнейшую из женщин в фанатичку, которая могла улыбаться при виде поверженного противника.

И вот пришло сообщение о том разговоре, который ее маленький Генрих подслушал в галерее королевского дворца в Байонне. Итак, планировалась резня гугенотов — гораздо более страшная и кровавая, чем все те, что до сих пор имели место.

Не теряя времени, Жанна написала об этом адмиралу Колиньи и принцу Конде. Она понимала: замысел королевы-матери и герцога Альвы вел к началу новой и еще более ожесточенной гражданской войны, чем предыдущая.

Кровопролития она не боялась. Значения не имело ничего, кроме дела гугенотов. Не имело значения даже то, что ее сын будет продолжать жить при загнивающим дворе Валуа. Что с ним могло случиться, если он так удачно умел исполнять роль лазутчика?

Элеонора стояла у одного из окон своих апартаментов в замке Конде. Она чувствовала себя разбитой и подавленной и знала, что ее конец был очень близок.

Ее супруг уже не был пленником католиков, и она могла послать за ним, но не сразу решилась сделать это. Она с грустью думала о нем, об их прежней жизни, о его оптимизме, которому он учил и ее. Как счастливы они были бы вдвоем — так же, как могли бы благоденствовать Антуан и Жанна, — если бы не их положение в этой бедной стране.

В прежние дни она и ее супруг жили в ладу; это она зажгла в нем желание бороться за веру. Она всегда знала, что ему недоставало ее религиозности, что он был прежде всего воином, которому были нужны острые ощущения и опасные мероприятия; однако, вступив однажды в их общее дело, он остался верен ему. Он не был похож на своего брата, который предал веру так же, как изменил супружескому долгу. Бедная Жанна, какие страдания ей пришлось вынести! Какому горькому унижению подверг ее Антуан!

В замке Конде Элеонора каждый день молилась вместе со своими детьми. Она молилась за то, чтобы их жизнь бы-

ла достойной и честной, и старалась не думать о связи Луи с этой красивой распутницей Изабель де Лимоль.

Почему он не остался верен ей? Как он мог быть настолько слабовольным, раз с самого начала знал, что Изабель была шпионкой королевы-матери? Какими чарами обладала эта женщина, что сумела соблазнить его даже в таких обстоятельствах? Ведь он не был глупцом, как его брат Антуан. Вероятно, все объяснялось тем же стремлением ее супруга к опасным приключениям, что привело его в стан гугенотов.

Конечно, в этом была виновата и королева-мать, которая одним небрежным движением разрушила домашнее счастье принцессы Конде и Жанны Наваррской. Бедный Луи! Он был слишком привлекателен; женщины всегда находили его неотразимым. С ним это происходило часто — чаще, чем с Антуаном. Скандальная связь с Изабель обсуждалась во всей стране, но, кроме Изабель, были и другие женщины. Кальвин, протестуя, писал ему гневные письма; Колиньи умолял твердо держаться избранного пути. Луи всегда соглашался с ними; он раскаивался и искренне сожалел о своей слабости; однако затем — кубок вина, веселая песня и пара прекрасных глаз, и он снова оказывался в чьих-нибудь объятиях.

От этих тревожных раздумий она потеряла сон; ее переполняли дурные предчувствия; и вот однажды утром, когда она вышла из своих апартаментов, по выражению ее лица можно было понять, что она обрела покой; она поняла, что очень скоро навсегда оставит заботы и несчастья этого мира.

Она направила к принцу посыльного и велела передать, что ей осталось недолго жить; она попросила сообщить эту новость спокойно, чтобы ее супруг не испытал слишком сильного потрясения.

— Передай, — сказала она, — что у меня есть только одно желание, только одна надежда. Я хочу, чтобы наши души смогли встретиться и уже никогда не расставаться. Скажи, что я заклинаю его беречь наших детей и воспитывать их в страхе перед Богом.

Когда Конде принял посыльного и узнал о болезни своей супруги, он был сражен горем. Его отчаянию не было предела. Он во весь опор помчался в свой замок, и там

бросился на колени перед постелью супруги, кляня себя и умоляя ее простить его поведение.

— Любовь моя, вы должны жить, чтобы я смог доказать вам, что в моей жизни больше не будет никого, кроме вас. Вы должны дать мне шанс показать, как я люблю вас.

Его слезы были неподдельны; но она знала, что все его сегодняшние благие порывы и намерения могли измениться уже на следующую неделю. Таковы уж были Луи и его брат Антуан, а если они не могли быть другими, то опасности подвергались не только их жены и дети, но и великое дело, которому они служили.

Элеонора погладила его по щеке.

— Дорогой мой, — сказала она, — вы дали мне огромное счастье. Я бы не желала видеть вас другим, потому что если бы вы были другим, то как бы я могла полюбить вас?

— Я любил вас не так, как вы заслуживали! Я негодаю. Скажите мне это. Скажите, что вы ненавидите меня, потому что я только этого и достоин. Я достоин только того, чтобы быть несчастным всю свою оставшуюся жизнь!

Он был красив, он был сражен горем, и он был искренен. Но как долго могло это продолжаться, прежде чем он поклянется в вечной верности Изабель де Лимоль или госпоже де Сент-Андре? Как долго им или каким-нибудь другим женщинам не довелось бы услышать, что они были ему дороже всей жизни?

Ах, очаровательный, милый Конде, такой неустойчивый в своих чувствах и такой стойкий в битвах! Почему эти Бурбоны, так щедро наделенные обаянием и красотой, оба были так переменчивы? Не характеры ли этих людей были ответственны за неудачи реформации во Франции? Они не могли сопротивляться женщине, даже если знали, что те были шпионками королевы-матери.

Но какой прок был в этих сожалениях? Элеонора знала, что ее конец близок.

— О, дорогая! — воскликнул Луи. — Дорогая моя супруга! Да будет благословенной минута, когда Господь повелит нам встретиться на небесах!

— Не корите себя, мой дорогой Луи, — сказала Элеонора. — Только присматривайте за детьми и помните о том, что я любила вас. Помните о том, как мы были счастливы вдвоем. Не забывайте той скованной и пугливой

девочки, на которой женились и которую научили смеяться. Обещайте смотреть за нашими детьми, и я буду спокойна.

Она велела привести ее сына и наказала ему почитать короля Карла, королеву Наварры, его отца и дядю Гаспара.

— Храните веру, которой я научила вас, — сказала она.

Мальчик заплакал, и она попросила супруга забрать его и ненадолго оставить ее одну. Когда они вышли, она откинулась на подушки и улыбнулась, ее губы прошептали слова молитвы: «Господи, зима моя миновала, и наступит моя весна...»

Увидев ее мертвой, Конде закрыл лицо руками и зарыдал. Он вспомнил о своих изменах. Он стыдился их.

— О, какой же я подлец! — простонал он.

Его маленькая дочурка подошла к нему и попыталась утешить его. Он взял ее на руки и проговорил:

— Постарайся, моя дорогая, быть похожей на нее. Если вы будете такой, какой была ваша мать, я буду любить вас больше всех на свете. Говорят, девочки обычно идут в отцов, но вы должны постараться быть похожей на вашу мать. В ней не было ничего такого, что не могло бы служить вам примером идеальной женщины.

Несколько недель он провел в трауре; он держал детей возле себя и не переставал рассказывать им об их матери; он говорил, что хотел бы начать всю жизнь сначала; он желал, чтобы стрелки часов повернулись вспять.

Однако Конде не мог слишком долго находиться в одном и том же настроении, а его траур и так уже затянулся. Наконец он объявил, что у него впереди еще много работы. Он больше не мог оставаться с семьей.

Изабель ждала его, еще более красивая и пленительная, чем когда-либо. Он сказал ей, что решил начать новую жизнь. Изабель слушала и соболезновала ему. Она знала, что без труда сможет умерить столь странную решительность этого самого очаровательного грешника Франции.

Вернувшись из Байонны, Екатерина не могла не заметить, как далеко зашли распри между Гизами и Колиньи. Молодой Генрих де Гиз, которого она до сих пор считала не более чем мальчиком, теперь быстро превращался во взрослого мужчину. Еще совсем юный, он стал главой дома, и он не мог ни забыть, ни простить смерти своего от-

ца. Екатерина видела, что их враждебность была чем-то большим, нежели просто ссора двух мужчин, и большим, чем даже ссора двух семей; это было и большим, чем ссора двух религиозных фракций вроде той ссоры, что в правление Франциска Первого произошла между Дианой де Пуатье и мадам д'Этамп; нет, в этой ссоре были видны те искры, что разожгли пожар гражданской войны, полыхавший во Франции.

Екатерина отправилась навестить Гаспара де Колиньи в его имении в Шательро, где адмирал временно затворился со своей семьей. Каким непохожим на себя казался Гаспар в этой спокойной обстановке со своей супругой и детьми! Она поняла, что Колиньи не желал от жизни ничего, кроме этого тихого домашнего счастья; однако он был человеком, посвятившим себя своему делу, и, как только его призвали бы пойти за него в бой, он немедленно бросил бы все и пошел сражаться за веру. Итак, он был еще одним из этих фанатиков.

Едва выдался первый удобный случай, Екатерина открыла цель своего визита. Она подошла к нему, когда тот работал в своем саду. Колиньи любил эту работу, и его сад в Шательро был лучшим из всех, что Екатерине доводилось видеть.

— Ах, мсье де Колиньи, — оставшись с адмиралом наедине, сказала Екатерина, — какие беды вы причинили нам, когда связались с этим подлым убийцей, который зовет себя Польтро де Мерреем!

Колиньи нахмурился. А что, подумала Екатерина, разве не мог он подстроить тот выстрел из-за угла, после которого Франциск де Гиз упал с коня и больше не встал на ноги? Конечно, он не был заурядным убийцей, но разве не мог он убить за дело, которое считал правым? О да, решила Екатерина, рассчитывая на прощение Бога, он был способен и не на такое. «Господи, я сделал это ради Тебя...» Она не сомневалась в том, что его совесть тогда была бы спокойна.

— Мне казалось, — сказал Колиньи, — что это дело уже улажено.

— Боюсь, нет. Именно об этом я хочу поговорить с вами. Де Меррей был вашим человеком, не так ли?

— Да, он был моим человеком.

— Вашим шпионом, мсье?

— Он работал на меня.

Екатерина улыбнулась, и Колиньи продолжил:

— Мадам, к чему снова начинать этот разговор? Разве я не ответил на все вопросы, которые мне задавали?

— О, у меня всего лишь небольшой личный интерес. Это правда, что вы слышали о замысле де Меррея убить герцога и ничего не сделали для предотвращения убийства?

— Да, это правда.

Екатерина кивнула. Вне всяких сомнений, он намекал де Меррею на то, что желал бы видеть герцога мертвым, но не хотел брать греха на душу. Возможно, он заплатил этому человеку именно за такое бремя, которое тот взвалил на себя в глазах Бога. Методы всех этих людей рождали у нее желание громко рассмеяться. Де Меррей, рассказывая о своем замысле герцога и рассказывая о нем в присутствии Колиньи, подразумевал: «Вы одобряете меня, хозяин?» И молчание Колиньи означало его одобрение. Может быть, думала Екатерина, как и всегда думала в таких случаях, эти люди не так уж сильно отличаются от меня.

— Впрочем, мсье, я приехала не для того, чтобы говорить о событиях, — сказала Екатерина. — Меня беспокоит буйный нрав юного Гиза. Боюсь, у нас появился еще один герцог Франциск. Он молод, но от этого, пожалуй, только более вспыльчив. Он открыто провозглашает вражду между его домом и вашим, и хотя мы знали, что вы *ни в коей мере* не приложили руку к убийству герцога де Гиза, тем не менее этот неистовый юноша думает иначе. Вам, адмирал, известно, насколько мне отвратительны все эти распри. Я желаю, чтобы в королевстве воцарился мир.

— Чего вы хотите от меня, мадам?

— Я не могу допустить, чтобы моего адмирала подозревали в убийстве. Послушайте, я предлагаю дать большой пир в Амбуа — нет, лучше в Блуа — и на нем объявить вас неповинным в этом деле. Почетными гостями будете вы и Гизы. Я хочу, чтобы вы протянули друг другу руку дружбы и обменялись поцелуем мира. Я желаю, чтобы ваши дома помирились и чтобы у дома Гизов больше не было сомнений в вашей непричастности к несчастной гибели его бывшего главы.

— Мадам, это невозможно. Мы только что сражались в кровопролитных боях — я на одной стороне, а они на другой.

— Потому-то и нужно это сделать, дорогой адмирал. Я не могу допустить, чтобы этот горячий юноша продолжал говорить об этом деле и разжигать ненависть в своем окружении. Мы должны установить мир — что будет нелегко, не спорю — и добиться, чтобы мир длился как можно дольше. Это нужно сделать если не ради вас, то ради юного вспыльчивого Гиза.

— Вы полагаете, пожав мою руку и обменявшись со мной поцелуем, он станет моим другом, мадам?

— Я желаю объявить всем, что между вами больше нет вражды. Вы должны помочь мне. Я настаиваю на этом. Считайте, что это мой приказ.

Колиньи поклонился.

— Так вы будете в Блуа? — спросила Екатерина.

— Это ваш приказ, мадам.

Высоко над селением стоял величественный замок Блуа. Узкие, словно прищуренные, бойницы его грозных башен смотрели на широкую гладь Луары, протекавшей между горами и виноградниками Туреня. В селении было беспокойно; все знали, что в замке королева-мать устроила пир, который должен был положить начало дружбы между Гизами и Колиньи. Это не могло не тревожить селян, потому что, если бы за стенами замка произошла какая-нибудь беда, она коснулась бы и всех окружающих селений. Гугеноты дрожали при мысли о резне, которую герцог Франциск учинил в Васси, когда напал на молившихся прихожан протестантской церкви. Католики собирались в случае опасности искать защиты у юного герцога.

Они видели, как в замок проскакал красивый и замечательно похожий на отца герцог Генрих; поэтому гугеноты трепетали, а католики ликовали. Адмирала они тоже видели — строгого лицом, красивого, хотя и не той красотой, какая была у пылкого и тщеславного Генриха де Гиза. О нем говорили, что он был честным и добродетельным человеком; тем не менее если он приложил руку к убийству отца этого юноши, то можно было понять, что сегодня замку угрожало кровопролитие.

Екатерина была довольна сделанными ею приготовлениями. Если бы эти двое людей поцеловались в знак примирения, то юному герцогу пришлось бы отказаться от своей клятвы отомстить за смерть отца. Само прибытие адмирала в Блуа говорило о его желании стать другом Генриха. С другой стороны, заключив молодого Гиза в свои объятия, Колиньи должен был подумать о нем не как о враге, а как о мальчике, потерявшем отца.

Был и еще один человек, занимавший в этот день мысли Екатерины, — принц Конде, который теперь был вдовцом. Говорили, что принц Конде глубоко переживал смерть супруги, но внешне он жил такой же беззаботной жизнью, как и прежде. Екатерина чувствовала неловкость, когда вспоминала о том, как неумно вела себя: она слишком много и слишком уж нежно думала об этом человеке. Сколько непростительных глупостей она совершила из-за него! Больше она себе этого не позволит. Король Генрих, по крайней мере, держал только одну любовницу, и тогда Екатерина знала, кто был ее врагом.

Она никогда не забывала горьких уроков, которые преподавала ей жизнь. Итак, больше никаких нежных чувств. Мужчины созданы не для любви, а для того, чтобы служить ей.

Мужчины, собравшиеся сегодня в Блуа, тоже должны были служить ей. Ее устраивало, чтобы они стали друзьями... хотя бы внешне. Она не желала новой гражданской войны, которая вновь подвергла бы опасности ее и ее семью. Она ничуть не сожалела о том, что Конде был распутником и компрометировал свою партию, — его слабость оборачивалась ее силой. Она уже не допускала мысли о том, что он мог стать ее любовником. Она была благодарна грузу прожитых лет, потому что из этого груза складывалась вся ее мудрость и выдержка; он давал ей возможность желать того, что было для нее самым лучшим и выгодным; он помогал ей держать обеими руками то, что было ее вождением и страстью, — корону и власть.

В огромном зале замка Блуа собрались самые знатные мужчины и женщины Франции. Свет, падавший через цветные стекла узких и высоких окон, сиял на драгоценных украшениях и пышных нарядах ее гостей. Екатерина решила, что сама объявит о невиновности Колиньи и ве-

лит ему в присутствии всех приглашенных обменяться рукопожатием и поцелуем с Генрихом де Гизом.

Среди гостей была и Анна д'Эст, овдовевшая герцогиня де Гиз; она держалась рядом с сыном. Пожалуй, Анне не следовало появляться здесь облаченной в такое мрачное траурное платье! Екатерина про себя рассмеялась. Бедная Анна! Покорная, как овечка. Должно быть, она немало обрадовалась, когда ее сын и сводный брат позволили ей принять приглашение. Анна не выносила кровопролития. Екатерина помнила, как она протестовала против резни в Амбиа. Она не могла смотреть на то, как пытаются людей; не могла видеть, как им отрубают головы. Едва ли женщина такого сорта должна была составить пару герцогу Франциску де Гизу; однако, говорят, он любил ее за доброту и нежность, и у них был сравнительно счастливый брак. Кроме того, герцогу не могло не нравиться ее высокое положение. Да, Екатерина чувствовала уверенность в том, что на подчеркнутом трауре герцогини настаивали ее сын и сводный брат.

Рядом с ней был герцог Генрих; не менее тщеславный, чем его отец, он держался, как и подобало главе дома Лотарингии и Гиза — самого могущественного и самого грозного во всей Франции. Марго то и дело посматривала на Генриха, за что позже ее следовало наказать. Почувствовав на себе взгляд матери, Марго повернулась; Екатерина невинно улыбалась, но дочь вздрогнула и опустила глаза.

В зале был и кардинал Лотарингии; в красивых и тонких чертах его лица уже проступали следы того распутного образа жизни, которым он славился. Говорили, что ни один из пороков уже не доставлял ему прежнего удовольствия; его эротические пристрастия нуждались в таком же регулярном возбуждении, как и его небо. Его любовницам не было числа. В своей усеянной драгоценными камнями кардинальской мантии он привлекал к себе всеобщее внимание. Он холодно поклонился Екатерине.

— Добро пожаловать, дорогой мсье кардинал, — сказала Екатерина. — Рада видеть ваше лицо, отмеченное столь благочестивыми помыслами и устремлениями.

— Позвольте и мне сказать, как я рад видеть честное и прямодушное лицо Вашего Величества. Мадам, сияние ваших добродетелей озаряет весь наш двор, а беспримерная

искренность Вашего Величества заставляет нас устыдиться самих себя.

— Вы льстите мне, кардинал.

— Ну что вы, мадам! У меня и в мыслях не было ничего подобного.

— В таком случае я тоже не буду льстить вам, дорогой кардинал. У меня нет никаких сомнений в том, что ваше благочестивое служение Богу замечено не только во Франции и на всей земле, но и выше.

Она повернулась, чтобы приветствовать других гостей. Улыбаясь им, она думала: когда-нибудь этот лицемер в кардинальской мантии пригубит кубок вина или отведает кусочек сочного жареного мяса, а может быть, наденет на палец новый перстень с драгоценным камнем — и тогда, увы, он уже не сможет говорить мне своих изящных комплиментов. Такие мысли Екатерина всегда держала наготове, чтобы иметь возможность воспользоваться ими в любую минуту, пусть даже эта минута наступила бы очень нескоро.

К ней приближался Колиньи. Вот кто был прост и понятен, как открытая книга. Сейчас его строгий, холодный вид говорил: я присутствую здесь не по своей воле. У меня нет никакого желания дружить с католиками Гизами. Я явился сюда, потому что так было мне приказано. Я обещал подчиниться, и вот я пришел.

— Проходите, адмирал, — сказала Екатерина, — Мне приятно видеть вас здесь.

— Я всего лишь подчинился вашему приказу, мадам.

Екатерина постаралась придать своему лицу выражение той глубокой искренности, которая была предметом насмешек кардинала. Однако Колиньи, этот честный и открытый человек, не был коварным кардиналом Лотарингии. Если королева-мать хотела показаться ему искренней, то именно такой Колиньи и считал ее.

— Дорогой адмирал, простите слабой женщине желание установить мир в ее владениях.

Он поклонился.

— Я никогда не препятствовал исполнению ваших желаний, мадам.

Он прошел дальше, и Екатерина огляделась; она не ви-

дела герцога Амаля, которому велела присутствовать на балу.

Она подозвала герцогиню де Гиз.

— Мадам, я не вижу здесь вашего брата Амаля.

— Да, госпожа. Его здесь нет.

— Почему?'

— Госпожа, страдает от приступа лихорадки.

Глаза Екатерины сузились.

— Или от приступа спеси! — раздраженно бросила она и поманила к себе юного Генриха де Гиза. Как он был привлекателен! А как красив! И каким мужчиной должен был когда-нибудь стать!

— Я опечалена тем, что не вижу здесь вашего дядю герцога Амаля, — сказала она.

— Мне жаль, что его отсутствие печалит Ваше Величество.

— Приступ лихорадки? — спросила она.

— Мадам, вы не посылали ему приказа явиться сюда.

— Я сказала, что желаю видеть вашу семью.

— Мадам, он подумал, что если вы желаете видеть нашу семью, то вам нужны только я и мой дядя кардинал.

— Я желала, чтобы Амаль был здесь, — надменно сказала Екатерина. — Ссылка на лихорадку его ничуть не извиняет.

— Мадам, — сказал мальчик, — членам нашей семьи ничуть не приятно оказывать знаки дружбы нашим врагам.

— Не задирайте нос, юноша, — сказала она. — Если вы будете слишком много мнить о себе, я велю вас выпороть. Как вам известно, вы пока не совсем мужчина. Еще недавно вас кормили с ложечки. Хорошо бы вам не забывать этого.

Множество глаз сразу уставилось на вспыхнувшее лицо молодого герцога.

— Мой дорогой герцог, — смягчившись, продолжила Екатерина, — помните о вашем возрасте и необходимости подчиняться моей воле.

Генрих принужденно поклонился и оставил королевую мать. Было бы неправильно, подумала Екатерина, если бы Колиньи и Гизы оказались сидящими рядом за столом; она приняла меры для того, чтобы тех и других разделяли

несколько прочих гостей. Когда пир закончился, она поднялась и обратилась к собранию:

— Дамы и господа, вы знаете, что я пригласила вас сюда с одной целью и что моя цель — положить конец клевете; ибо только клеветой можно назвать необоснованные слухи, порочащие достоинство какого-нибудь человека. Мы оплакиваем безвременную смерть нашего дорогого и любимого герцога Франциска де Гиза, нашего величайшего воина, павшего от руки подлого убийцы. То, что произошло во время осады Орлеана, было грязным делом; мы выражаем искреннее соболезнование семье погибшего герцога и вместе с ней скорбим о том, кого мы любили как нашего собственного брата. Однако слухи, возникшие после его смерти, оказались не менее подлыми, чем те кровавые злодеяния, и среди нас есть человек — один из наших честнейших и добродетельнейших людей, — которого эти слухи обвиняют в убийстве герцога. Дамы и господа! Эти слухи — злостная клевета. Убийца признал их ложью, и именно по этой причине я пригласила сюда моего глубокоуважаемого адмирала Франции и того, кто, вероятно, пострадал больше всех от этого ужасного злодейства. Я имею в виду, конечно, сына герцога Франциска де Гиза, нашего дорогого Генриха, который теперь стал главой своего дома и который, я знаю, продолжит славный путь его мужественного и бесстрашного отца. Адмирал Гаспар де Колиньи и герцог Генрих де Гиз, подойдите ко мне.

Они встали со своих мест и медленно приблизились к королеве-матери: адмирал — бледный, со сжатыми губами; герцог — пылавший пунцовым цветом и с высоко поднятой головой.

Екатерина встала между ними.

— Дайте вашу руку, адмирал, — сказала она. — А теперь вы, герцог.

Она соединила их руки. Правая ладонь Генриха исчезла в руке адмирала; левая ладонь осталась лежать на рукоятке шпаги.

Наступила полная тишина; два врага взглянули друг на друга так, что всем стало ясно, насколько им обоим было не по душе то, что королева-мать хотела бы считать их примирением. Однако Екатерина не видела того, что видели остальные. Будь она на месте Колиньи, она бы без

колебаний обняла Генриха де Гиза, чем убедила бы зрителей в искренности своего желания дружить с его домом. Если бы она была Генрихом де Гизом, она приняла это объятие, не переставая строить различные планы уничтожения своего врага. Величайшим недостатком Екатерины было то, что она судила о людях по себе.

— Я желаю, чтобы в знак полного примирения вы поцеловали друг друга, — сказала она.

Колиньи наклонился, чтобы поцеловать в щеку Генриха, однако тот внезапно отпрянул и воскликнул так громко, что весь зал слышал его слова:

— Мадам, я не могу поцеловать человека, чье имя упоминалось в связи с трагической гибелью моего отца!

Екатерине захотелось ударить по этой надменной физиономии, а потом кликнуть стражу и велеть бросить дерзкого юнца в одну из темниц, где его гордый дух в конце концов был бы сломлен. Однако она всего лишь состроила жалобную улыбку, будто хотела сказать: «Ох уж эта самонадеянная молодость!»

Она потрепала его по плечу и сказала что-то о его недавнем потрясении; затем потребовала встряхнуть руку, что должно было доказать его дружеские чувства к адмиралу.

По залу пролетел невнятный ропот. Церемония превратилась в фарс. Екатерина понимала это, но не хотела признавать своего поражения; тем не менее, глядя на хорошо сложенную фигурку и гордое лицо этого высокомерного юнца, она уже знала, что, как только Франциск де Гиз оказался лежащим в могиле, на его место встал другой, очень похожий на него человек, который в будущем причинит ей немало беспокойств.

Знала Екатерина и то, что ропот в зале означал одобрение. Он означал: «Герцог умер. Да здравствует герцог!»

Король Карл был счастлив, как никогда прежде. Он любил, и его любовь была взаимна.

Марию он встретил в одной из поездок по стране. Она оказалась так же молода, как он, и так же застенчива. Сначала она даже не поняла, что он был королем Франции; это и оказалось самым пленительным в ней. Она любила

его самого, а не его положение; он впервые любил ту, которая любила его.

Мария Шотландская уже давно стала недостижимой мечтой. Мария Туше, дочь провинциального судьи, жила рядом с ним — но при этом, такая юная и невинная, новая Мария тоже была не от мира сего. Узнав, что ее возлюбленный был королем Франции, она хотела убежать от него.

— Послушайте, моя драгоценная Мария, — сказал он тогда, — важно совсем не это. Вы меня любите, и вы должны продолжать меня любить, потому что мне нужна любовь. Она мне нужна, как ни одному другому человеку во всей Франции.

Ей можно было рассказать о тягостных временах его меланхолии и о том, что, когда они проходили, ему хотелось бы совершать жестокости и причинять кому-нибудь физическую боль. «Но теперь у меня есть вы, моя дорогая, и, может быть, этих приступов больше не будет. Меня преследуют страхи, Мария, — когда эти ужасные страхи охватывают меня по ночам, то мне необходимо кричать и видеть кровь, чтобы хоть немного избавиться от них».

Она утешала и успокаивала его, а потом они провели вместе свою первую ночь. Он поселил ее во дворце. Его мать знала об их любви.

— Итак, вы стали мужчиной, мой сын! — тоном утробного изумления сказала она.

— Что вы хотите сказать, мадам?

— Только то, что сказала. Вы стали мужчиной.

— Мама, вам не нравится Мария, да?

Его глаза были полны испуга. Глядя в них, Екатерина улыбнулась; он знал, что если Мария не понравилась ей, то Мария не осталась бы надолго во дворце и не смогла бы дарить ему счастье и покой. Его руки дрожали; он ждал, что ответит мать.

— Мария? Ваша малолетняя любовница? Но, видите ли, я едва ли заметила ее.

— Как я рад!

— Что? Рады тому, что ваша любовница непримечательна ни красотой, ни остроумием?

— Мадам, — сказал он, — те, кого вы не замечаете, могут не опасаться за себя.

Она пристально посмотрела на него и увидела в его лице то упрямство, которого прежде не замечала. Он не дал бы ей так просто отобрать у него любовницу. Но зачем это нужно? Какой вред могла причинить эта маленькая Туше? Она была просто ничтожна. Туше и вправду могла не опасаться за себя.

— Ах, да я не возражаю. Развлекайтесь, сын мой. Ни одна женщина, даже самая добродетельная, не может устоять против короля.

Он пробормотал:

— Вы ошибаетесь в Марии. Она не знала... кто я. Она полюбила меня еще до...

Екатерина хлопнула его по плечу.

— Ну что вы, сын мой. Ваша мать хотела всего лишь подразнить вас. Ступайте и развлекайтесь с этой малюткой Туше сколько вашей душе угодно. Я не имею ничего против нее. Она мне даже по нраву.

Он поцеловал ее руку, и она осталась довольна им; он все еще слушался ее, а ей ничего большего и не требовалось.

Все старания растлить его, по-видимому, закончились неудачей. Тем не менее едва ли было вероятно, что он мог родить потомство. Итак, предстоял любопытный эксперимент — испробовать его на юной Туше. Если в разумные сроки не появится ребенок, то можно без опаски женить его и тем самым удовлетворить народ Франции.

Генрих вырослел. Ему уже исполнилось семнадцать лет. Вскоре он должен был вполне созреть для трона, и потому нужно было внимательно следить за Карлом.

Под влиянием Марии Карл изменился. Мария вдохновляла его, помогала поверить в собственные силы и позволяла жаловаться на брата, который всегда был в фаворе у его матери. «Мария, она бережет его как зеницу ока. Иногда кажется, что она хочет отдать ему трон».

«Но она не сможет этого сделать, — говорила по-провинциальному благоразумная Мария. — Покуда трон принадлежит тебе, у нее ничего не получится».

В компании Марии он впервые почувствовал себя королем.

Однажды к нему робко вошел слуга и сказал, что с ним

желает поговорить королева Наварры, которая в это время была при дворе.

Он принял ее радушно, потому что ему нравился спокойный и строгий характер Жанны, у нее были достоинства, которых ему не хватало и которыми он желал бы обладать. Правда, она была гугеноткой, но как раз недавно Мария по секрету призналась ему в том, что тоже чувствовала себя склонной к протестантской вере; он запретил ей рассказывать об этом другим, и сам не собирался никому открывать ее тайны, однако с тех пор стал симпатизировать гугенотам, к которым прежде был безразличен.

Жанну пригласили к нему. Она поцеловала его руку.

— Вы хотите что-то сказать мне, дорогая тетя? — спросил Карл. — Может быть, мне попросить мою мать присоединиться к нам?

— Сир, я бы желала поговорить с вами наедине.

Карл был польщен. Все остальные настаивали на присутствии его матери, поскольку знали, что без нее не мог быть решен ни один важный вопрос.

— В таком случае излагайте ваше дело, — сказал Карл, почувствовавший себя так, как должен был бы чувствовать себя самый могущественный из всех существующих королей.

— Сир, как вы знаете, через несколько дней я еду в Пикардию. Мой сын очень долго жил отдельно от меня, и я думаю, настало время представить его нашим вассалам в Вандоме, через который лежит мой путь. Я прошу вашего милостивейшего позволения взять его с собой.

— Но, моя дорогая тетя, — сказал король, — если таково ваше желание, то Генриху, разумеется, следует сопровождать вас.

— Значит, я могу считать, что получила ваше позволение, сир?

Он видел, какой радостью озарилось ее лицо, и у него защипало в глазах. Как это было приятно — доставить такое большое удовольствие, выполнив такую незначительную просьбу! Какое ему было дело до того, что этот шумный и нецеломудренный Генрих Наваррский покинет двор?

— Да, я даю вам такое разрешение.

— От всего сердца благодарю вас, сир.

Она схватила его руку и еще раз поцеловала.

— Дорогая тетя, — сказал он, — очень рад, что могу доставить вам удовольствие.

— Вы дали слово, — сказала она, — и я знаю, ничто на свете не заставит вас нарушить его. Могу я пойти и сообщить эту чудесную новость моему сыну?

— Разумеется, — сказал Карл.

Она вышла, а он еще долго улыбался, думая о том, как иногда приятно быть королем.

Екатерина расхаживала взад и вперед по апартаментам, а Карл жалобно смотрел на нее — уже не как король, а как провинившийся мальчик.

— Что вы наделали? Есть ли у вас хоть крупичка ума, — впервые выйдя из себя, воскликнула Екатерина, — если вы позволили этой волчице пробраться сюда и прямо из-под нашего носа выхватить своего детеныша? Как же вы, мсье, рассчитываете усмирить гугенотов, когда не можете удержать даже этого соплика Генриха Наваррского? Вы *отпустили* его. Никаких условий. Никаких! «Я хочу получить моего маленького Генриха, — говорила она. — Ему нужна его *мамочка!*» И вы, глупец, отвечаете: «Конечно, забирайте его, дорогая тетя. Он ведь всего лишь мальчик...» Дурак! Идиот! Он был заложником. Наследник Наварры... в наших руках! Если бы Жанна Наваррская посмела угрожать нам — я имею в виду вас и ваших братьев, — я бы угрожала ей смертью или заточением ее драгоценного мальчика. А вы, безмозглый тупица, отпустили его! Нет, я этого не позволю. Мальчик останется здесь. И впредь не смейте отдавать ни одного приказа без моего разрешения. Не выполняйте ничьих просьб, не спросившись у меня, понятно?

— Но она его мать, и когда она просила отдать ей сына, у нее слезы стояли в глазах. Они и так слишком долго были разлучены. Я не мог отказать ей.

— Вы не могли отказать ей! И, конечно, другие слышали, как вы удовлетворили ее просьбу?

Карл промолчал.

— Так или нет? Я спрашиваю! — повысила голос его мать.

— Да. Другие слышали.

— Дурак! Не думала я, что у меня будет такой безмозглый сын. Ваш брат Генрих никогда не повел бы себя так глупо. Я отменяю ваше распоряжение. Принц Наварры не покинет двора. Его мать поедет одна. Прекратите дрожать и подпишите этот указ.

— Но я дал слово.

— Вы немедленно подпишете эту бумагу.

Карл пронзительно закричал:

— Я устал слышать, что Генрих сделал бы то и Генрих сделал бы это! Генрих еще не стал королем этого королевства! Король — я! Я... и когда я говорю...

— Подпишите это, — сказала Екатерина. Она толкнула его в кресло и вложила перо в его руку. Он оглянулся через плечо; ее лицо было совсем рядом — бледное, с огромными, навывкате, глазами. Он дрожал сильнее, чем прежде. У него было такое чувство, будто ее взгляд пронизывал его насквозь.

Он начал писать.

— Ну, вот и хорошо, — сказала она. — Теперь мы можем обсудить ваш необдуманный поступок. Ах, сын мой, мне ли не знать, что вы это сделали по вашей сердечной доброте, но и вы никогда не забывайте, что власть дана вам, чтобы любить вас и помогать вам мудрым советом. Никогда не решайте таких важных вопросов, сперва не посоветовавшись со мной, ибо я не желаю вам ничего, кроме счастья и... — тут ее лицо еще больше приблизилось к нему, — и... *безопасности*. Видите ли, мой дорогой Карл, то, что вы сделали, могло развязать новую гражданскую войну. А что, если бы ваши враги одержали победу? Ну, что тогда? Что, если бы они заточили вас в тюрьму? Думаю, вам не пришлось бы по вкусу лежать в какой-нибудь мрачной темнице... совсем рядом с камерой пыток... в обществе крыс... до тех пор, пока...

— Умоляю, не надо, — захныкал король. — Вы правы. Вы всегда правы. Генриха Наваррского нельзя отпускать. Я подписал указ. Вы не дадите ему уйти. Вы не дадите... вы...

Она кивнула.

— Вот теперь, — сказала она, — я узнаю нашего мудрого короля.

Но с Жанной Наваррской нельзя было справиться так же просто, как с королем Карлом. Обе женщины смотрели друг на друга и чувствовали, что их взаимная ненависть сейчас была сильнее, чем когда-либо прежде.

— Моя дорогая кузина, я не могу позволить вам забрать этого мальчика. Я смотрю на него как на собственного сына. Более того, если ему предстоит жениться на моей дочери, то он должен воспитываться вместе с ней. Как вы знаете, мы обе всегда желали, чтобы наши дети полюбили друг друга. У меня тает сердце, когда я вижу их вместе.

— Мадам, — ответила Жанна, — с вашими словами нельзя не согласиться. Однако мой сын уже и так достаточно времени провел при дворе. Неплохо бы ему напомнить о его собственном королевстве.

— О, мы приложим все силы, чтобы он не забыл о нем! Нет, мадам. Я слишком люблю этого мальчика, чтобы отпустить его от себя.

— Я тоже люблю его, — продолжала настаивать мать Генриха. — Поверьте, если бы не безотлагательность этой поездки, я бы с радостью оставила его под ваше наблюдение.

Екатерина улыбнулась.

— Думаю, именно так вы и поступите. Мадам, я уже пригляделась к Генриху и отлично знаю, что пойдет ему на пользу. К сожалению, вы только недавно прибыли в Париж и еще не успели понять всего, что происходит здесь. Я знаю, что для Генриха лучше всего остаться с его кузинами и продолжать обучаться придворным манерам. Признаюсь, когда он впервые появился здесь, я была поражена. У него были манеры какого-то варвара. Теперь он немного исправился, и я не могу желать, чтобы он возвращался в провинциальную глушь.

Екатерина с удовольствием посмотрела на вспыхнувшее лицо Жанны.

Жанна сказала:

— Мадам, на этот счет вы можете не беспокоиться. У моего сына будут гувернеры и наставники.

— Но их гораздо проще найти в Париже, чем в Беарне. Моя дорогая кузина, я требую, чтобы он остался здесь.

Позже, когда Карл и Екатерина были окружены придворными, она имела дерзость вернуться к этому делу.

— Никогда не поверю, — сказала она, — будто какие-либо препятствия смогут помешать мне взять с собой моего сына.

Екатерина холодно ответила:

— Мадам, этот вопрос мы уже решили.

— Король, — продолжала настаивать Жанна, — милосердие разрешил мне покинуть Париж вместе с моим сыном. Тому есть много свидетелей. Я не сомневаюсь, мадам, что, когда вы сказали об отмене королевского указа, Ваше Величество шутили. Я знаю, какой недопустимой дискредитацией Его Величества было бы предположение о том, что он может нарушить свое слово.

Король слегка покраснел. В окружении придворных он чувствовал себя увереннее.

— Вы совершенно правы, мадам, — сказал он. — Это обещание будет выполнено, ибо его дал я, а мое слово нерушимо.

Впервые за много лет Екатерина была вынуждена признать свое поражение. Слишком много глаз внимательно смотрели на нее. Ей хотелось убить на месте и Жанну, и Карла. Тем не менее она спокойно улыбнулась.

— Да будет так, как сказал король, — проговорила она. — Мадам, вам останется только заверить нас в том, что мир и спокойствие Франции не будут подвергнуты опасности.

Жанна поклонилась.

— Мадам, вы оказываете мне огромную честь, прося о сотрудничестве в решении таких важных государственных задач. Я никогда не нарушу верность своему суверену.

Она помолчала, затем добавила:

— Только угроза моему собственному дому может поколебать мою решимость верой и правдой служить Вашему Величеству.

А на следующий день Жанна покинула Париж, и рядом с ней ехал верхом ее сын.

Екатерина оказалась права, когда объявила сыну, что тот допустил непростительную глупость, отпустив на свободу их бесценного заложника. Во Франции снова разразилась гражданская война.

Как-то раз королю и его двору пришлось спешно перебираться из Блуа в Париж, спасаясь от отрядов Конде;

это событие напугало Екатерину больше, чем все происходившее в последние месяцы. Слыша о расправах французских протестантов над католиками или католиков над протестантами, она лишь пожимала плечами, однако мысль об опасности, грозившей королевскому дому Валуа, приводила ее в ужас. Она знала, что план Колиньи состоял в похищении короля и предоставлении трона принцу Конде.

В это время Екатерине выпало немало горьких дней. Принцу Конде помогали деньгами королева Англии, герцог Савойский и маркиз Бранденбургский. В отчаянии Екатерина обратилась к Испании, но, хотя та и желала оказать ей поддержку, эта страна не делала ничего, не получая что-либо взамен; а Филиппа Екатерина боялась еще больше, чем принца Конде. Тогда-то она и подписала мирный договор в Лонжюмо. Однако Екатерина не могла забыть того, что случилось бы, если бы гугенотам удалось пленить короля; вопреки мирному соглашению последовали бы заговоры и контрзаговоры. Екатерина замышляла захватить в плен Конде и юного Генриха Наваррского. Конде — уже снова женатый — чудом избежал пленения, и в отместку возобновились гонения на него и на гугенотов. Опять грянула война; Жанна с ее сыном, Конде и Колиньи укрылись в обороняемом гугенотами Ля-Рошеле.

Своим единственным счастьем и гордостью Екатерина была обязана той репутации, которую на полях сражений заслужил ее сын Генрих. Такая репутация была тем приятней, чем неожиданней. Кто бы мог подумать, что Генрих, с его светским лоском, с его любовью к драгоценностям и украшениям, вечно окруженный этими опрятными и женственными юношами, окажется таким бесстрашным и блестящим воином!

Генрих был умен. Это признавали даже его враги. Он славился остроумием и тонким знанием изящных искусств. Он был очень красив, хотя и той красотой, которую французы называли «чужеземной». Его миндалевидные черные глаза ясно указывали на его итальянские корни; белые, изумительно вылепленные природой и холенные им самим руки вызывали зависть и восхищение всего двора. И этот женственный Генрих становился великим вое-

начальником! Он становился также и очень тщеславным военачальником, потому что у него не хватало терпения спокойно дожидаться обещанного ему трона. Как и его мать, он внимательно следил за Карлом и прикидывал, сколько тот мог еще прожить.

Недавно Екатерина лишилась дочери Елизаветы, которая умерла при родах. Она не любила Елизавету так, как любила Генриха, но гордилась ее положением в мире, а потому тяжело переживала смерть той, которую в свое время благословила на испанский трон. Однако Генрих, ее любимый и ненаглядный сын, стал наградой за все, за все эти страдания. В ее жизни не было большей радости, чем видеть, что он слушал ее, как не слушал никого другого; он делился с ней всеми своими планами и очень редко что-нибудь предпринимал, не посоветовавшись с ней. Во всех ее испытаниях и бедах Генрих всегда был рядом, чтобы поддержать и утешить ее.

Мать Генриха Наваррского смотрела на своего сына безо всякого благодушия. Ему было всего четырнадцать лет, но годы, проведенные при французском дворе, казалось, уже сделали из него мужчину. Он пользовался достаточным успехом; жители Ля-Рошеля громко приветствовали его всякий раз, когда он показывался на улице. Они улыбались тем его качествам, которые тревожили мать Генриха.

В свите Жанны состояла одна молодая девушка, Корисанда д'Андьен; она была ненамного старше Генриха. Эта девушка недавно вышла замуж за сына графа де Грамона, которого Жанна глубоко уважала и дружба с которым была важна для ее дела. И вот юный Генрих, имевший так мало почтения к законам брака, что мог полностью пренебрегать ими, воспылал любовью к Корисанде.

Он преследовал эту девушку буквально повсюду, а вскоре Жанна прознала и об их тайных встречах. Затем уже весь Ля-Рошель обсуждал любовную связь наследника Беарна и мадам Корисанды.

Жанна пробовала образумить сына. Она пробовала увещевать его. Тот обычно был добродушен и ленив. Он соглашался со всеми ее возражениями и доводами, но это, объяснял он, было любовью. Он пожимал плечами — в своей элегантной манере, которой, должно быть, выучил-

ся при французском дворе. Его мать слишком старомодна; она долго жила в провинции и многого не понимала. Любовь? Любовь — это важнее всего. Его мать не должна бояться за него; он исправно поведет своих солдат в бой; однако в делах любви: «Ах, мама, это дело, которое касается только любовника и любовницы».

Жанна воскликнула:

— Вы хотите сказать, что эта женщина уже стала вашей любовницей? Вы... еще мальчик!

— Ну, не совсем мальчик, — сказал он и пожал плечами.

В Жанне взбунтовались все ее пуританские инстинкты; однако когда она взглянула в это жизнерадостное юношеское лицо и разглядела в нем эти до боли знакомые чувственные черты, то поняла, что протест бесполезен. Перед ней вновь были его отец и ее отец, и ее дядя, Франциск Первый. И все они, как бы ни были сильны или слабы в бою, нуждались в женщинах, которые давали бы им то, что они просили.

— Как по-вашему, что скажут гугеноты о таком поведении их предводителя?

Он снова пожал плечами.

— Французы, католики они или гугеноты, всегда поймут, что такое любить.

И с этими словами он оставил ее, чтобы не опоздать на свидание со своей заблудшей Корисандой.

Марго выросла; в отличие от нее самой, остальные только сейчас начали это замечать.

Между братьями королевской семьи пролегла рознь. Карл ревновал к тому предпочтению, которое его мать оказывала Генриху. В присутствии младшего брата он никогда не чувствовал себя в безопасности. Генрих постоянно следил за ним. И, как признался Карл Марии Туше, Генрих не был французом, которых всегда можно понять, он был итальянцем, а французы не зря относились с подозрением к итальянцам.

Закончив свою победоносную военную кампанию, Генрих вернулся домой еще более привлекательным и еще более честолюбивым, чем прежде. Он заметил, как повзрослела его сестра Марго с тех пор, как он в последний раз

видел ее. Заметил он в ней и то, чем не обладали другие члены его семьи. Марго была немногим более чем ребенком; она еще не была развита; однако трудно было не видеть, что в ее маленькой ветреной головке оказалось достаточно здравого смысла.

Генрих решил воспользоваться им. Он понимал, что он и Карл всегда будут врагами, и захотел привлечь Марго на свою сторону.

Он предложил ей прогуляться по садовым дорожкам Фонтенбло, и Марго, почувствовавшая важность этого предложения, немедленно согласилась. Ее всегда волновали приключения и интриги.

Прохаживаясь с сестрой по зеленым аллеям дворцового сада, Генрих положил руку на ее плечо — жест, который обрадовал Марго, потому что она не хуже, чем Карл, знала о предпочтительном положении Генриха в их семье, вследствие чего его расположение было для нее крайне желательно. Марго больше всех на свете боялась матери, но в то же время и усердно добивалась ее санкции на некоторые свои поступки. Дружба с любимчиком Екатерины могла помочь ей найти общий язык с королевой-матерью.

— Вы могли заметить, дорогая Марго, — сказал Генрих, — что из всех своих братьев и сестер я всегда любил только вас одну.

Марго улыбнулась, потому что если Генрих так думал, то подобные мысли должны были быть мыслями и ее матери.

— Много счастливых дней мы провели вместе, — продолжил Генрих, — но теперь мы уже не дети.

— Да, Генрих. Мы уже не дети. Вы стали великим воином. Вы уже сделали себе имя.

Он сжал ее руку и, приблизив к ней лицо, произнес:

— Марго, вся моя сила заключена в милости нашей матери королевы.

Марго согласилась с его словами.

— Но, Марго, я слишком часто отлучаюсь от двора. Продолжается война. А мой брат Карл всегда находится рядом с ней. Он льстит ей и во всем слушается ее.

— Она никого не полюбит так, как любит вас, Генрих. Я это знаю.

Он сказал:

— У меня много врагов, которые могут навредить мне, когда меня здесь нет. Наша мать всегда остается при дворе, а я... а я не всегда могу защитить себя.

— Карл не думает ни о чем, кроме своих развлечений с Марией Туше и охоты на диких зверей.

— Он развлекается не только с Туше, но и со своими головорезами, и он не всегда будет довольствоваться охотой на зверей. Однажды он лишит меня чина лейтенанта и попытается сам повести армию в бой. Я хочу, чтобы при дворе кто-то отстаивал меня перед королевой. Вы, дорогая сестра, — мое второе я. Вы преданны и умны. Сделайте это для меня. Будьте всегда с нашей матерью, а если услышите, что ей говорят что-нибудь необычное, найдите способ и мне дать знать об этом. Не отступайте от нее ни на шаг и постарайтесь завоевать ее доверие. Вы меня понимаете?

У Марго сверкнули глаза.

— Да. Я понимаю, Генрих.

— Я поговорю с ней о вас. Я скажу ей, как я люблю вас. Я скажу ей, что вы — моя любимая сестра, мое второе я. А сами вы не должны уж очень бояться ее. Не теряйтесь, когда она обращается к вам. Все, что вы сделаете для меня, поможет и вам, Марго.

Генрих положил руки на плечи сестры и заглянул ей в глаза; он увидел то, что хотел увидеть. Он был героем войны. Марго, юная и впечатлительная, горела желанием стать его рабыней и работать на него против короля.

Генрих повел ее к Екатерине и рассказал матери о том, как любит он свою сестру; о том, что она была его вторым я, а также и о том, какую роль он поручил ей играть при дворе. Екатерина притянула к себе дочь и поцеловала в лоб.

— Итак, вы, Марго, будете блюсти при дворе интересы вашего брата?

— Да, мадам.

— Вам придется отказаться от ваших обычных глупостей и фривольности. Вы будете следить за вашими братьями... и за их друзьями.

— Да, мадам.

— Хорошо, дочь моя, в этом я помогу вам. Генрих, мой

сын и ваш брат, мне дороже самой жизни. Так ли вы любите его?

— Да, мадам.

Екатерина обняла ее и сына; когда ее холодные руки коснулись дочери, Марго почувствовала, что все вместе они стали одной троицей; и это чувство не становилось хуже от того, что их троица могла не быть святой.

Ее взросление оказалось удивительно захватывающим процессом. Порученную роль Марго играла со всем рвением, на какое была способна. Она старалась превзойти самое себя: она всюду следовала за своей матерью; она часто составляла компанию королю Карлу; она всегда была готова защитить интересы своего отсутствующего брата.

Однако в натуре Марго был один изъян, который временно упустили из виду ее брат и мать. Марго выросла и развивалась, но делала это не в одном, а в нескольких направлениях. Она не переставала заниматься своими нарядами; она стала самой известной модницей королевского двора; поверх своих черных длинных волос она один день носила золотой парик, а другой — розовый. Все наряды, которые вводила в моду Марго, были исключительно вызывающими, нацеленными на то, чтобы будоражить воображение мужчин.

А ко двору прибыл Генрих де Гиз.

Генрих тоже повзрослел, они были уже не мальчиком и девочкой, а мужчиной и женщиной. Он искал любую возможность, чтобы остаться с ней наедине и говорить о своих чувствах.

— Я всегда любил вас, — сказал он, прогуливаясь с ней по аллее дворцового сада.

— И я... я тоже всегда любила вас, Генрих.

Марго погладила его по бороде. Она была не единственной женщиной, думавшей, что ни во Франции, ни во всем мире не было мужчины, который мог бы сравниться с Генрихом де Гизом; прочие говорили, что все мужчины переставали существовать, когда среди них появлялся хоть кто-нибудь из Гизов.

— Мы поженимся, — объявил Генрих. — Я знаю, как это устроить.

— Это обязательно нужно устроить, — согласилась Марго.

Он взял ее руки и поцеловал с той пылкостью, которая всегда разжигала чувства его возлюбленной.

— Это было бы гораздо легче сделать, если бы был жив мой отец, — предупредил Генрих.

Она уже была в его руках — страстная и нетерпеливая.

— И все-таки мы все устроим, — сказала она.

— Марго... я не могу ждать до свадьбы.

Марго засмеялась.

— Я тоже!

— Где мы можем уединиться?

Интрига была восхитительной вещью, но в мире Марго первое место принадлежало любовной интриге. Как она могла без конца защищать интересы брата, когда ей представилась возможность стать любовницей этого совершенно неотразимого Генриха де Гиза?

Марго без труда нашла во дворце место, где они могли остаться вдвоем.

И после этого Марго уже не интересовалась ничем, кроме свиданий с ее любовником. Она была ненасытна. Ей никогда не хватало Генриха. Он был ее любовником — единственным на всей земле человеком, по-настоящему важным для нее. Ради него она пошла бы на смерть. Она объявила, что не выйдет замуж ни за одного другого мужчину. Их свидания становились все более частыми, и чем более частыми, тем все более необходимыми для Марго. Чувственная и безмерно страстная, она открыла для себя то, без чего уже не могла обойтись.

Она была неудержима. Она желала немедленного брака. Генрих был более осторожен. В чувственности и страстности он не уступал Марго, — они подходили друг другу, как только могут подходить друг другу двое любовников — однако если Марго не желала ничего, кроме любви, то у Генриха было еще и честолюбие. Он являлся не только любовником Марго, но и главой могущественного дома Гизов, и его воспитание не позволяло ему забывать об этом. Даже в самые упоительные минуты их близости он помнил о том, что она была принцессой Валуа и, следовательно, обещала самую выгодную из всех доступных ему брачных партий.

— Нам нельзя быть такими беззаботными, — однажды сказал он.

— Генрих, дорогой, о чем нам беспокоиться?

— Нам нужно беспокоиться, Марго, потому что ничто не должно встать на пути к нашему браку. До тех пор мы не будем полностью счастливы. Вы только подумайте о том, что этот брак будет значить для нас!.. Мы всегда будем вместе.

Она пылко поцеловала его.

— Я никуда не отпущу вас. Я последую за вами на войну. Не воображайте, будто сможете уехать отсюда без меня!

— Да, — сказал он. — Нам нельзя расставаться. Но пусть это будет нашей целью. Марго, вы так порывисты!.. Нам нужно ждать... и действовать с великой осторожностью. Что, если нас попытаются разлучить?

Она страстно прижалась к нему. В эту минуту ей не хотелось думать ни о чем, кроме их близости. Он засмеялся, но был немного смущен. Марго казалась ему идеальной любовницей, и он обожал ее; однако временами его посещали мысли о том, какую неистовую страсть он пробудил в ней. Он еще не знал ни одной женщины, которая хоть чуточку походила бы на такую чувственную, такую порывистую и неудержимую принцессу Франции. Он сам был молод и горяч, но и он не мог не поражаться ей.

Она ни о чем не могла говорить серьезно. Она желала его немедленно... сейчас же. Ее не останавливало даже то, что они были в дворцовом саду. Кому же случится зайти в этот укромный уголок? И кто посмеет сказать хотя бы слово против принцессы Марго и герцога Гиза?

— Дорогая моя, — сказал Генрих, — я желаю вас так же, как вы желаете меня, но я еще и хочу, чтобы состоялась наша свадьба. Я хочу быть уверенным в нашем союзе. Мне нужно, чтобы он был прочным и долгим... на всю нашу жизнь.

Она запустила пальцы в его волосы.

— Но, Генрих, конечно! Так все и будет!

— Королева-мать недолюбливает меня. И король тоже.

— Но вы же принц, а я принцесса. У меня не будет никого, кроме вас.

— Я знаю. Знаю. Но все равно, будьте осторожны, моя дорогая.

Но она не слушала его. Она смеялась над Генрихом, а он, такой же юный и страстный, не мог не восхищаться ею.

Любовники думали, что их любовь оставалась незамеченной. Но они ошибались, и одним из влиятельных людей, видевших истинное положение дел между принцессой Маргаритой и герцогом де Гизом, оказался дядя герцога, кардинал Лотарингии.

Кардинал был удивлен в той же степени, в какой и обрадован. Сам он познал немало эротических походов — так что теперь уже отчаялся в попытках открыть какое-нибудь доселе неизведанное извращение. Он был готов уделять внимание любой юной и привлекательной особе — неважно, какого пола, — в которой примечал малейший намек на новизну. Разумеется, Генрих представлялся ему несмышленным новичком в искусстве наслаждений, однако на любовную связь между племянником и принцессой Валуа он смотрел не без удовольствия, а потому почувствовал своим долгом предостеречь его.

Он попросил мальчика зайти к нему в покои и, убедившись в том, что за ними не подглядывают, а за драпировкой не скрыты никакие средства коммуникации, изложил ему свои мысли.

— Мы недоступны ни для одного из дьявольских приспособлений этой старой змеи королевы-матери, так что, дорогой племянник, давайте поговорим начистоту. Я заметил, что вы приятно проводите время с принцессой Марго.

Генрих немного покраснел.

— Если вы хотите сказать, что я люблю ее, то это так.

Кардинал поднял свою красивую белую ладонь и внимательно посмотрел на рубины и сапфиры, унизывающие пальцы.

— Хочу вас поздравить. Должно быть, она восхитительная любовница. Вы счастливчик, Генрих.

Генрих принужденно поклонился. Зная репутацию своего дяди, он не желал ни обсуждать с ним Марго, ни смо-

треть в его порочные глаза и читать скрытые за ними мысли.

— Я бы предпочел не обсуждать мои отношения с Марго, — сказал он.

— Однако именно этим нам придется заняться. Ох, вы меня неправильно поняли, Генрих. Я не собираюсь вас расспрашивать о тех волнующих минутах, которые вам выпало счастье пережить. Полагаю, они восхитительны — если не несравненны, — ибо я сомневаюсь, что даже при нашем дворе найдется какая-нибудь другая дама, столь же одаренная в этом величайшем из искусств. Но вы молоды, вы горячи, и вы влюблены; и вы не расположены обсуждать свою любовницу с человеком моей репутации. Вот видите, племянник, я все понимаю. Я читаю ваши мысли. Ну что ж, давайте в таком случае поговорим не о романтическом, а о практическом. Племянник, я горжусь вами. Весь дом Лотарингии гордится вами. Впрочем, больше мы гордились бы вами, если бы вы сделали принцессу не любовницей, а супругой, ибо ничто не смогло бы нас порадовать больше, чем соединение дома Лотарингии и дома Валуа. Ваш брак был бы идеальным браком.

— Я тоже так думаю, — сказал молодой герцог. — И всей душой желаю, чтобы он состоялся.

— В этом я на вашей стороне, но не воображайте, будто вы можете пойти к королю или королеве-матери и сказать: «Я предлагаю свою руку и судьбу принцессе Марго». Все не так просто. У этой змеи есть другие планы на ее любящую дочь.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы расстроить эти планы.

— Да, да. Только не забывайте о благоразумии. Вам не следует ходить по двору с принцессой и обмениваться с ней такими взглядами, что весь двор сразу понимает, как приятно вы вдвоем проводите время.

— Но... мы никому ни о чем не говорили!

— Ваши лица, ваши улыбки говорят за вас. Они говорят о том, что принцесса Марго уже не девица. Марго каждого придворного оповещает обо всем, чем она наслаждалась, и обо всем, чем намеревается насладиться... даже если вы сами не трезвоните об этом. Так больше не может продолжаться. Не знаю, успела ли проведать обо всем ко-

ролева-мать или ее внимание еще слишком занято государственными делами, но если ей хоть что-нибудь известно, то я бы просил вас внимательнее относиться к вашей пище и вину. Всегда следите за тем, чтобы сначала их отведал один из ваших слуг. Никогда не покупайте перчатки или книги у людей, в преданности которых не совсем убеждены. За свою жизнь Екатерина и ее итальянцы изучили столько возможных уловок, сколько французы не видели за целые века. Будьте осторожны, племянник. Екатерина выторговывает для Марго партию с принцем Португалии. Сегодня она еще не лелеет мысли о союзе с нашим домом.

— Для Марго все время велись какие-нибудь переговоры. Сначала с принцем Наваррским, затем с Доном Карлосом, теперь с принцем Португалии.

— Это не значит, что одна из них не может чем-нибудь закончиться.

— Я не допущу этого.

— Послушайте-ка, племянник: элегантным и благородным хорошо быть в присутствии вашей любовницы. Со своим старым и немало повидавшим дядей вы можете быть полностью искренним. Вы хотите жениться на принцессе Марго. Я и весь наш дом поможем вам в этом. Поэтому-то я и умоляю вас соблюдать осторожность. Постарайтесь скрыть ваши намерения до того дня, когда будет целесообразно показать их. Дорогой мальчик, вы близки мне так, как если бы были моим собственным сыном, — и даже ближе, ибо вы стали главой нашего дома. Мои братья, ваши дяди, обсудили это дело со мной и все до единого согласились в том, что нашему дому необходим ваш брак с принцессой Валуа. Но вам нужно беречь себя. Мы не хотим вашей смерти. Ваши братья, Карл и Луи, не обладают вашими достоинствами. Вот почему вы должны послушаться нашего совета, то есть продолжать наслаждаться вашей любовницей, еще крепче привязать ее к себе; но при этом действовать с максимальной осторожностью; более того, вы поступили бы мудро, если бы попутно стали ухаживать за какой-нибудь другой придворной дамой и тем самым рассеяли подозрения двора. Думаю, вам это было бы нетрудно сделать; ведь, как говорят во Франции, нет ни одного юноши, который мог бы сравниться с

Генрихом, герцогом де Гизом, — и всего несколько женщин, которые могут устоять перед ним. Ваш успех у мадемуазель Марго, я полагаю, не потребовал от вас слишком больших усилий. Мальчик мой, у вас есть и обаяние, и привлекательная внешность, и сила, и положение. То есть у вас есть все, что нужно дому Гизов. Послушайте меня, не пренебрегайте моим советом, а извлекайте из него пользу для нашего дома. Вот, к примеру, принцесса де Клеве зачастую оглядывает вас, мой мальчик, весьма красноречивыми взглядами; она изнывает от влечения к вам. Я уверен, никому не покажется странным, если вы будете ухаживать за ней, — по общему мнению, она была бы превосходной партией для вас.

— У меня нет намерений жениться на ком-либо, кроме Марго.

— Разумеется, у вас нет таких желаний, как и мы не желаем вам этого. Однако ради королевы-матери и ее шпионов я прошу вас, пофлиртуйте немного с принцессой де Клеве. Не давайте королеве-матери повода думать, что у вас есть надежды на Марго. Мой дорогой Генрих, не мне вам объяснять, как фатально разворачиваются события, когда королева-мать обращает свой холодный взор на какого-нибудь человека и решает, что он мешает ей.

— Такие любовные связи вызывают у меня отвращение.

— Ах, да бросьте вы, наконец! Вы глава знатнейшего дома Франции или просто влюбленный мальчик? Объясните Марго, что так нужно для дела. Думаю, она не охладет к вам, если вы будете смотреть куда-нибудь еще.

Кардинал положил руку на плечо Генриха.

— Может быть, вам суждено великое будущее, — прошептал он. — Взгляните на сыновей Екатерины: Карл, сумасшедший на троне; Генрих, какой-то извращенец, а не принц; Эркюль, этот маленький уродец с его оспинами. А после них?.. Принц Наварры? Ленивый неудачник. Я успел заметить в нем кое-что такое, что в руках женщин сделает его податливым, как воск. Конде долго не проживет, учтите это. Какой-нибудь наш солдат или королева-мать, кто-нибудь вскоре покончит с ним. Ах, мой дорогой герцог, я знаю, как много людей стоят между вами и троном, — но парижане любят вас, как любили вашего отца.

Я слышал их крики на улицах. Париж думает за Францию и решает за Францию!

Генрих отпрянул: он слышал эти крики, и они сейчас стояли в его ушах. Король Франции! А Марго — его королева!

Кардинал улыбнулся.

— А почему бы и нет? — сказал он. — Брак с принцессой Валуа, вне всяких сомнений, приблизил бы вас к трону. Ах, мальчик мой, не будьте безрассудны, не упустите своего шанса. Проявите себя как католик — даже проявляя себя как любовник.

Марго была в ярости, и Генрих никакими силами не мог успокоить ее.

Как смел он бросать такие взгляды на Екатерину де Клеве? Она видела, как он улыбался; и еще она видела, как эта женщина отвечала ему.

Он пытался объяснить:

— Марго, я люблю вас больше всех на свете. Я не желаю никого, кроме вас. Но многие заметили нашу любовь, а этого нельзя допускать.

— Кто заметил? Кто? — настаивала она. — И какое мне до них дело? Зато я знаю, что все заметят, как вы окручиваете меня с этой мерзавкой. Я ненавижу ее. Я велю ее прогнать. Я не могла поверить, что вы смеете так обращаться со мной.

Ее успокоение стоило ему пылких объятий в постели, а также сотни поцелуев и уверений в том, что он не думает ни о ком, кроме нее. Затем, лежа рядом с ней, он решил объясниться с ней.

— Мой дядя, кардинал Лотарингии, знает о том, что происходит между нами.

— Этот развратник! Этот ханжа в кардинальской мантии!

— Знаю, моя дорогая. Но у него великий ум. Он говорит, что ради нашей безопасности нам лучше не показывать свою любовь.

— Ради безопасности? Он трус. Он даже в церкви носит кольцо под ризами. Он боится, что кто-нибудь ударит его кинжалом — потому что заслуживает этого.

— Принцесса, любовь моя, нам нужно быть мудрыми.

Если между нами что-нибудь случится, наши сердца будут разбиты.

Она заплакала и прижалась к нему.

— Поклянитесь, что вы не любите ее.

— Я не люблю никого, кроме вас, Марго. Я должен делать вид, будто ухаживаю за ней, потому что кое-кто прознал о нашей любви. Нам нужно думать о нашем будущем. Нам нужен брак, но сейчас все было бы против нас. Ваша мать ведет переговоры о вашем браке с принцем Португалии. Как вы думаете, что случится, если станет известно о том, кем мы стали друг для друга?

— Не знаю и не хочу знать. Меня не волнует ничего, кроме того, чтобы мы продолжали быть теми, кем стали друг для друга. Я боюсь только своей матери... ох, ужасно боюсь. В ней есть что-то такое, что всегда пугает меня. Но я выдержу ее гнев; я все выдержу ради вас, Генрих.

Ему оставалось только обнять ее, пробормотать новые уверения в бесконечной верности ей и зажечься от нее порывами еще более пылкой страсти.

— Марго, — наконец сказал он, — поймите меня. От этого зависит наше будущее. Когда вы увидите, как я улыбаюсь принцессе де Клеве, помните, что мое сердце принадлежит принцессе Марго.

— Учтите, за каждую такую улыбку вы заплатите мне двумя, а если поцелуете ее руки, то будете заглаживать свою вину двадцатью поцелуями.

Она обвила руки вокруг его шеи и всем телом прильнула к нему.

— Генрих, любимый мой, я обожаю вас.

— Так вы меня поймете? И будете знать, что все мои поступки и помыслы нацелены только на наше будущее, что я не желаю ничего, кроме союза с вами?

Она притянула к себе его голову; ее поцелуи, сначала нежные, становились все более жаркими и ненасытными.

— Ах, Марго, Марго, — проговорил герцог де Гиз, — в целом мире еще не было такой женщины, как вы.

Она рассмеялась.

— Если бы все женщины были похожи на меня, то в мире не было бы ни войн, ни политики. Все люди занимались бы только любовью, больше у них ни на что не хватало бы времени. Но тогда всем мужчинам нужно было

бы стать такими желанными для женщин, как вы — а в мире нет ни единого, хоть немного похожего на вас, мой любимый.

Нелегко было оставаться мудрым, обладая такой женщиной; находясь рядом с ней, Генрих забывал о том лучезарном видении, которое открыл ему дальновидный кардинал Лотарингии.

Захваченная своей страстью, Марго совершенно забыла о другом Генрихе, ее брате, чьи интересы она обещала защищать при дворе.

Вернувшись с войны, Генрих нашел ее очень изменившейся и, подобно кардиналу Лотарингии, понял, что означают эти ее изменения. Он разозлился, что она могла забыть свои обещания, но когда узнал о том, кто был ее любовником, его злость перешла в ярость.

Генрих был достаточно умен, чтобы понимать натуру сестры. Роль лазутчицы Марго исполняла со всей добросовестностью, на какую была способна, но Марго была рождена для того, чтобы любить мужчин. Ее любовник был для нее важнее всего на свете; ради него она предала бы всех и вся — даже родного брата. Было вполне вероятно, что Генрих де Гиз уже выведал у нее все, что могло интересовать его. Не из того сорта была Марго, чтобы утаивать хоть что-то от человека, которого так любила.

Намерения Гиза были ясны как день. Он хотел гораздо большего, чем Марго; он хотел альянса с королевским домом. А Марго, эта несмышленная вертихвостка, до сих пор не взяла в толк, что у дома Валуа не было более грозного врага, чем дом Гизов и Лотарингии.

Генрих застал сестру в покое.

— Идиотка! — закричал он. — Изменщица! Что вы позволяете себе с Генрихом де Гизом?

Марго широко раскрыла свои прелестные глаза и изумленно уставилась на брата. Ее любовник ясно дал понять, что если они надеются на брак, то в настоящий момент должны держать свои намерения в тайне.

— Я не понимаю вас, — проговорила Марго.

Он схватил ее за плечи и встряхнул.

— Он и вы были вместе...

— Что заставляет вас так думать, мсье? И уберите, по-

жалуйста, ваши руки. Не приносите во двор эти солдафонские манеры.

Генрих взбеленился — Марго должна была служить ему. Но сейчас она целиком принадлежала Генриху де Гизу.

— Вы пренебрегли моим интересом, — прошипел он.

— С чего вы взяли? Просто было не о чем сообщать.

— Ваше внимание было слишком поглощено глазами Генриха де Гиза.

— А ваши уши, мсье, слишком поглощены пустыми сплетнями.

Генрих оставил ее и направился к матери.

— Вы знаете о любовной связи между Марго и Гизом?

Екатерина знала. Через трубы, проложенные в стенах дворца, она слышала кое-какие разговоры этих любовников. Бесстыдство Марго не могло не смешить ее. В определенных местах она укрывала своих шпионов, и те в деталях докладывали ей о том, что происходило между этой парочкой. Она не ошиблась в своей дочери, когда с ее раннего детства начала следить за ней.

— Мой дорогой сын; Себастьян Португальский вскоре будет здесь и станет супругом вашей сестры.

— И вы сквозь пальцы смотрите на ее поведение с Гизом?

— Уже поздно что-либо предпринимать.

— Это скандал...

— Марго никогда не сможет обойтись без скандалов. Но об этом скандале все равно никто не узнает в стране, где она будет жить. Я уже говорила со всеми, кто будет встречаться с Себастьяном и его свитой.

— Значит, наши любовники могут преспокойно наслаждаться друг другом?

— Я бы сказала, что их наслаждения — не из самых спокойных, — грубо расхохоталась Екатерина. — Впрочем, меня больше радует то, что вы наконец-то вернулись. Мне всегда приятно видеть вас, мой дорогой.

— Мама, она должна была работать на меня.

— Мой дорогой, разве вы не знаете, что есть только один человек, который всегда будет работать на вас?

— Это я знаю.

Он поцеловал ее руку и, опустившись на колени, позволил погладить себя по голове. Он думал об одном уди-

вительном прелестном юноше, с которым познакомился только недавно: де Гуа. Какой красавец! Какая элегантность! Ничего на свете не желал он так страстно, как быть со своим новым другом. Его раздражало то, что Марго изменила ему и тем самым вынудила терпеть эти назойливые материнские ласки.

— Мама, — сказал он, — вы не понимаете всерьез того, что делает Марго. Почему? Гизы наши враги. Они слишком сильны и слишком честолюбивы. Герцог Генрих это тот же герцог Франциск.

— Дорогой мой, я внимательно слежу за тем, что происходит вокруг. Я не допущу, чтобы вам кто-нибудь навредил. У меня все под наблюдением. Когда будет необходимо, мсье де Гиз заплатит сполна.

— Ради его спокойствия, — не унимался Генрих, — умоляю, ускорьте свадьбу моей сестры и принца Португалии.

— Ради вас, мой дорогой, я не остановлюсь ни перед чем, даже перед собственной смертью.

Он поцеловал ее в обе щеки. Она просияла — как и всегда, когда он проявлял к ней нежность, о которой она не просила. Ее улыбка говорила о жажде быть любимой. Точно так же она жаждала любви Генриха, который так унижал и позорил ее с Дианой де Пуатье. Сыновние чувства, решила она, благодарней, чем супружеские. Она привлекла его к себе и ласково поцеловала.

— О, дорогой мой, — сказала она, — как я счастлива снова видеть вас дома!

— У меня нет никого, дороже вас, дорогая мама... А вы *ускорите* переговоры с Португалией?

— Непременно, сын мой.

Марго пришла в ярость, но не поверила в возможность брака с принцем Португалии. Ее Генрих не должен был допустить этого. Генрих и его всемогущий род желали их свадьбы, а Гизам редко не удавалось добиваться того, к чему они стремились.

Ее семья была настроена против нее. Ее брат Генрих теперь играл на чувствах ее брата Карла; он рассказал Карлу о честолюбивых планах Генриха де Гиза жениться на его сестре — Гиза, сына герцога Франциска, который

вслед за своим отцом вообразил, будто у него есть какие-то права на французский трон. А каким бы он стал королем! — думала Марго. И какой бы я была королевой! Одна лишь мысль могла бы бросить ее в объятия герцога Генриха. Парижане обожали его. Но кто мог его не обожать? Она была предана ему всей душой. Если бы он пожелал выхватить корону у ее брата — ну что ж, она бы сделала все возможное и невозможное, чтобы помочь ему. Марго была предана своему любовнику и только ему одному собиралась хранить верность. Если бы она могла принести ему корону Франции в качестве свадебного подарка, то она была бы счастлива сделать это, пусть даже понадобилось бы переступить через труп брата. Даже корона была всего лишь небольшим вознаграждением за то счастье, которое он подарил ей.

Ее братья теперь ненавидели ее. Карл, тот просто орал на нее; Генрих донимал своими сарказмами. Но какое ей было дело? Они не могли коснуться ее любви.

Недавно Карл закричал на нее:

— Говорю вам, я не потерплю этого шпиона при моем дворе! Я велю убить его! Король я или нет?

— Если бы вы, сир, сейчас увидели себя, то воздержались бы от таких риторических вопросов, — вспыхнула она.

Она была в отчаянии и не смогла удержаться от того, чтобы не съязвить.

У Карла на губах выступила пена.

— Высечь ее! — заорал он. — Я сам ее высеку!

Пылая глазами, он бросился на нее. В своем безумии он и в самом деле был ужасен — она должна была помнить, что имела дело с королем. Он мог отдать приказ, и ее заточили бы в темницу. Во время припадка он запросто мог это сделать. Она побежала к Марии Туше и попросила у нее защиты.

— Мария, дорогая, я обидела короля. Спасите меня от него.

И отзывчивая Мария пошла к королю и принялась успокаивать его, как никто другой не умел его успокаивать. Его сестра Марго была всего лишь ребенком. Ему следовало помнить об этом. Марго очень жалеет о том, что обидела его.

— Она... она распутница. Она... она отдаст всю себя и все наши секреты Генриху де Гизу.

— Но, мой повелитель, она любит его — разве можно винить ее за это? Разве мы с вами не любим друг друга?

Марго чуть не рассмеялась. Блаженная Туше и умалишенный Карл... в сравнении с ней и Генрихом!

Однако урок не пропал для нее даром. Ей нельзя было допускать таких оплошностей. Иначе она могла бы подвергнуть опасности Генриха; и ведь ему уже удалось заставить кое-кого думать, будто он собирается жениться на принцессе де Клеве.

Ее брат не был буйным сумасшедшим вроде Карла, но он был очень зол на нее. И его она боялась гораздо больше, чем Карла, потому что знала о содержании его бесед с матерью.

Однажды Екатерина послала за ней, и, войдя в ее покои, она внезапно задрожала; она почувствовала, что ее ладони вспотели, как это бывало в детстве.

— Подойдите сюда, — сказала Екатерина. Марго подошла и сделала реверанс. Ее губы коснулись материнской руки.

— Встаньте, — сказала Екатерина. — Обойдемся без церемоний, дочь моя.

Она холодно посмотрела в глаза дочери. *Мадам Змея*, подумала Марго, приготовившаяся принять удар.

Екатерина начала расхаживать взад и вперед по апартаментам.

— Дочь моя, вам настала пора выйти замуж. Вы уже не дитя, а принцессы рано вступают в супружескую жизнь. У Марго застучало в висках. — Я приложила немало сил, стараясь устроить ваше будущее, и, как мне кажется, подготовила блестящую партию для вас.

— Мадам... — начала Марго, но Екатерина с таким изумлением посмотрела на дочь, осмелившуюся перебить ее, что та немедленно замолчала.

— Король Португалии Себастьян раздумывает над тем, взять ли вас в жены.

У Марго потемнело в глазах.

Екатерина продолжала:

— Как вам известно, он приходится племянником королю Испании, и Филипп не видит препятствий для вашей

го брака. Сам же Себастьян пожелает сделать вас своей супругой, как только вы во всей вашей девичьей красе предстанете перед ним. Дочь моя, сейчас вы не ведаете, какие обязанности наложит на вас супружество, и поэтому вам пригодятся кое-какие разъяснения по этому вопросу. Не забывайте, что я ваша мать, а значит, помогу вам и расскажу о том, что вы желаете знать о предметах, в которых, будучи девицей, еще не просвещены.

Марго густо покраснела; она поняла, что ее мать знает о ее любовной связи. Ей хотелось быть такой же надменной, как с Карлом и Генрихом, но она оцепенела от того леденящего ужаса, который всегда испытывала в присутствии матери.

— Ну, говорите, дочь моя! Скажите, как вы счастливы узнать о партии, которую я устроила вам. Ведь вы желаете этого брака, не правда ли? Извольте отвечать, когда вас спрашивает ваша мать!

Холодные материнские глаза остановились на ней, и Марго почувствовала себя так, как будто увидела перед собой сверхъестественное существо, что-то сверхчеловеческое и ужасное, что угрожало убить ее любовь и обречь на жалкое существование, которое должно было длиться всю оставшуюся жизнь. Она вспомнила, что ее любовник велел ей сохранять спокойствие и что только обман мог принести им победу.

— Я... у меня нет собственных желаний, — выдавила она из себя. — Все мои желания зависят от вашей воли.

Екатерина разразилась хохотом. Она взяла Марго за ухо и притянула к себе.

— Все ваши желания зависят от моей воли... и от воли мсье де Гиза, а?

Марго вскрикнула от боли, но мать еще сильнее потянула ее за ухо. Затем к этому же уху она приблизила губы и стала шептать то, что, по представлениям Марго, могло быть известно только ей и ее любовнику. Вся грубая циничность Екатерины сказалась в этом поступке. Ее громкий смех и тихие, но внятные слова заставили Марго содрогнуться.

— Распутница! Шлюха! Это вы его соблазнили... а не он вас. Это вы домогались, чтобы он затащил вас в постель. Брак! О каком браке может идти речь? Принцесса Фран-

ции, для которой я пытаюсь устроить величайший брак из всех, какие только знал мир, оказывается просто уличной потаскухой, умоляющей о милости герцога де Гиза. «Генрих... возьмите меня... возьмите меня... Сейчас... прямо сейчас... Я больше не могу. Я желаю вас...»

Екатерина снова расхохоталась.

— Принцесса Франции оказалась самой легкой из всех побед мсье де Гиза!

С этими исполненными презрения словами Екатерина отшвырнула Марго от себя — и Марго, которая всегда славилась своей смышленостью, которая могла увернуться и убежать от кого угодно, осталась лежать там, где упала, и беспомощно смотреть, как ее разъяренная мать медленно и величественно приближалась к ней.

— Встать! — прокричала она, и Марго немедленно поднялась.

Екатерина наотмашь ударила Марго по лицу, и ее перстни расцарапали щеку девушки.

— Ах, нет! — сказала Екатерина. — Так дело не пойдет. Ваш будущий супруг не должен знать о том, что его супругу избили за ее прелюбодеяния с герцогом де Гизом.

Она властно притянула Марго к себе.

— А как по-вашему, почему Гиз сделал вас своей любовницей? Потому что любит вас? Потому что он от вас так же без ума, как вы для него бесстыдны? Отнюдь! Он сделал это только потому, моя глупая блудница, что кардинал Лотарингский велел ему соблазнить вас и таким образом помешать вашему браку с человеком, которого я для вас выбрала. Вот их замысел! «Генрих, я желаю вас». «А я вас, Марго. Вас и все, что вы можете принести мне. Не ваше распутное тело, глупышка, а ваше имя и положение, раз уж вы не только потаскуха, но еще и дочь королевского дома, самого знатного и древнего дома Франции».

— Вы лжете, — сказала Марго. — Он любит меня... меня.

— Глупышка! Мсье де Гиз не из того сорта, который говорит «нет», когда женщина так настаивает.

— Вы лжете...

Екатерина схватила Марго за рукав и потащила к кушетке. Затем толкнула на нее и склонилась над дочерью.

— Ах, как вы бесстрашны, моя дорогая! Вы смеете го-

ворить мне, вашей матери, что я лгу! Вы смеее домогать-ся ухаживаний мсье де Гиза! Вы смеее быть любовницей человека, который угрожает королю и всей вашей семье!

Екатериной произошел один из тех редких случаев, когда она теряла контроль над собой. Ей померещилось, что она слышит голос Марго: «Я желаю вас, Генрих». Ей померещилось, что она слышит взволнованный, страстный ответ Генриха де Гиза. Однако тот голос принадлежал не ему; перед ее глазами был другой Генрих — тот, который, ох, как давным-давно это было, ласкал и любил свою любовницу, как никогда не умел любить свою супругу.

В приступе безумной ярости она сорвала с Марго одежду и стала люто избивать ее.

— Не по лицу! Не сейчас! — кричала она. — Мы не станем показывать королю Португалии, что наша дочь оказалась потаскухой. Мы будем бить вас там, где следы побоев не будут видны никому... за исключением, возможно, мсье де Гиза.

Она схватила трость с золотой ручкой, которой пользовался Карл, когда покидал дворец во время своих ночных оргий. Вновь и вновь эта трость опускалась на тело Марго, и все это время перед глазами Екатерины продолжалось то, что она видела сквозь потайное отверстие в стене дворца Сен-Жермен. Все это время ей казалось, что перед ней лежит не Марго, а Диана де Пуатье.

Марго готовилась встретить своего поклонника. На ней было шитое золотом платье; ее драгоценности были великолепны, а ее глаза сверкали таким же холодным блеском, как и те бриллианты, что висели на ней. Она говорила себе: «Я никогда не выйду за него замуж. Я выйду за Генриха. У нас будет какой-нибудь выход, и мы найдем его».

Сегодня она видела Генриха де Гиза. Он, как обычно, был в компании принцессы де Клеве. О! Генрих вел себя умнее, чем она. Он знал о ее чудесной беседе с матерью; еще вчера он умолял ее сохранять спокойствие и благоразумие. Только ради него она изобразила покорную овечку и сделала вид, будто подчинилась материнской воле.

Сегодня она улучила момент и сказала ему: «Позже мне нужно будет повидаться с вами. Я хочу прийти к вам в моем богатом платье и в моих украшениях. Я сказала, что на-

дену их на встречу со своим женихом. Мой жених — вы». Он обомлел: «Это опасно, Марго».

Но инстинкты Марго не позволяли ей думать об опасности. Она должна была увидеться с ним. Они так давно не любили друг друга. Уже два дня... Целая вечность! Сегодня вечером, после всех церемоний, связанных с приездом короля Португалии, они встретятся. Ведь он знает о той небольшой комнатке рядом с ее покоями в Лувре? Она придет туда, а он будет наготове. Они всю ночь проведут вместе. Им это необходимо. Она не может больше ждать. Они должны быть вместе всю ночь напролет. Если бы не эта перспектива, она бы не выдержала сегодняшних церемоний.

Он согласился прийти на свидание, и Марго, потратившая немало сил на свой туалет, знала, что еще никогда не выглядела так прекрасно.

— Ах! — воскликнула одна ее служанка. — Вы смотрите как принцесса, собирающаяся на встречу с любовником.

Марго пылко обняла ее, и та поняла, что это означало.

— Проследи, чтобы ночью мои двери были надежно заперты, — шепнула она.

— Моя бесценная госпожа, будьте осторожны.

— Не бойся за меня.

— Это опасно, госпожа.

Марго рассмеялась: если опасность заключалась в объятиях Генриха де Гиза, то она любила такую опасность.

— Ах, моя принцесса, как я вас понимаю! Во всей Франции не сыщешь второго такого мужчину.

— Второго такого нет и во всем мире, — заверила ее Марго.

На церемонии встречи со своим поклонником она соблюдала все внешние приличия; ее красота произвела глубокое впечатление на короля Португалии. Она и в самом деле, заключил он, была самой обворожительной дамой французского двора.

Генрих де Гиз был там и наблюдал за ней. Марго задавалась вопросом, чувствовал ли он хоть что-нибудь похожее на те муки, какие чувствовала она, когда он целовал руки Екатерины де Клеве.

Королева-мать тоже наблюдала. Она полагала, что по-

сле наказания дочь будет подчиняться ей. Марго была вспыльчива; она была слишком несдержанна и слишком легко поддавалась страстям; однако Екатерина считала, что знает, как справиться с необузданным нравом своей дочери.

Марго казалось, что этот вечер никогда не кончится; ее раздражали и яркий свет и взгляды придворных. С королем Португалии и его свитой она была обворожительна. Она создавала впечатление, что партия пришлась ей по душе; однако все это время она не переставала следить за Генрихом, который то разговаривал с принцессой де Клеве, то танцевал с ней — и та сияла так, словно в целом мире для нее не было ничего более желанного, чем улыбка герцога де Гиза.

Марго мучилась и не могла дожидаться окончания церемонии.

Наконец все было позади; дворец опустел.

Марго уже успела переодеться; она дожидалась той минуты, когда можно будет выскользнуть из покоев и прокрасться в комнату, где Генриху полагалось встретить ее. Вокруг суетились служанки, они то тут, то там поправляли ее платье и не переставали повторять, что сегодня она была прекрасней, чем когда-либо. Наконец одна из них выглянула за дверь и подала знак, означавший, что в коридоре никого нет; тогда Марго прошмыгнула по коридору, взбежала по лестнице и открыла дверь в заветную комнату.

Он прижал ее к себе, и они взволнованно зашептали о своей любви. Он говорил о своей ревности, она — о своей. Чтобы он видел ее во всем пышном великолепии, она зажгла свечи.

— Этой ночью вы прекрасней, чем когда-либо, — сказал он.

— Я шла на свидание к вам. Если бы не наша встреча, я вырядилась бы какой-нибудь уродиной... так я их всех ненавижу. О, Генрих, неужели я когда-нибудь хоть немного разлюблю вас?

— Надеюсь, что никогда, — улыбнулся он.

Он постелил свой бархатный плащ; увидев это, она рассмеялась.

— Мы познали много необычных постелей. Когда же мы познаем брачное ложе?

— Скоро, Марго, скоро. Но сейчас нам нужно быть вдвойне осторожными. Кто знает, что взбредет в голову этому португальцу?

Когда свечи догорели, любовники лежали, крепко прижавшись друг к другу. Ночь уже прошла, за окном занимался рассвет, и Марго жалела о его приближении.

— Это была самая чудесная ночь в моей жизни, — вздохнула Марго. — Я всегда буду вспоминать о ней.

— Когда мы поженимся, у нас будет много таких ночей. И нам не нужно будет ни от кого скрываться.

Она смеялась и требовала новых поцелуев. Они были так поглощены друг другом, что не слышали, как отворилась дверь, не видели людей, вставших у стены и смотревших на них. Дверь снова затворилась, и вскоре после этого в коридоре началось какое-то оживленное движение, которого даже они не могли не расслышать.

— Не шевелитесь, — прошептал Генрих. — Лежите тихо.

Он беззвучно поднялся на ноги, но, прежде чем успел дотянуться до шпаги, дверь распахнулась. На пороге стоял король; на нем была наспех наброшенная одежда; его налитые кровью глаза неподвижно смотрели на них, а губы то сжимались, то разжимались. За его плечами стояли несколько слуг.

Он махнул рукой.

— Отвести их в покои моей матери. Живо. Не канительтесь с ними.

Любовников окружили. Четверо скрутили отбивавшегося Генриха. Двое схватили Марго. Затем, не выпуская, повели их по коридору в апартаменты королевы-матери.

Екатерина спросонок протерла глаза и уставилась на вторгшихся посетителей, но, разглядев пленников, довольно быстро сообразила, что случилось. Карл, этот несмышленный мальчишка, еще раз попытался действовать без указаний матери; своим безрассудным поступком выставил на всеобщее обозрение любовную связь между его сестрой и герцогом де Гизом. А в этот самый час в Лувре находился король Португалии Себастьян!

Екатерина не знала, кого сейчас ненавидела больше —

своего тупоголового сына Карла или свою распутную дочь Марго.

Разозлившись на них обоих, она не потеряла самообладания.

— Мсье де Гиз, — сказала она, — ваше присутствие здесь не обязательно.

Генрих поклонился и вышел. Больше ему ничего не оставалось делать. Перед уходом он предостерегающе посмотрел на Марго.

Екатерина оглядела оставшихся, и ее взгляд достаточно ясно сказал им о том, что их ждет, если хоть кто-нибудь еще узнает об увиденном ими досадном недоразумении.

— Можете идти вместе с мсье де Гизом, — спокойно произнесла она. — Его Величество и я желаем побыть наедине с принцессой.

Когда в комнате не осталось никого, кроме них троих, Екатерина подошла к двери и заперла ее. Затем подала знак Карлу, и тот, схватив трость, направился к перепуганной сестре. Марго побежала к матери, которая отшвырнула ее обратно к Карлу. Карл кусал губы так, что кровь смешивалась с выступившей на них пеной.

— Постарайтесь выбить дурь из этой наглой девчонки, — сказала Екатерина. — Она встречается со своим поклонником и в ту же ночь назначает свидание с любовником! Ну так задайте ей трепку. Пусть знает, как позорить всех нас.

Затем Екатерина дала волю своей ярости. Богатое платье Марго было изодрано в лохмотья. Обессиленная и истекающая кровью, она умоляла о пощаде. Однако пощада не входила в намерения истязателей.

За свою жизнь Марго вынесла немало побоев, но еще никогда ее не били так, как на этот раз. Наконец она лишилась чувств и обмякла. Лежащую без сознания, Карл продолжал осыпать ее ударами трости; вид крови всегда приводил его в исступление, и сейчас он был в неменяемом состоянии.

Екатерина посмотрела на дочь. Провинившихся детей не раз забивали до смерти, однако смерть Марго ее совсем не устраивала. Ярость Екатерины прошла. Кроме того, уже начался новый день, в комнате было светло.

— Хватит! — приказала Екатерина.

Однако остановить Карла было непросто. Он хотел видеть, как течет кровь. Так бывало всегда, когда им овладевало безумие. Он требовал отрубить голову Генриху де Гизу.

— Смерть ему! Смерть! — кричал он. — Пытать его... И пусть все видит Марго! Пусть она видит кровь и пот на его голом теле! А мы посмотрим, узнает ли она своего любовника!

— Молчать! — скомандовала Екатерина.

Король повернул к матери свое перекошенное лицо; его глаза были налиты кровью, губы дергались, по подбородку текла слюна. Рука с тростью застыла в воздухе.

— Мой дорогой сын, — положив руку на дрожащее плечо сына, сказала Екатерина, — будьте осторожны. Вы знаете этих Гизов. Что, если они посадят вас на свое место? Что, если вы сами... будете истекать потом и кровью, а? Вспомните, *кого* вы хотите пытать. Вспомните герцога Франциска. Вспомните кардинала. Будьте осторожны, мой сын.

— Он умрет! Умрет! — тяжело дыша, произнес Карл.

— Да, умрет, — успокоила его Екатерина. — Но умрет, когда это будет нужно *мне*... а не вам. Прилягте на кушетку, мой дорогой. Отдохните. Предоставьте все хлопоты вашей матери. Она знает, что делать. Она не позволит забрать ее дорогого мальчика... не позволит пытать его.

— Они не посмеют. Они не смогут. Я король!

— Вы король, и вы мудрый король, потому что вы будете слушаться меня. Ложитесь, мой сын, а все остальное предоставьте мне. Не всегда ли я бываю права? Увидите, мы слоим непокорного мсье де Гиза. Он больше не будет любить вашу сестру.

Екатерина подвела его к кушетке и немного успокоила; она пригладила его растрепанные волосы и своим платком вытерла его губы. Он лег и закрыл глаза.

Затем Екатерина отперла дверь и позвала слуг.

— С принцессой случился обморок. Принесите воды. Ее нужно умыть. Она сильно ушиблась при падении. Ну же, пошевеливайтесь!

Принесли воды. Она сама обмыла обезображенную синяками и ссадинами Марго, укутала ее в свой халат и пошла отнести дочь в ее апартаменты.

Она объявила:

— Принцессе нужно будет несколько дней отдохнуть. Проследите, чтобы она не покидала своих покоев. Я извинюсь за ее плохое самочувствие.

После этого Екатерина вернулась в постель. Когда началась обычная церемония ее пробуждения, она казалась спящей, а во время одевания спокойно и строго смотрела в зеркало.

В один из последующих дней Екатерина провела немало времени со своими верными помощниками — братьями Руджери и парфюмером Рене, который изготавливал прелестные перчатки и продавал изысканные драгоценности в своей лавочке, расположенной на набережной напротив Лувра.

Она нарядилась в одежду уличной торговки, так что никто не узнал бы величественной королевы-матери в этой дородной женщине с корзиной на локте и в платке, скрывавшем половину ее лица. Дворец она покинула тайным ходом, который был известен лишь нескольким людям, не считая ее самой, — да и то лишь потому, что существовал задолго до ее приезда во Францию.

Направляясь к дому Руджери, который стоял у самой реки и у заднего входа которого почти всегда качалась на волнах привязанная к берегу лодка, она не смогла удержаться от того, чтобы не подойти к простым людям, толпившимся на рынке, и не попытаться узнать мнение парижан о королевском доме.

— Войны... опять эти нескончаемые войны... — сказала какая-то женщина. — За что в нашей стране льется столько крови?

— За что льется кровь? За правую веру, — прикрыв лицо платком, ответила она.

— За правую веру! Как бы не так! За права знати, которая не может поделить власть между собой, — вот за что льется наша кровь!

— Ах... скоро в Париже состоится одна пышная свадьба, — сказала Екатерина.

— Свадьба-то пышная, да похмелье будет горькое. Говорят, у этого португальца прибавится головной боли.

Екатерина грубо расхохоталась и немного придвинулась к говорившей.

— Верно, о принцессе ходят какие-то слухи?

— А вы не слышали? Она без ума от герцога де Гиза — да хранит его Бог! — и уже давным-давно стала его любовницей... чуть ли не тогда еще, когда они оба лежали в колыбели. Говорят, наша Марго не желает знать ни о чем, кроме своей любви... точно так же, как ее дед, наш великий король Франциск. Вот уж был мужчина! Ни на одну женщину не мог взглянуть так, чтобы не захотеть взять ее к себе в постель. Говорят, Марго такая же, как он.

— Стало быть, это хорошо, что она так быстро выходит замуж?

— Хорошо-то хорошо, да только смотря для кого. Для нее... или для него?

Екатерина двинулась дальше. Итак, слухи о поведении Марго уже проникли за стены дворца!

Руджери встретили ее с радостью, которую у них всегда вызывало появление королевы-матери. Они сразу провели ее в свою потайную комнату.

— Мне нужно сделать подарок одному мсье, — сказала она. — Этот мсье занимает высочайшее положение — а поэтому очень привередлив в своих вкусах. Такому человеку подойдет только самый изысканный и очень ловко сработанный подарок.

Братья смущенно переглянулись. Они были бы счастливы помочь Екатерине избавиться от какого-нибудь малозаметного человека, который встал на ее пути, однако их испугала мысль о возможности применения их изделий против сильных мира сего.

— Если вы чувствуете, что вам лучше не знать имени этого человека, — добавила Екатерина, — то я не буду называть его.

Однако они уже знали. Из всех слухов, просачивавшихся сквозь стены дворца, не было ни одного такого, который не нашел бы дорогу к дому братьев Руджери; а о любовной связи герцога Гиза и принцессы Маргариты, казалось, болтали все уличные торговки и жены рыбаков.

Братья Руджери не горели желанием участвовать в преступлении, замышляемом против человека такого положения.

— Я даю вам двадцать четыре часа, в течение которых вы должны что-нибудь придумать. То, что вы сделаете, не

должно вызвать ни малейших подозрений. Не перчатки... не книга... нет, что-нибудь другое. Это должно быть таким, что еще никогда не применялось. Однако действовать оно должно очень быстро.

Братьев Руджери Екатерина оставила дрожащими от страха. Они поняли, что их попросили убрать главу одного из могущественнейших родов во Франции. Их страх был вполне обоснован. Они сидели, молча уставившись друг на друга, но при этом каждый видел коварное, умное лицо кардинала Лотарингского. И королева-мать просила их помочь убрать племянника этого всесильного человека — племянника и главу его дома!

Покинув их, Екатерина снова вышла на улицу.

Она не заметила, что одна из тех женщин, возле которых она остановилась немного поболтать, проследовала за ней, держась немного сзади, до самой лавочки парфюмера Рене, куда она завернула по пути в Лувр. На какое-то время она забыла, что шпионы дома Гизов были так же многочисленны и умелы, как и ее собственные.

Она спустилась в тайный подземный ход и сменила одежду. Затем поднялась в свои покои, отперла дверь и пошла навестить дочь.

Марго лежала в постели. К счастью, ее лицо мало пострадало от побоев, однако тело было сплошь покрыто синяками и ссадинами, из-за которых девушка не могла двигаться. При виде матери она съежилась и задрожала.

Екатерина приложила ладонь к ее лбу.

— Ах, моя доченька, мне кажется, что вам уже немного лучше, — сказала она и, откинув одеяло, задрала на Марго ночную рубашку. — Бедное дитя! Как жаль вашу непорочную красоту! Ведь вы так прелестны, доченька! Разве она не прелестна?

Екатерина оглянулась на прислугу, а потом опять посмотрела на съежившуюся Марго.

— При дворе нет прекрасней девушки, чем принцесса, — согласилась одна служанка.

— Я пришлю специальные мази, которые помогут заживить раны. Через пару недель она будет здорова.

Екатерина накинула одеяло и подоткнула его с заботливостью любящей матери.

Затем она вернулась к себе, чтобы успеть одеться на

бал, который должен был состояться во дворце в этот вечер.

Пока служанки укладывали ее волосы и поправляли драгоценные украшения, она думала о том, что ей предстояло пристально следить за Карлом. Он не умел владеть собой. Он мог запросто проболтаться или каким-нибудь другим способом разоблачить заговор против герцога де Гиза. У ее любимого Генриха, к счастью, было достаточно ума, чтобы в этот момент показать себя настроенным дружелюбно к Генриху де Гизу — ровно настолько, чтобы рассеять его страхи, но не возбудить подозрений. Однако от ее припадочного Карла едва ли можно было ожидать подобной сообразительности.

Она пошла в покои короля и, отпустив его слуг, попросила внимательно выслушать ее.

— Я надеюсь, сегодня вечером вы не совершите какого-нибудь опрометчивого поступка, когда увидите Гиза?

— Нет, мама. Но я ненавижу его. Он пытается отобрать у меня корону. Я уверен, пока Гизы так сильны, в нашем королевстве не будет мира.

— Верно. Но это значит, что сейчас мы должны принять все меры предосторожности. Обещайте, что вы не будете кричать на него, когда увидите сегодня вечером. Ради всего святого, не давайте ему думать, что вы жаждете его крови.

— Не буду, мама. Я не так глуп, как вам кажется.

— Разумеется, вы вовсе не глупы. Вы — умный король, который слушается свою маму.

— Все равно, — сказал Карл, — я не успокоюсь до тех пор, пока не накажу его за то, что он сделал с Марго.

— Лучше наказать его за то, что он может сделать с вами и вашим братом, мой дорогой.

Но разве могла быть какая-то польза от разговоров с Карлом? Он был безумен.

Когда в величественном зале дворца объявили имя герцога де Гиза, Екатерина с отчаянием увидела, как побавровело лицо Карла. И прежде чем успела помешать ему, тот уже стоял у двери, преграждая дорогу герцогу.

— Куда вы направляетесь, сир? — закричал Карл тонким голосом, который был отчетливо слышен во всем за-

ле, потому что все прекратили разговаривать и смотрели на него.

— Сир, — выдержанно ответил Генрих, — я пришел сюда, чтобы служить Вашему милостивейшему Величеству.

— Мсье, — произнес Карл тоном, который казался сверхчеловечески спокойным, — я не нуждаюсь в ваших услугах, так что извольте удалиться.

Генрих де Гиз низко поклонился и немедленно покинул дворец.

Он понял, что отныне ему грозила смертельная опасность, и Екатерина почувствовала, что ей следовало приготовить две порции яда — не только для дерзкого герцога де Гиза, но и для того неисправимого тупицы, что был известен как король Франции.

На постоялом дворе, который служил временным штабом Гизов в Париже, в ту же ночь состоялось совещание.

Кардинал Лотарингский встретился здесь со своими братьями — кардиналом Гизским Луи, герцогом Клодом д'Амаль, Великим приором Франциском и герцогом Рене де Эльбером. Здесь же были и младшие братья и сестра герцога Генриха — Карл, Луи и Екатерина; их овдовевшая мать сидела рядом со своим старшим сыном, на которого поглядывала то с обожанием, то со страхом.

Их семья редко собиралась в таком полном составе; однако все они спешно прибыли в Париж, вызванные сюда кардиналом Лотарингским, чьи шпионы сообщили о том, что королева-мать наметила герцога Генриха в качестве одной из своих жертв.

Говорил кардинал Лотарингский.

— Удар может быть нанесен в любой момент. Генрих, племянник мой, если вы никогда не оказывались в серьезной опасности, то вы оказались в ней сегодня утром.

— Я сумею постоять за себя, — сказал Генрих.

— Мальчик мой, вы сумеете постоять за себя на поле битвы. Я знаю, в открытом поединке вы одержите победу над любым противником. Но когда змея коварно обвиняет вас своими кольцами — так медленно, что вы этого даже не замечаете, — что вы в таком случае можете сделать? Вытащить меч и отрубить ей голову? Не думайте о таких

глупостях! Ее зубы отравлены, и только лишь в последнее мгновение вашей жизни вы увидите, как это скользкое чудовище отпускает вас и уползает восвояси.

— Вам нужно немедленно покинуть Париж, — проговорила напуганная герцогиня. — Дорогой мой мальчик, возьмите коня и скачите в Лотарингию. Я поеду с вами. Я не вынесу, если выпущу вас из виду.

Однако Амаль и его братья покачали головами.

— Бежать бесполезно, — сказал Великий приор. — Вне всяких сомнений, у нее есть свои люди и в Лотарингии.

— Ну так и что? — воскликнула герцогиня. — Вы желаете, чтобы он остался здесь?

Кардинал Лотарингский расправил свою пышную мантию.

— Нет. Из всего этого есть один и только один выход. Должно быть, само Провидение руководило мной, когда я посоветовал моему племяннику ухаживать за госпожой де Клеве. Королева-мать, наш безумный король и его братья — все они сейчас перепуганы. Они боятся, что Марго против их воли выйдет замуж за Генриха. Вот почему они решили устранить причину своих страхов. Мы же должны показать им, что их страхи не имеют под собой никакой почвы. Мы должны убедить их в том, что Генрих для них не опасен. А ведь это очень просто сделать! Генриху нужно только отказаться от мысли жениться на принцессе. Он должен показать искренность своих намерений и немедленно предложить руку принцессе де Клеве.

— Никогда! — воскликнул Генрих. — Я обещал жениться на Марго, и я сдержу свое слово.

— Очень порядочно, очень благородно! — сказал кардинал Лотарингский. — Но хотим ли мы, чтобы Марго достался не супруг, а покойник? Вот видите, мои любезные родственники, как я мудро поступил, выбрав принцессу де Клеве! Она достойна того, чтобы породниться с нашим великим родом. Конечно, брак с Маргаритой Валуа был бы более желателен, но сейчас нам нужно спасать нашего дорогого Генриха, а в этом нам поможет только его немедленный брак с наследницей рода Клеве.

— Это совершенно невозможно, — твердо сказал Генрих. — Я предпочитаю встретить любую опасность, но не этот брак.

— Глупости! Если не этот брак, вы встретите верную смерть.

— Нет ничего хуже бесчестия.

— Ах, оставьте это, глупый мальчишка! Вы слишком любите романтику. Семья принцессы де Клеве согласится на брак так же быстро, как и сама принцесса. А что касается вашей Марго, то вы сможете вволю наслаждаться ею после того, как она простит вас.

— Дядя, вы сами не понимаете, что предлагаете. Вы ничего не понимаете!

— Мой мальчик, я ведь тоже влюблялся. Когда-то я был таким же романтиком, как и вы. Но позже я узнал, что любовь не выдерживает, когда ее слишком долго хранят; она как изысканный плод, который хорош, покуда свеж; потом она сможет вызвать только отвращение, поверьте мне. Для нас, потомков великого рода, гораздо важнее все, что связано с благом нашего дома. Мой мальчик, сейчас вы должны думать не о себе и своей любви, а о чести вашего рода. Нужно показать королеве-матери и ее сыновьям, что нас нельзя уничтожить. Мы должны отступить на шаг; мы поймем, когда можно будет наверстать упущенное; но нам уже достаточно подлых убийств. Пусть никто не думает, будто нас можно так легко убрать, когда мы не нравимся кому-то.

— Я обещан принцессе Марго, — сказал юный герцог. — Я не женюсь ни на ком, кроме нее.

Кардинал Лотарингский пожал плечами; герцогиня заплакала; братья герцога стали упрашивать его; сестра умоляла спасти его жизнь; а все дяди называли его дураком.

Они спорили всю ночь; под утро герцог уступил доводам кардинала Лотарингского и слезам своей матери.

Заручившись его согласием, кардинал не стал терять времени и тут же отправился в Лувр, где попросил аудиенции королевы-матери.

— Я пришел, — сказал кардинал, — чтобы просить милостивейшего позволения Вашего Величества на брак моего племянника Генриха, герцога де Гиза, и Екатерины, принцессы де Клеве.

Екатерина ничем не выразила охвативших ее чувств.

— Ну что ж, мсье кардинал, эта партия кажется весьма удачной. Род Клеве, я думаю, достоин вашего рода — ра-

зумеется, настолько, насколько его вообще может быть достоин какой-либо дом Франции. Уверена, мой сын Карл не будет иметь ничего против такой партии.

— Итак, вы даете согласие? Мой племянник может делать предложение?

— Непременно и немедленно, мсье кардинал. Непременно и *немедленно*.

Кардинал поклонился.

Екатерина продолжила:

— Пусть свадьба состоится прямо на днях. Я желаю оказать честь посетившей нас королевской особе и устроить до отъезда Его Величества как можно больше дворцовых церемоний. Я думаю, брак герцога де Гиза и принцессы де Клеве будет достаточно радостным событием, чтобы Его Величество сохранил добрые воспоминания о нем.

— Да будет так, — сказал кардинал.

И Екатерина отпустила его.

Она была довольна. Рене и братья Руджери могли спать спокойно: на этот раз Екатерина сумела обойтись без их помощи.

Как только Генрих де Гиз стал бы супругом Екатерины де Клеве, сразу осталось бы позади и досадное недоразумение, которое в последние дни портило настроение королевы-матери. Она всегда говорила, что людям следует находить самые простые выходы из сложных ситуаций.

Теперь оставалось только позаботиться о том, чтобы Марго не узнала о предстоявшей свадьбе герцога де Гиза. Это было нетрудно сделать. Марго была еще слишком слаба и не вставала с постели. Екатерине, следовательно, предстояло лишь внушить ее служанкам — своим собственным методом внушения, — что их жизнь зависит от того, насколько мало Марго будет известно о предсвадебных хлопотах ее любовника.

Екатерина вошла в покои дочери и жестом показала, что им нужно остаться наедине.

— Марго, — сказала она, — ваше недомогание уже почти прошло, и сегодня вам предстоит появиться в свете. Однако, прежде чем вы покинете эту комнату, вам следует узнать новость, которая, боюсь, огорчит вас и кото-

рую вам лучше услышать от меня, а не от кого-либо другого.

Марго выжидающе смотрела на мать.

— Мсье де Гиз женился. Свадьба состоялась несколько дней назад.

Марго вздрогнула.

— Но... это невозможно.

— Увы, это так, дочь моя.

— На ком?..

— На вашей подруге... на Екатерине... принцессе де Клеве.

Марго была ошеломлена. Этого не могло быть. После всего, что происходило между ними, после всех их протестов? Нет! Она полностью доверяла Генриху, а он сказал, что не женится ни на ком, кроме нее.

— Дитя мое, вижу, как потрясла вас эта новость. Мне известны ваши чувства к этому молодому человеку — конечно, их не назовешь чувствами, и, боюсь, именно они завели вас в эту постель. Однако мсье де Гиз знает, когда нужно подчиниться воле своего славного рода, — как и вы знаете, что должны повиноваться воле вашей семьи, — вот почему он и женился на этой особе. Кстати, я не заметила, что он разочарован в ней. Она привлекательна и так же без ума от него, как... как другие.

Марго лежала неподвижно.

— Теперь, дочь моя, — сказала Екатерина, — если вы не хотите, чтобы весь двор смеялся над вами, то не должны показывать своих чувств. К сожалению, вы позволили одурачить себя. Вы слишком поспешно сдались мсье де Гизу. Теперь вам нужно проявить гордость. Когда вы сегодня вечером предстанете перед двором, то не забывайте, что вы — принцесса Франции. Нельзя прощать неверных любовников.

После ухода матери Марго позвала служанок. Правда ли, спросила она, что мсье де Гиз женился? И почему они не сказали ей об этом?

Они потупились. Они не смели говорить. Марго кричала на них; она была в ярости, но слез у нее не было.

Она велела одеть ее в лучший наряд и подать самые изысканные украшения; за последние дни она похудела, но от этого была ничуть не менее привлекательна. Гнев и

затаенная обида придали только новый блеск ее своеобразной красоте.

Вечером она пленяла всех своей красотой и весельем; мать одобрительно улыбалась ей.

Екатерина понимала — как понимала и Марго, — что все самые лукавые взгляды в этот вечер были направлены на нее. Все придворные ожидали удовольствия, которое сулила им неизбежная стычка между принцессой и герцогом.

Его супругу Марго приняла спокойно; она сделала комплимент ее наряду и поздравила ее с браком. Екатерину де Клеве немного испугали вспыхнувшие глаза принцессы Валуа, но она была так счастлива своим браком с человеком, которого давно любила, что не могла обеспокоиться, даже если Марго ненавидела ее.

Марго беззаботно кокетничала — то с одним знатным придворным, то с другим. Все те ее загадочные и вызывающие взгляды, которые до сих пор предназначались одному Генриху де Гизу, теперь рсточались налево и направо.

Она обворожила их — ибо Марго была изумительно чувственна; это сознание собственной привлекательности, желание плотской любви, обещание того, что только она одна могла дать, — все это было неотразимо для них.

Марго знала, что Генрих де Гиз наблюдает за ней; его внимание радовало ее, потому что все это представление затевалось для него. Она отчаянно пыталась поселить ненависть там, где еще недавно жила любовь.

Во время одного танца он оказался достаточно близко от нее.

— Марго, я должен поговорить с вами, — тихо произнес он.

Она отвернула голову в другую сторону.

— Дорогая моя, если бы вы знали, как много мне нужно сказать вам!

Она пожала плечами.

— У меня нет никакого желания разговаривать с вами.

— Марго, мне нужно хотя бы пять минут побыть с вами наедине.

— Я не хочу разговаривать с вами.

— Я буду ждать в самой дальней из тех зеленых аллей. На нашем старом месте... вы его помните?

— Можете ждать, мне все равно.

Но ее голос задрожал; она слышала, как что-то всхлипнуло у нее в горле.

— Через полчаса, — умолял он.

Она боялась, что голос вновь подведет ее, и поэтому вновь отвернулась и пожала плечами.

— Я буду ждать, — сказал он. — Если нужно, то я простою там всю ночь.

— Стойте хоть до утра, если вам это нужно.

— Марго... — не сдавался он, но звук ее имени в его устах был уже невыносим для Марго. Она отошла от него.

Его слова все еще звучали в ее ушах. Он сказал, что будет ждать. Но могла ли она доверять ему? Он говорил и то, что женится на ней и что ничто не сможет помешать их свадьбе — и всего лишь через несколько дней после той восхитительной ночи, что они провели вдвоем, женился на принцессе Клеве.

Ей нужно было пойти и посмотреть, ждет ли он. Я его ненавижу, говорила она себе, и только хочу убедиться в том, что он действительно ждет.

Она увидела его сразу — высокую, знакомую фигуру самого красивого мужчины французского королевского двора. Он двинулся ей навстречу.

— Марго, любимая, я знал, что вы придете.

Она не подала ему рук; она боялась позволить ему прикоснуться к себе. Она знала свою слабость; ее желание, она знала, было сильнее, чем гордость.

— Ну, изменник, — сказала она, — что вам еще нужно?

— Обнять вас, любимая моя.

— Стыдитесь! Женатый мужчина!.. Ведь вы всего неделю как женаты, не правда ли?

— Марго, так должно было быть.

— Разумеется. Вы клялись жениться на мне, а женились на Екатерине де Клеве. Желаю вам счастья с ней — с этой жеманной страхолюдиной. Могли бы уж по крайней мере выбрать кого-нибудь получше.

Он схватил ее за плечи, но она тут же высвободилась.

— Вы еще не видите, что я вас теперь ненавижу? Вы не понимаете, как оскорбили меня... как унизили... как предали меня?

— Вы любили меня, — сказал он, — точно так же, как я любил вас.

— О нет, мсье, — горько усмехнулась она. — Я любила вас совсем не так, как вы меня. Я бы никогда не отрекалась от своей любви. Я бы лучше встретила смерть.

— Марго, вы бы страдали гораздо больше, если бы меня уже не было в живых. Тогда бы у вас не было даже такого удовольствия, какое вы получаете сейчас, терзая меня. Они готовили мою смерть — ваша мать и ваши братья. Моя семья пришла к выводу, что я смогу спастись, только если женюсь на Екатерине. Дорогая, для нас еще не все кончено. Сейчас вы со мной, а я с вами. Это не то, о чем вы мечтали, но мы все еще можем встречаться и вспоминать то счастье, которое дарили друг другу.

— Как вы смеете! — воскликнула она. — Как вы смеете! Не забывайте, когда разговариваете с принцессой Франции.

— Я могу забыть обо всем, но не о том, что люблю вас и что без вас в моей жизни не будет ни одного счастливо-го мгновения.

— Тогда не забывайте и еще кое-чего: я ненавижу вас. Я проклинаю и презираю вас. Больше никогда не пытайтесь заговорить со мной. И не пытайтесь делать мне своих отвратительных предложений. Я была душой, когда поверила вам, но уж не думаете ли, что я не найду других мужчин, которые будут по-настоящему любить меня? Не надейтесь, что сможете оставить меня... предать меня... чтобы потом, когда вы снова решите поиграть со мной, я прибежала бы к вам... как побитая собачка!

Она повернулась и побежала к дворцу.

В тот вечер она танцевала больше, чем на любом другом балу. Ее глаза обещали многое и многим, и очень многим она вскружила голову; однако после того, как за ней затворилась дверь ее покоев и служанки раздели свою госпожу, она легла на постель и громко зарыдала.

Она плакала долго, но наконец замолчала и осталась лежать, уткнувшись носом в подушку; а когда наутро служанки пришли будить ее, то обнаружили, что она вся пылает жаром, не замечает их, а только смотрит в потолок

слезящимися, стеклянными глазами; у нее была сильная лихорадка.

Екатерина и король были довольны тем, во что обернулась любовная связь Марго и Генриха де Гиза; кардинал Лотарингский и его семья полагали, что вовремя выпутались из опасной ситуации; Генрих де Гиз погрузился в глубокую меланхолию, которая не прошла бы до тех пор, пока принцесса Марго вновь не стала его любовницей. Однако сама принцесса слегла — и ей было все равно, грозила ли ей смерть. Она тяжело болела и страдала от того безразличия к жизни, которое зовется разбитым сердцем.

Екатерина слегла после переезда в Мец. Она знала, что никто не ожидал увидеть ее оправившейся от болезни. Она почти улыбалась, когда замечала надежду в их лицах. Едва ли можно было найти человека, которого опечалила бы ее смерть.

Лежа в постели, она смутно узнавала окружающих; она не понимала, где находится. Временами ей казалось, что она во дворце Сен-Жермен и что в комнате этажом ниже ее супруг Генрих любит свою любовницу Диану. Порой ей чудилось, будто она едет верхом в лесу под Фонтенбло, а рядом с ней скачет король — король Франциск, ее свекор — и дамы «*Небольшой Компании*».

Затем наступали минуты полного просветления. Тогда она вспоминала, что ее любимый сын Генрих храбро сражается с армией гугенотов, что король Карл, все еще страдавший припадками безумия, скоро должен уступить трон своему брату, который все чаще проявлял качества, необходимые самодержавному монарху. В такие минуты она думала о том, что Марго нужно быстрее выдать замуж. Ее брак с Себастьяном расстроился, когда Филипп пожелал женить его на одной из своих родственниц; однако Марго все равно нужно сбыть с рук, потому что она была испорченной, распутной девчонкой. Она завела себе другого любовника, и теперь о ней передавали немало скандальных историй; кое-кто говорил, что она все еще зарилась на Генриха де Гиза и только ее оскорбленная гордость мешала ей возобновить прежние отношения с ним. Говорили, что нового любовника она завела только для того, чтобы щеголять с ним перед герцогом, и что страсть,

которая тлела между ними, скоро может вспыхнуть с новой силой. Екатерине нужно было найти супруга для Марго — и кто же еще мог подойти на эту роль, как не юноша, которого ее отец обещал ей чуть ли не в ту пору, когда они оба были младенцами? Генрих Наваррский! Итак, его следовало вызвать ко двору. Распутный, как Марго, он составил бы с ней неплохую парочку. Пускай себе женятся. Они должны вполне удовлетворить друг друга — если вообще удовлетворение достижимо хотя бы для одного из них.

Марго станет королевой Наварры. Лучшего титула она недостойна. Екатерина решила, что начнет переговоры, как только поднимется с постели. Когда юный принц окажется при дворе, его нетрудно будет обратить в католичество, пусть даже мать учила его другой вере. Екатерина с нетерпением ожидала новых столкновений с Жанной Наваррской.

От принца Наварры мысли Екатерины перекинулись на другого Генриха, ее бесценного сына. Она знала, что где-то возле Жарнака Колиньи и Конде вдвоем противостояли ее любимцу. К одному из них троих — к Конде — Екатерина была более чем равнодушна. В свое время ей нравилось быть с ним и позволять ему целовать свою руку. Но сейчас эти воспоминания были лишним, ненужным грузом. И разве она одна отрекалась от любви, когда шла битва за власть?

Что в эти минуты происходит там, в Жарнаке? За окном уже рассвет — значит, скоро начнется сражение. Холодный пот струился по всему ее телу; ей было страшно.

Ей захотелось позвать Космо или Лоренцо Руджери. Но она была уже не здесь, не в пахнувших лекарствами покоях замка Мец — потому что чувствовала дыхание свежего ветра, обдувающего ее лицо. Внезапно послышался голос ее сына Генриха; тот молился; затем обратился к слугам — и тут она поняла, что находится на поле битвы под Жарнаком.

«Конде... Конде... Конде...»

Прохладный ветер явственно доносил до нее это имя.

«Прежде чем ночь падет на землю, Конде должен быть убит».

Екатерина зашевелила губами. Нет, только не Конде...

не этот галантный жизнерадостный принц. Она не хотела, чтобы он стал ее любовником — но он был так обаятелен, так красив!

Теперь она слышала голос и самого Конде. Он говорил со своими воинами; она уловила нотку фанатизма, который в последнее время замечала во многих людях. «Луи де Бурбон идет в бой за Христа и его страну».

Должно быть, она сказала что-то вслух, потому что звук собственного голоса вернул ее к действительности.

— Мама, — тихо произнес Карл. — Мама, вам нужен прелат?

Прелат? Итак, близка смерть. Смерть! Что такое смерть? Опять все сначала... борьба за власть в иных сферах?

Затем комната пропала, и она снова очутилась на поле битвы. В лучах утреннего света она отчетливо увидела Конде, стоящего с гордо запрокинутой головой и веселой улыбкой на губах; и вот он внезапно стал падать на спину; она видела, как он лежит на земле и изо рта у него течет кровь.

«Эй, кто-нибудь! — закричала Екатерина. — Сюда! Сюда! Конде погиб. Вот он лежит. Он уже не дышит. Конде... ах, Конде... его больше нет. Но Генрих... мой дорогой Генрих снова одержал победу. Битва закончена. Конде мертв. Колиньи бежал, я видела. Ты победитель, мой дорогой мальчик».

Король повернулся к Марго и сказал:

— Она бредит. Ей кажется, что она на поле битвы. Она больше ни о чем не думает с тех пор, как узнала, что моему брату сегодня предстоит сражение. А вы все-таки позаботьтесь о прелате, сестра.

Марго посмотрела на мать, и в ее взгляде не было ни жалости, ни любви. Из всех чувств в ней жило только страстное желание мужчины, которого она поклялась ненавидеть. Она равнодушно спросила:

— А что, конец уже близок?

В этом никто не был уверен, и все потупились.

Кончина Екатерины де Медичи, кончина этой итальянки! Какие перемены она принесет Франции?

Однако утром Екатерине стало лучше; а когда несколькими днями позже в Мец пришло известие о победе,

одержанной ее сыном, почти все уже думали, что радость за него поможет ей окончательно избавиться от болезни.

Она спокойно дремала, когда Карл, Марго и несколько придворных медленно приблизились к ее постели.

— Мама, — тихо произнес Карл, — сражение закончилось. Генрих вновь одержал победу. Конде убит.

Она открыла глаза и саркастически усмехнулась; она быстро выздоравливала и уже снова могла быть самой собой.

— И вы разбудили меня только для того, чтобы поведать это? — спросила она. — Но разве я не знала? Разве я не говорила вам то же самое... когда все еще только свершалось?

Карл и Марго переглянулись. Марго побледнела. Карл задрожал. Эта женщина, их мать, не была ни обыкновенной женщиной, ни обыкновенной королевой; ей были даны какие-то странные силы, которых не было у других.

Стоило ли удивляться тому, что она умела внушать им такой страх, какого они не испытывали ни перед одним другим из живущих на этом свете.

После известия о победе под Жарнаком король, ревновавший к брату больше, чем к кому-либо, впал в уныние. «Теперь моя мать будет еще больше превозносить его, — сказал он своей малютке Марии. — Ей не терпится увидеть его на троне. Ох, как я боюсь ее. Она не из обычных женщин. Чего ни пожелает, то обязательно свершится. Сейчас она хочет, чтобы я умер, и ведь говорят, если она хочет, чтобы кто-нибудь умер, то его можно считать покойником».

Мария нежно обняла короля и заверила в том, что это все не так. Он должен быть спокоен и не должен думать о смерти. Ему не нужно забывать, что он — король.

Карл пытался не забывать об этом, но все равно ненавидел брата и боялся матери.

А между тем у Екатерины были свои проблемы. Она полностью оправилась от болезни, но теперь ее донимал испанский посланник Альва; он не переставал упрекать ее. Она не выполнила своих обещаний; она была слишком терпима к гугенотам. Его католическое Величество был недоволен королевой-матерью.

— Милорд, — изображая отчаяние, однажды сказала Екатерине, — что я могу поделаться? У меня нет прежней власти. Вот мои сыновья — они постепенно становятся мужчинами, — а что я? Я всего лишь слабая пожилая женщина.

— Мадам, ваши сыновья во всем подчиняются вам, и это именно вы дали Колиньи время, чтобы он мог вновь собрать армию.

— Но, милорд, что мне делать, *что*? Я добрая католичка, как и вы... и как ваш хозяин... но что я могу поделаться?

— Не забыли ли вы, мадам, о чем мы с вами говорили в Байонне?

— Умоляю вас, ни слова об этом! Такие планы ничего не стоят, если слухи о них приходят из-за границы.

— Он должен быть выполнен — и как можно скорее! Убейте их предводителей... всех до единого. Колиньи должен умереть. Королева Наварры должна умереть. Им больше нельзя позволить оставаться в живых. У вас известная репутация в искусстве убирать людей. Почему вы до сих пор оставляете в живых эту опаснейшую парочку, которая угрожает вам и вашему трону?

— Милорд, Колиньи не здесь. Он в своем лагере. Королева Наварры сюда не приедет, даже если я очень попрошу ее об этом. Но я расправилась с двумя братьями Колиньи — Одетом и Анделотом, — причем последний умер, находясь в Англии. Разве не тонко было это сработано? Он скоропостижно скончался, едва приехав в эту суровую страну. От чего — очень немногие знают. У меня были люди в его свите.

— Это была чистая работа. Но какая польза в охоте на мелюзгу, когда плавают акулы?

— Будет у вас и акула, дайте только время.

— Его католическое Величество желал бы спросить, сколько времени вам может понадобиться. И не успеет ли между тем ваше королевство распасться на части?

Она приблизила губы к уху испанского посланника.

— Скоро сюда ненадолго заедет мой сын Генрих. Я дам ему кое-что... нечто такое, что только я одна сумею приготовить. Он передаст это своим шпионам в лагере адмирала, и вот тогда, дорогой мой друг, вы очень скоро в последний раз услышите об адмирале Колиньи.

— Хочется верить, мадам.

После этого и второго разговора с Генрихом Екатерина стала ждать известия о смерти адмирала. Она дала сыну один очень редкий яд, который начинал действовать только через несколько дней после применения. В заговор был вовлечен капитан гвардии ее сына, который был на короткой ноге с камердинером Колиньи. Нужен был только достаточно солидный подкуп — и дело было бы сделано.

Теперь она ждала одного из своих загадочных видений. Она желала увидеть смерть Колиньи, как видела смерть Конде. Однако ее ожидания были тщетны.

Позже она узнала, что заговор был раскрыт.

Колиньи пользовался слишком большой популярностью; убрать такого человека было непросто.

Екатерина начала побаиваться Колиньи. Она не понимала его. Он сражался с какой-то спокойной и непреклонной решимостью, он притягивал к себе. Он обладал какими-то качествами, которые выходили за пределы понимания Екатерины; вот почему она вскоре пожелала заключить с ним мир. Так она подписала мирный договор в Сен-Жермене, условия которого предусматривали выполнение очень многих требований адмирала. Ей пришлось признать свободу вероисповедания в тех городах, что уже были протестантскими; там протестанты должны были допускаться на службу наравне с католиками; кроме того, Колиньи получил в полное распоряжение четыре города, которые могли гарантировать его безопасность от католической армии, — Монтанбан и Коньяк стали его бастионами на юге. Ля Шарите защищал протестантов в центре, а Ля-Рошель давал им выход к морю.

Гугеноты временно приутихли, и Екатерина смогла заняться семейными проблемами.

Переговоры о браке Карла с Елизаветой Английской закончились неудачей, и Екатерина, не оставившая мысли связать брачными узами эту коронованную рыжую девушку и одного из своих сыновей, решила женить Карла на Елизавете Австрийской.

Карл изучил портреты своей будущей невесты и остался доволен ее блеклой красотой и смиренным выражением лица.

— Полагаю, она будет причинять мне мало тревог.

Екатерине его брак тоже не причинил многих тревог. Теперь уже не осталось сомнений в том, что Карл никогда не сможет произвести потомство. К тому же супружество и его обязанности едва ли были способны продлить жизнь такого неуравновешенного истерика, как ее сын. Посему в пасмурный ноябрьский день года 1570-го король Франции Карл Девятый женился на Елизавете Австрийской.

Почти в то же самое время в городе Ля-Рошель должна была состояться другая свадьба. Готовясь к этой торжественной церемонии, Жанна Наваррская с дружеской завистью думала о своем верном друге Гаспаре Колиньи и молилась о том, чтобы ему было дано все счастье, которое он заслуживал. Впрочем, она не допускала такой мысли, будто его жизнь могла сложиться как-то иначе. Его первый брак был бы идеален во всем, если бы не смерть супруги, потерю которой Колиньи переживал так, как только позволяло его великое призвание; Жанна знала, что будущее Франции значило для адмирала гораздо больше, чем личное горе и его семья.

Его молодая и красивая невеста относилась к нему с тем глубоким и искренним уважением, которое он привык видеть в своей супруге; такое уважение он, казалось, внушал многим людям.

Она приехала из Савойи, эта Жаклин д'Етрмон; вдова, обладавшая немалым состоянием, она много лет была пылкой поклонницей Колиньи. Для нее он был героем, как был им для многих гугенотов; Жанне она сказала, что уже давно следила за всеми успехами и неудачами адмирала и с каждым днем укреплялась в желании служить ему. Услышав о смерти супруга, она решила разделить с ним эту участь и наперекор желаниям семьи и герцога Савойского последовала в Ля-Рошель. Здесь она впервые встретила адмирала, и так велика была ее любовь, что он недолго мог оставаться равнодушным и через некоторое время ответил взаимностью.

— Да благословит Господь их обоих, — молилась Жанна. Сама она уже приближалась к старости; недавно ей ис-

полнилось сорок лет. Она не должна была позволять себе такие глупости, как зависть к счастью своего друга.

В последовавшие недели Жанна не переставала радоваться счастью новой супружеской пары. С Жаклин она подружилась почти так же, как в свое время подружилась с Элеонорой Конде.

Затем пришли письма из французского королевского двора.

Особа, которая написала их, представлялась как женщина, озабоченная благом своей страны. Сейчас, когда на этой исстрадавшейся земле установлен мир, она нуждалась в таком великом человеке, как Колиньи, который один был способен помочь ей и ее сыну управлять Францией. Она желала укрепить мир, стоивший ей немалых трудов, и поэтому в Блуа было бы желательно присутствие адмирала. Королеве-матери удалось добиться того, чтобы испанского посланника Альву отозвали назад в Испанию, а значит, предводитель гугенотов не будет испытывать неудобств от встреч с эмиссаром короля Филиппа. Не соблаговолит ли Колиньи прибыть ко двору, чтобы помочь слабой несчастной женщине? Не выручит ли он ее добрым советом, столь необходимым в это трудное для Франции время?

Колиньи ликовал. Приглашение ко двору, куда он вот уже десять лет не имел доступа! Какие свершения оказались бы ему не под силу, если бы поблизости всегда были уши короля и королевы-матери? Он уже начал мечтать о войне с Испанией, о расширении границ Французской Империи!

Когда он рассказал об этих письмах Жанне и Жаклин, обе женщины ужаснулись. Жанна не преминула напомнить ему о другом таком же случае — когда ко двору был вызван Антуан.

— Это ловушка! — убежденно воскликнула она. — Неужели вы не узнаете обычных ловких уловок королевы-матери?

— Мой дорогой супруг, умоляю вас, будьте осторожны, — поддержала ее Жаклин. — Не попадитесь на эту приманку. Вас хотят убить. Вспомните, какой гнусный заговор был совсем недавно подстроен против вас... вас хотели отравить в вашем же лагере!

— Жаклин, это шанс, который нельзя упустить.

— Шанс, которым ваши враги воспользуются, чтобы убить вас? — спросила Жанна.

— Шанс вовлечь правителей нашей страны в движение гугенотов! Шанс утвердить реформацию во Франции! Это подарок, посланный самим Небом! Я должен ехать.

Наконец они поняли, что отговаривать его бесполезно. Жаклин уныло поплелась отдавать распоряжения об отъезде. Жанна чувствовала досаду; казалось, никто, кроме нее, не видел истинного лица королевы-матери. Вне всяких сомнений, за попыткой отравить Колиньи стояла Екатерина. Какие новые замыслы злодейства зрели сейчас в ее голове?

Оставалось только ждать дальнейших событий; Жанна стала еще чаще молиться за жизнь Колиньи.

С отрядом в двести пятьдесят человек адмирал выехал в Блуа. Его спутники тревожно и хмуро вглядывались в даль, куда уводила лежавшая перед ними дорога. Как и всем горожанам Ля-Рошеля, им казалось, что они совершали большую глупость, направляясь прямо в ловушку, которую враги, вероятно, приготовили для них. Колиньи пытался рассеять их страхи. К чему, сказал он, всюду видеть только козни и злодеяния недругов? Если они столкнутся с обманом, то будут защищаться, но до тех пор они должны доверять сложившимся обстоятельствам.

Когда они прибыли в замок, их никто не встретил, что было довольно зловещим предзнаменованием. Колиньи позвал слугу, который появился во дворе, и попросил доложить о его приезде.

Наконец его провели к Екатерине. Там был и Карл. Колиньи преклонил колени перед королем, но тот попросил его встать на ноги. Затем он тепло обнял адмирала и поднял глаза на его суровое красиво лицо.

— Рад видеть вас, отец мой, — вспомнив свою старую форму обращения к нему, сказал Карл. — Теперь-то уж мы вас никуда не отпустим.

Трудно было бы ошибиться в дружелюбии молодого короля; он всегда испытывал привязанность к адмиралу. Екатерина пристально следила за их встречах. Она поздоровалась с адмиралом и приветливо улыбнулась; ее улыбку Колиньи не мог не принять за чистую монету.

Они втроем шли в покои Генриха Валуа, герцога Анжуйского.

Генрих лежал на постели; как объяснила Екатерина, ему нездоровилось и потому он не мог с положенными церемониями принять адмирала. Он был облачен в наряд из розового шелка; на шее сверкало драгоценное ожерелье, камни которого были подобраны в тон с серьгами. Комната скорее походила на комнату, занимаемую какой-нибудь женщиной; в воздухе витал запах мускуса. В изголовье постели сидели два его фаворита, очень красивые юноши, одетые в изношенные наряды; их лица были накрашены, а волосы искусно завиты. Они поклонились королю и королеве-матери, а на Колиньи только неприязненно покосились.

Генрих вяло и без малейших притязаний на искренность сказал, что рад видеть адмирала при дворе. Его, он полагал, должны были простить за то, что он оставался в постели. Ему очень нездоровилось.

Колиньи не терял надежды.

Однако в тот же вечер, выйдя из своих апартаментов и намереваясь спуститься в гостиный зал дворца, он лицом к лицу столкнулся с герцогом де Монпансье. Колиньи знал герцога как человека чести и убежденного католика. Монпансье никогда не делал секрета из своей ненависти к гугенотам, но его ненависть к предательству была известна не меньше.

— Мсье, — прошептал Монпансье, — вы безумец! Как могли вы быть настолько безрассудны, что решили заявиться сюда? Вы что, не имеете ни малейшего представления о людях, с которыми вступаете в дела? Должно быть, так и есть, мсье, если вы в одиночку ходите по таким темным коридорам.

Колиньи сказал:

— Я нахожусь под защитой короля. Король обещал мне безопасность, мсье.

Монпансье приблизил губы почти к самому уху адмирала.

— Вы не знаете, простак вы доверчивый, что король не распоряжается в своем доме? Советую вам быть настороже, мсье Колиньи.

Продолжая спускаться в зал, Колиньи думал, что в сло-

вах Монпансье могла быть большая доля правды; однако дело гугенотов ему дороже, чем собственная жизнь.

Король был доволен тем, что Колиньи находился при дворе.

— Хотел бы я быть таким человеком, — сказал он Марии. — Он не знает, что такое страх. Ему неважно, что его на каждом шагу караулят убийцы. Он бы и сам охотно принял смерть... если бы вдруг узнал, что такова воля Господа. Вот бы мне быть таким же, как Колиньи!

— Я люблю вас таким, какой вы есть, сир.

Он засмеялся и обнял ее.

— Не думаю, что гугеноты так уж плохи, как о них говорят, — помолчав, продолжил он. — Колиньи гугенот, а ведь он самый благородный из всех известных мне людей! Амбруаз Паре — самый лучший хирург Франции, и он тоже гугенот. Я спросил у него: «Мсье Паре, вы лечите всех людей или только гугенотов? А если вы оперируете католиков, то не дрожит ли иной раз ваша рука? Не делаете ли вы тогда что-нибудь такое, чего не сделали бы с вашим единоверцем?» А он мне ответил: «Сир, когда я держу в руке нож, то не думаю о вероисповедании моего больного, а думаю только о том, к чему призывает меня моя профессия». Тогда я сказал ему: «Мсье Паре, то и другое отличает вас от большинства французов, которых я вижу вокруг себя». Да, Мария, он и Колиньи не похожи на всех других, и я очень хотел бы быть такими, как они.

Дружба Карла и Колиньи крепла с каждым днем. Король пользовался любым предлогом, чтобы не отпускать адмирала от себя. Колиньи рассказал ему о своих планах объединения Франции, владения которой, по его мнению, должны были включать в себя и Нидерланды. «Нидерланды тогда зажили бы мирной жизнью, сир, — говорил он, — а если бы мы после этого провели удачную военную кампанию в Испании, то могли бы водрузить французский флаг над Испанской Индией. У нас была бы могучая империя — империя, в которой каждый мог бы придерживаться того вероисповедания, которое ему больше нравится».

Король слушал и хлопал в ладоши от восторга. Вскоре он начал делать значительные уступки гугенотам. Были казнены несколько зачинщиков резни протестантов в Ру-

ане. Присутствие в Лувре адмирала Колиньи становилось все более ощутимым. В католическом Париже назревали волнения: Гизы, державшиеся вдалеке от двора, строили планы устранения неугодного адмирала.

Екатерина тоже внимательно следила за растущей привязанностью короля к Колиньи, однако при этом она не испытывала никакого беспокойства.

Юный безумец Карл был ее творением; его наставники, все еще трудившиеся над поставленной им задачей, были ее творениями; и она не думала, что какой-либо человек — даже такой, как Колиньи, — смог бы в несколько месяцев переделать то, на что у нее ушли целые годы. Она желала держать Колиньи при дворе. Она все еще ненавидела его, но уже не желала ему немедленной смерти; она не доверяла ему, не спускала с него глаз, но сейчас он был нужен ей живым. Ей нравилась его мысль о войне с Испанией. Колиньи был великим военачальником, и он мог одержать победу над Филиппом. Война с Испанией! Триумф над мадридским тираном! О, она слишком давно мечтала вырваться из-под его власти. Второй причиной, не позволявшей ей избавиться от строптивного адмирала, было ее сравнительно новое — новое для нее самой — желание выдать Марго за Генриха Наваррского. Если бы Колиньи вновь оказался высланным из Парижа, то как бы она смогла когда-либо заманить сюда Жанну и ее сына? Нет! Пока не состоялся брак ее дочери и сына Жанны Наваррской, она будет оказывать прежние почести адмиралу Колиньи.

Эта возня с Колиньи уже порядком надоела ее сыну Генриху. В какой-то мере она могла понять его. Еще недавно он с оружием в руках воевал с этим человеком, а теперь видел, как она принимает его во дворце, видел, как она заигрывает с ним и сделала его наперсником короля. Тем не менее Екатерине приходилось признавать и то, что сын, которого она любила и ценила больше всех остальных детей, не уважает и не соглашается выполнять волю своей матери. В ответ на ее увещания он только мрачнел и продолжал демонстрировать явную враждебность адмиралу.

Итак, она была вынуждена следить за Генрихом; она должна была шпионить за своим любимцем; и она снова

была права, потому что обнаружила его тайную связь с Гизами, которые сейчас находились в Труа. Гизы не делали секрета из своего желания покончить с Колиньи; тот не только был предводителем гугенотов, но еще и оставался в их глазах убийцей герцога Франциска, за смерть которого они поклялись отомстить.

Екатерина не могла безучастно относиться к тому, что Генрих вступил в заговор с Гизами, не посоветовавшись с ней. Она пошла к сыну и с глазу на глаз заметила ему, что ей многое известно о замыслах Лотарингского дома.

Генрих был изумлен; однако он улыбнулся и, взяв руку матери, галантно поцеловал ее.

— Я забыл о том, как вы умны, моя матушка.

Екатерина покраснела от удовольствия.

— Дорогой мой, если я умна, то это только благодаря моей любви к вам. Мой долг состоит в том, чтобы блюсти ваши интересы. Что это за план?

— Но ведь вы и сами знаете.

— Все равно расскажите. Я хочу проверить свои сведения.

— В армии будут проводиться учения. Для нас в Сен-Клоде уже возводится небольшой форт. Я буду оборонять его, и мы хотим построить дело так, чтобы атакующих повел Колиньи. Все должно начаться как простой учебный бой. Но так все должно только начаться; потом мы внезапно превратим показательный бой в показательную расправу. В нужный момент мы откроем огонь на поражение. Мы убьем их всех... всех гугенотов до единого. Ну, что вы на это скажете?

Она посмотрела на его вспыхнувшее лицо, на его сжатые губы. Нет, ей не понравился этот план, но она не могла высказать своего мнения — если бы она сделала это, он бы заподозрил ее в противодействии ему, и они бы поссорились. Она не могла рисковать своими отношениями с ним и поэтому поцеловала его, похвалила новые украшения, которые заметила на нем, и сказала, что план очень хорош, но ему, Генриху, нужно будет проявлять особую осторожность и беречь себя; в последних словах она, по крайней мере, была искренней.

Затем она пошла в королевские покои и, удалив из них

прислугу, рассказала Карлу о заговоре, в котором участвовал его брат.

Карл онемел от ужаса. На его губах выступила пена, глаза грозили вылезти из орбит.

— Дорогой мой, — ласково проговорила Екатерина, — иной раз вы излишне ревнуете к своему брату. Вы думаете, что я забочусь о нем больше, чем о вас. Когда в следующий раз вам в голову придут такие глупые мысли, вспомните о том, что я вам скажу: я знаю, как вы любите адмирала; знаю, как вы восхищаетесь этим человеком; и поэтому я выдаю вам заговор вашего брата, чтобы вы могли расстроить его замысел и спасти жизнь вашего друга.

Карл сначала задрожал, а потом затрясся всем телом.

— Впредь вы не будете думать, что вами пренебрегают. Я люблю всех моих детей. Мне не нужно ничего, кроме их блага. Но вы, сын мой, для меня больше, чем ребенок, — вы мой король.

— О, мама! — с трудом проговорил он. — Мама!

Он зарыдал.

Она обняла его, и он воскликнул:

— Я велю арестовать Генриха! Я брошу его в темницу!

— Нет-нет, дорогой мой. Этого ни в коем случае нельзя делать. Вам нужно повести себя спокойно и осторожно. Вы должны проявить мудрость. Дождитесь, когда они достроят свой форт в Сен-Клоде, а потом прикажите его разрушить. Вы можете сказать, что вам надоели все эти шуточные бои и что вы сами придумаете какое-нибудь представление... что-нибудь на ваш собственный вкус. Вот это будет умно. Пока будут идти их приготовления, они не будут строить никаких других планов, а это значит, что вы сможете быть уверенным в полной безопасности адмирала.

Карл схватил ее руку и поцеловал. Екатерина вздохнула с облегчением. Она вернулась в свои покои и написала Елизавете Английской письмо, в котором предлагала ей партию со своим младшим сыном Эрколе; написала она и Жанне Наваррской, которой сообщила о партии, давным-давно устроенной королем Генрихом Вторым для ее сына и дочери Екатерины. Она торопила Жанну при-

ехать ко двору и привезти с собой инкогнито Генриха Наваррского.

До чего же утомительной была эта возня со строптивыми вольнодумцами, какими оказались ее дети!

— Что? — воскликнул капризный маленький Эркюль, герцог Алансонский. — Вы хотите женить меня на этой английской деве? Да она годится мне в матери!

— Она достаточно богата для того, чтобы быть вашей супругой.

— Никогда! Мне не нужен английский трон.

— Вам придется образумиться, чадо мое.

— Мадам, я бы попросил вас еще раз подумать о вашем предложении.

— Я уже все обдумала. Мне кажется, у вас нет другого выхода.

Он был капризным маленьким интриганом. Ей пришлось отвезти его в Амбуа и держать там в качестве узника. Никто не мог предвидеть, что выкинул бы этот своевольный упрямец, чтобы расстроить свой брак с непорочной английской девой.

Затем Екатерина взялась за дочь.

Когда она приняла Марго в своих покоях и сказала, кто должен стать ее супругом, в глазах дочери застыли презрение и ужас.

— Мне... выйти за Генриха Наваррского! За этого неотесанного болвана!

— Дочь моя, не каждая принцесса имеет возможность стать королевой.

— Да, но... королевой Наварры!

— Ваша двоюродная бабка была очень красивой и очень чинной женщиной — самой блестящей и образованной дамой своего времени, — но она не гнушалась этого титула.

— А я гнушаюсь его.

— Думаю, вы свыкнитесь с ним.

— Никогда не свыкнусь.

— Когда вы возобновите знакомство с вашим давним другом, вы полюбите его и его имя.

— Он никогда не был моим другом, и я никогда не люблю его. Он мне отвратителен. В жизни не видела более грубого волокиты.

— Ну, вот видите, моя дорогая дочь! В ваших вкусах есть много общего.

Марго смогла победить свой страх перед матерью и храбро выпалила:

— Мне не дали выйти за единственного мужчину, которого я желала видеть своим супругом. Поэтому я вправе сама выбрать себе мужа.

— Не будьте так глупы, — сказала Екатерина. — Думаете, я буду терпеть ваши дерзости?

— Я католичка. Как я могу выйти замуж за гугенота?

— Вполне возможно, мы сделаем из него католика.

— Да? А я подумала, что вам нужно выдать меня именно за гугенота, чтобы сплотить гугенотов и католиков в борьбе против католической Испании.

Екатерина вздохнула.

— Дочь моя, политика страны сможет измениться в любой день. Откуда мне знать, станет Генрих Наваррский гугенотом или католиком? Откуда мне знать, что потребует от него Франция?

— Я ненавижу Генриха Наваррского.

— Вы говорите как несмышленная девчонка, — сказала Екатерина и с этими словами отпустила свою дочь. У нее не было серьезных оснований беспокоиться за ее конечное послушание.

В Ля-Рошель письма прибывали бесконечным потоком. «Дорогая Жанна, — писала Екатерина. — Мне не терпится увидеть вас при дворе. Привозите с собой ваших детей — они мне так же дороги, как мои собственные. Уверяю вас, ни вам, ни им не будет причинено никакого вреда».

Жанна не могла не думать о всех тех годах, которые ее любимый сын провел вдали от нее. Что, если она еще раз позволит заманить ее в ловушку? Не могла она забыть и того, что произошло с Антуаном. До его вызова в Париж он был любящим и верным супругом; они были счастливы вдвоем; затем он обосновался при дворе и не без содействия Екатерины сначала поддался чарам красоты Руэ, а потом предал свою веру. Генрих, ее сын, был молод и тоже равнодушен к женской красоте. Что Екате-

рина сделала с его отцом, то она могла сделать и с ним. Жанна села за стол и написала королеве-матери.

«Мадам, вы говорите, что желаете видеть нас и что не преследуете никаких недобрых намерений. Простите меня, если, читая ваши письма, я иногда посмеиваюсь. Вы пытаетесь рассеять страхи, которых я никогда не испытывала. Я не верю в то, что вы едите маленьких детей... как о вас говорят в народе». Это письмо Екатерина читала и перечитывала.

Они были врагами — королева Наварры и она. Они были врагами с первой минуты знакомства. Екатерина с самого начала испытывала какую-то подсознательную ненависть к этой женщине. Ей всегда становилось не по себе, когда она думала о Жанне. Она желала видеть ее мертвой; ее смерти требовал и герцог Альва; Жанна была опасна, и ее гибель доставила бы удовольствие королю Испании. «Я не верю в то, что вы едите маленьких детей... как говорят в народе». Ну что ж, однажды Жанна узнает, как часто Екатерина оправдывает мнение своих подданных.

Но это дело будущего. Сначала нужно подписать брачное соглашение, а подписать его может только Жанна, которая пока держит в руках судьбу своего сына.

Екатерина полагала, что забросила достаточно крупную наживу и в конце концов Жанна клюнет на нее — брачные узы с домом Валуа не могли не быть заветной мечтой королевы Наваррской.

Однако Жанна упиралась. У нее были религиозные разногласия, писала она.

«Эту тему, мадам, мы должны обсудить при встрече, — отвечала Екатерина. — Не сомневаюсь, мы придем к какому-нибудь приемлемому решению».

«Госпожа, — писала Жанна, — я слышала, что в Блуа обосновался папский легат. Как вы понимаете, я не могу посетить двор, пока при нем находится этот человек».

«В таком случае приезжайте в Амбуа, — настаивала Екатерина. — Дорогая кузина, я встречу вас и буду оберегать вас. Возьмите с собой сына. Мне не терпится обнять его».

По ночам Жанну преследовали кошмары, и в каждом кошмаре фигурировала Екатерина. За ее словами она видела какой-то злой умысел. Той «не терпелось обнять» Ге-

приха. Что, если она задумает отворотить ее сына от матери, окунуть его в распутную жизнь двора, напустить на него своих обольстительных сирен... чтобы те расправились с ним так же, как с его отцом?..

Однако партия с принцессой Франции была слишком хороша. Жанна отгоняла от себя страхи и пыталась взглянуть в туманное будущее. Если, по какому-либо высшему умыслу, сыновья Екатерины умрут, не оставив наследников, то Генрих Наваррский останется довольно близко к трону, а принцесса Валуа подведет его еще ближе.

Наконец Жанна отправилась в путь ко двору. Сына она оставила в Ля-Рошели, а вместо него взяла с собой дочь.

Те две или три недели, что последовали за появлением Жанны при дворе, Екатерина постоянно побуждала ее послать за Генрихом, однако Жанна не поддавалась ни на какие уговоры. Более того, вскоре Жанна сама стала проявлять нетерпение; она не без тревоги обнаружила тот факт, что Екатерина почему-то не желала обсуждать с ней дело, которое привело ее ко двору. Екатерина спокойно улыбалась; казалось, ей доставляло удовольствие видеть замешательство Жанны.

— Вашему сыну придется жить при дворе, — сказала она однажды. — Я не думала, что при этом он сможет по-прежнему придерживаться веры гугенотов.

— Кое-кто здесь придерживается этой веры.

— Если ваш сын будет принадлежать к королевскому дому... и его супруга будет католичкой. По приезде в Беарн Маргарите необходимо посещать мессу.

Жанна была на пороге отчаяния. Прошло немало времени, прежде чем она поняла, что Екатерина, искренне желавшая брака их детей, не могла обойтись без того, чтобы не поддразнить королеву Наварры.

«Не знаю, как я вынесла эти пытки, — писала она сыну. — Меня не допускают ни к кому, кроме королевы-матери, а ей нравится изводить меня. Изю дня в день она только и делает, что насмехается надо мной. Ох, сын мой, я дрожу при мысли об этом дворе. Здесь еще никогда не было столько распутства. Король в этом не виноват. Его любовница уже давно обжила покои рядом с его собственными, и он довольно рано уходит к себе, ссылаясь на то,

что желает поработать над книгой, которую сейчас пишет; ни для кого не секрет, что это время он проводит у любовницы. Однако остальные не так застенчивы, как он».

У нее состоялась частная беседа с Марго. Марго держалась холодно и надменно.

— Как бы вы отнеслись к тому, чтобы переменить вашу религию? — с надеждой спросила Жанна.

— Я воспитана в католической вере, — сказала принцесса, — и никогда не отрекусь от нее. Даже самый могущественный монарх в мире, — едко добавила она, — не заставит меня предать свою религию.

Жанна вспыхнула:

— Мне говорили по-другому. Кажется, я зря приехала ко двору.

При дворе Жанна на каждом шагу встречалась с фальшью и лицемерием. Здесь никто не говорил того, что думал. Искренности не было ни в ком. Все эти люди казались ей подозрительными, потому что они улыбались и под своими улыбками таили смертельный яд.

Колиньи ничем не мог помочь ей. Он был одержим своей дружбой с королем, своими планами покорения Испании и укрепления протестантской веры. Жанна чувствовала, он слишком обольщался своими надеждами.

Вволю изводя Жанну разговорами, Екатерина не переставала следить за тем, что происходило за пределами двора. Ее беспокоила норовистость Гизов. Они не хотели забывать того, что Колиньи в их глазах был убийцей герцога Франциска и что в свое время они желали женить Марго на герцоге Генрихе.

Сейчас Гизы вступили в заговор с Испанией. «Вот проклятая семейка!» — думала Екатерина. Вечно они стоят у нее за спиной и затевают все новые козни!

Франция еще не оправилась после гражданской войны; Испания была сильна как никогда. Вот почему Екатерина снова стала испытывать страх перед Филиппом; она знала, что рано или поздно нужно будет сделать ему уступку. О чем он сейчас думал в своем мадридском дворце? Его шпионы по-прежнему пристально следили за ней. Уж они-то наверняка донесли ему, что Колиньи обосновался при дворе и что королева-мать намеревается выдать дочь за того наваррского еретика! Екатерине было очевидно,

что сейчас требуется показать заинтересованность в дружбе с Филиппом.

В конце концов Екатерина решила действовать. Ей нужно было бросить какую-нибудь жертву к ногам испанского короля; она должна была выполнить первую часть договора, который заключила в Байонне с герцогом Альвой.

Разумеется, она никогда не испытывала привязанности к Жанне. Более того, само существование этой женщины означало немалую угрозу для Екатерины. Филипп был бы доволен, если бы королева Наварры больше не вставала ни на чьем пути. Он бы убедился в том, что королева-мать снова идет рядом с ним.

Поэтому, когда она разговаривала с Жанной, ее мысли то и дело устремлялись в будущее. Она пыталась представить себе брачный контракт, узы которого надежно соединят Генриха Наваррского и Марго, а затем — затем кончину Жанны Наваррской.

Руджери? Они были слишком кротки. Для ее намерений больше подходил Рене.

Ей нужно было подписать брачный контракт, связать принцессу по рукам и ногам и сделать ее брак почти неизбежным. Затем она могла бы продолжать готовиться к войне с Испанией, потому что бдительность короля Филиппа была бы усилена смертью женщины, которую он считал своим смертельным врагом.

На этом этапе ей мог бы пригодиться Карл. Его дружба с Колиньи должна была распространяться и на Жанну. Екатерина немало времени провела с королем, объясняя ему ту роль, которая ожидала его.

Наконец, Жанна Наваррская подписала соглашение о браке между ее сыном и принцессой Марго; теперь Екатерина могла приступить к осуществлению своих планов.

Двор переехал в Париж, и вместе с двором в столицу прибыла Жанна Наваррская.

— Пора начинать приготовления к свадьбе, — сказала ей Екатерина, — а в Париже есть все, что вам для этого понадобится. Я отвезу вас к своим собственным портным, галантерейщикам и парфюмерам — все они будут к вашим услугам.

Жанна отогнала от себя дурные предчувствия и согласилась. Колиньи убедил ее в том, что партия гугенотов набрала силу и что, следовательно, предводители гугенотов могли быть полностью уверены в своей безопасности.

Добившись ее согласия, Екатерина облачилась в платье уличной торговли, выскользнула из дворца через тайный ход и с платком на голове вошла в небольшую лавочку, расположенную на набережной напротив Лувра.

Рене сразу узнал ее. На его губах появилась улыбка. Он был доволен тем, что она пришла к нему, а не к братьям Руджери.

Она попросила провести ее в секретную комнату его лавочки, куда и была немедленно сопровождена.

— Мсье Рене, — сняв платок, сказала она, — у меня есть для вас одно поручение. Оно довольно деликатно, а потому я хотела бы заранее знать, что вы возьметесь за него.

— Для меня нет большей чести, госпожа, чем служить Вашему Величеству, — ответил он.

— Не торопитесь, друг мой. Особа, о которой пойдет речь, очень знатна и достаточно влиятельна. — Она вгляделась в его лицо. Оно не дрогнуло. Она продолжила: — Ее смерть должна быть быстрой и неотвратимой. Следовательно, могут возникнуть подозрения. Возможно, будет вскрытие трупа. Я бы не хотела, чтобы вы брались за это дело, не обдумав, чем оно может вам грозить.

— Госпожа, я готов преданно и бесстрашно служить Вашему Величеству.

— Как продвигаются наши эксперименты, мсье Рене?

— Неплохо, госпожа. Я получил вещество, которое без остатка впитывается в поры человеческой кожи.

— Это что-то новое.

— Но это еще не все, госпожа. Мое вещество в течение нескольких дней разлагается в теле жертвы, а кроме того, дает резкий толчок развитию почти любой болезни, какая только может найтись у жертвы. Поэтому если тело вскрыть после смерти, то все выглядит так, будто человек умер от своего прежнего недуга.

— Хм... Весьма любопытно, мсье Рене! А если жертва не страдала этими болезнями, что тогда?

— Смерть все равно наступит, но тогда никто не сможет установить ее видимую причину.

— Что уже само по себе вызовет подозрения. Скажите, а вы уверены в действии вашего чудесного эликсира?

— Я похоронил четырех не очень расторопных служаков, на которых опробовал его.

— Как скоро наступала смерть?

— В течение нескольких дней, госпожа. За исключением одного случая. Она болела язвой. Ее смерть была мгновенной.

— Стало быть, вы уверены в том, что на ваше вещество можно положиться?

— Абсолютно уверен, госпожа.

— Кажется, оно напоминает вашу Аква Тофана.

— Напоминает, госпожа. Но только не оставляет следов.

— Расскажите, как вы его готовите. Вы знаете, такие вещи вызывают у меня интерес.

— О, это очень сложный процесс, госпожа. Видите ли, в нем важен не столько он сам, сколько его подробности... их я записываю в отдельную тетрадь, которую держу в надежном месте... но если вы хотите...

Екатерина засмеялась.

— Ладно, можете не расставаться с вашими секретами. Действительно, почему другие должны пользоваться плодами ваших экспериментов?

— Если бы вы изволили спуститься в мою лабораторию, я бы показал Вашему Величеству некоторые препараты, изготовленные на основе этого вещества.

Екатерина встала и, пройдя за ним по узкому темному коридору, спустилась в помещение, которое раньше служило погребом. Сейчас оно было загромождено множеством лавок со склянками, ящиками с алхимическими приспособлениями и скелетами животных, а на стенах были нарисованы различные кабалистические знаки. Здесь было жарко, потому что в каменном очаге этой комнаты полыхал огонь, дым от которого уходил в трубу, выведенную через потолок.

Рене взял в руки фиал с бледно-зеленой жидкостью.

— Вы видите, госпожа, самый совершенный из всех существующих ядов. Им можно смочить какое-нибудь изделие из ткани — допустим, перчатки; ткань впитает эту жидкость и почти сразу высохнет. Яд будет сохраняться в

ткани до тех пор, пока перчатки не поместят в среду с определенной температурой. Тепло человеческого тела, к примеру, будет способствовать возгонке этого вещества; яд перейдет в свою парообразную форму и проникнет в поры кожи.

Екатерина кивнула. Действие этого яда для нее не было сюрпризом. Ее соотечественники имели репутацию самых умелых и изобретательных изготовителей подобных вещей. Они ревностно хранили свои секреты и предпочитали унести их с собой в могилу, но не доверить никому другому. Екатерина верила словам парфюмера; она многое повидала в жизни и знала, что на ее родине уже давно умели изготавливать яды, действие которых всему остальному миру казалось невероятным.

— Вы не будете забыты, мсье Рене. А теперь слушайте. Эта дама зайдет к вам, чтобы купить перчатки. Вы покажете ей самые лучшие, а те, которые она выберет, незаметно обработаете этой жидкостью. На всякий случай позаботьтесь и о перчатках, в которых она придет к вам. Таким образом, одна из этих пар немедленно окажется надетой на ее руки. Затем найдите способ как-нибудь испортить оставшуюся пару. Не сомневаюсь, при этом вам удастся не вызвать подозрений. Возьмите эти перчатки якобы для починки и убедитесь в том, что она покинет вас в тех перчатках, которые вы обработали. У меня нет никакого желания, чтобы они попали в другие руки.

— Все будет так, как вы сказали, госпожа.

— Очень хорошо. И вот еще что... Я бы хотела, чтобы немного этой жидкости находилось у меня... в моем ночном столике в Блуа.

— Госпожа, это будет небезопасно. Оно еще не совсем приспособлено для хранения. Когда я смогу полностью положиться на него, вся моя коллекция будет в распоряжении Вашего Величества.

Екатерина вяло улыбнулась. Она понимала Рене. Он не желал терять свое исключительное право на открытие.

Королева Наварры лежала в своей комнате. Она не могла понять причину этой слабости, которая так внезапно свалила ее в постель. Весь сегодняшний день она провела лучше, чем обычно, — готовилась к свадьбе, покупа-

ла кое-какие наряды для предстоящих церемоний. Модные вещи не интересовали ее. Ей просто хотелось, чтобы парижане не думали, что у нее нет вкуса.

Она купила новые брыжи и новые перчатки. Екатерина старалась во всем угодить ей; она говорила, куда Жанне лучше пойти, и в некоторые места сама ее сопровождала. В конце концов она зашла в небольшую лавочку, что на набережной напротив Лувра, и там купила пару элегантных перчаток — таких, какие сейчас в моде. Она надела их и в них же вернулась во дворец, потому что старые случайно запачкались краской,

А потом появилась эта странная угнетенность и тошнота. Из-за боли в груди пришлось лечь в постель. Вечером она не смогла присутствовать в дворцовом застолье; в последовавшую ночь ее лихорадило; всеми ее членами постепенно овладевала какая-то мертвящая усталость, к утру они уже не слушались ее. Она едва могла дышать, а эта невыносимая жгучая боль в груди становилась все сильнее и сильнее.

Ее покои во дворце Конде заполнили встревоженные мужчины и женщины, сторонники веры гугенотов. У ее постели побывали лучшие лекари страны, но никто не мог установить природу ее странного недуга. Екатерина прислала своих лекарей. «Умоляю вас, — сказала она им, — не жалейте усилий ради спасения жизни королевы Наваррской. Я не могу представить ничего более ужасного, чем ее смерть накануне свадьбы, о которой мы обе так давно мечтали!»

Жанна просила привести к ней Колиньи. Как ни затуманено было ее меркнувшее сознание, она говорила себе, что ей нужно много передать ему. Она знала, что движению гугенотов грозила опасность; она помнила, что в галерее замка Байонны ее сын подслушал что-то очень важное; однако не помнила, что именно это было.

Она знала, что умирает.

— Никакие ваши молитвы уже не помогут мне, — сказала она. — Я вручаю себя моему Господу и принимаю эту смерть как наказание любящего отца. Я никогда не боялась смерти. Сейчас я опечалена только тем, что должна покинуть своих детей. Они еще слишком малы, и им придется встретить слишком много опасностей.

Она попросила всех перестать плакать.

— Друзья мои, стоит ли из-за меня плакать? — спросила она. — Вы все видели, как мучительны были мои последние годы. Бог сжалился надо мной и призвал меня в лучший из миров.

Сейчас она желала смерти, желала избавления от нестерпимой боли, поселившейся в ее теле. И она все еще думала о своих детях: о своем сыне Генрихе, который так нуждался в ее наставлении на верный путь; о своей дочери Екатерине, которая была так молода. Что станет с ними?

Екатерина должна была вернуться в Беарн. Жанна настаивала на этом.

Затем она впала в беспамятство.

В одну из последних минут ее разум прояснился, и она заговорила о предстоящем браке. Королева-мать, которая стояла возле ее постели, сказала:

— О, моя дорогая кузина! Пусть ничто вас не тревожит там, куда вы уходите от нас. Не беспокойтесь за ваших деток. Я стану им доброй и любящей матерью. По браку ваш сын будет моим сыном... а ваша дочь уже сейчас приходится мне внучкой.

Екатерина приложила губы к влажному лбу Жанны. Она прощалась с женщиной, которую всегда считала своим врагом. Она расставалась со своей ненавистью к ней.

Она торжествовала свою победу.

— Королева Наварры умерла!

Об этом шептались на всех улицах.

— Говорят, она побывала у Рене... у парфюмера королевых-матери. К Рене уже многие так заходили... а потом у них ссыхалась кожа... а потом у них начинали выпадать зубы и волосы... и потом они умирали.

— Королеву Наварры отравили!

Большинство парижан были католиками, следовательно, они должны были считать Жанну Наваррскую своим врагом; и все же им не нравилась мысль о том, что ее заманили в их город и отравили.

Жители Парижа содрогались; они раскрытыми от ужаса глазами смотрели на окна Лувра; они презрительно сплевывали; и одно имя они произносили чаще, чем лю-

бое другое, — имя Екатерины де Медичи, этой ненавистной итальянки. «Итальянка! Итальянка!» — шипели они. Эти итальянцы и итальянки были мастерами преподнести чашу с ядом, и потому само слово в их устах звучало, как «Отравительница!»

Гизы немедленно примчались ко двору.

Королева Наварры умерла. Их давний враг перестал стоять на их пути. Это могло оказаться делом рук королев-матери, которая сыграла злую шутку с этими доверчивыми гугенотами.

Марго видела, как они проскакали во двор Лувра. Впереди был Генрих де Гиз. Он очень похорошел за время своего отсутствия.

Она пыталась держаться. Скоро ее отдадут в жертву этому наваррскому чудовищу; но при мысли о его потных руках она уже не могла превозмочь желания быть с Генрихом де Гизом.

Лекари производили вскрытие тела. Здесь были врачи Екатерины, врачи Жанны и врачи короля, который внял советам Колиньи и настоял на необходимости точно установить причину смерти королевы Наваррской. Если Рене ошибался, думала Екатерина, то Рене пропал, а от него слухи потянутся к королеве-матери. Ее уже сейчас ненавидели. Ну и что? Ей-то какое дело? Пусть ненавидят, куда она правит Францией.

Жанна умерла. Филипп Испанский, должно быть, отпразднует ее смерть. Елизавета Английская услышит эту новость и нахмурится. Колиньи еще долго будет пребывать в своей печали. Генрих Наваррский скоро явится ко двору.

Ей ничто не угрожало — только ненависть и подозрения. Но она уже встречалась с ними, и они не причинили никакого вреда королеве-матери Екатерине де Медичи.

В полуосвещенной комнате любовники лежали, тесно прижавшись друг к другу. Марго тихо плакала.

— Мне всегда будет не хватать вас, Генрих, — сказала она.

Генрих де Гиз внезапно разозлился:

— Как были бы мы счастливы, вы и я! Я никогда не забуду и не прощу того, кто разлучил нас.

— Генрих, я боюсь своей матери, — сказала она.

— Я имел в виду вашего брата. Это он встал между нами. Если бы не он, то в свое время мы бы поженились. Я говорю о вашем брате Генрихе, а не о короле. Он меня боится — ваш брат Генрих. Однажды я убью его... или он убьет меня. Я должен отомстить ему за то, что он сделал нам. И еще я убью Колиньи, чтобы отомстить за своего отца.

— Не говорите о ненависти, когда мы вместе, — сказала Марго.

Затем она вздрогнула и добавила:

— Генрих, как вы думаете, могла моя мать отравить королеву Наварры?

Он не ответил, и в комнате надолго воцарилось молчание. Через некоторое время они уже не вспоминали ни о королеве Наварры, ни о возмездии за их несчастье. Они были вместе, а до этого они слишком долго были друг без друга.

По парижским улицам медленно шла дородная женщина с платком на голове. Вот она приблизилась к группе людей, стоявших возле рынка. Она знала, что они говорят о королеве Наварры.

— Стало быть, у нее все-таки было воспаление легких, — сказала одна женщина.

— Это только так говорят...

Екатерина вступила в разговор:

— Думаете, лекари могут ошибиться?

Она спустила платок на самые глаза и прикрыла рукой подбородок.

— Откуда нам знать, что там натворила эта дьявольская итальянка?

Екатерина рассмеялась.

— Думаете, она умеет поражать своих врагов воспалением легких?

Люди засмеялись вместе с ней.

— Она ведьма. Она умеет варить зелья. Эти итальянцы и итальянки... они знают такие яды, которые не оставляют следов. Не нужно было впускать их в нашу страну.

Екатерина повернулась и пошла прочь. Она думала. Все было так же, как после смерти дофина Франциска, который принял чашу из рук итальянского виночерпия.

Она была встревожена. Ей предстояло внимательно следить за королем. Колиньи оказывал на него слишком большое влияние. Она была вынуждена очень серьезно подумать о мсье Колиньи. Слабым рассудком короля должен повелевать только один человек.

У нее было достаточно сил. Ей предстояло преодолеть все трудности. Она мысленно сравнивала себя с той женщиной, которой была после смерти ее супруга. Тогда ей еще предстояло многому научиться, и кое-чему она научилась. Сейчас она была в самом расцвете сил, она держала в руках власть, с помощью которой могла управлять теми, кто ее любил, и уничтожать тех, кто стоял на ее пути, — и она быстро училась, как пользоваться этой властью.

Королева-мать поправила платок, прикрывавший ее лицо, и не спеша направилась в сторону Лувра.

Перевел с английского М. МАССУР.

Виктория ХОЛТ
ПРОКЛЯТАЯ ОВОЛЬСТИТЕЛЬНИЦА

Художник И. Цыганков

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.03.2004. Формат 84х108 1/32.

Усл. печ. л. 16,8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Тираж 4 000 экз. Заказ № 1885.

ООО «Мир «Искателя», 103013, Москва, ул. Суцевская, д. 21.

Издательская лицензия ИД № 06095 от 19.10.2001

Гигиенический сертификат 77.99.02.953.П.000106.02.04 от 03.02.2004 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА» Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
610033, г. Киров, ул. Московская, д. 122

Телефоны для справок:
(095) 285-3927, 285-6687

ISBN 5-93833-213-3



9 785938 332133

